

ESCUELA 2013

ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

история · теория · практика

3(46)|2025

научно-практический журнал

ПРАВООПОРЯДОК

№ 3⁽⁴⁶⁾
2025

история • теория • практика

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ А. В. Доктор юрид. наук, доцент
Уральский гос. юрид. ун-т, г. Екатеринбург

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

БАЙДЕРИНА Е. А.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД

ВОЛОШИНА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал основан в 2013 г. Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Рег. номер **ПИ № ФС77-87954** от 6 августа 2024 г.
Подписной индекс: **94267 «Урал-Пресс»**

РЕДАКЦИЯ

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <https://правопорядок74.рф>

В журнале отражаются результаты фундаментальных
и прикладных научных исследований, эксперименталь-
ных разработок ведущих ученых и исследователей,
аспирантов и докторантов, а также практический опыт
сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен,
названий и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной и иной собственности
несут авторы публикуемых материалов.

Подписано в печать: 27.08.2025.
Дата выхода в свет: 30.09.2025.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 20,69.
Тираж 150 экз. Заказ № 530.

Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», авторы, 2025.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. Кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции
в отставке (председатель совета).

АГАПОВ П. В. Доктор юридических наук, профессор.

БИРЮКОВ П. Н. Доктор юридических наук, профессор.

БОГДАН В. В. Доктор юридических наук, доцент.

ВАЛЕЕВ Р. М. Доктор юридических наук, профессор кафедры.

ВЫДРИН И. В. Доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Д. Ю. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры.

ГУСАК В. А. Доктор юридических наук.

ЗУЕВ С. В. Доктор юридических наук, профессор.

КОБЕЦ П. Н. Доктор юридических наук, профессор.

КУДИНОВ В. В. Доктор юридических наук.

ЛАЗУТИН Л. А. Доктор юридических наук, профессор.

МАЙОРОВ В. И. Доктор юридических наук, профессор.

ПУЧКОВ О. А. Доктор юридических наук, доцент.

САБИТОВ Р. А. Доктор юридических наук, профессор.

СЕВРЮГИН В. Е. Доктор юридических наук, профессор.

СЕРГЕЕВ А. Б. Доктор юридических наук, профессор кафедры.

СКАРИДОВ А. С. Доктор юридических наук, профессор.

ТУГАНОВ Ю. Н. Доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист Российской Федерации.

ЧЕРНЯДЬБЕВА Н. А. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры.

ШАРОНОВ С. А. Доктор юридических наук, доцент.

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. Кандидат юридических наук.

БАЗЕЛЮК В. В. Доктор педагогических наук, профессор.

КОСТЕНОК П. И. Доктор педагогических наук, профессор.

ТАНАЕВА З. Р. Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры.

МАХРОВА Т. К. Доктор исторических наук, доцент.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В. Кандидат юридических наук.

ВАНЮШИН Я. Л. Кандидат юридических наук, доцент.

ДОЛГОПОЛОВ К. А. Доктор социологических наук,

кандидат юридических наук, доцент.

КОНДРАТЬЕВ С. М. Кандидат юридических наук, доцент.

МАГДЕНКО А. Д. Кандидат юридических наук, доцент.

МАЙОРОВ А. В. Доктор юридических наук, доцент.

МИХАИЛОВ К. В. Кандидат юридических наук, доцент.

ОВЧИННИКОВА О. В. Кандидат юридических наук, доцент.

ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. Кандидат юридических наук, доцент.

ШМИДТ А. А. Кандидат юридических наук, доцент.

МАЙСАК В. Н. Кандидат исторических наук, доцент.

СЕМЕНОВ А. И. Кандидат исторических наук, доцент.

ДЕККЕРТ Д. В. Кандидат педагогических наук, доцент.

СУХОРУКОВА А. Х. Руководитель ГУ ФССП России по Свердловской обл.,
генерал-майор внутренней службы.

В НОМЕРЕ

CONTENTS

Научные мероприятия*(5.1.4. Уголовно-правовые науки)*

<i>Майоров А. В., Незнамова З. А., Пучков Д. В., Сергеев Д. Н.</i>	
Цели уголовного права. Прошлое, настоящее, будущее. Наследие И. Я. Козаченко: XXI Международная научно-практическая конференция «Ковалевские чтения 2025»	6
<i>Лопашенко Н. А.</i>	
Иван Яковлевич Козаченко: о роли личности в науке	16
<i>Наумов А. В.</i>	
О теоретическом вкладе профессора И. Я. Козаченко в отечественную доктрину уголовного права	26

Уголовное право и процесс*(5.1.4. Уголовно-правовые науки)*

<i>Быкова Е. Г.</i>	
Вопросы неоконченного преступления в трудах представителей уральской школы уголовного права	33
<i>Ершова К. А.</i>	
Связь уголовной ответственности юридических лиц с предписаниями норм гражданского права (на примере КНР, стран Восточной Европы и постсоветских государств)	39
<i>Карабанова Е. Н.</i>	
Эффективность уголовной ответственности несовершеннолетних	44
<i>Корешников Д. С.</i>	
Конкуренция норм об охране персональных данных: разграничение статьи 272.1 УК РФ и СТАТЬИ 13.11 КоАП РФ	49
<i>Мелюханова Е. Е.</i>	
Соответствие наказания преступлению	55

Scientific Event*(5.1.4. Criminal-legal Sciences)*

<i>Mayorov A. V., Neznamova Z. A., Puchkov D. V., Sergeev D. N.</i>	
Goals of Criminal Law. Past, Present, Future. The Legacy of I. Ya. Kozachenko: XXI International Scientific and Practical Conference "Kovalev Readings 2025"	6
<i>Lopashenko N. A.</i>	
Ivan Yakovlevich Kozachenko: on the Role of Personality in Science	16
<i>Naumov A. V.</i>	
On the Theoretical Contribution of Professor I. Ya. Kozachenko to the Russian Doctrine of Criminal Law.	26

Criminal Law and Proceeding*(5.1.4. Criminal-legal Sciences)*

<i>Bykova E. G.</i>	
Issues of an Unfinished Crime in the Works of Representatives of the Ural School of Criminal Law	33
<i>Ershova K. A.</i>	
Relationship Between Criminal Liability of Legal Entities and the Provisions of Civil Law (on the Example of China, Eastern European Countries and Post-Soviet States)	39
<i>Karabanova E. N.</i>	
Effectiveness of Juvenile Criminal Liability	44
<i>Koreshnikov D. S.</i>	
Competition of Personal Data Protection Standards: Differentiation of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 13.11 of the Administrative Code of the Russian Federation	49
<i>Melyukhanova E. E.</i>	
Matching the Punishment to the Crime	55

<i>Наумова Ю. Н.</i> Особенности методики расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет, возбужденных по инициативе осужденных, отбывающих пожизненное заключение 62	<i>Naumova Yu. N.</i> Features of the Methodology for Investigating Criminal Cases of Crimes of Previous Years Initiated by Convicts Serving Life Sentences 62
<i>Незнамова З. А.</i> Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых норм: проблемы и некоторые пути их решения. 67	<i>Neznamova Z. A.</i> Correlation of Criminal Law and Civil Law Norms: Problems and Some Ways to Solve Them 67
<i>Ровнейко В. В.</i> Соотношение норм уголовного и гражданского права в правоприменительной деятельности по делам о преступлениях против собственности (на примере хищений) 73	<i>Rovneiko V. V.</i> The Correlation Between Criminal and Civil Law Norms in Practical Activities on Against Property Crimes Cases (by Example of Embezzlement) 73
<i>Розенко С. В.</i> Системность развития российского уголовного наказания 79	<i>Rosenko S. V.</i> The Systematic Development of Russian Criminal Punishment 79
<i>Попов В. А., Попова Д. Р.</i> Правильная квалификация преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств как критерий эффективности наказания 84	<i>Popov V. A., Popova D. R.</i> The Correct Qualification of Crimes in the Field of Illicit Drug Trafficking as a Criterion for the Effectiveness of Punishment 84
<i>Строганова Т. Ю.</i> Становление российского правового института досудебного соглашения о сотрудничестве через призму норм исторических правовых памятников России 89	<i>Stroganova T. Yu.</i> The Formation of the Russian Legal Institute of the Pre-Trial Cooperation Agreement Through the Prism of the Norms of Historical Legal Monuments of Russia 89
<i>Сумачев А. В.</i> Этико-нравственные особенности российского уголовного права 96	<i>Sumachev A. V.</i> Ethical and moral features of Russian criminal law 96
<i>Терских А. И.</i> Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: перспективы законодательных реформ 99	<i>Terskikh A. I.</i> Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks: Prospects for Legislative Reforms 99
<i>Ткачев И. О.</i> Цели конфискации имущества 106	<i>Tkachev I. O.</i> Purposes of Confiscation of Property 106
<i>Хомич В. М.</i> О дуалистической природе наказания: закономерность или субъективно определяемый конструкт его целевого назначения и применения 111	<i>Khomich V. M.</i> On the Dualistic Nature of Punishment: Regularity or Subjectively Determined Structure of its Target Purpose and Application 111

**Теория и практика
противодействия преступности***(5.1.4. Уголовно-правовые науки)*

<i>Детков А. П., Дорожгинский А. А.</i>	
Место исполнительной пробации в системе мер предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества	117
<i>Ефремова М. А.</i>	
Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны	124
<i>Зацепин М. Н., Зацепин А. М.</i>	
Основные направления и тенденции организованной преступности в России	130
<i>Косарев М. Н.</i>	
О новых тенденциях современного терроризма ..	136
<i>Майоров А. В.</i>	
Социальные факторы криминализации уголовного закона	141
<i>Пучков Д. В.</i>	
Глобальная политика в сфере уголовно-правовой защиты общества от киберпреступности: международные обязательства Российской Федерации при ратификации конвенции ООН (2024)	147
<i>Щелконогова Е. В.</i>	
Психологические аспекты правомерности причинения вреда при необходимой обороне	154

**Правозащитная
и правоохранительная деятельность***(5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки; 5.1.4 Уголовно-правовые науки)*

<i>Васильев А. М.</i>	
Правоположения юрисдикционных органов в экономическом уголовном праве	162
<i>Гриненко А. Б.</i>	
Актуализация уголовно-правовых средств охраны основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации	170
<i>Ермакова О. В.</i>	
Соблюдение правил при криминализации деяния и дифференциации уголовной ответственности как гарантии обеспечения прав человека и гражданина	176

**Theory and Practice
of Combating Crime***(5.1.4. Criminal-legal Sciences)*

<i>Detkov A. P., Dorozhinsky A. A.</i>	
The Place of Executive Probation in the System of Measures to Prevent Recidivism of Convicted Persons Without Isolation from Society	117
<i>Efremova M. A.</i>	
Digital Identity: Problems of Criminal Law Protection	124
<i>Zatsepin M. N., Zatsepin A. M.</i>	
The Main Directions and Trends of Organized Crime in Russia	130
<i>Kosarev M. N.</i>	
About New Trends in Modern Terrorism	136
<i>Mayorov A. V.</i>	
Social Factors of Criminalization of Criminal Law	141
<i>Puchkov D. V.</i>	
Global Policy in the Field of Criminal Law Protection of Society From Cybercrime: International Obligations of the Russian Federation Upon Ratification of the UN Convention (2024)	147
<i>Shchelkonogova E. V.</i>	
Psychological Aspects of the Legality of Causing Harm in Necessary Defense	154

**Human Rights
and Law Enforcement***(5.1.2. Public-legal (state-legal) Sciences;
5.1.4. Criminal-legal Sciences)*

<i>Vasiliev A. M.</i>	
Legal Provisions of Jurisdictional Bodies in Economic Criminal Law	162
<i>Grinenko A. B.</i>	
Updating of Criminal Law Means for Protection of the Fundamentals of the Constitutional System and Security of the Russian Federation	170
<i>Ermakova O. V.</i>	
Compliance with the Rules for Criminalizing an Act and Differentiating Criminal Liability as a Guarantee of Human and Civil Rights	176

Тарасова Е. В.
Потерпевший как адресат
возмещения вреда и уголовно-правовое
поощрение преступника 182

Tarasova E. V.
The Victim as the Addressee
of Compensation for Harm and Criminal Legal
Encouragement of the Offender 182

Судебная и прокурорская деятельность

*(5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки)*

Михайлова Е. А.
Частное определение арбитражного суда
как эффективный правовой инструмент
пресечения недобросовестного поведения
участников арбитражного процесса
в делах о несостоятельности
(банкротстве) 188

Judicial and Prosecutorial Activity

*(5.1.2. Public-legal
(state-legal) Sciences)*

Mikhailova E. A.
The Main Violations Committed by Participants
in the Judicial Process in Insolvency (Bankruptcy)
Cases. Special Ruling of the Arbitration Court
as an Effective Legal Instrument for Suppressing
Misconduct of Participants in Insolvency
(Bankruptcy) Cases 188

Редакторская статья

С. 6–15

УДК 343

DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-6-15

**ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.
НАСЛЕДИЕ И. Я. КОЗАЧЕНКО:
XXI Международная научно-практическая конференция
«Ковалевские чтения 2025»**

**Андрей Владимирович Майоров¹, Зинаида Александровна Незнамова², Денис Валентинович Пучков³,
Данил Назипович Сергеев⁴**

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ab_majorov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

² Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
nza001@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

³ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
d.puchkov@loys.law

 <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

⁴ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
dnse@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

Аннотация. В очередной раз в г. Екатеринбурге состоялась Международная научно-практическая конференция «Ковалевские чтения 2025», которая была посвящена научному, педагогическому и творческому наследию Ивана Яковлевича Козаченко. Тема конференции «Цели уголовного права. Прошлое, настоящее, будущее» была выбрана не случайно. Профессор И. Я. Козаченко еще в 1976 году поднимал в своих научных трудах проблемы эффективности наказания в уголовном праве, указывая на отсутствие достижения целей, поставленных перед уголовным правом, таких как предотвращение преступлений, исправление правонарушителей, возмещение ущерба и восстановление социальной справедливости. В этой связи в рамках пленарного заседания были представлены доклады о личном вкладе профессора Козаченко И. Я. в становление и развитие уральской школы уголовного права. В рамках отдельных секций рассматривались вопросы соотношения права и морали в уголовном праве, эффективности уголовного наказания, защиты информационно-правового пространства личности как цели уголовного законодательства, соприкосновения уголовных и гражданско-правовых норм, уголовной ответственности юридических лиц, а также вопросы формирования научных кадров.

Ключевые слова: международная конференция, Ковалевские чтения, Козаченко Иван Яковлевич, уральская школа уголовного права, цели уголовного права, эффективность уголовного наказания, право и мораль в уголовном праве, кафедра уголовного права

Для цитирования: Майоров А. В., Незнамова З. А., Пучков Д. В., Сергеев Д. Н. Цели уголовного права. Прошлое, настоящее, будущее. Наследие И. Я. Козаченко: XXI Международная научно-практическая конференция «Ковалевские чтения 2025» // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 6–15. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-6-15

**GOALS OF CRIMINAL LAW. PAST, PRESENT, FUTURE.
THE LEGACY OF I. Ya. KOZACHENKO:
XXI International Scientific and Practical Conference “Kovalev Readings 2025”**

Andrey V. Mayorov¹, Zinaida A. Neznamova², Denis V. Puchkov³, Danil N. Sergeev⁴

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
ab_majorov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

² Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
nza001@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

³ Ural State Law University name after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
d.puchkov@loys.law

 <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

⁴ Ural State Law University name after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
dnse@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>

Abstract. Once again, the International Scientific and Practical Conference “Kovalev Readings 2025” was held in Yekaterinburg, which was dedicated to the scientific, pedagogical and creative heritage of Ivan Yakovlevich Kozachenko. The theme of the conference “The Objectives of Criminal Law. Past, Present, Future” was not chosen by chance. Professor I. Ya. Kazachenko raised the problems of the effectiveness of punishment in criminal law in his scientific works back in 1976, pointing out the lack of achievement of the goals set for criminal law, such as the prevention of crimes, the correction of offenders, compensation for damage and the restoration of social justice. In this regard, as part of the plenary session, reports were presented on the personal contribution of Professor I. Ya. Kozachenko to the formation and development of the Ural school of criminal law. Within the framework of individual sections, issues of the relationship between law and morality in criminal law, the effectiveness of criminal punishment, the protection of the information and legal space of the individual as the goal of criminal legislation, the intersection of criminal and civil law norms, the criminal liability of legal entities, as well as issues of the formation of scientific personnel were considered.

Keywords: international conference, Kovalev readings, Kozachenko Ivan Yakovlevich, Ural school of criminal law, goals of criminal law, effectiveness of criminal punishment, law and morality in criminal law, department of criminal law

For citation: Mayorov AV, Neznamova ZA, Puchkov DV, Sergeev DN. Goals of Criminal Law. Past, Present, Future. The Legacy of I. Ya. Kozachenko: XXI International Scientific and Practical Conference “Kovalev Readings 2025”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):6-15. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-6-15

12–14 февраля 2025 г. в г. Екатеринбурге состоялась XXI Международная научно-практическая конференция «Ковалевские чтения 2025», которая была посвящена научному, педагогическому и творческому наследию Ивана Яковлевича Козаченко, имя которого золотыми буквами вписано в историю Свердловского юридического института — Уральской государственной юридической академии — Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

Иван Яковлевич возглавил кафедру уголовного права СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в 1988 году, приняв эстафету от Митрофана Ивановича Ковалёва, бессменно руководившего ею в течение 33 лет с августа 1955 года и по праву считающегося основателем

Уральской научной, методической и образовательной школы уголовного права.

За 35 лет заведования кафедрой он вывел ее в число крупнейших и ведущих подразделений СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

В настоящее время на кафедре работает 52 члена профессорского преподавательского состава. Благодаря усилиям Ивана Яковлевича по подготовке научно-педагогических кадров, на кафедре работают сейчас 7 докторов юридических наук, более 20 кандидатов наук, доцентов, большинство из которых являются учениками профессора И. Я. Козаченко. Преподавательский состав кафедры в настоящий момент представляет собой удачное сочетание научного и педагогического

опыта с энтузиазмом и креативностью молодого поколения преподавателей, сплавом теории уголовного права и практики его применения. Большинство преподавателей кафедры являются действующими или бывшими работниками правоохранительных и правоприменительных органов: следователей, прокурорских работников, судей, адвокатов и др. Под руководством Ивана Яковлевича кафедра стала признанным лидером в подготовке учебной и учебно-методической литературы. Учебники под редакцией И. Я. Козаченко по уголовному, уголовно-исполнительному праву и криминологии пережили многочисленные переиздания и продолжают быть востребованными у студентов юридических вузов всей страны.

Профессор И. Я. Козаченко, как руководитель кафедры, стремился привить интерес к научной работе молодым сотрудникам, всячески поощряя их к самостоятельному творчеству. Кроме того, он оказывает огромную организационную помощь и начинающим, и опытным преподавателям в публикации их работ. Козаченко И. Я. с готовностью приходит на помощь аспирантам и докторантам, давая им доброжелательные, точные советы по работе над диссертациями.

Козаченко И. Я. пользуется огромным и заслуженным авторитетом и любовью, как со стороны студентов, так и сотрудников университета. Ему удалось создать на руководимой им кафедре доброжелательную творческую атмосферу.

Приветствуя участников Ковалевских чтений, ректор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева доктор юридических наук, профессор **Владимир Александрович Бублик** отметил:

«За долгие годы «Ковалевские чтения» приобрели статус значимого юридического мероприятия государственного масштаба, став неотъемлемым атрибутом современной юридической жизни России. Тема конференции в 2025 году перекликается с темой самых первых Ковалевских чтений в 2004 году «Уголовное право: прошлое, настоящее, будущее». В этом году мы обсудим исторические аспекты уральской правовой школы, наследие Ивана Яковлевича Козаченко, профессора кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева, 36 лет возглавлявшего кафедру.

Поговорим о том, как работы и идеи Ивана Яковлевича повлияли и продолжают влиять на формирование и развитие уголовного права и юридического образования на Урале и в России в целом, на формирование нового поколения юристов. В конференции примут участие представители лучших юридических вузов и юридических факультетов России, частнопрактикующие юристы, адвокаты, журналисты, судьи и многие другие — всего около 200 спикеров».

Один из сопредседателей Ковалевских чтений 2025 доктор юридических наук, профессор УРГЮУ

им. В. Ф. Яковлева, председатель совета партнеров Адвокатского бюро LOYS, член ИВА, член комитета директоров ISC Россия **Денис Валентинович Пучков**, обращаясь к участникам конференции, сказал следующее:

«Дорогие друзья, За несколько десятков лет Ковалевские чтения пережили разные времена нашей страны.

Мы вместе обсудили огромное количество проблем нашего общества и нашли пути их решения. Мы смогли достичь высокого уровня в дискуссиях и получили заслуженное признание со стороны руководства страны. Нам вручали награды и благодарности, направляли приветственные слова, брали с нас пример и даже крали наш бренд. Это говорит о том, что задуманное Иваном Яковлевичем Козаченко реализовалось сполна. Мы вдохновлялись его мыслями и творили что-то новое.

Мы создали спектакль, организовали выставки, провели огромную просветительскую работу и счастливы, что все это у нас получилось.

Сегодня мы можем смело сказать, что под руководством профессора И. Я. Козаченко выращено большое количество аспирантов и докторантов, достигнуты высокие результаты в научной деятельности, а также создан и реализован огромный научно-просветительский проект в честь его учителя — Митрофана Ивановича Ковалева.

Спасибо Вам, Иван Яковлевич, за это начало и последующую плодотворную работу. Спасибо Вам за доброту, любовь и поддержку, которые Вы никогда не жалели для нас, Ваших учеников. Ваши мысли, умения и навыки, которым Вы научили нас, навсегда останутся с нами.

Вот с такими мыслями мы пришли к решению о проведении сегодняшней конференции, обозначив в качестве основного доклада труды нашего учителя И. Я. Козаченко. Темы параллельных дискуссий представлены исключительно на основании его исследований. Иван Яковлевич блестяще предугадывал будущие уголовно-правовые проблемы, основываясь на прошлом и настоящем.

Мы приглашаем всех к дискуссии о прошлом, настоящем и будущем. Мы понимаем, что задачи у нас непростые, но вместе мы найдем пути их решения с помощью дарованного нам наследия Ивана Яковлевича Козаченко».

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации выступает в качестве одного из организаторов Ковалевских чтений 2025. Сопредседатель конференции — Президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заведующий кафедрой адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук **Светлана Игоревна Володина** в своем приветственном слове участникам конференции отметила следующее:

«Сегодняшнее мероприятие для всех нас — настоящий праздник! Мы снова имеем возможность личной встречи, чтобы обсудить по-настоящему актуальные и значимые темы, завести новые полезные знакомства, закрепить надежные и очень теплые связи. Федеральная

палата адвокатов Российской Федерации, как и в предыдущие годы, выступает соорганизатором этой международной научно-практической конференции, чему мы искренне рады и чем мы, безусловно, очень гордимся.

Основная тема XXI «Ковалевских чтений» — цели уголовного права, его прошлое, настоящее и будущее. Так, для обсуждения того, что ждет всех нас в ближайшее время, очень важна сессия, посвященная профессионализации судебного представительства, в рамках которой, благодаря нашим великолепным экспертам, будет широко представлен международный опыт.

Согласно разработанной Министерством юстиции Российской Федерации концепции реформы сферы судебного представительства, базой для консолидации судебных юристов названа адвокатура. Согласно разработанной Министерством юстиции Российской Федерации концепции реформы сферы судебного представительства, базой для консолидации судебных юристов названа адвокатура. Это должно стать гарантией того, что граждане будут иметь дело с квалифицированными юристами, которые работают в рамках профессионального законодательства и, что особенно важно, Кодекса профессиональной этики; в отношении которых законом закреплены особый независимый статус и иммунитеты, дающие возможность на равных с другими участниками судопроизводства отстаивать законные права и интересы своих доверителей. Тем самым будет реализована позитивная обязанность государства обеспечить конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Что касается практикующих юристов, то они вольются в корпорацию, где действуют стандарты, правила, где существуют требования к повышению квалификации, а главное — где есть профессиональная дружная семья.

Еще один момент, которым важно поделиться, говоря о современных тенденциях и будущем Права в нашей стране: Федеральная палата адвокатов Российской Федерации получила статус базовой организации Содружества Независимых Государств в сфере адвокатской деятельности. Это очень почетный и очень ответственный шаг. Вернее, это вектор, по которому мы будем двигаться вместе с нашими коллегами из стран Содружества. Хочу выразить им благодарность за то, что они нашли возможность быть с нами здесь сегодня, за их знания и опыт, за готовность всем этим делиться. Мы вам очень признательны!

Желаю участникам и гостям XXI «Ковалевских чтений» успешной работы, незабываемых впечатлений и, конечно, высоких результатов в профессиональной деятельности!»

От имени кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева гостей конференции приветствовала заведующий кафедрой доктор юридических наук, профессор **Зинаида Александровна Незнамова**:

«Ковалевские чтения 2025 объединили в своей тематике два знаковых для науки уголовного права име-

ни: Митрофана Ивановича Ковалева, чей 100 летний юбилей мы отмечаем недавно, и Ивана Яковлевича Козаченко, юбилей которого мы будем отмечать в этом году. С этими именами связана 55 летняя история кафедры уголовного права, которой они последовательно руководили, начиная с 1955 года. Удивительна научная прозорливость этих учёных. В их трудах были выявлены тенденции развития науки уголовного права, которые актуальны и в настоящее время, о чем свидетельствует программа нашей конференции.

Надеюсь, что дискуссии, которые состоятся в рамках Ковалевских чтений 25, позволят не только отдать дань уважения двум этим учёным, но и наметить новые направления и перспективы развития науки уголовного права и практики его применения».

Иван Яковлевич Козаченко, к сожалению, не мог лично участвовать в работе Ковалевских чтений 25, посвященных его творческому наследию. Однако он прислал его участникам приветственное слово.

«Дорогие, коллеги! Друзья! Поздравляю всех участников «Ковалевских чтений 2025» с открытием конференции, которая, будучи знаковым мероприятием и для Уральского юридического университета им. В. Ф. Яковлева, и для АБ «Лойс», и для всего научного сообщества, а также практикующих юристов, проводится уже в 21 раз.

Прежде всего, сердечно благодарен Вам и организаторам конференции за проявленное ко мне внимание и такую высокую оценку моей научной, педагогической и исследовательской работы. С Уральским государственным юридическим университетом (Свердловским юридическим институтом им. Руденко) связана вся моя жизнь.

Сначала в далеком 1964 году я еще совсем молодым, сразу после армии, стал его студентом, затем в 1969 году закончил аспирантуру и в 1973 году под руководством профессора М. И. Ковалёва, памяти которого посвящена данная конференция, защитил сначала кандидатскую, потом, уже в 1987 году, докторскую.

Горжусь тем, что более 35 лет мне была предоставлена возможность руководства одной из фундаментальных кафедр нашего университета. Наш коллектив не прекращал и не прекращает не только продолжать традиции уральской школы уголовного права, но и приумножать их. Спасибо всем коллегам, которые несмотря ни на какие трудности и преграды, всегда с готовностью и душевной теплотой откликнулись для участия в Ковалевских чтениях и проводимых в рамках этого полномасштабных научных дискуссий, снискавших благодаря этому славу одного из крупнейших научных мероприятий по уголовному праву».

Работа конференции началась с докладов о роли личности И. Я. Козаченко в науке уголовного права. С докладами о вкладе Ивана Яковлевича в развитие науки уголовного права, воспитании творческой молодежи, о личном вкладе профессора Козаченко И. Я.

в становление и развитие уральской школы уголовного права выступили доктор юридических наук, почетный работник Министерства образования РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии **Наталья Александровна Лопашенко** и доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный деятель науки РФ, старший советник юстиции **Анатолий Валентинович Наумов**.

В рамках пленарной сессии «**Цели уголовного права. Прошлое, настоящее, будущее**» обсуждались вопросы творческого наследия не только И. Я. Козаченко, но всей уральской школы уголовного права, основателем которой по праву считается Митрофан Иванович Ковалев.

Уральская правовая школа — это не только совокупность научных подходов и методик, но и традиции, заложенные в разных исторических контекстах. Уральская правовая школа внесла значительный вклад в различные отрасли права, включая конституционное, административное, гражданское и уголовное право. Традиции правового образования на Урале продолжают развиваться и сегодня, поддерживая высокий уровень юридической науки и образования в регионе. И. Я. Козаченко уделял внимание вопросам соотношения права и морали в уголовном законодательстве, проблемам уголовной ответственности и множествам других аспектов уголовно-правовой науки, которые будут рассмотрены на конференции. Как педагог, он способствовал развитию юридического образования на Урале, преподавал на юридических факультетах и по сей день преподает в Уральском государственном юридическом университете. Иван Яковлевич был наставником для многих студентов, которые позднее стали видными учеными и практиками.

В рамках пленарной сессии докладчики отметили исторические аспекты развития уральской правовой школы: исследование её зарождения и развития на разных этапах; наследие И. Я. Козаченко в контексте уголовного права: как его работы и идеи повлияли на формирование и развитие уголовного права на Урале и в России в целом; теоретические и практические аспекты правоведения: анализ основных теорий и концепций, предложенных И. Я. Козаченко, и их влияние на современную юридическую практику.

Разговор о творческом наследии И. Я. Козаченко был продолжен на следующей параллельной сессии: «**Соотношение права и морали в уголовном праве**»

Иван Яковлевич Козаченко ставил для себя одним из важнейших постулатов соотношения права и морали с уголовным правом и практически все его работы о криминализации деяний прошли через аспекты нравственно-религиозных основ общества, что

не утратило актуальности и в настоящее время. Право и мораль являются двумя важными социальными регуляторами, которые влияют на поведение индивидов и функционирование общества. В контексте уголовного права их соотношение приобретает особое значение, поскольку уголовное законодательство направлено на защиту общественных интересов и поддержание порядка, основываясь как на юридических нормах, так и на моральных ценностях общества. Как верно указывал И. Я. Козаченко: «Моральные нормы общества часто служат основой для разработки и изменения уголовного законодательства. Законодательство отражает моральные ценности общества, обеспечивая правовую защиту тех ценностей, которые считаются важными и достойными охраны». Иногда возникают ситуации, когда правовые нормы противоречат моральным убеждениям отдельных групп или общества в целом. Это может создавать этические дилеммы и вызывать необходимость пересмотра законодательства. Соотношение права и морали в уголовном праве является динамичным и многогранным процессом, который отражает изменения в общественных ценностях и моральных представлениях. Эффективное взаимодействие между правом и моралью способствует созданию справедливого и гуманного уголовного законодательства, способного адаптироваться к изменяющимся условиям общества. Важно, чтобы уголовное право не только защищало общественные интересы, но и соответствовало моральным устоям, обеспечивая тем самым доверие общества к правовой системе и её институтам.

Докторская диссертация И. Я. Козаченко, защищенная им в 1976 г., была посвящена санкциям в преступлениях против личности. Ранее и в дальнейшем Иван Яковлевич занимался вопросами наказания. Поэтому не случайно одна из параллельных секций была посвящена **эффективности уголовного наказания**.

Проблемы эффективности наказания профессор И. Я. Козаченко поднимал еще в 1976 году, указывая на отсутствие достижения целей, поставленных перед уголовным правом, таких как предотвращение преступлений, исправление правонарушителей, возмещение ущерба и восстановление социальной справедливости. Некоторые исследования показывают, что излишняя жесткость наказаний не всегда способствует снижению преступности, а напротив, может усиливать рецидивизм из-за невозможности социальной реабилитации. Возникает вопрос и о том, насколько эффективны альтернативные меры наказания, такие как условное осуждение, probation, исправительные работы или домашний арест по сравнению с лишением свободы. Эффективность наказаний зависит от характера преступлений. В научных кругах идут постоянные дискуссии о том, как наиболее эффективно подходить к наказанию. Например, методы ресторативной юстиции (когда акцент делается на примирение между преступником и жертвой) получили поддержку как более гуманный и иногда более эффективный способ исправления пре-

ступников. Опыт различных стран (Скандинавия, США, Германия и другие) показывает, что существует множество различных подходов к наказанию. Например, в Норвегии делают акцент на реабилитацию и создание комфортных условий для осужденных, в то время как в США система наказаний более жесткая, с акцентом на изоляцию правонарушителей. Эффективность уголовного наказания нельзя рассматривать исключительно через призму его суровости. Важным аспектом является баланс между наказанием, исправлением и социальной реабилитацией.

Спикеры и иные участники данной секции в своих выступлениях обсуждали вопросы: эффективность уголовного наказания в контексте превенции, влияние общественного мнения на восприятие наказаний, альтернативные меры наказания, проблемы рецидивизма и пути их решения.

Еще одна параллельная сессия Ковалевских чтений 2025 была посвящена **защите информационно-правового пространства личности как цели уголовного законодательства**. Важность и актуальность темы цифровой безопасности личности как никогда является актуальной в условиях невероятного технологического прорыва. Но удивительно то, что тридцать лет назад Иван Яковлевич Козаченко поднимал перед обществом данные вопросы, связанные с защитой прав личности в условиях цифровизации и развития информационных технологий, и вот сегодня мы все больше говорим про телефонных мошенников, вторгающихся в наше личное информационное пространство ежедневно, если не ежеминутно. В этой связи становятся еще более актуальными вопросы о роли технологий в усилении угроз для права личности, а также об этических и правовых аспектах защиты данных личности. В очередной раз перед обществом встает так и нерешенная проблема определения информационно-правового пространства личности и обеспечения баланса между свободой информации и защитой частной жизни, а также построения уголовно-правовой охраны такого пространства.

Спикерами данной секции выступили как научные работники – специалисты в области информационного безопасности, так и практические работники, чья деятельность связана с обеспечением информационного безопасности бизнеса.

В рамках сессии докладчики обсуждали преступления в сфере цифровых технологий и их влияние на личные права, защиту персональных данных и ответственность за нарушение конфиденциальности, проблемы уголовной ответственности за кибербуллинг и цифровое преследование, вопросы цифровой репутации и ответственности за клевету в сетях, новые вызовы для уголовного законодательства в виде информационной безопасности и защиты цифровой идентичности, а также перспективы законодательных реформ в области информационной безопасности личности.

Деловая программа Ковалевских в этом году чтений включала в себя не только обсуждение научных

аспектов развития уголовного права. Уральская школа уголовного права, равно как и ее основатели и продолжатели, значительное внимание уделяли подготовке научных и преподавательских кадров. А работа в Свердловском юридическом институте, затем Уральской государственной юридической академии, ныне Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева, чья образовательная и научная деятельность всегда была ориентирована на подготовку кадров для практической деятельности, предполагала разработку актуальных и практикоориентированных образовательных программ. Именно поэтому в деловую программу Ковалевских чтений 2025 была включена параллельная сессия на тему **«Преподавательская деятельность и формирование научных кадров»**. Модерировали данную секцию два проректора УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева: **Винницкий Андрей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, и **Сергеев Данил Назипович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, проректор по молодежной политике УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

Участники дискуссии пришли к выводу, что подготовка и воспитание нового поколения ученых и специалистов является одним из важных направлений государственной политики. В этой связи образовательные методики, организационные аспекты формирования научного потенциала страны, включая систему подготовки аспирантов, и их интеграция в научное сообщество представляют собой важный ресурс для развития государства. Обсуждение роли преподавателей в формировании научных кадров в рамках сессии позволило определить характер современного научного руководителя с учетом современных вызовов в преподавательской деятельности, связанных с подготовкой ученых, и разработать предложения по совершенствованию системы подготовки научных кадров на основе взаимодействия образовательных и научных учреждений в подготовке будущих исследователей.

В рамках сессии обсуждались вопросы: наставничество в науке, современные технологии и цифровизация в преподавании и подготовке научных кадров, методы мотивации студентов к научной работе, интеграция науки и образования, роль аспирантуры и постдокторантуры в подготовке научных кадров. Участники дискуссии пришли к выводу, что вопросы улучшения преподавательской деятельности и подготовки будущих ученых являются важным направлением развития научного потенциала страны.

Одним из соорганизаторов Ковалевских чтений 2025 являлась Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Это не могло не отразиться на деловой программе конференции, которая включала в себя несколько параллельных сессий, так или иначе связанных с профессиональной деятельностью юристов, в том числе адвокатского сообщества. Одна из них была посвящена международному опыту профессионализации судебного представительства.

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что обеспечение права граждан на квалифицированную юридическую помощь требует от государства создания условий для подготовки компетентных юристов, а также установления профессиональных квалификационных требований. Эти требования определяются законодателем, который обязан учитывать задачи правосудия, конституционные принципы состязательности и равноправия сторон, а также публично-правовую обязанность государства гарантировать каждому доступ к качественной юридической помощи.

В Российской Федерации идёт подготовка проекта федерального закона, направленного на развитие адвокатуры и профессионализацию на ее основе судебного представительства.

Модерировали данную секцию **Володина Светлана Игоревна**, кандидат юридических наук, адвокат, Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, заведующий кафедрой адвокатуры МГЮА им. О. Е. Кутафина, почетный адвокат России, заслуженный юрист г. Москвы, почетный адвокат Московской областной коллегии адвокатов, Россия, г. Москва, и **Толчеев Михаил Николаевич**, первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, член Совета ФПА РФ, первый вице-президент Адвокатской палаты Московской области, Россия, г. Москва.

На круглом столе представители адвокатур Армении, Беларуси, России, Кыргызстана и Узбекистана поделились своим опытом и видением перспектив развития юридического рынка, обсудили вызовы и задачи, стоящие в связи с этим перед адвокатским сообществом.

Юридический нетворкинг как средство против выгорания был предметом обсуждения практикующих юристов в рамках следующей параллельной секции. Данная тема имеет особое значение в контексте развития профессиональной среды юристов и сохранения их психоэмоционального здоровья. Профессия юриста характеризуется высоким уровнем стресса, значительными нагрузками, необходимостью постоянного решения сложных задач и взаимодействия с различными сторонами. В рамках сессии участники попытались найти решения, направленные на повышение профессионального благополучия юристов и улучшение их психоэмоционального состояния. Эта сессия была ориентирована на обсуждение того, как создание и поддержание профессиональных сетей и связей может быть использовано для профилактики и борьбы с выгоранием среди юристов.

Докладчики — представители адвокатского сообщества, юридических фирм, ученые обсуждали психологические и профессиональные риски выгорания у юристов, юридический нетворкинг как инструмент профилактики выгорания, делились примерами успешных кейсов применения нетворкинга и техниками для их практического применения.

Глобальные изменения экономической, политической и правовой систем, произошедшие за последнюю четверть века в России, обусловили расширение сотрудничества российских участников гражданского оборота с зарубежными партнерами. Несмотря на политическую и экономическую ситуацию в мире, Российская Федерация остается важным игроком на мировой арене. Внешнеэкономическая деятельность представляет собой многоуровневое, многогранное, многовекторное и многосубъектное явление. Актуальными стали меры по импортозамещению, противодействию лишению права доступа на иностранные рынки российских участников внешнеэкономической деятельности и обеспечению восстановления их прав, а также защите внутреннего рынка от неблагоприятных внешнеэкономических факторов. Угрозы в сфере экономики носят комплексный характер: на нее оказывают существенное влияние геополитические, социальные, криминальные и другие факторы. В политике экономической безопасности государства должна предусматриваться система мер, блокирующая причины всех видов опасности. Криминальное сопровождение указанных видов деятельности достаточно глубоко проникает в их сферы и потому неизбежно повышает его латентный фон. В своей статье профессор Козаченко И. Я. говорил: «Никакие даже самые манящие перспективы внешнеэкономической деятельности и ее различных проявлений немислимы без разумно обоснованной и достаточной криминализации тех преступных проявлений, которые представляют повышенную опасность не только отдельным сферам внешнеэкономической деятельности, но и экономической безопасности государства».

Обсуждение данных вопросов состоялось на параллельной секции **«Внешнеэкономическая деятельность в России: состояние, ответственность, наказание, перспектива»**

В рамках дискуссии обсуждалось состояние внешнеэкономической деятельности в России и роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС); ответственность за нарушение законодательства в сфере ВЭД; налоговые преступления и уклонение от уплаты таможенных платежей и иные преступления в сфере внешнеэкономической деятельности; наказание за правонарушения в сфере внешнеэкономической деятельности, в том числе международные санкции и их влияние на наказания в рамках ВЭД; альтернативные меры наказания и их эффективность в сфере ВЭД через призму анализа эффективности уголовных и административных санкций в ВЭД и урегулирования споров без применения уголовных санкций.

Одной из самых серьезных и сложных проблем применения норм уголовного права в современных условиях является проблема межотраслевого взаимодействия норм уголовного права с нормами позитивного регулирования. Для ответственности за экономические преступления и представления против собственности особое значение имеет взаимодействие норм уголовно-

го и гражданского права. Именно этой проблеме была посвящена параллельная секция **«Соприкосновение уголовных и гражданско-правовых норм: проблемы и пути их решения»**

Предлагаемая к обсуждению тема является актуальной и важной для современного правового регулирования, так как многие юридические ситуации, с которыми сталкиваются граждане и организации, одновременно затрагивают интересы как уголовного, так и гражданского права. Эти два института могут и зачастую пересекаются, например, в случаях, когда деяние влечет как уголовную ответственность, так и обязательство по возмещению ущерба в гражданском порядке или в ходе предпринимательской деятельности, учитывая отсылочный характер ряда преступных деяний в экономической сфере. Среди основных проблем, требующих обсуждения, следует указать: конфликт интересов сторон; одновременное ведение уголовного и гражданского дел; влияние уголовной ответственности на гражданские отношения и наоборот; квалификация ущерба и исполнение судебных решений. В ходе дискуссии спикеры обсуждали гармонизацию уголовного и гражданского законодательства с целью урегулирования компенсации ущерба в уголовном процессе, разработки преемственности судебных решений и комплексных подходов к исчислению ущерба, а равно и иные сложные вопросы.

В ходе дискуссии были затронуты конфликты интересов между уголовным и гражданским правом; пересечение уголовного и гражданского судопроизводства; проблемы правоприменения; законодательные инициативы и судебная практика по вопросам взаимодействия норм гражданского и уголовного законодательства.

Сателлитные мероприятия Ковалевских чтений 2025.

В течение двух дней в рамках Ковалевских чтений проходили **«Арбитражные дни»**.

12 февраля в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева состоялся круглый стол на тему **«Конфликт интересов и особенности вынесения арбитражных решений»**

13 февраля в рамках основной программы Ковалевских чтений 2025 состоялась параллельная сессия: **«Уральское отделение 2.0. Идея арбитража»**

Сессия была разбита на четыре блока:

- Арбитраж в новых реалиях. Обсуждалось влияние на российский арбитраж односторонних ограничительных мер западных стран, а также вопросы компетенции арбитражных судов по подсанкционным спорам (статьи 248.1–248.2 АПК РФ).

- Расходы и экономика. Финансирование арбитража. Спикеры обсуждали расходы, понесенные сторонами арбитража на различных стадиях разбирательства, обеспечение ходатайств о возмещении расходов, барьеры для малообеспеченных сторон, а также влияние, которое может оказать финансирование третьей стороной на эти вопросы.

- Содействие арбитражу со стороны государственных судов. Участники рассматривали случаи, когда в рамках арбитражного разбирательства возможно обратиться к государственному суду по вопросу принятия обеспечительных мер, а также за содействием в получении доказательств.

- Психология и арбитраж. Влияние процедурных правил и человеческого фактора на рассмотрение споров. Какие посторонние факторы оказывают наибольшее влияние на арбитров? Как ценности влияют на принятие решений? Существует ли идеальный тип личности арбитра? Как особенности арбитражной процедуры могут повлиять на поведение и действия участников процесса?

14 февраля 2025 г. в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева состоялась дискуссия: **«Уголовная ответственность юридических лиц: будущее в Российском праве»**

В дискуссии о перспективах уголовной ответственности юридических лиц приняли участие: Фёдоров А. В., заместитель председателя Следственного комитета РФ, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; Наумов А. В., доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, старший советник юстиции; Незнамова З. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Ершова К. А., старший преподаватель кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Сергеев Д. Н., проректор по молодежной политике УрГЮУ кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева УрГЮУ.

Наумов А. В. в своих работах первым из российских ученых высказал идеи о возможности и необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц по уголовному законодательству России, а затем в своих работах анализировал различные аспекты уголовной ответственности юридических лиц. Однако в настоящее время, по его мнению, перспективы реализации такой новеллы в УК РФ остаются неопределенными.

Федоров А. В. известен научной общественности как убежденный сторонник подобной ответственности. Как представитель Следственного комитета РФ, он принимал участие в разработке и представлении в Государственную Думу РФ законопроектов об установлении уголовной ответственности юридических лиц и внесении изменений в УК РФ. Кроме того, он является автором большого количества научных работ по данной теме, в которых рассматриваются вопросы ответственности юридических лиц по законодательству различных государств. Поэтому в рамках дискуссии он отстаивал позицию необходимости и возможности

такой ответственности в современный период по уголовному законодательству РФ.

Ершова К. А. в своем выступлении обсуждала научную обоснованность уголовной ответственности юридических лиц с точки зрения состава преступления.

Незнамова З. А. отметила в своем выступлении, что вопрос об уголовной ответственности юридических лиц по законодательству РФ следует решать комплексно. Не только с позиций материального уголовного права, но и с позиций процессуальных вопросов такой ответственности. А законопроект должен носить комплексный характер: о внесении изменений в УК РФ, УПК и УИК РФ. Только в этом случае научная общественность и правоприменительные органы получают ответы на волнующие их вопросы о специфике ответственности юридических лиц.

Прошедшие Ковалевские чтения 2025 позволяют сделать несколько выводов:

1. Конференция перестала быть площадкой для обсуждения исключительно вопросов материального уголовного права, как это было задумано ранее. Она

превратилась в площадку для обсуждения вопросов гражданского права, гражданского и арбитражного процесса, международного публичного и международного частного права, уголовного процесса и криминалистики.

2. Конференция подтвердила свой международный статус, ибо в ней приняли участие представители 5 иностранных государств.

3. В XXI конференции приняли участие 386 человек, 87 спикеров поделились своим опытом и задавали вектор развития юридической науки.

4. Ковалевские чтения стали площадкой для взаимодействия представителей законотворческих, судебных, следственных, прокурорских органов, адвокатского сообщества, представителей науки. Данное обстоятельство является крайне важным аспектом дальнейшего развития законодательства и юридической практики.

5. Организаторы и участники Ковалевских чтений обсуждают самые острые и злободневные проблемы современного законодательства и правоприменения, что проявляется и в тематике заявленных докладов, и в результатах научных дискуссий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Майоров Андрей Владимирович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д.21
E-mail: ab_majorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8629-9837

Незнамова Зинаида Александровна

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д.21
E-mail: nza001@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5422-9829

Пучков Денис Валентинович

Доктор юридических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д.21
E-mail: d.puchkov@loys.law
ORCID: 0000-0002-5318-0338

Назипович Сергеев Данил

Кандидат юридических наук, доцент, проректора по молодежной политике; доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д.21
E-mail: dnse@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4870-8425

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Mayorov

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: ab_majorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8629-9837

Zinaida A. Neznamova

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: nza001@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5422-9829

Denis V. Puchkov

Doctor of Legal Sciences, Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia.
E-mail: d.puchkov@loys.law
ORCID: 0000-0002-5318-0338

Danil N. Sergeev

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Youth Policy; Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia.
E-mail: dnse@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4870-8425

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 25.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОЗАЧЕНКО: О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ¹

Наталья Александровна Лопашенко

*Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация**lopashenko@yandex.ru* <https://orcid.org/0000-0001-9175-8877>

Аннотация. Развитие научной школы невозможно без руководителя, который ведет своих подопечных к новым вершинам научного познания. Для уральской школы уголовного права таким руководителем оказался Иван Яковлевич Козаченко. В статье прослеживается роль большого ученого и организатора науки, заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., профессора И. Я. Козаченко в становлении и развитии кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Профессор Козаченко продолжил дело своего Учителя, профессора М. И. Ковалева, определив традиции и основные векторы развития Уральской уголовно-правовой школы. В работе анализируются биография ученого и наиболее значимые труды. Автор делится личными воспоминаниями об общении с профессором Козаченко. Отмечается многочисленность учеников ученого и тематическое разнообразие диссертационных исследований, защищенных под руководством Ивана Яковлевича. В завершение статьи формулируются выводы о значимости личности Ивана Яковлевича Козаченко, его организаторского таланта для современной уральской уголовно-правовой школы.

Ключевые слова: Иван Яковлевич Козаченко, кафедра уголовного права имени М. И. Ковалева, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, М. И. Ковалев, уральская уголовно-правовая школа

Для цитирования: Лопашенко Н. А. Иван Яковлевич Козаченко: о роли личности в науке // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 16–25. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-16-25

Review article

IVAN YAKOVLEVICH KOZACHENKO: ON THE ROLE OF PERSONALITY IN SCIENCE

Natalia A. Lopashenko

*Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation**lopashenko@yandex.ru* <https://orcid.org/0000-0001-9175-8877>

Abstract. The development of a scientific school is impossible without a leader who leads his students to new heights of scientific knowledge. Ivan Yakovlevich Kozachenko turned out to be such a leader for the Ural School of Criminal Law. The article traces the role of a great scientist and organizer of science, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor I. Ya. Kozachenko in the formation and development of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalevsky Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. Professor Kozachenko continued the work of his Teacher, Professor M. I. Kovalev, having identified the tradition and main vectors of development of the Ural Criminal Law School. The work analyzes the biography of the scientist and the most significant works. The authors share personal memories of his conversation with Professor Kozachenko. The numerous students of the scientist and the thematic diversity of dissertation research defended under the supervision of Ivan Yakovlevich are noted. At the end of the article, conclusions are formulated about the importance of the personality of Ivan Yakovlevich Kozachenko and his organizational talent for the modern Ural Criminal Law School.

¹ Автор выражает сердечную благодарность за информационную поддержку при подготовке этой статьи кафедре уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, а также лично профессору Зинаиде Александровне Незнамовой и доценту Татьяне Владимировне Кондрашовой.

Keywords: Ivan Yakovlevich Kozachenko, Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, USLU named after V. F. Yakovlev, M. I. Kovalev, Ural Criminal Law School

For citation: Lopashenko NA. Ivan Yakovlevich Kozachenko: on the Role of Personality in Science. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):16-25. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-16-25

Трудно найти слова, когда действительно есть, что сказать.
Эрих-Мария Ремарк

Будь собой. Прочие роли уже заняты.
Оскар Уайльд

1. Иван Яковлевич Козаченко: вместо введения

Первое, что всплывает в голове, когда вспоминаешь профессора Козаченко, — мягкий негромкий говор, спокойная доброжелательность, хитреца в глазах, очень добрый юмор, полная развернутость к собеседнику. И его тексты — вязь смысла, хорошего русского языка, философии и права, оригинальности. Когда-то Иван Яковлевич в интервью Саратовскому центру по противодействию организованной преступности и коррупции (оно было опубликовано в издании «Имя в науке» [1]) сказал, адресуя сказанное начинающим ученым: нужно «стремиться к неординарному мышлению, в противном случае вся наука будет сводиться к компиляции». Он сам — яркий пример такой неординарности (но стоит отметить, что неординарное мышление — это всегда врожденное качество, и у Ивана Яковлевича оно присутствует, а молодым нужно искать новые подходы даже к устоявшимся истинам).

Маленький ростом человек, рядом с которым многие ловили себя на том, что смотрят на него, со своего более высокого роста, не сверху вниз, а снизу вверх:

талант поднимает его над нами, делая не просто заметным в любом обществе знающих имя Ивана Яковлевича, а центром притяжения маленькой, но Вселенной...

Материал и методы

В статье исследован жизненный путь Ивана Яковлевича Козаченко, его роль в формировании Уральской правовой школы. Выделено разнообразие направлений научных исследований учеников И. Я. Козаченко в контексте развития Уральской уголовно-правовой школы. Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных методов научного познания. Применялись методы анализа, метод сравнения и логический метод интерпретации. Формально-логический метод применялся при формулировании выводов результатов проведенного исследования.

2. Козаченко: личность

Некоторые цифры и факты для лучшего понимания личности ученого и человека Ивана Яковлевича Козаченко.

Он родился 10 сентября 1940 г. в с. Ново-Кубановка Шербокульского района Омской области (и это место останется самым любимым в мире — по данным интервью), в бедной крестьянской семье. Таким образом, текущий 2025 год — год большого юбилея, хотя сам Иван Яковлевич смотрит на возраст иначе: «Важно сохранить свой биологический возраст. У меня, например, он намного меньше официального. Я в какой-то степени биологический маугли, рос в степи с чистой экологией. Хотя богатырем никогда не был. Был крестьянским парнем, которому в молодости постоянно приходилось отстаивать свое звание и место в жизни. Поэтому сейчас мне все легко дается».

Отца Иван Яковлевич почти не знал — тот сгинул в военной пучине (то ли погиб, то ли пропал без вести — данные разнятся). А мать — о ней он всегда много рассказывает — остается для него самым любимым человеком на земле — вместе с сыном. В школе, по собственному признанию, он учился легко, хотя после семи классов был вынужден ее оставить. Нужно было помогать кормить семью. Потом учился в фабрично-заводском училище (ФЗУ), работая судовым кочегаром.

После срочной службы в армии (в Эстонии) пришел разнорабочим на оборонный завод в Омске, совмещая работу с заочным обучением в средней школе. В 1962 г. вернулся в родную деревню и там два года учительствовал, совмещая это с должностью директора начальной школы.

Подводя итог этому периоду жизни И. Я. Козаченко, приведу тут слова профессора Л. Л. Кругликова о нем: «Все многочисленные заслуги Ивана Яковлевича являются результатом его упорного и кропотливого труда. Возможностей стать известным ученым и руководителем кафедры уголовного права одного из лучших юридических вузов страны у него в юности практически не было»¹[2].

3. Козаченко: творчество

Но в 1964 г. И. Я. Козаченко поступил в Свердловский юридический институт, и он стал его домом на всю жизнь. После окончания института И. Я. Козаченко начал в нем работать, закончил годичную аспирантуру, защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию под научным руководством профессора М. И. Ковалева на тему «Социально-правовая характеристика хулиганства» [3]. Через 14 лет (1987 г.) состоялась докторская диссертация по теме «Уголовные санкции за насильственные преступления: обусловленность, структура, функции, виды» [4], научный консультант — профессор М. И. Ковалев. Спустя годы профессор И. Я. Козаченко самым значимым именем для него в науке назовет М. И. Ковалева (из интервью Саратовскому центру).

Посчитать количество научных трудов Ивана Яковлевича точно не представляется возможным. Те данные, которые получены из различных источников (в том числе от кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева) сильно разнятся. Видимо, минимальная цифра верна, если она превышает 300 работ (принимая во внимание слова самого профессора в интервью разных лет). Научные интересы профессора И. Я. Козаченко очень широки, однако есть темы в его научных изысканиях, к которым он возвращался не раз: в частности, социальные роли уголовного права, нравственность и уголовное право, философия уголовного права, проблемы вины и вменяемости, насилие и его признаки, криминологическая обусловленность уголовного права и т. д. Отдельные издания давно стали раритетами: так, в частности, работы по квалификации хулиганства [5] и по санкциям насильственных преступлений против личности [6] являются редкими экземплярами, наличием которых может похвастаться далеко не каждая библиотека. Из последних работ, написанных профессором И. Я. Козаченко единолично, отмечу очень важную, на мой взгляд, поскольку в ней он формулирует, по сути, авторскую концепцию уголовного права: «Уголовное

право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт» [7].

Важно отметить еще два момента:

1) учебники по уголовному праву под редакцией профессора И. Я. Козаченко как по Общей части [8; 9; 10; 11], так и по Особенной [12; 13; 14; 15] в соавторстве с коллегами по кафедре, на мой взгляд, лучшие для думающих студентов и для аспирантов, хотя и не только для них;

2) профессор И. Я. Козаченко так умеет формулировать темы научных работ, в том числе статей и выступлений, что это неизменно привлекает внимание и заставляет его слушать или читать (например, «Антропологические модели уголовного права» [16]; «Скрытый убийца, или Чем опасен контрафакт в фармацевтике» [17]; «“Божественная комедия” Данте Алигьери как ода наказанию за грехи наши тяжкие» [18]; «Две силы на одного или зачем уголовному закону вступать в силу?» [19]; «Нищета коррупционной психологии» [20]; «Редактирование генома: нравственные дилеммы в уголовно-правовой огранке» [21] и т. д.

4. Козаченко: ученики

За время работы Иван Яковлевич подготовил громадное количество учеников — докторов (16) и кандидатов (76) юридических наук, всего 92 человека (хотя по персоналиям чуть меньше, потому что были случаи, когда ученики сначала защищали под руководством профессора кандидатскую, а спустя время — и докторскую диссертации), что, кажется, является своеобразным рекордом. Первые его ученики — кандидаты наук Лариса Анатольевна Можайская, ныне доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, и Любовь Витальевна Боровых, доцент, ныне — заведующая кафедрой уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, защитили диссертации в 1993 г. [22; 23]. В этом же году под научным консультированием профессора И. Я. Козаченко защищена и первая докторская диссертация Сергеем Николаевичем Сабаниным, ныне профессором, заслуженным юристом РФ [24].

Если проанализировать тематику диссертаций, защищенных под руководством профессора И. Я. Козаченко, можно сделать следующие выводы.

Диссертации учеников были посвящены исследованию проблем и уголовного (как Общей, так и Особенной частей, уголовной политике), и уголовно-исполнительного права, и криминологии. Не раз в них внимание обращалось на традиционно сложные проблемы доктрины, например, такие, как *объект преступления уголовно-правовой охраны* (докторская диссертация Г. П. Новоселова [25]; кандидатская диссертация А. С. Тараненко [26]), *вина и все, к ней относящееся* (кандидатские диссертации: М. А. Аль-Баити [27]; Т. И. Безруковой [28]; К. К. Станкевича [29]; А. Ю. Ширяева [30]), *теория и практика уголовного наказания и его назначения* (кандидатские диссертации М. В. Кирюшкина [31];

¹ См.: Иван Яковлевич Козаченко / Рубрика Выдающиеся криминологи России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 7.

В. С. Тасакова [32]), *постепенитенциарное воздействие и контроль* (докторская диссертация В. И. Горобцова [33], кандидатская диссертация Д. Н. Сергеева [34]).

Конечно, не могли остаться вне внимания Ивана Яковлевича, определявшего темы диссертаций своих учеников, и экономические преступления — как *посягательства на собственность* (кандидатские диссертации: М. В. Фролова [35] и А. В. Хабарова [36] по теории посягательств на собственность, в том числе по понятию имущества; В. И. Лесняка [37] и Е. В. Суслиной [38] по мошенничеству; А. В. Башкова по вымогательству [39], Д. Ю. Жданухина по шантажу [40]), так и *преступления в сфере экономической деятельности* (докторская Т. Ю. Погосян по преступлениям против торговли [41]; кандидатские: по предпринимательским преступлениям — А. П. Жеребцов [42], В. В. Порайко [43]; по незаконной банковской деятельности — Е. В. Мильчихина [44]; по легализации — А. А. Ганихин [45] и Д. В. Бахарев [46]; по кредитным преступлениям — Я. С. Васильева [47]; по посягательствам на конкурентные отношения — И. В. Серебруев [48]; по уголовно-правовым аспектам рекламы — Н. В. Воронин [49]; по фальшивомонетничеству — Е. Ф. Черкашин [50]; по контрабанде — Д. В. Коземаслов [51]; по посягательствам, связанным с драгоценными металлами и камнями, — Г. С. Тумалевич [52]; по банкротству — А. Н. Классен [53], Д. А. Бажин [54], С. В. Дерягина [55] (можно отметить тенденцию через каждое десятилетие возвращаться к этой теме); по налоговым преступлениям — В. Г. Истомина [56]).

А были и диссертации на остро современные и актуальнейшие темы (докторские А. П. Деткова «Методологические парадигмы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические аспекты» [57], Д. Ю. Гончарова «Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности»

[58], Д. В. Пучкова «Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики» [59]).

С учетом других, не названных выше учеников (их слишком много даже для упоминания), можно только констатировать, что Иван Яковлевич Козаченко и его кандидаты и доктора наук в значительной степени определяли в последние тридцать лет уголовно-правовую доктрину.

5. Козаченко: кафедра и уральская научная школа

Профессор Козаченко не был бы профессором Козаченко, если бы не кафедра уголовного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева. Он — часть уральской уголовно-правовой (в широком смысле) школы, участник ее становления, развития, а его ученики — ее продолжение. Так формируются традиции в науке.

У истоков уральской школы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права стоял профессор **М. И. Ковалёв**. По-крупному все началось с него: кафедра была образована в 1954 г., а уже на следующий год пост заведующего занял защитившийся в 1952 г. в Москве под руководством профессора Н. Д. Дурманова 33-летний доцент Митрофан Иванович Ковалев (хотя, справедливости ради, отмечу, что в Свердловск он приехал из Саратова, где три года заведовал кафедрой Саратовского юридического института). Он был завкафедрой 33 года: за это время подготовил 57 кандидатов наук, 15 из которых стали позже докторами (как с научным консультированием М. И. Ковалева, так и без него). Шесть его учеников и ныне работают на кафедре (защитили у него кандидатские — Т. Ю. Погосян [60]; Т. В. Кондрашова [61]; З. А. Незнамова [62]; Т. И. Ваулина [63], А. В. Куликов [64], а один — и кандидатскую, и докторскую (И. Я. Козаченко).

Рисунок 1 — Ученики проф. М. И. Ковалева, работающие ныне на кафедре уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева

Трое из этих учеников М. И. Ковалева вложили свой труд в развитие и укрепление родной кафедры кадрами: профессора И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова (оба в определенный момент возглавили кафедру) и доцент Т. В. Кондрашова.

Доцент **Татьяна Владимировна Кондрашова** стала научным руководителем А. В. Калёных, 1999 [65]; Е. И. Думанской [66]; И. О. Ткачёва [67]; Л. И. Шабалина [68].

Профессор **Зинаида Александровна Незнамова** — научный руководитель Е. Е. Мелюхановой [69].

С 1988 г. Иван Яковлевич, приняв эстафету от своего учителя Митрофана Ивановича Ковалева, стал заве-

довать кафедрой уголовного права и оставался на этом посту по 2023 г. Таким образом, служение науке через эту ипостась заняло 35 лет.

Под руководством **И. Я. Козаченко** состоялись ученые, и ныне работающие на кафедре (за одним исключением), защитившие:

кандидатские диссертации: Л. А. Можайская; А. П. Жеребцов; Я. С. Дикусар; Д. В. Савельев [70]; А. В. Башков; С. В. Розенко [71]; О. М. Калинина [72]; Ю. В. Радостева [73]; С. В. Иванов [74]; А. И. Терских [75]; Д. В. Пучков [76]; А. Г. Меньшикова [77]; Д. А. Кокотова [78]; Д. Н. Сергеев; Т. Ю. Строганова [79]; всего 15 человек;

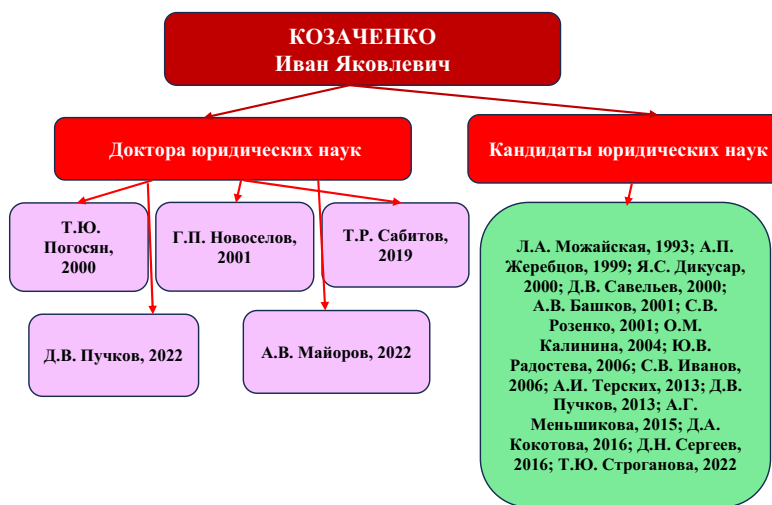

Рисунок 2 — Ученики профессора И. Я. Козаченко, работающие¹ на кафедре уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева

¹ Исключение сделано для профессора Г. П. Новоселова, ушедшего из жизни.

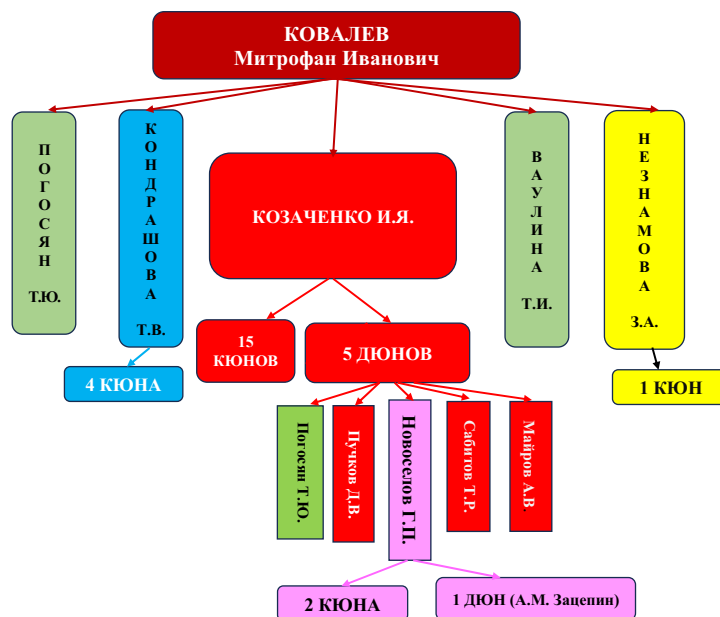

Рисунок 3 — Кафедра уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (основатели и продолжатели)

докторские диссертации: Т. Ю. Погосян; Г. П. Новоселов (ушел из жизни в 2019 г.); Т. Р. Сабитов [80]; Д. В. Пучков; А. В. Майоров [81]; всего 5 человек, из ныне здравствующих — четыре.

Свой вклад в развитие кадров родной кафедры успел внести и ученик профессора Козаченко — профессор Геннадий Петрович Новоселов. На кафедре работают его ученики: д. ю. н., профессор А. М. Зацепин [82]; к. ю. н., доценты Е. В. Щелконогова [83]; В. А. Попов [84].

В итоге, если представить себе союз учителей и учеников уральской школы уголовного права, работающих (работавших) на кафедре уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, получим следующую схему.

Вывод и заключение

Возвращаясь к названию статьи, — о роли личности в науке, попробуем мысленно выбросить из последней схемы все то, что связано с профессором И. Я. Козаченко, — итог и вывод очевидны настолько, что не нуждаются в формулировании. Была бы кафедра уголовного права имени М. И. Ковалева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, конечно, но точно бы — другая... Талант, в том числе организаторский, — штучный товар, встречается, увы, нечасто.

Вместо эпилога: хочешь идти быстро — иди один, хочешь дойти далеко — идите вместе (африканская пословица).

Список источников

1. Имя в науке: уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Саратов, 2013.
2. К юбилею научной школы заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Ивана Яковлевича Козаченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 5–11.
3. Козаченко И. Я. Социально-правовая характеристика хулиганства: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, Свердловский юридический институт, 1973. 168 с.
4. Козаченко И. Я. Уголовные санкции за насильственные преступления: обусловленность, структура, функции, виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, Свердловский юридический институт имени Р. А. Руденко, 1987. 393 с.
5. Козаченко И. Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений: учебное пособие / науч. ред. М. И. Ковалев. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1984. 83 с.
6. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / И. Я. Козаченко; под ред. М. И. Ковалева. Томск: Томский гос. ун-т, 1987. 232 с.
7. Козаченко И. Я. Уголовное право России. Общая часть: визуально-аналитический рецепт. Москва: Юрлитинформ, 2021. 251 с.
8. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. Москва: ИНФРА.М-НОРМА, 1998. 503 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. 2-е изд., стер. Москва: НОРМА, 2000. 516 с.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. 3-е изд., стер. Москва: НОРМА, 2001. 576 с.
11. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2008. 719 с.
12. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. Москва: ИНФРА.М-НОРМА, 1997. 768 с.
13. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. 2-е изд., изм. и доп. Москва: НОРМА-ИНФРА.М, 2000. 768 с.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. 3-е изд., изм. и доп. Москва: НОРМА, 2001. 960 с.
15. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред.: И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. Москва: НОРМА, 2008. 1006 с.
16. Козаченко И. Я. Антропологические модели уголовного права // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 10 февраля 2005 г.). Екатеринбург: УрГЮА, 2006. С. 8–16.
17. Козаченко И. Я. Скрытый убийца, или Чем опасен контрафакт в фармацевтике // Транснациональные и национальные концепции и модели уголовно-правового регулирования ответственности за незаконные действия с контрафактной продукцией в сфере фармацевтики: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 21 февраля 2014 года). Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2015. С. 5–17.
18. Козаченко И. Я. «Божественная комедия» Данте Алигьери как ода наказанию за грехи наши тяжкие // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино: коллективная монография по материалам XIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателя уральской уголовно-правовой школы, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М. И. Ковалева (Екатеринбург, 10–12 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2016. С. 5–13.
19. Козаченко И. Я. Две силы на одного или зачем уголовному закону вступать в силу? // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2016. Т. IV: Эволюция российского и зарубежного государства и права, проблемы теории государства и права в трудах-поздравлениях коллег Уральского государственного юридического университета. С. 451–462.
20. Козаченко И. Я. Нищета коррупционной психологии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 66–71.
21. Козаченко И. Я. Редактирование генома: нравственные дилеммы в уголовно-правовой огранке // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 39–45.
22. Можайская Л. А. Социально-правовые проблемы профилактики ВИЧ-инфекции/СПИДа (уголовно-правовые и медицинские аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1993. 196 с.
23. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1993. 177 с.
24. Сабанин С. Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1993. 238 с.
25. Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2001. 252 с.
26. Тараненко А. С. Общественная оценка человека как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2015. 203 с.
27. Аль-Баити Мухтар Авад Абдулла. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2019. 174 с.
28. Безрукова Т. И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2008. 148 с.
29. Станкевич К. К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2019. 199 с.
30. Ширяев А. Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2013. 188 с.
31. Кирюшкин М. В. Социальная обусловленность уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1999. 154 с.
32. Тасаков В. С. Основания смягчения уголовного наказания: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, Чувашский гос. ун-т., 2018. 190 с.
33. Горобцов В. И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики: дис. ... доктора юридических наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1995. 273 с.

34. Сергеев Д. Н. Социально-правовые грани постпенитенциарного контроля: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2016. 256 с.
35. Фролов М. В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2002. 192 с.
36. Хабаров А. В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1999. 183 с.
37. Лесняк В. И. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2000. 202 с.
38. Суслина Е. В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2006. 191 с.
39. Башков А. В. Уголовно-правовые аспекты вымогательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2001. 159 с.
40. Жданухин Д. Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2005. 146 с.
41. Погосян Т. Ю. Преступления в сфере торговли: история и современность: дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2000. 403 с.
42. Жеребцов А. П. Проблемы уголовной ответственности за нарушения порядка осуществления предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1998. 139 с.
43. Порайко В. В. Роль принципов уголовного права в регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 172 с.
44. Мильчехина Е. В. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2010. 197 с.
45. Ганихин А. А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2003. 173 с.
46. Бахарев Д. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты совершенствования механизма противодействия легализации доходов от организованной преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2005. 150 с.
47. Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2000. 142 с.
48. Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2016. 262 с.
49. Воронин Н. В. Реклама: социально-исторический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2001. 141 с.
50. Черкашин Е. Ф. Проблемы квалификации изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2008. 153 с.
51. Коземаслов Д. В. Контрабанда: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2002. 183 с.
52. Тумалевич Г. С. Спорные вопросы квалификации незаконных операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2002. 169 с.
53. Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская государственная юридическая академия, 2001. 174 с.
54. Бажин Д. А. Банкротство: уголовно-правовые и межотраслевые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2011. 197 с.
55. Дерягина С. В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 202 с.
56. Истомин В. Г. Проблемы уголовной ответственности за нарушения налогового законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1999. 173 с.
57. Детков А. П. Методологические парадигмы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2013. 397 с.
58. Гончаров Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2014. 515 с.

59. Пучков Д. В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики: дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 474 с.
60. Погосян Т. Ю. Проблемы повышения эффективности денежного штрафа как меры уголовного наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, Свердловский юрид. ин-т., 1985. 195 с.
61. Кондрашова Т. В. Эффективность применения норм, предусматривающих ответственность за насильственные половые преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, Свердловский юрид. ин-т., 1986. 200 с.
62. Николаева З. А. Уголовно-правовая охрана жизни, здоровья, чести и достоинства лиц, участвующих в охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, Свердловский юрид. ин-т., 1986. 195 с.
63. Ваулина Т. И. Основные и квалифицирующие признаки преступных посягательств, связанных с наркотическими средствами: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, Свердловский юрид. ин-т., 1990. 170 с.
64. Куликов А. В. Двойная форма вины: понятие, виды, конструкция составов, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук: Свердловск, Свердловский юрид. ин-т., 1990. 189 с.
65. Серова А. В. Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 1999. 150 с.
66. Думанская Е. И. Мотив преступления как итог мотивационного процесса; его значение при квалификации убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2005. 163 с.
67. Ткачев И. О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2009. 210 с.
68. Шабалин Л. И. Обоснованность существования специальных составов мошенничества в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 382 с.
69. Мелюханова Е. Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2017. 219 с.
70. Савельев Д. В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2000. 150 с.
71. Розенко С. В. Формы и виды организованной преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2001. 185 с.
72. Неудахина О. М. Проблемы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных и растений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2004. 157 с.
73. Радостева Ю. В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2006. 165 с.
74. Иванов С. В. Уголовная политика Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2006. 265 с.
75. Терских А. И. Компромисс в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2013. 217 с.
76. Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральская гос. юрид. академия, 2013. 178 с.
77. Меньшикова А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2015. 184 с.
78. Кокотова Д. А. Современная российская амнистия в контексте идей Ч. Беккариа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2016. 231 с.
79. Строганова Т. Ю. Уголовно-правовые аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 236 с.
80. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2019. 421 с.
81. Майоров А. В. Теория и методология виктимологического противодействия преступности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. 430 с.
82. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2022. 490 с.
83. Щелконогова Е. В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния: природа, система, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2014. 234 с.
84. Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Уральский гос. юрид. ун-т., 2016. 194 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопашенко Наталья Александровна

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный юрист РФ, почетный работник Министерства образования РФ,
ул. Чернышевского, д.104, стр. 3, г. Саратов, 410056, Россия.
E-mail: lopashenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9175-8877

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lopashenko Natalia Aleksandrovna

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation,
104 Chernyshevsky str., buil. 3, Saratov 410056, Russia.
E-mail: lopashenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9175-8877

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2025.

О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ВКЛАДЕ ПРОФЕССОРА И. Я. КОЗАЧЕНКО В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ДОКТРИНУ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Анатолий Валентинович Наумов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
yasenaum34@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>

Аннотация. В статье анализируются наиболее значимые в научно-теоретическом плане труды профессора И. Я. Козаченко: учебники по уголовному праву и криминологии, монографии, материалы научных и научно-практических конференций, статьи в научных изданиях. Выделяются основные научные направления его опубликованных трудов. В первую очередь это «проповедь» главной, по его мнению, функции уголовного права — охрану прав и свобод человека, выражающуюся в приверженности к нормам и принципам международного права. Отмечается, что это направление научных изысканий автора приобретает особое значение в резко изменившихся геополитических условиях непосредственного столкновения официального Запада (НАТО, Евросоюз, руководство многих крупнейших европейских стран), его оголтелой антироссийской пропаганды (в особенности агрессивной информационной войны) и Российской Федерации для защиты последней независимости своего государства, жизни и здоровья не только русскоязычного населения, но и других проживающих на Украине людей в условиях вынужденного проведения СВО с целью демилитаризации и денацификации правящего правительственного режима на Украине.

Центральное место в характеристике творческого вклада И. Я. Козаченко в отечественную доктрину уголовного права занимает анализ одной из самых заметных в научном плане работ (с точки зрения научной новизны). Это подробный анализ подлинного уголовно-правового и криминологического «шедевра» — написанной им в соавторстве с Д. Н. Сергеевым книги «Новая криминализация. Философско-научный путеводитель по миру преступлений и непроступного» (Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. — 256 с.). При этом автор статьи выделяет научную новизну таких глав этой монографии: «Основания криминализации», «Этика и криминализация», «Справедливость новой криминализации», «Рациональная криминализация». Завершается статья теоретическим анализом книги И. Я. Козаченко «Истина и закон», содержащей судебные речи известных отечественных и зарубежных адвокатов. (СПб., 2003), столь востребованной в современном правоприменении.

Ключевые слова: уголовное право, криминализация, общепризнанные принципы и нормы международного права

Для цитирования: Наумов А. В. О теоретическом вкладе профессора И. Я. Козаченко в отечественную доктрину уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 26–32. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-26-32

ON THE THEORETICAL CONTRIBUTION OF PROFESSOR I. YA. KOZACHENKO TO THE RUSSIAN DOCTRINE OF CRIMINAL LAW

Anatoly V. Naumov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

yasenaum34@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>

Abstract. The article analyzes the most significant scientific and theoretical works of Professor I. Ya. Kozachenko: textbooks on criminal law and criminology, monographs, materials of scientific and practical conferences, articles in scientific publications. The main scientific directions of his published works are highlighted. First of all, it is the “preaching” of the main function of criminal law, in his opinion, the protection of human rights and freedoms, expressed in adherence to the norms and principles of international law. It is noted that this area of the author’s scientific research is of particular importance in the dramatically changed geopolitical conditions of direct clashes between the official West (NATO, the European Union, the leadership of many major European countries), its rabid anti-Russian propaganda (especially aggressive information warfare) and the Russian Federation to protect the last independence of its state, the life and health of not only the Russian-speaking population, but also others living in Ukraine.

The central place in characterizing I. Ya. Kozachenko’s creative contribution to the Russian doctrine of criminal law is occupied by the analysis of one of their most “notable” in scientific terms (from the point of view of scientific novelty) is the author’s detailed analysis of a genuine criminal law and criminological “masterpiece” — a book written by him in collaboration with D. N. Sergeev “New criminalization. A philosophical and scientific guide to the world of crime and the criminal” (Yekaterinburg: SAPIENTIA, 2020. 256 p.). At the same time, the author of the article highlights the scientific novelty of such chapters of this monograph: “The foundations of criminalization”, “Ethics and criminalization”, “Justice of the new criminalization”, “Rational criminalization”. The article concludes with a theoretical analysis of Kozachenko’s book “Truth and Law”, which contains court speeches by famous domestic and foreign lawyers. (St. Petersburg, 2003), which is so in demand in modern law enforcement.

Keywords: criminal law, criminalization, generally accepted principles and norms of international law

For citation: Naumov AV. On the Theoretical Contribution of Professor I. Ya. Kozachenko to the Russian Doctrine of Criminal Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3): 26-32. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-26-32

Введение

Многочисленные научные труды Ивана Яковлевича Козаченко, в первую очередь, выражаются в подготовке им самых разнообразных по жанру произведений: учебники, монографии и статьи в престижных изданиях. Им, например, опубликовано свыше 300 научных, учебных и учебно-методических работ по самым различным проблемам уголовного права и криминологии. Время появления авторских учебников И. Я. Козаченко (как ответственного и научного редактора) можно определить 1997-м годом, когда был опубликован «Учебник уголовного права. Общая часть». Ответственный редактор И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова (М.: Издательская группа ИНФРА–М–НОРМА, 1997. — 516 с.). В том же году вышел из печати учебник «Уголовное право. Особенная часть». Учебник для вузов. Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова и Г. П. Новоселов. М.: Издательство (Издательская группа НОРМА-ИНФРА, М., 1997. — 755 с.). В 2012 г. в издательстве «Норма» (Москва) в соавтор-

стве им был выпущен учебник по криминологии, ответственным редактором которого является И. Я. Козаченко, выдержавший 5 изданий. В 2013 г. в издательстве «Норма» и «Юрист» (Москва) опубликовано 5 учебников, автором и ответственным редактором которых является И. Я. Козаченко. Под его научной редакцией подготовлено свыше 11 монографий. Он также является редактором 19 межвузовских сборников научных работ, выпущенных в свет издательством УрГЮА и другими издательствами.

Материалы и методы

Уголовное законодательство, учебники по уголовному праву, специальная литература по проблемам исследования. Основу исследования составили положения диалектического метода познания явлений, предполагающие их изучение в постоянном развитии и взаимообусловленности, а также общепризнанные (сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция)

и частно-научные методы (формально-логический, системно-структурный).

Описание исследования

В чем притягательность для читателя (например, правоприменителя или студента юридических вузов) названных теоретических источников? Постараюсь выделить две причины. Во-первых, отмечу проповедуемую Иваном Яковлевичем главную функцию российского уголовного права — *охрану прав и свобод человека*. И, во-вторых, его приверженность к общепризнанным принципам и нормам международного права. Признаю, что сейчас в резко изменившихся геополитических условиях непосредственного боестолкновения официального Запада (НАТО, Евросоюз), его оголтелой антироссийской пропаганды и России для отстаивания указанных (конституционных!) принципов, толкуемых нередко как проявление определенного *либерализма* и, даже «антипатриотизма», требуется подлинное гражданское мужество.

Сошлюсь лишь на недавнее событие, о котором поведал «Московский комсомолец». Суть его заключалась в том, что гастролы Театра Вахтангова в Севастополе отменили за два с небольшим часа до первого показа спектакля «Царь Эдип» (древнегреческой трагедии). Вот как это выглядело в изложении автора статьи, известного журналиста Марины Райкиной. Оказывается... неожиданно выяснилось, что успешный коллектив поставил на полуостров продукцию «предателя Туминаса» (правда, тот уже как год с лишним лежит в сырой, недружественной нам литовской земле», что в poste одного из руководителей города было расценено как попытка «устроить провокацию») ... Ума не приложу, как спектакли, которым рукоплескал европейский мир... а также дружественный Китай, где русские спектакли Вахтанговского театра остаются символом русской культуры, как и Большой театр, в родной стране вдруг в один день стали провокацией? Как такое возможно?

Теперь возможно, когда с патриотизмом, этим прекрасным словом, что-то не то происходит. Ведь оно для нас как слово мама, оно не напоказ, не для крикливых лозунгов и постов. А происходит с ним то, что из существительного многие его по-быстрому сделали прилагательным. Прилагательным к собственной карьере — политической, чиновничьей, творческой, к амбициям и комплексам нереализованных в своем деле людей... И в такие патриотические геймы попал Вахтанговский, которому, кроме гениального покойника, пришить нечего. Ну не полные же залы на шести активно работающих сценах припоминать? Или возрожденный из небытия и разрухи родовой дом Вахтангова во Владикавказе? Причём, в основном на свои, кровно заработанные, а не на министерские. Не абсурд ли это, который сеет подозрения и страх»¹.

¹ Мария Райкина. Чем Вахтанговский театр не угодил Севастополю: исследование «МК». URL: <https://www.mk.ru/culture/2025/05/14/chem-vakhtangovskiy-teatr-ne-ugodil-sevastopolyu-rassledovanie-mk.html> (дата обращения: 15.05.2025).

Свою характеристику творческих достижений И. Я. Козаченко начну с анализа одного из последних проявлений указанной тенденции (уже названной его приверженности нормам и принципам международного права), выраженной в едва ли не уголовно-правовом и криминологическом «шедевре» — в книге, написанной И. Я. Козаченко в соавторстве с Д. Н. Сергеевым «Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступлений и непреступного» (Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. — 256 с.) [1, с. 66–70]. После написания рецензии прошло уже несколько лет, и автор, разумеется, уточнил и значительно дополнил свои выводы и оценку значимости рецензируемой книги в условиях сегодняшнего столь противоречивого миропорядка, в том числе и уголовной политики. Внимательный читатель может вполне убедиться в этом. Надеюсь на понимание своих коллег по занятию уголовно-правовыми проблемами.

Саму проблему криминализации вряд ли можно назвать новой. По крайней мере она, начиная хотя бы с опубликования книги «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа, обсуждается уже более двух с половиной веков, а поток публикаций на эту тему только лишь возрастает. В связи с этим авторы в самом начале своей монографии (авторском предисловии) уточняют, что речь в книге идет не вообще об известном процессе криминализации, а о так называемой (авторами же) *новой* криминализации. Под ней они понимают «установление уголовной ответственности за те деяния, которые ранее уголовным законом не наказывались». Такую криминализацию они называют «прогнозом будущего развития уголовного права». Подзаголовок книги вызван, по мнению авторов, их стремлением отразить «объект исследования — философские и юридические представления о гранях данных феноменов». При этом авторы не скрывают того, что в своей работе опирались на доктринальный опыт прежних разработчиков данной проблемы, и не претендуют на признание своих идей «истиной в последней инстанции», а рассматривают написание своей книги как «приглашение к осмыслению будущего уголовного права через его настоящее и прошлое, которое концентрировано может быть заложено в идеях *новой криминализации*». Свои амбициозные цели авторам удалось достичь (хотя по некоторым аспектам исследуемой ими проблемы автор данной статьи нашел повод для вступления с ними в дискуссию). Поэтому хотелось бы отметить в качестве проявления несомненной научной новизны рассматриваемого исследования конкретные позиции авторов по данной проблеме. Во-первых, несмотря на, казалось бы, «академические» доктринальные уточнения (уже названные) ее целей, задач и «жанра», — эта работа не теоретически-кабинетная, а имеющая непосредственное *практическое* значение и вызвана она «жизнью» — непрерывным изменением Уголовного кодекса РФ новыми и новыми уголовно-правовыми запретами, создающими впечатление, что законодатель в области уголовного права озабочен, будто бы,

одним — «чтобы еще что-то запретить». Авторы справедливо называют такие «новые» преступления (вслед за проф. Н. А. Лопашенко) «квазипреступлениями» или же «псевдопреступлениями» и считают их «искусственными» преступлениями. Мотивы такого правотворчества авторы связывают либо с лоббированием интересов определенных групп населения (или власти, или бизнеса), а также стремлением депутатского корпуса продемонстрировать высокую законотворческую активность (во исполнение наказов избирателей) и желанием угодить руководителям государства, в особенности руководству соответствующих учреждений и ведомств, сделавшим акцент в своих выступлениях на негативной оценке того или иного явления. Автор данной статьи согласен с указанием на эти причины увлечения законодателя криминализацией. В некоторых своих работах он буквально «кричал» о превращении отечественной законодательной практики в процесс «кройки и шитья» и в превращение уголовного закона в «рабочий инструмент» для достижения *любых* желаемых законодателю политических и социально-экономических целей при отсутствии в нем (в уголовном законе) подлинных пробелов в уголовно-правовом регулировании, и что уголовный кодекс — это «не скорая помощь» и внесение в него изменений требует серьезных причин политического и социально-экономического характера [2, с. 764–768]. При всем согласии с авторами монографии насчет причин такого, не имеющего в мировой законодательной практике аналога увлечения переделкой уголовного Кодекса, предложу и еще одну причину. Это — кажущаяся «легкость изобретения» новых уголовно-правовых запретов. Понятно, что, издать (сформулировать) норму уголовно-правовую, будто бы гораздо проще, чем создать таковую, например, в гражданском праве. Хотя, разумеется, такое представление является глубоким заблуждением наших законодателей. Авторы монографии стараются помочь законодателю в отношении установления действительных пробелов в уголовно-правовом регулировании. Справедливо называют, например, такие сферы, как достижения генетики, робототехники, разработки в сфере искусственного интеллекта и обрушившуюся на весь мир цифровизацию, опыты представителей синтетической биологии, биомолекулярной химии и других новых областей знания.

Отталкиваясь от уже достигнутого в доктрине уголовного права и криминологии, авторы дают свое толкование понятия криминализации, вторгаясь не только в лингвистический его аспект, но и рассматривая криминализацию «как политическое и социально-правовое явление» и определяя ее «акторов» (а не просто субъектов) криминализации, а также выделяя стадии криминализации. В итоге они определяют «криминализацию (юридическую криминализацию) как обусловленный социально-правовыми обстоятельствами политический процесс, заключающийся в выявлении, описании, фиксации и пенализации отдельных форм индивидуально-поведения». В такой формуле проявилось согласие

с *традиционным* подходом к криминализации как разновидности уголовной политики. Однако, по мнению автора статьи, это все-таки не совсем так, и сами авторы в тексте монографии предлагают и другой, действительно *новый*, хотя бы для постсоветской литературы, подход (взгляд). Они справедливо обращают внимание на следующие особенности политического характера криминализации. «Лишь часть случаев криминализации имеют в своей основе политическую природу, во многих же других ситуациях криминализация не обусловлена зачастую иррациональной политической стихией, вполне рациональна». Автор данной статьи полностью согласен именно с *таким* определением доли «политического» в криминализации. Очевидно, что некоторые уголовно-правовые нормы об ответственности, например, за экономические преступления, защищают интересы одних социально-классовых групп, а другие — иных.

Свое особенное содержание авторы монографии смогли внести и в рассмотрение такого достаточно традиционного, в доктринальном плане, вопроса как история криминализации. Подобная новизна им удалась в связи с авторским же выделением (в сделанном историческом обзоре процесса криминализации от древности до настоящего времени) направлений как теоретических исследований, так и совершенствования уголовного законодательства. Таковыми явились: правовой плюрализм в исследовании уголовного права (опять-таки при рассмотрении истории криминализации); древние уголовные конфликты (протопреступления); соотношение греха и преступления (своего рода «церковная» криминализация); государственная «монополия» на криминализацию; *экспансия* юридической криминализации. Согласимся, что тем, кто продолжит традицию исследования феномена криминализации, будет что осмыслить не только в теоретическом, но и в сугубо жизненном (практическом аспекте). Что же касается области «церковной криминализации», то позволю напомнить, что, например, католическая церковь официально покаялась за сожжение на средневековых «кострах» инквизиции людей по надуманным поводам (допустим, обвинение, чаще всего женщин, в «ведьмовстве»: иногда в качестве доказательства выступала их красота — предполагаемо «дьявольская»); более серьезным грехом считалось, например, утверждение средневекового ученого, что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот (известное сожжение на костре Джордано Бруно). Со стороны других конфессий подобных покаяний, однако, не поступало. А в части отображения такого явления, как *экспансия юридической криминализации*, авторы убедительно приводят безудержную, не имеющую каких-либо пределов, любимую нашим законодателем *безразмерную бланкетность* принимаемых им «новых» уголовно-правовых запретов (на примере хотя бы новой статьи 330¹ УК РФ).

Пожалуй (на взгляд автора данной статьи), наибольшей научной новизной обладают следующие главы монографии: «Основание криминализации» (гл. III);

«Этика и криминализация» (гл. IV); «Справедливость новой криминализации» (гл. V); «Архетипы новой криминализации» (гл. VI); «Рациональная криминализация» (гл. VII). При этом авторы выдвигают *свою* схему предлагаемых ими оснований криминализации. Она начинается в виде очерка истории поиска граней между преступным и непроступным (от взглядов Монтескье до Иеринга) и продолжается поиском оснований криминализации: в советской (русской) доктрине; континентальной (европейской) доктрине; англо-американской теории криминализации. В заслугу авторов следует поставить то, что в решении основополагающего вопроса темы исследования они отошли едва ли не от общепризнанного противопоставления «европейского континентального» и «общего» уголовного права, учитывая имеющуюся тенденцию к стиранию резких отличий между ними и их сближению. Автору данной статьи это вполне понятно, так как уже более четверти века тому назад он (вместе со своим американским соавтором) в книге, написанной в Колумбийском университете (в Нью-Йорке), доказывал, что «между этими системами больше сходства, чем различий» [3], что, впрочем, порождало и недоуменные вопросы некоторых «коллег по перу»: как такое может быть?

В главе «Этика и криминализация» рассматриваются следующие аспекты проблемы: ее «лингвистический анализ»; ответ на вопрос — «обеспечивает ли уголовное право принудительность моральных запретов?»; «межнормативность» как существующую взаимосвязь, переплетения и конфликты разных нормативных систем (по Ж. Карбонье). При этом авторы внесли серьезный вклад в обсуждение вроде бы традиционной проблемы о соотношении морального и уголовно-правового в понятии преступления и, в особенности, в криминализации соответствующих деяний. В новейшее время это важно, например, для оценки достижений научно-технического прогресса (в монографии это исследование проводится на фоне изобретений науки в биоэтике и вообще появлении новых технологий). По этому поводу стоит вспомнить взгляды на этот счет еще профессора Ленинградского университета М. Д. Шаргородского, который, с одной стороны, предупреждал о том, что плодами научно-технического прогресса может воспользоваться и преступный мир, но, с другой, призывал к тому, чтобы уголовное право не превращалось в препятствие на пути развития науки и техники [4, с. 87–65].

Глава «Справедливость криминализации» посвящена раскрытию одного из самых противоречивых в доктрине требований, предъявляемых к криминализации, — ее справедливости как понятию крайне «оценочному». Авторы исходят при этом из признания такого качества «фундаментом» криминализации (т. е. ее основой) и конкретизации содержания понятия «юридической справедливости» — от Аристотеля до Европейского суда по правам человека, и раскрытии ими так называемого принципа «пропорциональ-

ности» криминализации. При этом авторы обсуждают вопрос, возникающий нередко перед отечественным законодателем — о криминализации относительно мелких правонарушений, не представляющих серьезной опасности, а также о способности при широкой распространенности таких случаев создать предпосылки для их криминализации. Авторы дают четкий отрицательный ответ: такие «поступки ни при каких обстоятельствах не имеют справедливых оснований для их криминализации». В подтверждение такой идеи считаю необходимым привести, например, мнение Н. Ф. Кузнецовой о том, что «распространенность или массовость того или иного антиобщественного поведения является скорее всего доводом против возведения его в «ранг» преступления» [5, с. 4–6]. Такое суждение автор статьи, без всякой «натяжки» называет «гениальным», заслуживающим внесения его в учебники криминологии (однако я не помню, чтобы в них была сделана ссылка именно на этот источник). Данный вывод вполне справедливо можно распространить и на стремление отечественного законодателя к возрождению («реинкарнации») института административной преюдиции в уголовном праве, от которого принципиально отказались разработчики УК РФ 1996 г., имея в виду, что повторное совершение административного проступка не превращает его в преступление и что такой проступок можно сделать преступлением только искусственно (как остроумно заметила Н. Ф. Кузнецова, «даже сто кошек не могут образовать одного тигра») [6, с. 542].

При раскрытии судебной формы реализации принципа справедливости криминализации авторы убедительно приводят практику Конституционного Суда РФ и, в частности, его постановления по делу Дадина (от 10 февраля 2017 г. № 2-П). Однако, после прочтения монографии автор данной статьи может не согласиться с утверждением, что оно (это решение) «практически никак не анализируется в российской уголовно-правовой науке». Сошлюсь лишь на то, что автор данной статьи (еще до прочтения монографии) выступил в печати с оценкой такой позиции Конституционного Суда как «формулирование нового содержания принципа законности — определенности уголовно-правового запрета» в нескольких статьях в престижных юридических изданиях [7, с. 88–94]. Думается, что в этом плане следовало бы также упомянуть и роль Верховного Суда РФ и Президента РФ в трактовке содержащегося или не содержащегося нарушения уголовно-правового запрета в «лайках», «постах» и «репостах» определенно лица (известные из СМИ дела Чудновец, Севастиди и других).

Едва ли не абсолютной научной новизной обладает содержание главы VI («Архетипы новой криминализации») и гл. VII («Рациональная криминализация»). В гл. VI дается определение понятия «архетипа» в теории новой криминализации (под ним авторы понимают: «своеобразный имплицитный культурный код, характеризующий типичные многократно повторяе-

мые модели обоснования и принятия решения о новой криминализации»; «метод поиска архетипов новой криминализации»; «прецедент» криминализации, означающий, что «если некое деяние было криминализовано, то это дает основание для криминализации другого деяния, сходного с первым по одному или нескольким признакам» (авторы приводят, например, изобретение в уголовном законе понятия «аналога наркотического средства и психотропного вещества», т. е. запрещенного для оборота вещества синтетического или естественного происхождения, не включенного в Перечень наркотических средств, благодаря чему был криминализован оборот веществ, которые могут быть еще и не созданы); «кумуляция» как «возникновение множества однотипных деяний, не являющихся преступлением», как «основанием для криминализации такого деяния» (авторы насчитали 36 случаев, когда кумуляция стала основой для принятия решения о криминализации); «аналогия», означающая, что «если некое деяние криминализовано в другой юрисдикции, то оно может быть криминализовано в отечественном уголовном законодательстве» (авторы приводят, например, «установленную во многих странах уголовную ответственность за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг»; значимые для законодателя «реакции», т. е. события, вызвавшие большой общественный резонанс и что может склонить законодателя к решимости криминализовать определенные деяния с расчетом «на будущее» (авторы насчитали 6 случаев такой криминализации по УК РФ). Авторы сосредоточили свое внимание «на опасности иной раз следования законодателя общественному мнению». Так, по нашему мнению, очевидно, например, что законодатель прав в том, что не прислушивается к тому, чтобы вопрос о наказании в виде смертной казни выносить на референдум, так как это не тема для всенародного голосования. В этом же «ключе» авторы рассматривают и вопросы «статистики и динамики архетипов новой криминализации». При этом, в числе прочих аргументов, авторы справедливо рассматривают и практику принятия Пояснительных записок к принимаемому законодательному акту, вводящему новый уголовно-правовой запрет. На наш взгляд, здесь вполне уместно было бы подвергнуть критике существующую практику финансово-экономического обоснования соответствующих законопроектов. Обычно в них утверждается, что принятие законопроекта не влечет за собой расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, но дело в том, что речь в этих случаях нередко идет о *новых судебных процедурах*, т. е. о достаточно большой предстоящей *дополнительной нагрузке* на судебный корпус, на суды, следствие и дознание, что конечно же не может не увеличить расходы, покрываемые за счет федерального бюджета.

В главе о рациональной криминализации рассматривается вопрос «о возможности достижения именно рациональной криминализации», под которой понимается достижение конкретной социально-полезной

цели с помощью криминализации; «основание рациональной криминализации» (включая социальное и политическое); «формализация криминализации» (где «прописаны» требования, которые должен учитывать законодатель при решении вопроса о криминализации определенного деяния). В первую очередь, это обоснованность потребности в появлении (конструировании) нового состава преступления (статистические материалы, расчеты ущерба, экспертные суждения, зарубежный опыт и т. д.), предварительный прогноз влияния нового закона на совершение данного деяния и других преступлений, разъяснение основных формулировок новой статьи уголовного закона, обоснование его санкций. Авторы вновь справедливо обращают внимание на анализ Пояснительных записок к принимаемым законопроектам, вводящих в УК новые составы преступлений, отмечая, что «последние нередко не содержат *никаких комментариев* необходимости криминализации и внесения существенных изменений в уголовный закон, а ограничиваются общими фразами». Как хотелось бы, чтобы законодатель обратил внимание, хотя бы на эти две последние главы монографии, вполне претендующие на то, чтобы служить «Руководством» для законодателя при внесении поправок в УК РФ.

Завершая вопрос о стремлении И. Я. Козаченко в своих трудах подчеркнуть необходимость приближения отечественной уголовно-правовой доктрины об уголовном праве и его применении к *мировым стандартам и аналогам*, в том числе и к непреходящим *ценностям и принципам* права, укажу на все возрастающее их значение. Констатирую, что Иван Яковлевич — первый (из нашего юридического доктринального сообщества) по творческой настойчивости продвижения своих, на этот счет, взглядов. И думаю, что после непременно достигнутого достижения победы в нынешнем боестолкновении России и Запада его представления о принципах Права и Правосудия станут (особенно в *информационном* плане) наиболее востребованными, хотя для их реализации и не простыми.

В указанные международно-правовые и компаративистские аспекты творческого наследия И. Я. Козаченко вполне вписывается и его обращение к такой проблеме, как привлечение внимания читателя к речам известных российских и зарубежных адвокатов XIX — начала XX века. Так, в 1994 г. редакцией Свердловского юридического института был издан два тома: «Трагедия любви» и «Коварные лабиринты». А в 2003 г. в издательстве «Юридический центр-Пресс» Санкт-Петербурга вышла книга «Истина и закон», содержащая судебные речи известных отечественных и французских адвокатов. Издание востребовано и сегодняшним читателем, так как эти речи представляют собой образцы гражданского мужества и профессионального мастерства, как сам автор отметил, «в постижении ИСТИНЫ с помощью ЗАКОНА и СЛОВА» (что так необходимо нынешнему судопроизводству, в особенности, по уголовным делам.

Свой «опус» заканчиваю восхищением преданности И. Я. Козаченко памяти своего Учителя — незабвенного Митрофана Ивановича Ковалева, упомянув хотя бы организацию регулярно проводимых им «Ковалевских чтений», и желаю другу и коллеге по юридической профессии всего самого доброго и, в первую очередь, здоровья и новых всевозможных удач!

Заключение и вывод

Теоретический анализ указанных работ И. Я. Козаченко свидетельствует о том, что они представляют собой значительный вклад в российскую доктрину уголовного права, а многие из них заслуженно входят в «золотой фонд» отечественного уголовного права и криминологической науки.

Список источников

1. Наумов А. В. Рецензия на монографию Козаченко И. Я., Сергеева Д. Н. «Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного». — Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. — 256 с. // Уголовное право. 2021. № 6 (130). С. 66–70.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Изд. 6-е. М.: Проспект. 2018. 784 с.
3. Дж. Флетчер, А. В. Наумов. Основные концепции современного уголовного права. М., Юрист. 1998. 512 с.
4. Шаргородский М. Д. Научный прогресс и уголовное право // Правоведение. 1969. № 12. С. 87–95.
5. Кузнецова Н. Ф. Условия эффективности уголовного закона // Проблема правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток. 1977. С. 4–6.
6. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб. Изд-во Юридический центр Пресс. 2003. 834 с.
7. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом Российской Федерации принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумов Анатолий Валентинович

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34
E-mail: yasenaum34@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4719-8929

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Naumov

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bolshaya Cheryomushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia
E-mail: yasenaum34@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4719-8929

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 02.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Assepted: 15.07.2025.

Научная статья
УДК 343.236
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-33-38

С. 33–38

ВОПРОСЫ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Елена Георгиевна Быкова

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
nega83-03@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Аннотация. В статье представлен результат изучения перечня проблемных аспектов неоконченного преступления, освещенных в научных трудах представителей уральской школы уголовного права. Правоведами рассмотрены вопросы неоконченных преступлений в авторских рекомендациях по их квалификации, а также при исследовании проблем соучастия или сложностей оценки конкретных деяний, ответственность за которые предусмотрена Особенной частью уголовного закона. Имеются отдельные научные труды, посвященные институту неоконченного преступления. Одной из первых таких публикаций стала изданная в 1954 году статья основателя уральской школы уголовного права М. И. Ковалева в журнале «Социалистическая законность», на страницах которой Митрофан Иванович заочно дискутировал с профессором А. Н. Трайниным об отдельных вопросах неоконченного преступления. Все проблемы, становившиеся когда-либо предметом исследования учеными уральской школы уголовного права, до сих пор вызывают активные дискуссии. Подготовленные научные труды могут стать основой для дальнейших теоретических исследований.

Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, стадии, уральская школа уголовного права, М. И. Ковалев

Для цитирования: Быкова Е. Г. Вопросы неоконченного преступления в трудах представителей уральской школы уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 33–38. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-33-38

Research article

ISSUES OF AN UNFINISHED CRIME IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE URAL SCHOOL OF CRIMINAL LAW

Elena G. Bykova

*Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Yekaterinburg,
Russian Federation
nega83-03@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Abstract. The article presents the result of studying the list of problematic aspects of an unfinished crime, highlighted in the scientific works of representatives of the Ural school of criminal law. Legal scholars have considered the issues of unfinished crimes in the author's recommendations on their qualification, as well as in the study of problems of complicity or difficulties in assessing specific acts, responsibility for which is provided for in a Special part of the criminal law. There are separate scientific papers devoted to the institute of unfinished crime. One of the first such publications was an article published in 1954 by the founder of the Ural school of

Criminal Law, M. I. Kovalev, in the journal *Socialist Legality*, on the pages of which Mitrofan Ivanovich discussed in absentia with Professor A. N. Trainin about certain issues of an unfinished crime. All the problems that have ever been the subject of research by scientists of the Ural School of Criminal Law still cause active discussions. The prepared scientific papers can become the basis for further theoretical research.

Keywords: unfinished crime, preparation for crime, attempted crime, stages, Ural School of Criminal Law, M. I. Kovalev

For citation: Bykova EG. Issues of an Unfinished Crime in the Works of Representatives of the Ural School of Criminal Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3): 33-38. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-33-38

Введение

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева признан одним из лидеров высшего юридического образования и науки России [1, с. 9]. Становление и развитие университета обеспечено трудами нескольких поколений профессоров, преподавателей и сотрудников — приверженцев ценностей права и лучших традиций высшей школы [1, с. 5]. Важнейшую роль в формировании этих канонов сыграл основатель уральской школы уголовного права Митрофан Иванович Ковалев [1, с. 6].

Работая более 30 лет заведующим кафедрой, М. И. Ковалев проявил себя как ученый с мировым именем, организатор и талантливый педагог. Под его непосредственным руководством небольшая по числу преподавателей кафедра превратилась в крупный научный коллектив [2, с. 9]. Продолжателем этой тенденции стал Иван Яковлевич Козаченко, который «смог значительно расширить научный потенциал кафедры и развить авторитетную в нашей стране и далеко за ее пределами научную школу уголовного права» [3, с. 6]. В настоящее время она занимает достойное место среди российских научных юридических школ [4, с. 61]. Неоценимый вклад в сохранение и преумножение традиций научной школы «Актуальные проблемы уголовного права» вносит Зинаида Александровна Незнамова, которая с июля 2023 года возглавляет кафедру уголовного права имени М. И. Ковалева.

Отдавая дань памяти основоположнику уральской школы уголовного права М. И. Ковалеву, сотрудники кафедры, носящей его имя, с 2004 года проводят масштабное международное научное мероприятие «Ковалевские чтения». Оно ежегодно становится дискуссионной площадкой для обсуждения, в результате которого «за прошедшее десятилетие многие из озвученных на конференции идей воплотились в жизнь» [5, с. 108].

Сфера научных интересов представителей уральской правовой школы многогранна. Некоторые направления в силу различных причин остаются в тени более масштабных теоретических исследований. В этой связи в рамках настоящей публикации будет представлен обзор научных трудов, посвященных вопросам неоконченного преступления. Данная тема является животрепещущей для правоприменителей ввиду большого количества неразрешенных проблем. Поэтому видится необходимым изучить, какие мнения по этому

поводу высказывались сотрудниками кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева и самим Митрофаном Ивановичем.

Целью проведения исследования является изучение перечня проблемных аспектов неоконченного преступления, освещенных в научных трудах представителей уральской школы уголовного права, для их последующего теоретического осмысления.

Материал и методы

Материалами для исследования послужили научные труды сотрудников кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (кафедры уголовного права Свердловского юридического института) за период с июня 1954 по апрель 2025 года. Поиск публикаций проводился в фондах Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В. Г. Белинского и научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU¹.

Основой исследования стал диалектический метод познания. При изучении материалов использовались историко-правовой и аналитический методы познания.

Описание исследования

Сотрудниками кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева подготовлены авторские рекомендации по квалификации неоконченных преступлений [6, с. 46–50; 7, с. 154–191; 8, с. 201–216]. Эти работы представляют исследовательский и практический интерес.

Правоведы уральской школы уголовного права в научных трудах часто касались вопросов о неоконченном преступлении при исследовании проблем соучастия или сложностей квалификации конкретных деяний, ответственность за которые предусмотрена статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ² (далее — УК РФ).

Так, Е. А. Фролов в своем диссертационном исследовании уделял внимание моменту окончания хищения, настаивая, что таковое «(за исключением разбоя) следует считать окончанным с момента изъятия имущества

¹ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU // URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 10.05.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.05.2025).

из владения (фондов) социалистической организации, так как именно с этого момента собственник фактически лишается возможности использовать принадлежащие ему ценности» [9, с. 50].

Позднее данный вопрос был предметом совместного изучения И. Я. Козаченко и В. Н. Курченко. Основываясь на тезисе о том, что в законе нет указания на момент окончания хищения, они проиллюстрировали примерами судебной практики обусловленные этим обстоятельством проблемы квалификации. Кроме этого, авторы уделили внимание сложностям отграничения единого продолжаемого хищения от совокупности преступлений, а также затронули вопрос об отсутствии единого подхода судов при квалификации групповых хищений, когда один участник группы совершает изъятие имущества и скрывается, а другого задерживают с частью похищенного. И. Я. Козаченко и В. Н. Курченко не обошли стороной проблему добровольного отказа от хищения при оконченном покушении. По их мнению, если покушение было окончено и виновный отказался от дальнейших действий, направленных на достижение преступного результата, имеет место не добровольный отказ от совершения преступления, а отказ от повторения преступного посягательства [10, с. 109–117].

Рассмотренные Е. А. Фроловым, И. Я. Козаченко и В. Н. Курченко проблемы квалификации хищений до настоящего времени не решены и составляют предмет многочисленных научных дискуссий. Как видится, одна из основных причин кроется в отсутствии четкого представления о многих аспектах неоконченного преступления как института уголовного права.

По справедливому замечанию И. Я. Козаченко и Е. Б. Козаченко, «развивая уголовно-правовые теории, изучая зарубежное законодательство и международно-правовой опыт противодействия преступности, наука уголовного права способствует совершенствованию отечественного уголовного законодательства, его модернизации» [11, с. 167]. В теории уголовного права имеются весьма ценные научные труды, посвященные неоконченному преступлению. Однако до настоящего времени «живут и здравствуют» проблемы, о которых писал в далеком 1954 году М. И. Ковалев.

Будучи еще кандидатом юридических наук, Митрофан Иванович на страницах журнала «Социалистическая законность» вступил в заочную дискуссию с профессором А. Н. Трайниным и раскритиковал идею ученого о необходимости оставить в новом общесоюзном Уголовном кодексе ответственность за приготовление ко всем преступлениям независимо от категории. М. И. Ковалев укорил А. Н. Трайнина за то, что он выдвинул свое предложение без опоры на судебную практику. М. И. Ковалев опроверг приведенный профессором аргумент о том, что при наказуемости приготовления только в указанных в уголовном законе случаях в уголовное право будут внесены формалистические критерии. С точки зрения М. И. Ковалева, ничего формалистического в этом не усматривается, поскольку «будет четко очерчен круг случаев уголовно-наказуемых

приготовлений к преступлению, и суды получают возможность руководствоваться строго определенным критерием, что будет способствовать единообразному правоприменению» [12, с. 20–21].

Митрофан Иванович отмечал, что опыт применения норм УК РСФСР 1926 года показал нецелесообразность сохранения ответственности за приготовление ко всем преступлениям. По его наблюдениям, привлечение к ответственности за приготовление имело место в редких случаях, когда степень общественной опасности таких действий значительна и не было сомнений, что это реальное начало преступной деятельности. Он считал, что по многим преступлениям нецелесообразно привлекать к ответственности за приготовление в силу того, что даже оконченное преступление представляет собой сравнительно малую общественную опасность. Кроме этого, правовед подчеркивал, что в ряде случаев сложно доказать факт приготовления, так как преступник далеко не всегда обнаруживает умысел на совершение преступления. Дополнительными аргументами М. И. Ковалева в пользу ограничения наказуемости приготовления категорией преступления стали тезисы о невозможности приготовления к неосторожному преступлению, а также к преступлению с косвенным умыслом и преступлениям с формальным составом, совершаемым путем бездействия [12, с. 22–23]. Позднее точка зрения о том, что неоконченное преступление может быть совершено только с прямым умыслом, высказана еще одним представителем уральской научной школы Г. П. Новоселовым [6, с. 46–47].

В теории уголовного права до сих пор продолжается полемика по затронутым М. И. Ковалевым вопросам о пределах наказуемости приготовления к преступлению. При этом представители уральской школы уголовного права являются противниками полного исключения ответственности за приготовление к преступлению. Так, Е. Е. Мелюханова замечает, что после такого изменения уголовного закона «возникнет необходимость «дождаться» последующих стадий развития преступной деятельности для обеспечения возможности привлечения лица к уголовной ответственности». Она справедливо утверждает, что «деятельность по выявлению и пресечению преступлений на стадии приготовления не будет иметь уголовно-правового значения. А лицо, осуществляющее przygotowательную деятельность, не будет опасаться возможности ее пресечения и привлечения его к уголовной ответственности, что будет способствовать расширению масштабов указанных действий» [13, с. 111].

Разделяя позицию Е. Е. Мелюхановой, следует заметить, что даже сейчас имеются проблемы противодействия приготовлению к преступлениям, совершаемым, например, организованными группами. В частности, на начальном этапе сложно установить факт создания условий для совершения телефонного мошенничества таким преступным объединением. Это становится препятствием для привлечения к ответственности отдельных лиц при условии доказанности приготовления

к хищению денежных средств граждан в неопределенном размере [14, с. 20–21].

Кроме этого, отнесение неосторожных преступлений к категории тяжких породило новый виток дискуссии о возможности приготовления к ним. Таким образом, вопросы ответственности за приготовление к преступлению требуют детальной проработки с учетом имеющихся на сегодняшний день правоприменительных проблем.

Возвращаясь к дискуссии М. И. Ковалева и А. Н. Трайнина, нельзя упустить важную мысль, высказанную Митрофаном Ивановичем в ответ на аргумент заочного оппонента о хрупкости и подвижности границ между приготовлением и покушением на преступление. Основатель уральской школы уголовного права признал наличие этой проблемы, но заявил, что «трудность проведения границы между приготовлением и покушением есть во многом следствие того, что теория уголовного права еще не указала правильных путей установления границы» [12, с. 21].

Приходится констатировать, что в настоящее время в доктрине уголовного права ответа на данный вопрос по-прежнему нет, он продолжает оставаться предметом обсуждения. Анализ неоднозначной правоприменительной практики по уголовным делам о неоконченных преступлениях наглядно иллюстрирует необходимость поиска решения этой проблемы.

Некоторые дискуссионные аспекты квалификации неоконченного преступления были обозначены в 1978 году представителями уральской школы уголовного права Р. Р. Габиакбаровым, Е. А. Фроловым, Ю. А. Ворониным, И. Я. Козаченко, Ю. Н. Юшковым в рецензии на научный труд Б. А. Куринова «Научные основы квалификации преступлений». В частности, рецензенты поддержали правильность суждения автора о том, что покушение на преступление и аналогичное оконченное преступление образуют повторность. При этом отметили, что «автор ничего не говорит о возможности образования одновременно и совокупности преступлений, хотя это очень важно для разрешения данной категории дел на практике» [15, с. 131]. Кроме этого, представители кафедры уголовного права Свердловского юридического института обратили внимание на спорность рекомендации А. Б. Куринова о правовой оценке ситуации, когда виновный сознавал, предвидел и желал причинения потерпевшему любого вида телесных повреждений, как покушения на причинение наименее опасного из всех желаемых вредных последствий. По мнению рецензентов, «предложенная автором квалификация приводит к тому, что вне поля зрения остаются действия, направленные на реализацию желания причинить потерпевшему более опасный вред» [15, с. 131–132].

Нужно подчеркнуть, что обозначенные в качестве замечаний рецензентов дискуссионные вопросы до настоящего момента обуславливают правоприменительные проблемы и вызывают научный интерес у специалистов по уголовному праву.

Представители уральской школы уголовного права в своих научных трудах уделяют внимание сложностям квалификации неоконченных преступлений при наличии фактической ошибки.

Так, И. О. Ткачев подверг критике обозначенную в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» позицию о правовой оценке содеянного виновным в ситуациях, когда он, стремясь причинить смерть двум или более лицам, лишает жизни только одного из них. По мнению автора, «содеянное виновным в таких случаях полностью охватывается ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК» [16, с. 15].

Т. Р. Сабитов, рассматривая правило квалификации преступления при наличии фактической ошибки в его предмете или объекте с точки зрения принципа субъективного вменения, отмечает условность оценки содеянного по статье Особенной части УК со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК. По его мнению, буквальное толкование этой нормы «означает, что лицо объективно совершает именно то преступление, признаки которого описаны в соответствующей статье Особенной части УК, однако по причинам, не зависящим от его воли, данное преступление не было доведено до конца». Ученый считает, что «если лицо не совершает то преступление, которое указано в Особенной части УК, а выполняет иное деяние, будь то приобретение негодного оружия или вещества лишь внешне похожего на наркотическое средство, то применить ч. 3 ст. 30 УК нельзя». Т. Р. Сабитов констатирует наличие пробела в уголовном законе, который является причиной применения распространительного толкования соответствующих норм уголовного права [17, с. 62–63]. Данная проблема также требует дальнейшего осмысления в контексте совершенствования признаков неоконченного преступления.

Среди научных трудов современных представителей уральской школы уголовного права примечательна публикация Е. Е. Мелюхановой, в которой она обосновывает, что неоконченное преступление является самостоятельной уголовно-правовой категорией, содержащей «определенное количество таких элементов, которые обладают всем комплексом сущностных категориальных признаков». Е. Е. Мелюханова подчеркивает, что «приготовление к преступлению и покушение на преступление также являются уголовно-правовыми категориями. Многоуровневая категоризация обеспечивает систематизацию уголовно-правовой действительности» [13, с. 108–109].

Комплексное исследование всех рассмотренных выше проблем представлено в диссертации А. М. Зацепина. Он уделил им внимание при характеристике неоконченного преступления как элемента дополнительной квалификации [18, с. 107–129]. Отдельно он осветил проблемы дополнительной квалификации приготовления к преступлению, рассмотрев, в частности, вопросы о соотношении понятий «изготовление», «приспособление» и «приискание» орудий и средств совершения преступления, о целесообразности употреб-

ления законодателем терминов «орудия» и «средства», хотя, по мнению диссертанта, это не имеет практического значения. А. М. Зацепин проанализировал целесообразность отнесения к признакам приготовления к преступлению сговора на совершение преступления или приискания соучастников преступления [18, с. 278–302]. При исследовании дополнительной квалификации покушения на преступление диссертант уделил внимание неоднозначности формулировки «действия, непосредственно направленные на совершение преступления» и проиллюстрировал проблему на примере преступлений с формальными и материальными составами. Кроме этого, он проанализировал правила квалификации преступлений при наличии фактической ошибки, заключив, что «судебная практика исходит из правил оценки такой ошибки как покушения на преступление» [18, с. 303–302].

Квинтэссенцией еще одной проблемы квалификации неоконченных преступлений стали разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам правовой оценки деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Этой новелле посветил свою научную статью И. О. Ткачев. Он проанализировал положения п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 № 37

сквозь призму степени общественной опасности использования указанного способа в процессе приготовления к преступлению. Автор резюмировал, что «вменение указанного признака при использовании информационно-телекоммуникационных сетей исключительно на стадии приготовления к преступлению уравнивает по степени общественной опасности умышленное создание условий для совершения преступления и деяние, образующее объективную сторону, может повлиять на изменение категории преступления и наказуемость приготовительной деятельности, что противоречит принципу справедливости» [19, с. 74–78, 81]. Эту квалификационную проблему можно считать инновационной. Способ традиционно рассматривается в уголовном праве как признак объективной стороны преступления, поэтому открытым остается вопрос обоснованности рекомендаций высшей судебной инстанции.

Заключение и вывод

По результатам изучения научных трудов представителей уральской школы уголовного права, посвященных неоконченным преступлениям, можно констатировать, что рассмотренные в них вопросы остаются актуальными до настоящего времени, поэтому требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Список источников

1. Бублик В. А., Винницкий А. В., Насибуллин Р. А. [и др.]. Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева: история, настоящее, будущее // Юридическое образование и наука. 2024. № 4. С. 5–18.
2. Майоров А. В., Незнамова З. А., Пучков Д. В. Правовые горизонты безопасности: интеграция научных и уголовно-правовых аспектов. XX Международная научно-практическая конференция «Ковалевские чтения» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3(42). С. 7–11.
3. Майоров А. В. Поздравляем Ивана Яковлевича Козаченко с 80-летием! // Виктимология. 2020. № 3(25). С. 5–7.
4. Майоров А. В. Проблемы уголовного права в научных трудах Заслуженного деятеля науки РФ доктора юридических наук, профессора Ивана Яковлевича Козаченко (к 80-летию выдающегося ученого) // Виктимология. 2020. № 3(25). С. 61–68.
5. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н., Васильев А. М. Примирение в праве: компромисс или уступка? Обзор XVII Международной научно-практической конференции памяти М. И. Ковалева // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 108–126.
6. Новоселов Г. П. Алгоритм уголовно-правовой квалификации деяния с учетом стадий совершения преступления // Общество и преступность: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические аспекты: сборник научных статей участников II Всероссийской научно-практической конференции, Киров, 30 апреля 2015 года / Вятский государственный университет. Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2017. С. 46–50.
7. Семернева Н. К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. Москва: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2016. 296 с.
8. Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. 513 с.
9. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. 53 с.
10. Козаченко И. Я., Курченко В. Н. Отграничение оконченного преступления от покушения: теория и практика // Российский юридический журнал. 1995. № 4(8). С. 109–117.
11. Козаченко И. Я., Козаченко Е. Б. Уголовное право: многообразие единства // Проблемы права. 2014. № 4(47). С. 163–168.
12. Ковалев М. И. Ответственность за приготовительные к преступлению действия // Социалистическая законность. 1954. № 8. С. 20–23.
13. Мелюханова Е. Е. Уголовно-правовое значение неоконченного преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1(45). С. 107–114.

14. Быкова Е. Г. Сложности квалификации неоконченного телефонного мошенничества по уголовному законодательству России и Беларуси // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2024. № 4. С. 18–22.
15. Галиакбаров Р. Р., Фролов Е. А., Воронин Ю. А. [и др.] Б. А. Куринов. Научные основы квалификации преступлений / Изд-во Моск. ун-та, 1976, 182 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 5. С. 130–132.
16. Ткачев И. О. Ошибка в количестве потерпевших и ее значение при квалификации убийств // Российское право в Интернете. 2005. № 3. С. 15.
17. Сабитов Т. Р. К вопросу о содержании принципа субъективного вменения // Уголовное право. 2009. № 4. С. 60–65.
18. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика: специальность 5.1.4. — уголовно-правовые науки (юридические науки): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 490 с.
19. Ткачев И. О. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак состава преступления // Уголовное право. 2024. № 10(170). С. 72–83.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Елена Георгиевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
ул. Щорса, д. 18, г. Екатеринбург, 620 142, Россия
E-mail: nega83-03@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3850-9366

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Bykova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Yekaterinburg Branch, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
18 Shchorsa str., Yekaterinburg, 620 142, Russia
E-mail: nega83-03@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3850-9366

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2025.

СВЯЗЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ С ПРЕДПИСАНИЯМИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ КНР, СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ)

Ксения Андреевна Ершова

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
k.a.ershova@usla.ru*

Аннотация. Изучение предпосылок уголовной ответственности юридических лиц приводит к выводу о необходимости обоснования пределов ответственности юридических лиц, анализа связи пределов возможной правоспособности юридического лица в уголовном праве с правоспособностью организации в гражданском праве и иных отраслях российского права. Ответ на указанный вопрос позволит сформировать концепцию уголовной ответственности юридических лиц в российском праве, отразив межотраслевой характер юридического лица как потенциального субъекта уголовной ответственности.

Определение гражданско-правовых пределов правоспособности юридического лица позволит ответить на принципиальный вопрос о возможности признания юридического лица субъектом преступления либо иных мер уголовно-правового характера.

Действующее законодательство социалистических государств и стран постсоветского пространства имеет историческую связь с современным российским законодательством, что обуславливает необходимость скрупулезного изменения действующего законодательства об уголовной ответственности юридических лиц для решения вопроса адаптации удачных решений в российском законодательстве. Особое внимание в настоящем исследовании уделяется вопросам предпосылок уголовной ответственности юридических лиц, связи пределов уголовной ответственности юридических лиц с пределами гражданской правосубъектности и признанием юридического лица субъектом уголовной ответственности либо субъектом и уголовной ответственности, и преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, гражданская ответственность, зарубежный опыт, предпосылки ответственности

Для цитирования: Ершова К. А. Связь уголовной ответственности юридических лиц с предписаниями норм гражданского права (на примере КНР, стран Восточной Европы и постсоветских государств) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 39–43. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-39-43

Review article

RELATIONSHIP BETWEEN CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES AND THE PROVISIONS OF CIVIL LAW (ON THE EXAMPLE OF CHINA, EASTERN EUROPEAN COUNTRIES AND POST-SOVIET STATES)

Kseniya A. Ershova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
k.a.ershova@usla.ru*

Abstract. The study of the prerequisites for criminal liability of legal entities leads to the conclusion that it is necessary to substantiate the limits of liability of legal entities, to analyze the connection between the limits of possible legal capacity of a legal entity in criminal law and the legal capacity of an organization in civil law and other branches of Russian law. The answer to this question will allow us to formulate the concept of criminal liability of legal entities in Russian law, reflecting the inter-branch nature of a legal entity as a potential subject of criminal liability.

Determining the civil-law limits of the legal capacity of a legal entity will make it possible to answer the fundamental question of the possibility of recognizing a legal entity as the subject of a crime or other measures of a criminal-law nature.

The current legislation of socialist states and post-Soviet countries has a historical connection with modern Russian legislation, which necessitates a scrupulous change in the current legislation on criminal liability of legal entities to resolve the issue of adapting successful solutions to Russian legislation. Particular attention in this study is paid to the issues of prerequisites for criminal liability of legal entities, the relationship between the limits of criminal liability of legal entities and the limits of civil legal capacity and the recognition of a legal entity as a subject of criminal liability or a subject of both criminal liability and a crime.

Keywords: criminal liability, legal entity, civil liability, foreign experience, prerequisites for liability

For citation: Ershova KA. Relationship Between Criminal Liability of Legal Entities and the Provisions of Civil Law (on the Example of China, Eastern European Countries and Post-Soviet States). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):39-43. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-39-43

Введение

Современное уголовное законодательство многих стран общего права и романо-германской правовой семьи предусматривает уголовную ответственность юридических лиц. Вместе с тем, на формирование норм, устанавливающих уголовную ответственность юридических лиц, в странах, относящихся к различным правовым семьям, влияют разнонаправленные факторы. К первой группе факторов относятся исторические предпосылки появления института уголовной ответственности юридических лиц в каждом конкретном государстве. Помимо этого, влияние на развитие института уголовной ответственности юридических лиц оказывают правовые традиции каждого государства. Так, в странах общего права, благодаря концепции строгой ответственности и прекрасно разработанного института ответственности за действия третьих лиц, с конца XIX в. активно развивается учение об уголовной ответственности корпораций. В странах романо-германской правовой системы закрепление института уголовной ответственности юридических лиц произошло лишь к концу XX в. Большие сложности при введении уголовной ответственности юридических лиц в странах континентальной Европы, на наш взгляд, связаны с традиционным для романо-германского права психологическим пониманием вины.

Вторую группу факторов, по нашему мнению, можно отнести к процессам унификации. Данные факторы связаны с объективными процессами, протекающими в большинстве современных государств. В первую очередь, это глобализация, выражающаяся в тесном экономическом, культурном и политическом взаимодействии многих стран. Негативным следствием глобализационных процессов является появление новых форм преступной деятельности, усиление транснациональной преступности. «Глобализация преступности» [4, с. 30], рост межгосударственной и даже межконтинентальной организованной преступной деятельности — актуальная проблема как для России, так и для государств Европы и обеих Америк. Как следствие, государства с различными правовыми системами вынуждены совместно

пресекать межгосударственные и транснациональные преступления, что приводит к ряду трудностей, вызванных различием законодательства. Решение проблемы осуществляется путем конструирования единых норм на уровне международного права. Многочисленные Конвенции, направленные на пресечение наиболее опасных форм преступной деятельности и помогающие урегулировать вопросы межгосударственного сотрудничества в сферах уголовного права и уголовного процесса, предлагают единые принципы для всех участников.

В таком диалектическом взаимодействии находят социальные, экономические, идеологические предпосылки развития норм об уголовной ответственности юридических лиц в различных государствах. Вопросам их законодательного закрепления и правоприменительной практики в различных государствах посвящена данная статья.

Материалы и методы

В настоящей статье использованы нормативные правовые акты, устанавливающие ответственность за правонарушения и преступления в сферах экономики и экологии по российскому законодательству и законодательству зарубежных государств. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Применялись общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция и дедукция, частнонаучные — метод сравнительного правоведения.

Описание исследования

В государствах Восточной Европы, на постсоветском пространстве и в Китае проблема уголовной ответственности юридических лиц получила развитие в науке и законодательстве лишь с 90-х гг. XX века. Это связано с экономическими и социальными особенностями стран Восточного блока, бывшего СССР и Китая. При доминировании государственного сектора экономики, контроле и вмешательстве государства в социально-экономические процессы, уголовная ответственность юридических лиц остается неактуальной.

В Словацкой Республике развитие института уголовной ответственности юридических лиц обусловливалось процессами, происходившими в политической и экономической жизни стран бывшего Восточного блока с начала 90-х годов XX века [7, с. 69–70]. Изначально в УК Словакии была введена «квазиуголовная» ответственность юридических лиц, аналогичная уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ, при которой субъектом преступления признавалось физическое лицо, а субъектом наказания — юридическое. С 2016 г. юридические лица признаются субъектами как деяния, так и уголовной ответственности. То есть введен принцип отождествления, описанный ранее.

По законодательству Чешской Республики (далее — УК ЧР), юридические лица осуществляют права и обязанности через физических лиц, которые являются исполнительными органами юридических лиц. Этот же подход применяется и к уголовной ответственности юридических лиц. Основанием уголовной ответственности организации по УК ЧР признается совершение преступления физическим лицом даже в тех случаях, когда регистрация юридического лица еще не завершена [7, с. 76]. То есть по УК ЧР уголовная ответственность юридических лиц изначально базировалась на принципе отождествления. Привлечение к уголовной ответственности организации не освобождает от уголовной ответственности физических лиц, осуществляющих функции исполнительного органа юридического лица, если в их действиях содержатся признаки состава преступления. В случае реорганизации юридического лица обязанность претерпеть негативные правовые последствия, связанные с привлечением лица к уголовной ответственности, переходит к правопреемникам организации. К уголовной ответственности согласно УК ЧР юридическое лицо привлекается и в том случае, когда деяние, признанное преступлением, выполняется не только руководителями, но и иными физическими лицами — работниками организации, при условии, что совершенное преступление явилось следствием отсутствия должного контроля в организации. Юридическое лицо освобождается от уголовной ответственности, если оно «приложило все усилия для предотвращения преступления» [7, с. 76].

В государствах, ранее входивших в состав СССР в качестве союзных республик, проблема уголовной ответственности юридических лиц также является актуальной.

УК Латвийской Республики (далее — УК ЛР) разделяет ответственность физических и юридических лиц. Физическое лицо подлежит ответственности за преступление юридического лица, если выступало как представитель юридического лица¹. Таким образом, УК ЛР устанавливает ответственность физического лица за деяние юридического лица. Само юридическое лицо не признается ни субъектом деяния, ни субъектом ответственности. Подобный подход имеет свои причи-

¹ Уголовного закона Латвийской Республики. URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 27.09.2024).

ны. Во-первых, в Латвийской Республике, как и в иных государствах постсоветского пространства, уголовная ответственность юридических лиц до недавнего времени не была актуальной. Как следствие, основания и пределы ответственности юридических лиц разрабатываются и уточняются с учетом специфики законов Латвии. Во-вторых, в гражданском праве Латвийской Республики указывается, что участниками отношений могут быть лица, обладающие как правоспособностью, так и дееспособностью. Дееспособностью могут обладать лишь физические лица, потому как она связана с психологическим компонентом. В ст. 1410 Гражданского закона Латвийской Республики закреплено, что юридические лица осуществляют сделки через законных представителей. Гражданское право Латвийской Республики строится на концепции признания полноценным субъектом лишь физических лиц. Юридические лица не обладают дееспособностью. Кроме того, физические лица согласно латвийскому законодательству выступают не как исполнительные органы юридического лица, а как его законные представители, то есть сами осуществляют от имени и в пользу юридического лица его права и обязанности. Гражданско-правовой подход, исключающий признание юридического лица полноценным участником отношений, способным самостоятельно осуществлять права и обязанности, затрудняет развитие уголовной концепции ответственности юридических лиц.

В результате недееспособности выгодоприобретателя — юридического лица, ответственности подлежат его законные представители — физические лица, осуществляющие полномочия исполнительных органов. Такой подход гражданского права к определению пределов правоспособности юридического лица продолжен уголовным правом.

Вместе с тем, ст. 12 УК ЛР допускает применение к юридическим лицам принудительных мер воздействия, которые закреплены в главе VIII_1 УК ЛР². Данные меры, не являясь наказанием, по нашему мнению, аналогичны иным мерам уголовно-правового характера, закрепленным в разделе VI УК РФ. Общим признаком данных мер, сконструированных как российским, так и латвийским законодательством, является то, что они не относятся к видам уголовных наказаний. Применение иных мер воздействия неразрывно связано с совершением общественно опасного деяния. И если по нормам российского уголовного законодательства решение о применении принудительных мер воздействия принимается в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, то по главе VIII_1 УК ЛР происходит разделение субъектов воздействия. К физическим лицам применяется уголовное наказание, к юридическим лицам — принудительные меры воздействия. При этом нормы ст. 70.1 УК ЛР, закрепляющие основания применения принудительных мер воздействия, аналогичны нормам уголовных законов

² Уголовного закона Латвийской Республики. URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 27.09.2024).

иных государств, закрепляющих основания признания юридических лиц субъектами преступления. Нормы, устанавливающие принудительные меры воздействия юридических лиц по УК ЛР, наиболее близки к нормам УК Франции, закрепляющим уголовную ответственность юридических лиц. И в УК Франции, и в УК ЛР установлено, что деяние должно совершаться от имени юридического лица и в интересах юридического лица его исполнительными органами. Отличием французского уголовного законодательства от уголовного законодательства Латвии является признание юридического лица субъектом уголовной ответственности и наказания, в то время как в Латвии юридическое лицо признается только субъектом применения принудительных мер воздействия при том, что данные меры аналогичны наказанию, применяемому по законодательству Франции [6, с. 111–112]. Мы полагаем, что причина такого подхода к вопросу уголовной ответственности юридического лица в законодательстве Латвии связана, с одной стороны, с неготовностью к радикальному пересмотру базовых институтов уголовного права, в первую очередь института личной виновной ответственности, что характерно для стран бывшего СССР, а с другой стороны, объективные процессы, происходящие в обществе, вынуждают законодателя Латвии решать вопросы пресечения противоправных деяний юридических лиц.

Во многих странах Восточной Европы и постсоветского пространства в 1990-х — 2000-х гг. была введена уголовная ответственность юридических лиц. Помимо европейских государств, уголовная ответственность юридических лиц закреплена в законодательстве ряда стран Азии. Примером государства, законодательство которого устанавливает уголовную ответственность юридических лиц, может служить Китайская Народная Республика (далее — Китай). По мнению ряда исследователей, Китай относится к странам с социалистической правовой моделью [1, с. 18–19]. Вместе с тем, право стран Восточной Европы и постсоветского пространства ранее также относилось исследователями к социалистическому праву. Кроме того, с позиции систематизации правовых систем, основанной на классификации источников права, некоторые исследователи сужают типологии правовых систем до двух: романо-германской и англосаксонской. И, хотя далеко не все исследователи согласны с указанным подходом, такая типология встречается в научных работах [1, с. 20–21]. С позиции типологии правовых систем на основании источников права Китай может быть отнесен к странам с романо-германским типом правовой семьи. В связи с чем мы полагаем возможным завершить рассмотрение права стран романо-германской правовой семьи правом Китая.

В 1997 г. УК Китая были внесены нормы, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц, что исследователи связывают с развитием рыночной экономики, усилением роли юридических лиц и ростом правонарушений, допускаемых юридическими

лицами [3, с. 614]. В общей части УК Китая вопросам ответственности корпораций посвящены статьи 30 и 31, закрепляющие предпосылки ответственности и вопросы наказания; ответственность руководителей юридического лица закреплена в ст. 31 УК Китая.

По субъекту ответственности нормы Особенной части УК Китая можно разделить на три группы: преступления, за совершение которых ответственности может подлежать только физическое лицо, преступления, субъектами которых могут выступать как физические, так и юридические лица, преступления, субъектами которых могут быть только юридические лица [5, с. 11]. Если в статье Особенной части не содержится ссылки на то, что преступление может быть совершено организацией, ответственности за совершение таких деяний подлежат исключительно физические лица. В статьях Особенной части УК Китая содержится указание о том, что если «преступления, упомянутые в данной статье, совершены организацией, по отношению к организации применяются штрафные санкции, а лица, несущие непосредственную ответственность — руководители организации и другие лица, несущие непосредственную ответственность, — наказываются в соответствии с каждой из частей настоящей статьи» [5]. При этом размер штрафных санкций в статьях Особенной части, допускающих ответственностью юридических лиц, указан далеко не всегда. Так, в санкции ст. 187 УК Китая устанавливается штраф от 20 до 200 тыс. юаней, в ст. 191 УК — штраф в размере от 5 % до 20 % «отмытых денег», а в ст. 391 УК размер штрафа для организаций не указывается [5]. Большинство преступлений, за совершение которых могут подлежать ответственности как физические, так и юридические лица, относятся к преступлениям коррупционной направленности и преступлениям в экономической сфере, что соответствует природе юридического лица. К третьей группе относятся преступления, предусмотренные ст. 387 (незаконное получение чужого имущества), 393 (дача взятки организацией) и некоторые другие преступления схожей направленности.

В Китае в отличие от большинства стран, относящихся к романо-германской правовой семье, в Общей части УК не раскрываются предпосылки, основания, условия и правила уголовной ответственности юридических лиц. Предпосылки уголовной ответственности — совершение преступления органами управления юридического лица, вина юридического лица, являющаяся «волей организации в целом», которая может выражаться как в умышленной, так и в неосторожной формах, корыстная цель и мотив — обязательные признаки преступления юридического лица, признающиеся признаком, отграничивающим преступное деяние от правомерного, разработаны доктриной китайского уголовного права [2, с. 67–69]. В настоящее время исследователи вопросов уголовной ответственности юридических лиц в Китае указывают, что в нынешнем виде уголовная ответственность юридических лиц не обеспечивает цели предотвращения корпоративной

преступности, и отстаивают принцип уголовной ответственности «в целом», наиболее близкий с принципом преступной корпоративной культуры [3, с. 619].

Таким образом, безусловным положительным аспектом установления уголовной ответственности юридических лиц в Китае служит минимальная адаптация УК Китая к новому институту. Вместе с тем при таком подходе слишком большой пласт вопросов остается за рамками закона. Многие существенные вопросы урегулированы доктриной, что представляется неприемлемым для возможной рецепции российским правом, так как нарушает важное предписание уголовного права, закрепленное в ч. 1 ст. 1 УК РФ. Кроме того, сами китайские исследователи указывают на недостатки законодательного регулирования уголовной ответственности юридических лиц.

Заключение и вывод

В итоге большинство стран романо-германского права признают юридическое лицо субъектом преступления либо субъектом уголовной ответственности. Последнее справедливо для Латвийской Республики в связи с особенностями регулирования правосубъектности юридических лиц гражданским правом, не признающим полную гражданскую правоспособность юридических

лиц. В иных странах межотраслевые связи различных норм права, в первую очередь, уголовного и гражданского, позволяют признавать юридические лица субъектами преступления, что наиболее последовательно прослеживается в законодательстве Франции, в котором юридическое лицо признается самостоятельным субъектом преступления, не тождественным физическому лицу, выполняющему функции исполнительного органа. Вопросы вины юридического лица, как правило, решаются двумя способами: юридическое лицо несет ответственность за действия физического лица, в таком случае субъектом деяния является физическое лицо; юридическое лицо совершает деяние посредством своих исполнительных органов — физических лиц, их психическое отношение к деянию и последствиям приписывается юридическому лицу. Таким образом, в странах романо-германской правовой семьи и Китая деяния юридического и физического лиц взаимосвязаны. Вина юридического лица не может быть установлена без установления вины физического лица даже во Франции, законодательство которой разделяет уголовную ответственность физического и юридического лиц и допускает их совместную ответственность. В странах общего права разработаны иные принципы, основания и пределы уголовной ответственности корпораций.

Список источников

1. Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права : монография. М.: ООО «Издательство “Элит”», 2007. 152 с.
2. Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в Китайском уголовном праве // Lex Russica. 2015. № 7 (Том CIV). С. 64–70.
3. Пан Дунмэй. Уголовная ответственность юридических лиц в Китае: традиционные подходы и современный выбор // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 613–622.
4. Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. 66 с.
5. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А. И. Коробеева и проф. А. И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 256 с.
6. Уголовный кодекс Франции /ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой, перевод Н. Е. Крыловой. СПб., 2002. 650 с.
7. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Словацкой Республике // Российский следователь. 2019. № 7. С. 68–77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершова Ксения Андреевна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра уголовного права и криминологии имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: k. a.ershova@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya A. Ershova

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer, M. I. Kovalev Department of Criminal Law and Criminology,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: k. a.ershova@usla.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Елена Николаевна Карабанова

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
karabanova.agprf@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0000-0958-1786>

Аннотация. Изучение личности несовершеннолетнего преступника показывает влияние ее особенностей не только на характер преступления, но и на применение наказания к виновному. Несмотря на то, что привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности должно основываться на строгом соблюдении принципа гуманизма, исследования подтверждают, что безнаказанность подростков далеко не всегда способствует достижению таких целей, как исправление и частная превенция. В статье обосновывается тезис о том, что назначение несовершеннолетним уголовного наказания, связанного с посильной трудовой деятельностью, является оптимальным вариантом уголовной ответственности для большинства осужденных подростков, что не должно исключать индивидуальный подход к каждому такому лицу.

Особое внимание уделяется проблеме установления в законе возрастного критерия уголовно-правовой деликтоспособности лица. Проанализированы изменения в подходах к ее определению в современном уголовном законодательстве в сравнении с советским. В статье отражена такая сложная этическая и правовая проблема, как конфликт интересов несовершеннолетнего преступника и несовершеннолетнего потерпевшего в уголовных правоотношениях. На примере уголовной ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера показано, как принцип гуманизма, действующий применительно к несовершеннолетнему преступнику, вступает в противоречие с принципом справедливости, стоящем на страже интересов несовершеннолетнего потерпевшего, и как вектор уголовной политики повернулся в сторону второй стороны.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, эффективность наказания, несовершеннолетний преступник, исправление осужденного, восстановление социальной справедливости, принцип гуманизма, принцип справедливости

Для цитирования: Карабанова Е. Н. Эффективность уголовной ответственности несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 44–48. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-44-48

Research article

EFFECTIVENESS OF JUVENILE CRIMINAL LIABILITY

Elena N. Karabanova

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
karabanova.agprf@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0000-0958-1786>

Abstract. The study of the personality of a juvenile offender shows the influence of its characteristics not only on the nature of the crime, but also on the application of punishment to the perpetrator. Despite the fact that bringing minors to criminal responsibility should be based on strict observance of the principle of humanism, research confirms that the impunity of adolescents does not always contribute to the achievement of goals such as correction and private prevention. The article substantiates the thesis that the imposition of criminal penalties for minors related to feasible work is the best option for criminal liability for the majority of convicted adolescents, which should not exclude an individual approach to each such person.

Special attention is paid to the problem of establishing in the law the age criterion of criminal law delictability of a person. The changes in approaches to its definition in modern criminal legislation in comparison

with the Soviet one are analyzed. The article reflects such a complex ethical and legal problem as the conflict of interests of a minor offender and a minor victim in criminal legal relations. Using the example of criminal liability for rape and sexual violence, it is shown how the principle of humanism, which applies to a minor offender, conflicts with the principle of justice, which protects the interests of a minor victim, and how the vector of criminal policy has turned towards the other side.

Keywords: criminal responsibility of minors, effectiveness of punishment, juvenile offender, correction of convicted person, restoration of social justice, principle of humanism, principle of justice

For citation: Karabanova EN. Effectiveness of juvenile criminal liability. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):44-48. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-44-48

Введение

Сегодня преобладающий дискурс — это то, что ювенальную уголовную политику необходимо гуманизировать. Возникает закономерный вывод: она недостаточно гуманна. Но статистика упрямо свидетельствует об обратном: за последние 5 лет на 10 осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, приходилось в среднем 6 освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим обстоятельствам¹. То есть каждый третий, а иногда и второй несовершеннолетний освобожден судом от уголовной ответственности. Это не считая тех подростков, которые освобождены на этапе предварительного расследования.

Гуманизм и его разумные пределы

Обратимся к вопросу назначения уголовного наказания. Начнем с того, что 12 % осужденных несовершеннолетних от него освобождены судом. Из тех, кому наказание назначено, не многим менее половины оно назначено условно². Это прямое проявление гуманизма. Получается, что с учетом числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности и от наказания, реально отбывает наказание не более одной трети несовершеннолетних, совершивших преступление. Это обстоятельство говорит о том, что в современных реалиях уголовному наказанию фактически отводится второстепенная роль в механизме реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, оно уступает место иным мерам уголовно-правового воздействия.

Такая расстановка акцентов представляется мне не совсем верной. Почему? В общественном сознании связь преступления и наказания выступает традиционной парадигмой общественных отношений, разрыв которой снижает эффективность уголовно-правового регулирования. Известны случаи, когда, например, подростки, ведомые чувством безнаказанности, не намерены были прекращать свою преступную деятельность, несмотря на принимаемые государством меры

воспитательного воздействия и постановку на профилактический учет. Уголовное наказание должно применяться к несовершеннолетним гораздо шире, чем оно применяется сейчас. Речь идет не об ужесточении наказания, а о повышении уровня его неотвратимости, что гораздо важнее для целей исправления подростка, преступившего закон.

Влияние наказания на исправление осужденного

Не так давно Университет прокуратуры Российской Федерации проводил фундаментальное научное исследование личности несовершеннолетнего преступника. Оно показало, что при привлечении подростков к уголовной ответственности наиболее эффективным с точки зрения их исправления выступает реальное отбывание наказания, не связанного с лишением свободы. Затем по убыванию эффективности следуют условное осуждение к лишению свободы. На третьем месте по эффективности стоит реальное отбывание лишения свободы. Замыкает этот своеобразный рейтинг привлечение к уголовной ответственности с освобождением от наказания и применением принудительных мер воспитательного воздействия или помещением в специальное учреждение закрытого типа. В основу шкалирования был положен факт совершения подростком нового преступления [4, с. 82–96].

Исходя из этого, перспективным с точки зрения эффективности представляется реальное отбывание наказания, не связанного с лишением свободы. На сегодняшний день в сфере ювенального судопроизводства «лидером» среди таких наказаний выступают обязательные работы. И это правильно выбранное направление, поскольку общественно полезный труд — первейшее средство исправления.

Весьма эффективным с этих позиций можно было бы признать назначение исправительных работ, поскольку помимо трудовой составляющей здесь есть возможность честного заработка, а также лишение части заработанных денег, удерживаемых в доход государства, что обеспечивает необходимый карательный потенциал этого вида наказания. Однако к несовершеннолетним осужденным исправительные работы применяются очень редко — всего в 1 % случаев. Дело в том, что этот вид наказания назначается, как правило, осужденным, имеющим основное место работы, что большая редкость среди несовершеннолетних. Назначение

¹ Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 2019–2023 годы // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 30.03.2025).

² Здесь и далее, если не оговорено иное, статистика приводится по Форме № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» за 2019–2023 годы // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 30.03.2025).

исправительных работ лицу, не имеющему основного места работы, существенно осложняется, во-первых, невостребованностью детского труда, во-вторых, тем, что срок наказания достаточно длительный (несколько месяцев), и его исполнение будет препятствовать получению несовершеннолетним образования.

Разумеется, для тех подростков, которые уже имеют основное общее образование и не посещают никакое образовательное учреждение, такого рода «принудительное трудоустройство» является эффективной мерой уголовно-правового воздействия. Однако государством должно поощряться получение образования, это тоже основное средство исправления. Поэтому целесообразно на законодательном уровне урегулировать вопрос получения образования несовершеннолетними, отбывающими исправительные работы. Необходимо установить гибкую систему мер, позволяющих таким осужденным осваивать образовательную программу, в том числе предоставление академического отпуска на период отбывания наказания.

Достаточно спорной является оценка эффективности взыскания штрафа. В большинстве случаев его выплачивают родители, поскольку осужденный подросток не работает. Достигает ли такое наказание своей цели? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какие нравственные ценности и материальные возможности имеются в данной конкретной семье. Для нуждающейся многодетной семьи сумма в несколько десятков тысяч может оказаться неподъемной, и это повергнет подростка в стыд перед близкими. В случае с богатой семьей штраф, сопоставимый с суммой «карманных» денег или со стоимостью новых кроссовок, вряд ли окажет должное исправительное воздействие. Данный вид наказания назначается каждому десятому осужденному подростку и объективной необходимости в расширении его применения я не вижу.

Наконец, несколько слов о лишении свободы. Его отбывают всего 13 % осужденных подростков. Не много. Но мы всегда говорим о лишении свободы едва ли не шепотом, если речь идет о несовершеннолетних. В профессиональном юридическом сообществе сложилось резко негативное отношение к назначению этого наказания подросткам, говорят о необходимости снижения его показателей. Ведь в колонии нет родителей, в колонии криминал, субкультура. Мы потеряем его там. Я выскажу не самую, наверное, популярную мысль... Если ребенок совершил разбой... нет не украл, а цинично избил человека ради наживы, мы уже его потеряли. А в каких условиях он жил и воспитывался все это время? Они были лучше, чем в колонии? Разве с ним были рядом родители? Разве он уже не погряз в криминале (начал с кражи, был освобожден от уголовной ответственности или осужден условно и пошел по нарастающей)? Да он уже познал все тонкости криминальной субкультуры в семье, на улице, в соцсетях.

Раньше демонизация воспитательных колоний была небесспорной, но уже много лет этот нарратив

существует по инерции. Нельзя не отметить, что в воспитательных колониях сейчас созданы очень хорошие условия с точки зрения материально-бытового обеспечения, питания, медицинского обслуживания, с точки зрения получения осужденными образования и возможности общения с близкими. Это и есть криминогенная среда? Сомневаюсь. Больше похоже на возвращение к нормальной жизни. Дети из неблагополучных семей до помещения в воспитательную колонию не видели ничего подобного.

Гуманизм VS справедливость

Основу эффективного наказания составляет, прежде всего, его разумное уголовно-правовое регулирование. Наука ищет подходы к совершенствованию механизма реализации уголовного наказания в механизме уголовно-правового регулирования посредством принципов уголовного права и уголовного закона [1]. Перекосы на законодательном уровне как в сторону необоснованного смягчения, так и в сторону чрезмерной жесткости уголовной ответственности снижают его эффективность. В обоих случаях будет иметь место нарушение принципа справедливости и цель наказания — восстановление социальной справедливости — станет априори недостижимой.

Безусловно, законодатель, руководствуясь принципом гуманизма, принял все меры к смягчению уголовной ответственности несовершеннолетних не только в сравнении со взрослыми преступниками, но даже относительно уровня ответственности этой категории лиц в советском уголовном праве. Так, в отличие от современного уголовного закона, по УК РСФСР 1960 г. ответственность за привилегированные виды убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (при превышении пределов необходимой обороны, в состоянии аффекта), причинение смерти по неосторожности, мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, наступала не с 16, а с 14 лет (ст. 10). Не делал скидок советский законодатель и на возрастную невменяемость, которая сейчас рассматривается как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность подростка (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Само понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» впервые появилось в правовом поле с принятием УК РФ в 1996 г.

Возможно, в 1996 г. законодатель, устанавливая возрастную критерий уголовно-правовой деликтоспособности, был в тренде и учитывал широко обсуждаемый на рубеже веков феномен «инфантилизации» молодежи [2, с. 6]. Но налицо и гуманистические начала такого подхода, поскольку институт уголовной ответственности несовершеннолетних в целом был смягчен в сравнении с советским периодом. Однако есть мнение, что, разрабатывая УК РФ, «законодатель учел современные социально-психологические характеристики несовершеннолетних: акселерацию не только в физической, но и в интеллектуально-волевой сфере, более широкое участие несовершеннолетних во всех

видах деятельности, как социально-позитивной, так и негативной, в частности в преступной групповой деятельности, распад семьи и увеличение в связи с этим числа беспризорных и безнадзорных детей, которые пополняют ряды преступников» [3, с. 32]. Полагаем, что этот вывод несколько спорный, поскольку повышение возрастного критерия уголовной деликтоспособности за ряд преступлений свидетельствует как раз об обратном.

Вместе с тем как в советский период, так и сейчас при установлении возраста наступления уголовной ответственности существует проблема баланса интересов несовершеннолетнего преступника и несовершеннолетнего потерпевшего. В ряде норм законодатель решил ее, предусмотрев в составах преступлений, совершенных в отношении детей, специальный признак субъекта — достижение лицом 18-летнего возраста (ст. 134, 135, 150 УК РФ и др.). Но часто в подобных составах субъект преступления общий, достигший возраста 14 или 16 лет. И вот здесь мы сталкиваемся с конфликтом интересов двух несовершеннолетних — преступника и потерпевшего.

Например, субъектом изнасилования и насильственных действий сексуального характера выступает лицо, достигшее 14-летнего возраста, независимо от возраста потерпевшей (потерпевшего)¹, который непосредственно влияет на строгость уголовной ответственности за указанные преступления. При этом уголовный закон выделил три категории потерпевших: старше 18 лет (наказание от 3 до 6 лет лишения свободы); в возрасте от 14 до 17 лет (наказание от 8 до 15 лет лишения свободы); не достигшие 14 лет (наказание от 12 до 20 лет лишения свободы). На первый взгляд все логично и справедливо, но вот сексуальная специфика этих преступлений заставляет обратить внимание на то обстоятельство, что вероятность их совершения подростком гораздо выше, если речь идет о несовершеннолетних и даже малолетних потерпевших. Этот вывод не просто напрашивается со всей житейской очевидностью, но и подтверждается статистическими данными по числу лиц, осужденных за изнасилование. Так, доля несовершеннолетних преступников, совершивших изнасилование взрослой женщины, составляет всего 28 % от числа всех несовершеннолетних насильников, а совершивших изнасилование несовершеннолетней и малолетней потерпевшей — 72 %. Если взять аналогичные показатели по категории несовершеннолетних, совершивших изнасилование в возрасте 14–15 лет, то это соотношение будет еще более диспропорциональным и составит 24 % и 76 % соответственно. И хотя цифры красноречиво говорят сами за себя, приведем для сравнения аналогичное соотношение числа лиц всех возрастов, совершивших изнасилование:

¹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 30.03.2025).

в отношении взрослой женщины данное преступление совершили 61 %, а в отношении несовершеннолетней или малолетней потерпевшей — 39 % осужденных².

Статистика свидетельствует о том, что в силу сексуального характера преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, несовершеннолетние преступники в подавляющем большинстве случаев осуждаются за преступление с особо квалифицированным составом. Ситуация осложняется еще и тем, что в 2012 г. статья 131 УК РФ была дополнена примечанием, согласно которому деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 134 и ч. 2–4 ст. 135 УК РФ (а это ненасильственные половое сношение, иные действия сексуального характера и развратные действия), совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, считаются изнасилованием или совершением насильственных действий сексуального характера в отношении малолетнего ребенка (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ). И судебная практика пошла по пути наказуемости такого рода деяний с 14, а не с 18 лет, как это указано в ст. 134 и 135 УК РФ³. В итоге, за демонстрацию своих половых органов или пересылку сообщения на сексуальную тематику ребенку, не достигшему 12 лет, 14-летний подросток с учетом применения всех льготных норм (ст. 88 УК РФ) может быть приговорен к лишению свободы на срок от 6 до 10 лет как лицо, совершившее особо тяжкое преступление (для сравнения: за убийство малолетнего ребенка такой подросток был бы наказан менее строго — от 4 до 10 лет лишения свободы).

В этой ситуации очевиден конфликт интересов несовершеннолетнего потерпевшего и несовершеннолетнего преступника, а в их лице — конфликт принципа справедливости и принципа гуманизма. Разрешил его Конституционный Суд Российской Федерации. Он встал на сторону интересов потерпевшего ребенка, указав, что положения Конституции Российской Федерации и международных актов, подчеркивая приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних и малолетних детей, обязывают государство обеспечить безопасность каждого ребенка от неблагоприятных воздействий на его психику, которые могут существенно повлиять на его развитие⁴.

Такой подход в целом свидетельствует о концептуальном переходе в уголовной политике от «доктрины индивидуализма к доктрине общественной

² Форма № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» за 2018–2023 годы // URL: <http://www.cdep.ru>. (дата обращения: 30.03.2025).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.11.2014 № 83-АПУ14–15 // URL: <https://base.garant.ru/71144006/> (дата обращения: 30.03.2025).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 13.02.2024 № 241-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Х. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20, примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408601909/> (дата обращения: 30.03.2025).

безопасности и обеспечения прав большинства населения» [5, с. 24].

Выводы

1. У частной и общей превенции, как у любого социального явления, есть свои антагонисты. Их можно назвать частное и общее попустительство. Чтобы не прийти к ним, нам необходимо в вопросах ювенальной юстиции избегать ходульных эффектов и неестественной, риторической декламации. Справедливое наказание не навредит воспитанию несовершеннолетнего, особенно если оно связано с посильной трудовой деятельностью, а вот попустительство может привести к трагическим последствиям прежде всего для самого подростка.

2. Конфликт интересов несовершеннолетнего преступника и несовершеннолетнего потерпевшего основан на противодействии двух основополагающих принципов — гуманизма и справедливости. В современном обществе в случаях, когда паритет не достигнут, приоритет отдается принципу справедливости и защите прав несовершеннолетнего потерпевшего.

3. Критерии справедливого наказания невозможно перевести в цифры и показатели, но именно они — адекватность причиненному вреду, индивидуальный ретроспективный и прогностический подход — являются определяющими для достижения успехов ювенальной уголовной политики. И этого успеха можно добиться совместными усилиями всех ветвей власти, а также науки и практики.

Список источников

1. Авдеева Е. В. Основные направления повышения эффективности реализации уголовного наказания в контексте претворения принципов уголовного права и уголовного закона // Российский судья. 2022. № 5. С. 45–49.
2. Гогерчак С. Ю. Молодежь как феномен культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2004. 123 с.
3. Комарницкий А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб., 2007. 195 с.
4. Личность несовершеннолетнего преступника: монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина. М.: Проспект, 2024. 376 с.
5. Побегайло Э. Ф. О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина. СПб., 2005. 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карабанова Елена Николаевна

Доктор юридических наук, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ «Высшая школа экономики»

ул. 2-я Звенигородская, д. 15, г. Москва, 123022, Россия

E-mail: karabanova.agprf@gmail.com

ORCID: 0009-0000-0958-1786

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Karabanova

Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Field of Criminal Law Regulation, Execution of Criminal Penalties and Other Criminal Law Measures at the Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics at the Higher School of Economics

15 2 Zvenigorodskaya, Moscow, 123022, Russia

E-mail: karabanova.agprf@gmail.com

ORCID: 0009-0000-0958-1786

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 28.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2025.

КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ ОБ ОХРАНЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ СТАТЬИ 272.1 УК РФ И СТАТЬИ 13.11 КоАП РФ

Дмитрий Сергеевич Корешников

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
d.koreshnikov@loys.law

 <https://orcid.org/0009-0007-7643-8796>

Аннотация. Статья посвящена вопросам, вызванным изменением законодательства в области обработки персональных данных и введением соответствующей уголовной ответственности. Так, Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации добавлена новая статья: «Статья 272.1. Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения».

Появление новой уголовной статьи вызвало ряд вопросов, в том числе, как отграничить преступление, предусмотренное ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, от административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.11. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В настоящей статье автором предпринята попытка ответить на этот вопрос и разграничить противоправные деяния, предусмотренные ст. 272.1 УК РФ и ст. 13.11 КоАП РФ. Проведено сравнение по объективной и субъективной стороне, по предмету преступного посягательства. Указано на необоснованность ряда подходов, предложенных для разграничения этих видов правонарушений. Сформулирован подход, при котором проводить различие необходимо прежде всего по тому, осведомлено ли лицо, обрабатывающее информацию с персональными данными, о незаконном источнике ее получения.

Ключевые слова: персональные данные, компьютерная информация, статья 272.1 УК РФ, статья 13.11 КоАП РФ, новая криминализация, конкуренция норм административного и уголовного закона

Для цитирования: Корешников Д. С. Конкуренция норм об охране персональных данных: разграничение статьи 272.1 УК РФ и статьи 13.11 КоАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 49–54. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54

Research article

COMPETITION OF PERSONAL DATA PROTECTION STANDARDS: DIFFERENTIATION OF ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ARTICLE 13.11 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry S. Koreshnikov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
d.koreshnikov@loys.law

 <https://orcid.org/0009-0007-7643-8796>

Abstract. The article is devoted to the issues caused by the change in legislation in the field of personal data processing and the introduction of corresponding criminal liability. Thus, Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024 added a new article to the Criminal Code of the Russian Federation: “Article 272.1. Illegal use and (or) transfer, collection and (or) storage of computer information containing personal data, as well as the creation and (or) ensuring the functioning of information resources intended for its illegal storage and (or) distribution.”

The emergence of a new criminal article gave rise to a number of questions, one of which was the question of distinguishing the elements of a crime provided for in Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation from the elements of an administrative offense provided for in Art. 13.11. of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

In this article, the author attempts to answer this question and differentiate the illegal acts provided for in Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. A comparison is made on the objective and subjective side, on the subject of the criminal offense. The groundlessness of a number of approaches proposed for distinguishing these types of offenses is indicated. An approach is formulated in which the distinction must be made based on awareness of the source of origin of computer information containing personal data.

Keywords: personal data, computer information, Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, new criminalization, competition of administrative and criminal law norms

For citation: Koreshnikov DS. Competition of Personal Data Protection Standards: Differentiation of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 13.11 of the Administrative Code of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):49-54. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54

Введение

04.12.2023 в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект, предусматривающий дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 272.1 УК РФ. В данной статье содержится описание состава преступления, связанного с незаконной обработкой компьютерной информации, содержащей персональные данные. В пояснительной записке в подтверждение необходимости такого нововведения указывалось, что «с января по август 2022 года в России произошли утечки 197 млн записей персональных данных и платежной информации. Черный рынок персональных данных постоянно растет, а основными источниками утечек являются сторонние злоумышленники или сами сотрудники компаний, которые продают или отдают бесплатно конфиденциальные данные своих клиентов. По отдельным оценкам в 2020 году общий ущерб от утечек личных данных превысил 3 млрд рублей, а в 2022 году указанный ущерб уже превысил 8 млрд. рублей. Так, на декабрь 2021 года в теневом сегменте сети «Интернет» («даркнет») циркулирует более 2000 баз данных общим объемом более 10 Тб, содержащие персональные данные о 80 % населения России. Общий объем официально выявленных утечек персональных данных за 2022 г. (о которых официально сообщалось в СМИ) — более 1130 млн записей, содержащие сведения о персональных данных граждан Российской Федерации»¹.

Признавая очевидную значимость указанной законодательной инициативы, у рецензентов законопроекта с самого начала возник вопрос о разграничении статьи 272.1 УК РФ и статьи 13.11. КоАП РФ. Так, в официальном отзыве на проект, данном заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации Давыдовым В. А., указывалось на то, что «в диспозиции части 1 проектной статьи 272.1 УК РФ отсутствуют

криминообразующие признаки, позволяющие отграничить соответствующее преступление от противоправных действий, предусмотренных статьей 13.11. КоАП РФ, что может привести к конкуренции данного уголовно-правового запрета со статьей 13.11. КоАП РФ и существенно усложнить применение проектной нормы на практике»².

Законодатель постарался учесть высказанные замечания, однако практика правоприменения данной статьи демонстрирует факт отсутствия на сегодня однозначного подхода к разграничению преступления и правонарушения в области обработки персональных данных. В связи с чем имеется необходимость теоретического осмысления уже принятой и действующей нормы уголовного закона.

Материал и методы

При подготовке публикации использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы обработки персональных данных и ответственности за нарушение законодательства о персональных данных. Ввиду исключительно короткого периода действия статьи 272.1 УК РФ в настоящий момент отсутствует судебная практика по этому составу преступления, нет должной научной разработанности исследуемого в статье вопроса. В связи с этим в настоящем исследовании прежде всего сделан акцент на анализе текста вновь принятого закона, который изучен с помощью формально-логического и сравнительно-правового метода. Предмет исследования, учитывая допустимый объем работы, сведен к сравнительному анализу ч. 1 ст. 272.1 УК РФ и ч. 1 и ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ. При этом проведено сравнение указанных составов по объективной и субъективной стороне, по предмету посягательства.

¹ Законопроект № 502113-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 02.06.2025).

² Там же.

Описание исследования

Часть 1 статья 13.11 КоАП РФ предусматривает ответственность за обработку персональных данных в случаях или в целях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации в области персональных данных, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Часть 2 данной статьи говорит об ответственности за обработку персональных данных без согласия субъекта персональных данных.

Административная ответственность по обоим частям возникает только в случаях, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, на что прямо указано в ст. 13.11 КоАП РФ. Таким образом, законодатель ориентирует правоприменителя на приоритет уголовного закона, и только, если проверяемое деяние не подпадает по какому-либо признаку под состав преступления, возникает необходимость оценивать наличие в деянии признаков административного правонарушения.

Разграничение по предмету посягательства

Статья 13.11 КоАП РФ говорит о персональных данных, тогда как уголовная статья сужает предмет преступления до «компьютерной информации, содержащей персональные данные». Из этого можно было бы сделать вывод, что любая незаконная обработка персональных данных в виде компьютерной информации — это 272.1 УК РФ, а предметом ст. 13.11 КоАП РФ являются персональные данные в любом другом виде (форме), кроме компьютерной (например, на бумажных носителях). Такой вывод является неверным.

Для уголовного преследования нужна не любая компьютерная информация, содержащая персональные данные, а только такая информация, которая получена путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем, на что прямо указал в статье законодатель. Незаконный путь получения информации становится определяющей характеристикой предмета преступного посягательства.

Но означает ли это, что обработке данных, предусмотренной ст. 272.1 УК РФ, должно предшествовать какое-то предикатное преступление или правонарушение¹? Наш ответ будет отрицательным, так как информация может попасть к преступнику различными путями.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ, может иметь изначально законный доступ к средствам обработки и хранения компьютерной информации. Однако, действуя вопреки целям, для дости-

жения которых ему предоставлен доступ, такое лицо может произвести незаконное копирование и распространение информации, содержащей персональные данные.

В качестве примера можно привести публикацию с сайта Следственного комитета Российской Федерации, согласно которой в феврале 2025 года начальник одного из отделов филиала публично-правовой компании в Республике Карелии по просьбе знакомых незаконно передавал им содержащиеся в едином реестре недвижимости персональные данные людей, а также сведения об их имуществе. По данному факту возбуждено уголовное дело по п. «г» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ².

Второй вариант, когда лицо, не имея законных оснований, осуществляет неправомерный доступ к компьютерной информации, например, осуществляет хакерский взлом интернет-сайта. Ранее такие действия квалифицировались по ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если деяние повлекло копирование данной информации. Однако, Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ кроме того, что внес в Уголовный кодекс Российской Федерации новую статью 272.1, он также изменил и статью 272 УК РФ. Теперь данная статья предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 УК РФ. Таким образом, неправомерный доступ к компьютерной информации с персональными данными с последующей обработкой данной информации полностью охватывается ст. 272.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 272 УК РФ.

Третий вариант, когда лицо, осуществляющее незаконную обработку компьютерной информации, получило ее от третьего лица. В этом случае он будет подлежать уголовной ответственности, только если знал о неправомерности получения данной информации, потому что преступление, предусмотренное ст. 272.1 УК РФ, может совершаться исключительно с прямым умыслом, который подразумевает осознание лицом того, что он работает изначально с незаконно полученной информацией.

Вместе с тем автор настоящей статьи на практике столкнулся с несколько иной трактовкой предмета и субъективной стороны данного преступления. Так, после вступления в силу статьи 272.1 УК РФ сотрудниками правоохранительного органа проведено оперативно-разыскное мероприятие — обследование помещений компании. В ходе обследования изъяты служебные компьютеры сотрудников, на которых обнаружены файлы, содержащие данные физических лиц.

² В Петрозаводске следователями СК возбуждено уголовное дело по факту незаконной передачи компьютерной информации. URL: <https://karelia.sledcom.ru/news/item/1986097> (дата обращения: 01.06.2025).

¹ Вопрос о необходимости наличия предикатного преступления и возбуждения по нему уголовного дела поставлен Городовой А. и Кабановым М. в статье «Правовое регулирование должно быть универсальным». Адвокатская газета. Выпуск № 6 (431) 16–31 марта 2025 года. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovoe-regulirovanie-dolzno-byt-universalnym/> (Дата обращения: 02.06.2025).

Сотрудники правоохранительных органов опросили указанных физических лиц и получили от них пояснения о том, что они не давали согласия на обработку персональных данных сотрудникам данной компании. При таких обстоятельствах правоохранители посчитали, что имеются все необходимые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ: нет согласия на обработку, значит, совершается преступление, в связи с чем нет необходимости устанавливать источник происхождения компьютерной информации.

Однако такой подход представляется неверным. В данной ситуации можно говорить лишь о наличии признаков правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ (обработка персональных данных без согласия). Для применения же ст. 272.1 УК РФ необходимо установить источник происхождения компьютерной информации и факт осведомленности лица о неправомерности данного источника. Нет никакой презумпции незаконности происхождения информации с персональными данными, но есть презумпция невиновности.

Тем более, что компьютерная информация, содержащая персональные данные, может быть получена из открытых, общедоступных источников или от лиц, которые заявляли о правомерности нахождения у них данной информации и наличии у них права на ее передачу третьим лицам. При таких обстоятельствах не будет состава преступления у лица, полагавшего, что получило доступ к информации на законных основаниях.

Для примера таких законных общедоступных источников информации, содержащих персональные данные, можно привести многочисленные сайты государственных органов¹:

– сайт Федеральной службы судебных приставов (<https://fssp.gov.ru/>) содержит информацию об исполнительных производствах в отношении физических лиц, сведения о розыске, сведения из реестра должников по алиментам;

– сайт Федеральной налоговой службы России (<https://www.nalog.gov.ru/>) содержит сведения об индивидуальных предпринимателях (ФИО, их телефоны, почта (ранее были и адреса регистрации), сведения о лицензиях, сведения об уплаченных суммах налогов и сборов, о наложенных обеспечительных мерах. На сайте производится проверка статуса налогоплательщика, сведения о приостановленных счетах, сведения о физических лицах, являющихся учредителями (участниками) нескольких организаций. На сайте также можно проверить ИНН на действительность, получить сведения о дисквалификации конкретного физического лица (запрет на право занимать определенные должности);

– сайт «Прозрачный бизнес» (<https://pb.nalog.ru/>) также дает возможность получить сведения из ЕГРЮЛ, ЕГРИП, Реестра дисквалифицированных лиц, информацию о многократном участии физического лица в организациях, о руководителях, участниках юридических лиц и другую значимую информацию;

¹ Необходимо учесть, что содержание указанных ресурсов постоянно меняется.

– сайт «Федресурс» (<https://fedresurs.ru/>) содержит информацию из единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. На сайте можно получить информацию по физическим лицам, в том числе сведения о банкротстве физического лица, сведения о кредиторах физического лица, наличии обременений, лизинга и другое;

– сайты Федеральной нотариальной палаты (<https://notariat.ru/ru-ru> и www.reestr-zalogov.ru). На данных сайтах можно получить информацию о залогах движимого имущества: сведения о залогодателях и залогодержателях, сведения об имуществе, переданном в залог. Также можно получить сведения из реестра наследственных дел, в том числе дату смерти физического лица.

– сайт недобросовестных поставщиков (<https://zakupki.gov.ru/>), на котором можно найти информацию о физических лицах (индивидуальных предпринимателях);

– сайт Генеральной прокуратуры России (<https://epp.genproc.gov.ru/>) содержит сведения о контрольных (надзорных) профилактических мероприятиях, из которых можно получить сведения о физических лицах: ФИО, должность и место работы, статья и дата привлечения к ответственности;

– сайт публичных должностных лиц (<https://declarator.org/>). На данном сайте можно получить доступ к налоговым декларациям лиц, занимающих или занимавших в прошлом публичные должности, из которых можно узнать его дату рождения, доход за год, наличие недвижимости, автомобилей, семейное положение (наличие супруга, детей);

– сайт МВД России (<https://мвд.рф>) содержит различные сервисы проверки физических лиц: нахождение в розыске лица (в т. ч. место рождения, национальность); проверка действительности паспорта, разрешения на работу и патента на осуществление трудовой деятельности;

– сайт Федеральной службы исполнения наказания (<https://fsin.gov.ru/>) содержит сведения о разыскиваемых лицах;

– сайт, содержащий реестр лиц, уволенных со службы в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений (<https://gosszluzhba.gov.ru/reestr/>);

– сайт Минюста России (<https://minjust.gov.ru/>), на котором находится реестр иностранных агентов и сведения о них.

Перечень открытых источников можно продолжать еще долго, но главное — из него следует, что в сети «Интернет» для общего доступа размещено огромное число сведений о конкретных физических лицах. Использование данных сайтов и государственных сервисов для сбора данных не должно подпадать под действие статьи 272.1 УК РФ, так как отсутствует составообразующий признак — информация, полученная незаконным путем.

Не лишним будет отметить, что в пояснительной записке к законопроекту инициатор ведет диалог с вышеприведенным отзывом Верховного Суда Российской Федерации и указывает на доработку проекта в следующем ключе: «Таким образом, для целей уголовного законодательства конкретизирован объект преступного посягательства (компьютерная информация), которая содержит персональные данные, полученные незаконным путем. Это позволяет разграничить новый состав УК РФ от правонарушений, ответственность за которые предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 13.11 «Нарушение законодательства РФ в области персональных данных», а также иных составов преступлений»¹.

Разграничение по совершаемым действиям

Часть 1 ст. 272.1 УК РФ криминализирует следующие действия: незаконное использование, незаконную передачу (распространение, предоставление, доступ), незаконный сбор, незаконное хранение информации, содержащей персональные данные.

Статья 13.11 КоАП РФ говорит лишь о незаконной обработке персональных данных. При этом данная статья КоАП РФ является бланкетной и прямо отсылает к законодательству в области персональных данных.

Определение обработки персональных данных дано в Федеральном законе «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, согласно статье 3 которого обработка персональных данных — любое действие с персональными данными, включая **сбор**, запись, систематизацию, накопление, **хранение**, уточнение (обновление, изменение), извлечение, **использование**, **передачу (распространение, предоставление, доступ)**, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

Исходя из буквального сопоставления указанных норм, можно было бы предположить, что ст. 272.1 УК РФ не охватывает такие виды обработки персональных данных, как запись, систематизацию, накопление, уточнение (обновление, изменение), извлечение, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных. Таким образом, указанные действия должны подпадать под действие статьи 13.11. КоАП РФ. Вместе с тем вполне допускаем, что практика применения ст. 272.1 УК РФ такие действия как запись, систематизацию, накопление, уточнение, обезличивание и извлечение будет трактовать как хранение, использование или сбор персональных данных соответственно.

При такой трактовке для административной ответственности должно остаться только блокирование, удаление и уничтожение персональных данных, хранящихся в виде компьютерных файлов.

Но, как говорилось выше, в статью 272 УК РФ также внесено изменение. Теперь данная статья предусматривает уголовную ответственность за неправомер-

ный доступ к охраняемой компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 УК РФ. В связи с этим встает вопрос: «за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 УК РФ» относится только к копированию компьютерной информации? Если нет и законодатель имел при этом ввиду и уничтожение, и блокирование, и модификацию, то в объективную сторону ст. 272.1 УК РФ будут входить и такие незаконные способы обработки компьютерной информации с персональными данными как блокирование, удаление и уничтожение.

Таким образом, практика применения статьи 272.1 УК РФ может пойти по пути как узкого, буквального, так и максимально широкого толкования, при котором уголовная ответственность будет наступать за любое действие, входящее в понятие «обработка персональных данных», предусмотренного Федеральным законом «О персональных данных».

На наш взгляд такой расширительный подход будет необоснованным, особенно в случаях, связанных с обезличиванием, уничтожением и удалением компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученные неправомерным путем. Исходя из пояснительной записки² к проекту закона о введении ст. 272.1 УК РФ, цель новой статьи — борьба с незаконным оборотом персональных данных, которые используются для совершения преступлений в отношении граждан. Уничтожение или обезличивание неправомерно полученных данных, напротив, исключает возможность их дальнейшего использования в преступных целях и не представляет той общественной опасности, которая необходима для уголовной криминализации деяния.

Разграничение по цели обработки данных

В юридических изданиях [3; 4] встречается точка зрения, что возможным способом преодоления конкуренции ст. 272.1 УК РФ и ст. 13.11 КоАП РФ является установление цели обработки персональных данных: при административном правонарушении цель обработки персональных данных изначально является законной, а при преступлении — нет.

С таким подходом вряд ли можно согласиться. Статья 5 Федерального закона «О персональных данных» прямо предусматривает, что одним из принципов обработки персональных данных является соблюдение законной цели такой обработки. Как указано в части 2 данной статьи, обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных.

Часть 1 статьи 13.11. КоАП РФ в качестве одного из альтернативных действий, образующих правона-

¹ Законопроект № 502113-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 02.06.2025).

² Законопроект № 502113-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 02.06.2025).

рушение, предусматривает обработку персональных данных, несовместимую с целями сбора персональных данных.

При таких обстоятельствах ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ указывает на незаконную цель обработки как основание привлечения именно к административной ответственности.

В то же время часть 1 статьи 272.1 УК РФ вообще не предусматривает какую-либо цель в качестве необходимого признака состава преступления.

Таким образом, предложенный способ разрешения коллизии не основан на нормах законов.

Заключение и вывод

На сегодняшний день можно выделить один основной критерий, по которому необходимо разграничивать ч. 1 ст. 272.1 УК РФ и ч. 1 и 2 ст. 13.11. КоАП РФ. Таким критерием является осведомленность лица, осуществляющего незаконную обработку компьютерной информации с персональными данными, об источнике происхождения данной информации. Если он знает, что данная информация получена незаконным путем, то можно вести речь о наличии в его действиях признаков состава преступления, если нет — то только об административном правонарушении.

Список источников

1. Городова А., Кабанов М. Правовое регулирование должно быть универсальным // Адвокатская газета. Выпуск № 6 (431) 16–31 марта 2025 года. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovoe-regulirovanie-dolzno-byt-universalnym/> (дата обращения: 02.06.2025)
2. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. О коллизии (конкуренции) норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, и способы ее разрешения // Научный портал МВД России. 2013. № 2 (22). С. 79–88.
3. Мунтян А. Фокус правоприменителя на субъективную сторону состава правонарушения. О конкуренции составов новой ст. 272.1 УК РФ и ст. 13.11. КоАП РФ // Адвокатская газета. Выпуск № 24 (425) 16–31 декабря 2024 года. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/fokus-pravoprimitelya-na-subektivnyuyu-storonu-sostava-pravonarusheniya/> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Панина Н. Н. Совершенствование правовых механизмов привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи. Материалы научно-практической конференции, проведенной в рамках I Съезда Молодежной секции Международного союза криминалистов. Москва, 2024. С. 211–215.
5. Петровец К. Разграничение уголовного и административного составов за действия, повлекшие утечку персональных данных // Адвокатская газета. Выпуск № 24 (425) 16–31 декабря 2024 года URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/razgranichenie-ugolovno-i-administrativnogo-sostavov-za-deystviya-povlekshie-utechku-personalnykh-dannikh/> (дата обращения: 02.06.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корешников Дмитрий Сергеевич

Ассистент кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Koreshnikov

Assistant of Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

СООТВЕТСТВИЕ НАКАЗАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Евгения Евгеньевна Мелюханова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
melyukhanova@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Аннотация. В статье рассматривается проблема соответствия наказания преступлению, поскольку законодатель определяет категорию тяжести преступления через наказание. Представляется, что логическая последовательность законодательных установлений должна быть иной, а именно, общественная опасность преступления должна определять категорию преступления, от которой должно зависеть наказание. Наказание, предусмотренное за совершение преступления, само по себе не может быть критерием отнесения этого преступления к определенной категории. Наоборот, категория преступления должна определять правила назначения наказания. Кроме того, нормативная категоризация преступлений основана фактически только на одном виде наказания — лишение свободы на определенный срок. Все остальные, менее строгие наказания, определяют категорию преступлений небольшой тяжести. При этом наказание только в виде лишения свободы не может быть критерием абсолютно всех категорий преступлений. Этот вид наказания может соотноситься в большей степени с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Для преступлений небольшой и средней тяжести типовыми наказаниями должны быть менее строгие виды.

В заключении автор приходит к выводу о том, что типовыми наказаниями в зависимости от категории преступления могут быть: штраф за совершение преступления небольшой тяжести; обязательные работы за совершение преступления средней тяжести; принудительные работы за совершение тяжкого преступления; лишение свободы — особо тяжкого преступления. Для обеспечения индивидуализации наказания применяются дополнительные наказания, такие как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; лишение права занимать определенные должности; лишение права заниматься определенной деятельностью; ограничение свободы.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, категория преступления, наказание, типовое наказание

Для цитирования: Мелюханова Е. Е. Соответствие наказания преступлению // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 55–61. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-55-61

Research article

MATCHING THE PUNISHMENT TO THE CRIME

Evgeniya E. Melyukhanova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
melyukhanova@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Abstract. The article examines the problem of matching punishment to a crime, since the legislator determines the severity of the crime through punishment. It seems that the logical sequence of legislative provisions should be different, namely, the public danger of a crime should determine the category of crime on which punishment should depend. The punishment provided for the commission of a crime cannot in itself be a criterion for classifying this crime into a certain category. On the contrary, the category of crime should determine the rules for sentencing. In addition, the normative categorization of crimes is based in fact on only one type of punishment — imprisonment for a certain period of time. All other, less severe punishments define the category of a minor crime. At the same time, punishment only in the form of imprisonment cannot be a criterion for

absolutely all categories of crimes. This type of punishment may relate to a greater extent to grave and especially grave crimes. For crimes of minor and moderate severity, the standard punishments should be less severe.

In conclusion, the author comes to the conclusion that typical punishments, depending on the category of crime, may be: a fine for committing a minor crime; compulsory labor for committing a moderate crime; forced labor for committing a serious crime; imprisonment for a particularly serious crime. To ensure the individualization of punishment, additional punishments are applied, such as deprivation of a special, military or honorary title, class rank and state awards; deprivation of the right to hold certain positions; deprivation of the right to engage in certain activities; restriction of freedom.

Keywords: criminal law, crime, category of crime, punishment, standard punishment

For citation: Melyukhanova EE. Matching the Punishment to the Crime. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):55-61. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-55-61

Введение

В настоящее время в соответствии со ст. 15 УК РФ критериями категоризации преступлений являются форма вины и максимальное наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного УК РФ. При этом, в ч. 1 ст. 15 УК РФ декларативно заявлены абсолютно другие критерии категоризации, а именно характер и степень общественной опасности деяния.

Очевидно, что «избранную законодателем в качестве ориентира категоризации деяний модель нельзя назвать совершенной. В идеале пенализация отражает общественную опасность деяния и может рассматриваться в качестве объективной оценки степени воздействия посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения и интересы. Фактически же сложившаяся система пенализации далека от совершенства и не отражает действительной опасности посягательства» [1, с. 109].

Безусловно, характер и степень общественной опасности деяния находят свое отражение именно в наказании. Однако, наказание само по себе не может быть критерием категоризации преступлений. «Если сущностью преступления является общественная опасность преступления как объективная категория, существующая вне нашего сознания, то наказание (в том числе и назначаемое судом) должно обуславливаться преступлением и его категорией, а не категорией преступления — наказанием» [2, с. 114].

Если быть точнее, то сейчас категоризация преступлений определяется не назначенным судом наказанием, а тем наказанием, которое законодатель предусмотрел в санкции статьи Особенной части УК РФ. При этом «содержащиеся в УК РФ санкции были, есть и будут субъективной оценкой законодателя, которая может меняться под влиянием самых различных факторов, что может сказаться и на отнесении преступления к той или иной категории» [3, с. 123]. То есть через наказание законодатель определяет категорию тяжести преступления. Представляется, что логическая последовательность подобного рода законодательных установлений должна быть иной. А именно, общественная опасность преступления должна определять категорию преступления, от которой должно зависеть наказание.

Описание исследования

Относительно определения общественной опасности деяния существуют принципиальные затруднения в связи с тем, что понятие общественной опасности не определено. Поэтому, «признавая те или иные деяния элементами множества «общественно опасные деяния», законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности. Для него «общественная опасность» — это исходное, неопределяемое понятие. А это значит, что «общественная опасность» является таким понятием, которое не имеет заранее установленных признаков, по наличию или отсутствию которых можно было бы делать вывод о наличии или отсутствии в конкретном деянии Q общественной опасности» [4, с. 44].

Кроме того, нормативная категоризация преступлений основана фактически только на одном виде наказания — лишение свободы на определенный срок. Все остальные, менее строгие наказания определяют категорию преступления небольшой тяжести. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «преступления, которые в ч. 2 ст. 15 УК РФ относятся к категории преступлений небольшой тяжести, глубоко неравнозначны как по степени общественной опасности, так и по характеру. Выразителем этой неравнозначности законодатель избрал виды и срок наказаний в диапазоне от штрафа и до лишения свободы в пределах трех лет. Вряд ли объединение указанных трех групп преступлений в одной категории можно признать обоснованным» [1, с. 108].

По нашему мнению, наказание, предусмотренное за совершение преступления, само по себе не может быть критерием отнесения этого преступления к определенной категории.

При этом в научной литературе предложения по совершенствованию категоризации преступлений продолжают основываться именно на наказании, как критерии категоризации. В частности, К. И. Гриценко считает, что «следует пересмотреть категоризацию преступлений. Представляется, что преступления необходимо разделить на три категории:

1) малозначительные — за которые предусмотрено наказание более мягкое, чем лишение свободы;

2) повышенной опасности — все умышленные преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 5 лет, и все неосторожные преступления. Наказания за такие преступления отбываются в колонии-поселении;

3) высокой опасности — это тяжкие (лишение свободы от 5 до 10 лет) и особо тяжкие (свыше 10 лет) преступления. Наказания за данные преступления отбываются в колониях общего, строгого и особого режимов» [5, с. 188].

Весьма симптоматичен прогноз Н. М. Кропачева: «Можно предположить, что в дальнейшем классификация будет происходить в таком направлении: а) дробление элементов классификации; б) выделение в рамках классификации в отдельные группы умышленных и неосторожных преступлений; в) поглощение единой классификацией таких внешне самостоятельных вопросов, как совокупность преступлений и приговоров, рецидив, соучастие. В результате уголовное право, построенное на системе (причем далеко несовершенной) «преступление-наказание», будет заменено уголовным правом, в основе которого лежит система «преступление-ответственность», предполагающая четкую классификацию преступлений, соответствующую ей, а потому столь же четкую «лестницу» уголовно-правовых санкций — видов и форм ответственности за преступления» [6, с. 35].

Примечательно, что одним из принципиальных результатов фундаментальных уголовно-правовых исследований явилось формирование устойчивых представлений о том, что преступление первично по отношению к наказанию. Вся эта проблематика, как правило, сводится к суждениям о возможности существования преступления без наказания. Обратная ситуация, действительно, невозможна.

В связи с этим вряд ли можно ожидать принципиальных возражений утверждению, что наказание не может определять категорию преступления. Наоборот, категория преступления должна определять правила назначения наказания. В зависимости от категории преступления должно назначаться наказание.

Кроме того, наказание только в виде лишения свободы не может быть критерием абсолютно всех категорий преступлений. Этот вид наказания может соотноситься в большей степени с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Для преступлений небольшой и средней тяжести типовыми наказаниями должны быть менее строгие виды.

В настоящее время санкции уголовно-правовых норм выстроены по принципу перечисления видов наказаний с указанием их сроков либо размеров, причем не всегда соответствующих опасности преступления. Очень часто в санкциях предусмотрены одновременно наименее и наиболее строгие виды наказаний (и штраф, и лишение свободы). Такие крайности способствуют разбалансированию взаимосвязи преступления и наказания. Фактически при наличии таких санкций в рамках действующих правил назначения наказания

суд может назначить подсудимому практически любой вид наказания, тем самым разрывается взаимообусловленность наказания преступлением. Кроме того, ни теорией уголовного права, ни практикой его применения не выработано правил установления такого наказания, которое бы соответствовало преступлению. Как результат всего этого, мы имеем ничем не обоснованные в уголовном законе санкции и отсутствие единообразия судебной практики их применения.

Наличие в уголовном законе необоснованно «широких» санкций, относящихся к относительно-определенным по наказанию в виде лишения свободы, также вызывает критику. И. Я. Козаченко абсолютно справедливо обращает внимание на то, что «говоря о сокращении оценочных понятий или о расширении сферы их применения, чаще всего имеют в виду диспозицию уголовно-правовой нормы. А уж если и упрекать законодателя в широком применении оценочных понятий в сфере уголовного права, то упрек должен быть сделан ему по поводу неоправданно высокого уровня оценочных понятий, входящих в юридические конструкции уголовно-правовых санкций. Действительно, за редким исключением, санкции норм уголовного права страдают излишней насыщенностью оценочных понятий. Ведь, скажем, уголовная санкция с формулировкой «наказывается лишением свободы на срок от 8 до 20 лет» или «до 5 лет» и т. д., обладая формально определенными признаками, содержит неоправданно большой заряд оценочного характера» [7, с. 115].

Санкции уголовно-правовых норм имеют серьезные недостатки, что порождает сбои и несогласованности в системе права и законодательства. Выделяются «такие деформации как несбалансированность диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, несбалансированность санкций в рамках системы Особенной части» [8, с. 13]. Кроме того, анализ уголовно-правовых санкций статей Особенной части УК РФ показывает отсутствие прямой зависимости наказания от категории преступления. Наблюдается наличие в санкциях одновременно как наименее строгого, так и наиболее строгого наказания, вне зависимости от категории преступления.

Следовательно, санкции действующего УК РФ не соответствуют принципу правовой определенности. Наличие в санкции за конкретное преступление одновременно наказания в виде штрафа и наказания в виде лишения свободы нельзя признать обоснованным. Кроме необоснованно широкого перечня видов наказаний, указанных в санкциях, довольно часто широкими являются и сроки либо размеры наказания. Особенно это относится к тем санкциям, где не указан нижний предел наказания. Как известно, в таком случае следует обращаться к нормам Общей части УК РФ, устанавливающим пределы каждого вида наказания. В связи с этим виды наказаний и границы санкций по каждой категории преступления также могут быть установлены в Общей части УК РФ, поскольку даже при существующем способе формулирования санкций обращение к Общей части

УК РФ необходимо для определения срока либо размера наказания.

Для каждого преступления, предусмотренного в Особенной части УК РФ, должна быть установлена категория путем перечисления всех преступлений, относящихся к каждой категории. При этом, для каждой категории преступления законодательно следует установить «типовое» наказание, соответствующее общественной опасности преступления определенной категории.

Уголовно-правовые санкции следует исключить из статей Особенной части УК РФ и предусмотреть правила назначения наказания в зависимости от категории преступления в Общей части УК РФ. Категоризации (классификации) преступлений должна соответствовать классификация наказаний.

В качестве главного основания классификации преступлений является объект посягательства, а для классификации наказаний — основной карательный элемент. Эти основания классификации являются практически значимыми и обнаруживают основные закономерности определения и применения уголовно-правовых санкций, которые должны соответствовать категории преступления. Также следует исходить из того, что «функциональное назначение ступенчатой структуры уголовно-правовых санкций (того, что за различные по тяжести преступления предусматриваются наказания, качественно и количественно отличающиеся друг от друга), <...>, может быть объяснено следующим образом: устанавливая и применяя за посягательства на более ценные социальные блага более суровые наказания, правотворческие и правоприменительные органы дозируют сдерживающий эффект и обеспечивают тем самым каждому из охраняемых объектов надлежащий уровень защищенности» [9, с. 82–83].

Для того, чтобы наказание могло соответствовать категории преступления, достаточно сократить перечень основных видов наказаний и установить их взаимосвязь с категорией преступления.

Действующий уголовный закон Российской Федерации содержит тринадцать видов наказаний. Примечательно, что уголовное законодательство зарубежных стран обходится значительно меньшим количеством наказаний. «Наказания в виде лишения свободы и штрафа являются наиболее устойчивыми элементами системы наказаний большинства зарубежных стран, в том числе и российской системы наказаний. В большинстве стран наблюдается тенденция сокращения количества основных и увеличения дополнительных видов наказаний» [10, с. 176].

Поэтому вполне достаточным представляется наличие нескольких основных наказаний: штраф, обязательные работы, принудительные работы и лишение свободы. Эти наказания давно являются наиболее востребованными практикой. Еще М. Д. Шаргородский обращал внимание на то, что «господствующее место в практике мер наказания занимают лишение свободы, исправительные работы, штраф и условное осуждение. Эти четыре меры в совокупности охватывают подавляющее большинство всех применяемых мер наказания, а это значит, что их эффективность определяет эффективность всей системы» [11, с. 87].

Именно эти основные наказания должны соответствовать категориям преступлений: за совершение преступления небольшой тяжести назначается наказание в виде штрафа, за совершение преступления средней тяжести назначается наказание в виде обязательных работ, совершение тяжкого преступления влечет назначение принудительных работ, совершение особо тяжкого преступления — лишение свободы.

Некоторые выводы подтверждаются судебной статистикой о видах назначенного наказания в зависимости от категории совершенного преступления. Так, на основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания с 2014 г. по 2024 г. наиболее назначаемыми осужденным видами уголовного наказания за совершение преступлений небольшой тяжести с 2014 г. по 2024 г. являются штраф и обязательные работы. Частота назначения данных видов наказаний в процентном соотношении от общего количества всех видов назначенных наказаний представлена в таблице 1.

Именно наказание в виде штрафа по степени карательного воздействия наиболее соответствует преступлению небольшой тяжести, поэтому штраф можно отнести к типовому наказанию для данной категории преступлений. В качестве альтернативы штрафу следует рассматривать обязательные работы, поскольку не всем осужденным за совершение преступления небольшой тяжести целесообразно назначение наказания в виде штрафа. Другие виды наказаний менее соответствуют преступлениям небольшой тяжести, их назначение должно быть обосновано наличием каких-либо особых обстоятельств, свидетельствующих о невозможности назначения типового наказания.

Схожая статистика по назначению наказания за совершение преступлений средней тяжести. На основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности

Таблица 1 — Наиболее назначаемые осужденным виды уголовного наказания за совершение преступлений небольшой тяжести с 2014 г. по 2024 г., %

Вид наказания	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Штраф	36	31	28	26	25	24	22	22	23	24	26	
Обязательные работы	20	25	39	37	35	33	35	33	30	28	25	

и видах уголовного наказания с 2014 г. по 2024 г. наиболее назначаемыми осужденным видами уголовного наказания за совершение преступлений средней тяжести с 2014 г. по 2024 г. являются штраф, обязательные работы и лишение свободы. Частота назначения данных видов наказаний в процентном соотношении от общего количества всех видов назначенных наказаний представлена в таблице 2. Соотношение лишения свободы с условным осуждением к лишению свободы за совершение преступлений средней тяжести представлено в таблице из расчета их процентного соотношения от общего количества осужденных к лишению свободы.

В отличие от преступлений небольшой тяжести, за совершение преступлений средней тяжести суды чаще всего назначали наказание в виде лишения свободы. Очевидно, что данный вид наказания не соответствует преступлению средней тяжести, он не может быть признан типовым. Важно учитывать, что наказание в виде лишения свободы в основном назначалось условно, поэтому степень карательного воздействия этого наказания нивелируется способом его назначения.

Наказание в виде обязательных работ по степени карательного воздействия наиболее соответствует преступлению средней тяжести, поэтому обязательные работы можно отнести к типовому наказанию для данной категории преступлений. Альтернативным видом наказания может быть штраф, если осужденному не может быть назначено наказание в виде обязательных работ. Еще одним вариантом для назначения могут быть исправительные работы, которые относятся к трудовым наказаниям по основному карательному элементу, как и обязательные работы.

Достаточно противоречиво выглядит статистика назначения наказания за совершение тяжких преступлений. Так, на основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного на-

казания с 2014 г. по 2024 г. наиболее назначаемыми осужденным видами уголовного наказания за совершение тяжких преступлений с 2014 г. по 2024 г. являются штраф и лишение свободы. Частота назначения данных видов наказаний в процентном соотношении от общего количества всех видов назначенных наказаний представлена в таблице 3. Соотношение лишения свободы с условным осуждением к лишению свободы за совершение тяжких преступлений представлено в таблице из расчета их процентного соотношения от общего количества осужденных к лишению свободы.

Наиболее назначаемыми наказаниями за совершение тяжких преступлений одновременно являются и наименее строгое наказание в виде штрафа и одно из наиболее строгих — лишение свободы. Такая ситуация связана с наличием в уголовном законе санкций, в которых предусмотрены только эти виды наказаний, поэтому суд при назначении наказания ограничен. Он вынужден в случае отсутствия оснований для назначения наказания в виде лишения свободы назначать штраф, что нельзя признать обоснованным.

Лишение свободы лишь в некоторой степени соответствует тяжкому преступлению. С учетом тенденции минимизации назначения данного вида наказания и гуманизации уголовного закона, а также введения в действие наказания в виде принудительных работ, лишение свободы не может быть признано типовым наказанием для тяжких преступлений. Кроме того, важно учитывать, что наказание в виде лишения свободы в основном назначалось условно, как и за совершение преступлений средней тяжести, поэтому степень карательного воздействия этого наказания нивелируется способом его назначения.

Для тяжких преступлений наиболее соответствующим наказанием являются принудительные работы. Согласно ч. 1 ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими

Таблица 2 — Наиболее назначаемые осужденным виды уголовного наказания за совершение преступлений средней тяжести с 2014 г. по 2024 г., %

Вид наказания	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Штраф	16	13	14	13	12	12	12	14	16	17	20	
Обязательные работы	18	17	22	22	22	22	22	22	21	19	17	
Лишение свободы (в том числе условно)	54 (55)	59 (49)	52 (55)	53 (54)	53 (54)	54 (53)	53 (56)	52 (56)	50 (55)	44 (52)	41 (51)	

Таблица 3 — Наиболее назначаемые осужденным виды уголовного наказания за совершение тяжких преступлений с 2014 г. по 2024 г., %

Вид наказания	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Штраф	10	10	8	6	8	9	10	13	13	16	18	
Лишение свободы (в том числе условно)	89 (51)	89 (49)	91 (48)	92 (48)	90 (50)	88 (3)	87 (55)	84 (57)	83 (56)	76 (55)	74 (54)	

статьями Особенной части УК РФ, в том числе за совершение тяжкого преступления впервые. Поэтому если тяжкое преступление совершено не впервые, то назначению подлежит наказание в виде лишения свободы.

Следует учитывать, что наказание в виде принудительных работ исполняется только с 2017 года, поэтому в анализируемых статистических данных этот вид наказания не относится к числу наиболее назначаемых. Кроме того, практика назначения наказания в виде принудительных работ складывается постепенно. Этому способствует постепенное увеличение количества исправительных центров, что является необходимым условием для обеспечения порядка исполнения данного вида наказания.

Статистические данные о наказании за совершение особо тяжких преступлений демонстрируют логичную зависимость. Так, на основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания с 2014 г. по 2024 г. наиболее назначаемым осужденным видом уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений с 2014 г. по 2024 г. является лишение свободы. Частота назначения данного вида наказания в процентном соотношении от общего количества всех видов назначенных наказаний представлена в таблице 4. Соотношение лишения свободы с условным осуждением к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений представлено в таблице из расчета их процентного соотношения от общего количества осужденных к лишению свободы.

Поскольку особо тяжкие преступления относятся к категории наиболее общественно опасных, то абсолютно обоснованно для них признать в качестве

типового наказания лишение свободы. Кроме того, процентное соотношение лишения свободы с условным осуждением к лишению свободы свидетельствует об исключительности случаев назначения лишения свободы условно, что представляется совершенно справедливым.

Заключение и вывод

Наказание, предусмотренное за совершение преступления, само по себе не может быть критерием отнесения этого преступления к определенной категории. Наоборот, категория преступления должна определять правила назначения наказания. Кроме того, наказание только в виде лишения свободы не может быть критерием абсолютно всех категорий преступлений. Этот вид наказания может соотноситься в большей степени с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Для преступлений небольшой и средней тяжести типовыми наказаниями должны быть менее строгие виды.

Типовыми наказаниями в зависимости от категории преступления могут быть: штраф за совершение преступления небольшой тяжести; обязательные работы за совершение преступления средней тяжести; принудительные работы за совершение тяжкого преступления; лишение свободы — особо тяжкого преступления.

Для обеспечения индивидуализации наказания применяются дополнительные наказания, такие как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; лишение права занимать определенные должности; лишение права заниматься определенной деятельностью; ограничение свободы.

Таблица 4 — Наиболее назначаемые осужденным виды уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений с 2014 г. по 2024 г., %

Вид наказания	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Лишение свободы (в том числе условно)	99 (6)	99 (4)	99 (3)	99 (3)	99 (3)	99 (4)	99 (4)	99 (4)	99 (4)	99 (3)	99 (3)	

Список источников

1. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Потенциал категоризации преступлений в сфере экономической деятельности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 105–112.
2. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности как критерий классификации преступлений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6(305). С. 106–118.
3. Гонтарь И. Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4(249). С. 116–128.
4. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища шк. 1976. 150 с.
5. Гриценко К. И. Наказание и проблемы повышения его эффективности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 187–188.
6. Кропачев Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 59 с.
7. Козаченко И. Я. Язык — душа и совесть уголовного закона // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247). С. 109–116.
8. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве: монография. Екатеринбург: Изд-во «Cricket», 1994. 284 с.

9. Усс А. В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 324 с.
10. Мелюханова Е. Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2017. 240 с.
11. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973. 160 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мелюханова Евгения Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: melyukhanova@list.ru
ORCID: 0000-0002-0905-0480

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya E. Melyukhanova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: melyukhanova@list.ru
ORCID: 0000-0002-0905-0480

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.07.2025.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.06.2025.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-62-66

С. 62–66

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ИНИЦИАТИВЕ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юлия Николаевна Наумова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация
naumyn73@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-2948-0960>

Аннотация. Статья написана в связи с юбилеем профессора Ивана Яковлевича Козаченко. В ней отмечается стремление автора подчеркнуть необходимость приближения отечественной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной доктрин к мировым структурам и аналогам, в том числе и к непреходящим ценностям и принципам права. Констатируется его первенство в этом направлении среди отечественного доктринального сообщества, в особенности проповедуемая Иваном Яковлевичем главная, по его мнению, дефиниция российского уголовного права — охрана прав и свобод человека.

Ключевые слова: методика расследования; преступления прошлых лет; криминалистическая характеристика; предмет доказывания; обстоятельства, подлежащие установлению

Для цитирования: Наумова Ю. Н. Особенности методики расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет, возбужденных по инициативе осужденных, отбывающих пожизненное заключение // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 62–66. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-62-66

Research article

FEATURES OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CRIMINAL CASES OF CRIMES OF PREVIOUS YEARS INITIATED BY CONVICTS SERVING LIFE SENTENCES

Yulia N. Naumova

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation
naumyn73@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-2948-0960>

Abstract. The article was written in connection with the anniversary of Professor Ivan Yakovlevich Kozachenko. It notes the author's desire to emphasize the need to bring domestic criminal law and criminal procedure doctrines closer to world structures and analogues, including the enduring values and principles of law. His primacy in this area among the Russian doctrinal community is noted, especially the main definition of Russian criminal law preached by Ivan Yakovlevich, in his opinion, the protection of human rights and freedoms.

Keywords: investigation methodology, crimes of previous years, criminalistic characteristics, subject of evidence, circumstances to be established

For citation: Naumova YuN. Features of the Methodology for Investigating Criminal Cases of Crimes of Previous Years Initiated by Convicts Serving life Sentences. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):62-66. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-62-66

Введение

То обстоятельство, что следствие осуществляет (иногда достаточно успешно) расследование преступлений, совершенных много лет тому назад, само по себе за-

служивает положительной оценки. Теория уголовного права всегда исходила из того, что осуществление задач (как общего, так и специального предупреждения) требует своевременного назначения и исполнения

наказания. Что запоздалое привлечение к уголовной ответственности и запоздалое приведение приговора в исполнение не оказывает должного общепредупредительного воздействия и потому является нецелесообразными. Виновный к этому времени может исправиться, перестанет быть общественно опасным и потому уже не нуждается в воздействии наказания. По истечении длительного времени после совершения преступления возникают подчас и непреодолимые трудности доказательственно-процессуального характера (утрачиваются вещественные следы преступления, забываются свидетелями существенные обстоятельства дела и т. д.), создающие препятствия для успешного расследования и судебного рассмотрения дела [1, с. 657].

Материалы и методы

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, учебники по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистики, специальная литература по проблемам исследования. Основу исследования составили положения диалектического метода познания явлений, предполагающие их изучение в постоянном развитии и взаимообусловленности, а также общепризнанные (сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (формально-логический, системно-структурный).

Описание исследования

Несмотря на указанные негативные последствия «запоздалого» привлечения к уголовной ответственности и такого же расследования преступлений прошлых лет, свидетельство того, что такое расследование возможно. Есть признание в доктрине развития *криминалистики* как науки о расследовании преступлений и совершенствовании ее методов (способов), расследования и преступлений «прошлых лет». Обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление (время, место и т. д.), а также *личность* преступника и *потерпевшего* наполняются конкретным содержанием в зависимости от их индивидуализации применительно к признакам совершенного преступления. В первую очередь, это связано с использованием достижений научно-технического прогресса, в том числе, например, генетики, искусственного интеллекта и цифровизации. Так, в 2006 г. обвинительным приговором завершились известные из отечественных СМИ уголовные дела, совершенные в 1999 г.¹ Тем не менее по многим таким делам вопросы об их *доказательственной* базе имеют «место быть» т. е. возникают (по крайней мере, со стороны защиты в судебном процессе) и автор данной статьи пытается обратить на это внимание. Это относится, например, к анализу практики расследования уголовных дел, во-первых, как отмечается в названии статьи, возбужденных по инициативе осужденных, отбывающих пожизнен-

ное заключение, и, во-вторых, в особенности в случаях, когда соответствующие давностные сроки привлечения осужденных к уголовной ответственности близки к их истечению.

При этом существует несколько аспектов установления *ряда существенных особенностей* расследования указанных преступлений:

- установление обстоятельств, подлежащих установлению (в соответствии со ст. 73 УПК РФ);
- криминалистической характеристики совершенного преступления;
- специфики косвенных доказательств при расследовании соответствующих преступлений;
- проблеме *ведомственной* судебной экспертизы как источнике доказательств в уголовном процессе.

Начнем с конкретизации первого названного обстоятельства и его значения для уточнения специфики исследования. В первую очередь, для этого имеет значение конкретизация в ч. 1 ст. 73 УПК РФ понятия «события» преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). Остановимся на определении *времени* и *места* совершения преступления. Предположим, что обвинение сочло доказанным, что именно обвиняемый, как уже указывалось, например, в 1999 г., совершил инкриминируемое ему в 2021 г. убийство (осужден в мае 2025 г.). Но как быть с тем, если в 90-е гг. уже прошлого века в обвинительном заключении была едва ли не «ритуально-обязательной» такая формулировка в отношении «расшифровки» *времени* — «в неустановленное время», а в отношении *места* — «в неустановленном месте» (что едва ли не дословно переходило (по сути дела, «штамповалось!») в обвинительный приговор? И возможен ли здесь какой-либо выход из создавшейся ситуации? Не только возможен, но и *обязателен* для следствия и суда. Необходимо, чтобы суд *проверил* обоснованность требований защиты об обязательной проверке установления конкретного *времени* и *места* инкриминируемого убийства. Воздержимся от комментариев установления *других*, указанных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств и добавим к ним лишь конкретизацию п. 6 (этой же статьи УПК РФ) — обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Что касается последних — их, как показывает практика, вполне хватает (едва ли не с избытком). А вот в отношении смягчающих — явный недостаток. Например, по тому же ранее приведенному уголовному делу (по которому обвинение было предъявлено в 1999 г., а обвиняемый осужден через 16 лет), обвиняемый был осужден к 22 годам колонии строгого режима². Признанием каких-то решающих для наказания *смягчающих* обстоятельств здесь и «не пахнет», а вот привычным для обвинения «обвинительном уклоном», так и «разит». И для предотвращения повторения этого, конечно же, разумеется, необходимо *прислушиваться* к доводам защиты (а Верховному

¹ См., Известия. 2021. 22 декабря.

² См. ТАСС. 2025. 29 мая.

Суду РФ конкретизировать такую позицию в своем известном постановлении¹).

Далее — в отношении криминалистической характеристики преступления *прошлых лет*, возбужденного по инициативе осужденного, отбывающего пожизненное заключение. Как известно, понятие самой криминалистической характеристики является дискуссионным. «В литературе насчитывается пять вариантов подходов к определению этого понятия — от отрицания его криминалистического значения до чрезмерного его расширения» [2, с. 100–105]. Основной причиной дискуссии по данной проблеме является, на наш взгляд, различное понимание соотношения уголовно-правовой, уголовно-процессуальной (предмет доказывания) и криминалистической характеристик преступления. Чаще всего эти аспекты (варианты) характеристик преступления (как такового) пытаются «развести» по «отраслевым квартирам», уповая на их (характеристики) автономность. По нашему же мнению, криминалистическая характеристика, как система данных о криминалистически значимых признаках преступлений конкретного вида или группы, отражающих закономерные связи между этими признаками и служащих построению типовых версий, которые берутся за основу при планировании расследования преступлений данного вида или группы [3, с. 30], не может не учитывать как уголовно-правовую, так и уголовно-процессуальную характеристику. Более того, некоторые ее (криминалистической характеристики) элементы должны включать в себя компоненты названных характеристик. Наиболее значимые в криминалистическом отношении особенности преступлений определенных видов — это своего рода «каркас» единой характеристики преступления определенного вида, своего рода общая схема, которая конкретизируется уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными особенностями и лишь в сплаве с ними эта характеристика становится по-настоящему криминалистической.

Попытаемся увязать связь указанной криминалистической характеристики с *предметом доказывания* по делам данной категории. По крайней мере, речь может идти о такой совместности применительно к пунктам 1–4 ст. 73 УПК РФ. Так, *событие* преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), а также *характер и размер вреда, причиненного преступлением*, вполне координируются с первыми четырьмя из указанных элементов (компонентов) криминалистической характеристики рассматриваемого преступления (их, в свою очередь, объединяет характеристика объективной стороны, данная в диспозиции статьи, криминализирующей соответствующее преступление). *Виновность* же лица в совершении преступления, *форма его вины и мотивы*, а также обстоятельства, характеризующие *личность*

обвиняемого, согласуются (опять-таки, через уголовный закон) с *личностью преступника* как компонентом *криминалистической характеристики* [4, с. 471].

О специфике оценки доказательств (обычно как *косвенных*) *при расследовании указанных преступлений*. Как известно, теория уголовного процесса подразделяет доказательства на прямые и косвенные. Однако единого определения их значения в доктрине не существует, что на практике применение, например, косвенных доказательств по уголовным делам вызывает определенные трудности у органов следствия и суда. Например, по мнению М. С. Строговича, «Доказательства делятся на прямые и косвенные в зависимости от того, устанавливает ли доказательство главный факт — совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления, — или доказательственный факт... Прямое доказательство устанавливает главный факт... Косвенное доказательство устанавливает не главный факт, а доказательственный факт, который, в свою очередь, является доказательством главного факта... Значит, разница между прямым и косвенным доказательством состоит в том, что именно какой факт устанавливается этим доказательством и как он относится к главному факту. Каждое косвенное доказательство является прямым по отношению к тому факту, который оно непосредственно устанавливает, и отличие его от прямого доказательства заключается именно в том, что этот факт, устанавливаемый косвенным доказательством, не есть главный факт (т. е. совершение обвиняемым преступления), а есть факт доказательственный, побочный, через который устанавливается главный факт» [5, с. 376–377].

Разумеется, что в случае, когда сторона защиты будет оспаривать доказанность совершения именно уже осужденным инкриминируемого убийства, суд *обязан* не только проверить но и привести *конкретные доказательства* такой позиции обвинения, учитывая, что принимаемое во внимание специфическое значение, взятое за основу источника (доказательства), вытекает из его особенности как *косвенного* доказательства.

Наконец, о проблемах ведомственной судебной экспертизы как источника доказательств в уголовном процессе. Азбучной истиной является утверждение, что при расследовании преступлений должны широко применяться специальные знания. Основной же формой их использования в уголовном судопроизводстве является назначение и производство судебных экспертиз, что регулируется многими нормативными актами, в первую очередь, Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ) и Федеральным законом от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Необходимость в такой деятельности возникает тогда, когда при доказывании по конкретному уголовному делу требуются специальные знания в области науки, техники, искусстве или ремесла. В Российской Федерации специализированные учреждения, где проводятся судебные экспертизы, сосредоточены

¹ Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 15.05.2025).

в различных ведомствах — МВД, СК, ФСБ, Минюсте, Минздраве, Минобороны России и некоторых других ведомствах. Создание таких ведомственных научных центров можно только приветствовать. Разумеется, что их деятельность способствует как качественному, так и своевременному расследованию преступлений. Впечатляет в этом плане развитие таковых в СК России. В нем еще в 2017 г. было создано Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) и в 2020 г. Судебно-экспертный центр. В последнем (насчитывающим примерно 650 сотрудников) проводятся 18 видов экспертиз¹. И ведомственная принадлежность соответствующих экспертных учреждений в целом направлена на достижение основных принципов уголовного судопроизводства, предполагающих защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Это — очевидные плюсы ведомственных экспертиз. Однако не всё так благозвучно выглядит при признании их судом доказательствами по уголовному делу. Почему?

Во-первых, это может быть связано с обнаружением отсутствия у эксперта самых необходимых профессиональных качеств — *компетентности* и *беспристрастности*. Остановимся на первом из них на примере, ставшем известным из СМИ, — материалов дела о так называемом «пьяном мальчике». 23 апреля 2017 г. в подмосковной Балашихе во дворе собственного дома под колесами автомобиля погиб 6-летний А. Ш. Свидетели утверждали, что находившаяся за рулем А. ехала по двору со скоростью около 50 км. в час и разговаривала по телефону. Сама водитель свою вину категорически отрицала. Родители погибшего мальчика обнародовали данные экспертизы, согласно которым мальчик был пьян, а в его крови было зафиксировано содержание этанола в количестве 2,7 промилле. Через некоторое время были назначены новые экспертизы, показавшие, что мальчик в момент гибели был трезв. Эксперт же К. (ГБУЗ Московской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы»), определивший наличие алкоголя в крови погибшего, по мнению следствия, произвел изъятие образца крови ненадлежащим образом, что привело к его (образцу крови) загрязнению спиртообразующей микрофлорой и спиртовому брожению. «Эксперт должен был понимать, что подобная концентрация алкоголя в крови ребенка соответствует состоянию поверхностной комы, и для подтверждения или исключения факта прижизненного употребления алкоголя необходимо проведение биохимического исследования. Но этого сделано не было», говорилось в сообщении, опубликованном на официальном сайте СК России².

Теперь о другом, (не менее) важном, качестве эксперта — о его *независимости*. В соответствии со ст. 7 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» при производстве судебной

экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа и лица, назначивших судебную экспертизу сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Сошлемся, например, на дело о смерти М. Марцинкевича в интерпретации осуществившей собственное журналистское расследование члена Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы, члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, обозревателя газеты «Московский комсомолец» Меркачевой Е. М.

Марцинкевич М. (криминальное прозвище Тесак) — русский националист, бывший скинхед, видеоблогер. Трижды осуждался за экстремизм. 16 сентября 2020 г. был найден мертвым в тюремной камере челябинского СИЗО. По официальной версии следствия совершил самоубийство. Однако адвокаты и родственники не поверили этому, сославшись на то, что на его теле были видны следы пыток. Это было зафиксировано на фото тела умершего (неизвестно, как оказавшемся в Сети)³.

Во всех этих и других случаях вопрос о необходимости производства независимой судебной экспертизы для доказательства обвинения в уголовном судопроизводстве и наличие при этом нравственных аспектов проблемы четко высвечивается. Известно, что в соответствии с уголовно-процессуальным законом процесс у нас состязательный. Согласно ст. 15 УПК РФ «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо», а «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты». Но получается, что при расследовании преступления следствие в качестве доказательства (одного из самых основных) по делу использует заключение экспертизы, осуществляемой «своим» ведомством (СК РФ, МВД РФ, ФСБ и другими). И результаты этой же экспертизы кладутся в основу обвинительного приговора. Очевидно, что в «пирамиде» состязательности уголовного процесса нарушается один из основных принципов — независимости суда от позиции обвинения. Например, когда защита оспаривает достоверность соответствующей экспертизы по делу. По этому поводу стоит вспомнить определенный опыт, накопленный в этом отношении в Советском Союзе. В те времена в системе Министерства юстиции СССР (а также Министерства здравоохранения и некоторых других ведомств) выполнялись экспертизы по заданиям органов дознания, следствия, прокуратуры и судов в связи с расследованием и рассмотрением уголовных и гражданских дел. Точно также обстояло дело и в союзных республиках. Это были НИИ, лаборатории, бюро (например, лаборатории судебных экспертиз — НИЛСЭ), позволяющие осуществить и состязательность уголовного процесса, и независимость соответствующих судебных экспертиз от ведомственных «предпочтений». Не стоит ли

¹ Российская газета, 2021. 26 июля.

² См. Аргументы и факты недели. 2019. 16 октября.

³ См. Меркачева Е. М. Тесак, Фургал и другие «странные смерти», дела и быт в российских тюрьмах. М.: Книжный мир. 2021.

вспомнить о таком опыте? Тем более, что и в настоящее время судебно-экспертные учреждения Министерства юстиции РФ производят судебные экспертизы по уголовным и гражданским делам как судов общей юрисдикции, так и для арбитражных судов. Так что вопрос о том, где проводить такие экспертизы, сложности не представляет. Другое дело (думается, более трудное) заключается в том, как воспримут соответствующие ведомства, осуществляющие «свою» экспертизу, определенную при этом потерю своего влияния на вынесение обвинительного приговора в уголовном судопроизводстве? Думается, что дело не только (и не столько) в изменении действующего законодательства, сколько

в его толковании Верховным Судом и Конституционным Судом Российской Федерации (т. е. хотя бы вначале можно обойтись и без каких-либо поправок в УПК РФ) [6, с. 94, 98, 99].

Заключение и вывод

При решении задачи, обозначенной в названии статьи, необходимо принимать во внимание главное из творческого наследия И. Я. Козаченко — его обращение к непреходящим *ценностям* и *принципам права*, зафиксированным в международном праве, к охране прав и свобод личности.

Список источников

1. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект. 2018. 784 с.
2. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера. Теория и практика противодействия. СПб., Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. 323 с.
3. Криминалистика: Учебник для вузов / Р. С. Белкин, засл. деят. науки РФ, д-р юр. наук, проф., Т. С. Балугина, доц., Г. А. Воробьев, засл. юрист РФ, канд. юр. наук., проф. и др.; под ред. А. А. Хмырова, В. Д. Зеленского; М-во общ. и проф. образования РФ. Куб. гос. ун-т. Краснодар. 1998. 568 с.
4. Наумова Ю. Н. Криминалистическая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконному ограничению прав владельцев ценных бумаг, предусмотренного ст. 185⁴ УК РФ // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях проблемы теории и практики: сб. статей / [Абрамочкин В. В. и др.]. М.: Волтерс Клувер. 2010. С. 470–475.
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 472 с.
6. Наумова Ю. Н. Соотношение ведомственной и вневедомственной судебной экспертизы для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел (нравственные аспекты) // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 4. С. 94–99.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумова Юлия Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
E-mail: naumyn73@mail.ru
ORCID:0000-0003-2948-0960

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. N. Naumova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
2, building 1 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russia
E-mail: naumyn73@mail.ru
ORCID:0000-0003-2948-0960

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 02.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Assepted: 15.07.2025.

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ: ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Зинаида Александровна Незнамова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
nza001@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы соотношения уголовно-правовых и гражданско-правовых норм в современных условиях. Автор анализирует возникающие коллизии между нормами Уголовного кодекса РФ и гражданского законодательства на примере таких составов преступлений, как незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Показано, что уголовное право, будучи охранительной отраслью, опирается на институты гражданского права и иных отраслей позитивного регулирования, однако в процессе правоприменения вынуждено учитывать лишь существенные признаки гражданско-правовых институтов, игнорируя в некоторых случаях их формально-юридические признаки. Так, при определении деятельности как незаконной предпринимательской или незаконной банковской, правоприменитель игнорирует требование об их обязательной регистрации, поскольку ее отсутствие образует признак объективной стороны состава преступления.

Особое внимание уделено диссонансу между ст. 197 УК РФ, устанавливающей ответственность за фиктивное банкротство, и действующим законодательством о банкротстве, вступившим в силу в 2002 году, что привело к фактическому неприменению данной уголовно-правовой нормы. Автор приходит к выводу, что данная межотраслевая коллизия между нормами гражданского и уголовного права должны разрешаться в пользу позитивного регулирования, а ее устранение требует законодательного вмешательства.

Ключевые слова: соотношение норм гражданского и уголовного права, незаконная предпринимательская деятельность, незаконная банковская деятельность, фиктивное банкротство, коллизии норм гражданского и уголовного законодательства

Для цитирования: Незнамова З. А. Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых норм: проблемы и некоторые пути их решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 67–72. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-67-72

Review article

CORRELATION OF CRIMINAL LAW AND CIVIL LAW NORMS: PROBLEMS AND SOME WAYS TO SOLVE THEM

Zinaida A. Neznamova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
nza001@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5422-9829>

Abstract. The article discusses the current problems of the correlation between criminal and civil law norms in modern conditions. The author analyzes the emerging conflicts between the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and civil legislation on the example of such crimes as illegal entrepreneurial activity (Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation), illegal banking activity (Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation), and fictitious bankruptcy (Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is shown that criminal law, being a protective branch, relies on the institutions of civil law and other

branches of positive regulation, but in the process of law enforcement, it is forced to take into account only the essential features of civil law institutions, ignoring their formal legal features in some cases. For example, when determining an activity as illegal entrepreneurial or illegal banking, the law enforcement officer ignores the requirement for mandatory registration, since its absence constitutes an objective feature.

Special attention is paid to the dissonance between Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for fictitious bankruptcy, and the current bankruptcy legislation, which came into force in 2002, leading to the de facto non-application of this criminal law provision. The author concludes that this intersectoral conflict between civil and criminal law should be resolved in favor of positive regulation, and its resolution requires legislative intervention.

Keywords: the relationship between civil and criminal law, illegal business activities, illegal banking activities, fictitious bankruptcy, and conflicts between civil and criminal law

For citation: Neznamova ZA. Correlation of Criminal Law and Civil Law Norms: Problems and Some Ways to Solve Them. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):67-72. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-67-72

Введение

Для общей теории государства и права, равно как и для всех отраслевых юридических наук, тезис о том, что российское право и законодательство являются системными образованиями, является аксиоматичным.

Так, в учебнике кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Я. Яковлева указывается, что «Система права — внутреннее строение (структура) права, отражающее объединение и дифференциацию юридических норм». «Структура права (его система) обуславливает ее форму (систему законодательства) и неразрывна с ней» [9, с. 218]. По мнению авторов данного учебника, основная цель этого понятия — объяснить одновременно интегрирование и деление нормативного массива на отрасли и институты, дать **системную** характеристику позитивного права в целом. Последнее, будучи нормативным ядром правовой системы конкретного общества, обладает такими качествами, как целостность и автономность, стабильность и динамизм, **взаимосвязь** и **структурированность** содержания и формы, имеет источники развития» (выделено мной, З.Н.) [9, с. 218–219].

Как видно из приведённых цитат, одним из важных свойств системы права и законодательства является взаимосвязь структурных элементов этого системного образования между собой. Взаимосвязи проявляется в различных аспектах, но для целей настоящей работы важнейшим является непротиворечивость элементов между собой.

Вопрос о соотношении норм гражданского и уголовного права является проблемой, которая давно привлекает внимание исследователей уральской школы уголовного права. Так, влияние гражданско-правового регулирования на уголовно-правовую оценку преступлений против собственности рассматривал в своих работах А. В. Хабаров [11]. Проблемы взаимодействия норм гражданского законодательства и преступлений в сфере экономической деятельности изучал Д. М. Пайвин [7]. Данной проблеме посвящена докторская диссертация И. В. Шишко [12]. Прошло более 20 лет

с момента написания данных работ, но вопрос о соотношении норм гражданского и уголовного законодательства так и остался актуальным и проблемным. Более того, актуальность его возрастает многократно в современный период в связи с появлением новых объектов гражданского права и предметов преступлений против собственности, а также преступлений в сфере экономической деятельности, таких как криптовалюты, токены, электронные денежные средства и другие. В данной статье автор предпринимает попытку посмотреть на вопросы межотраслевого взаимодействия ГК РФ и УК РФ в новых условиях.

Материал и методы

При написании статьи использовались нормы уголовного и гражданского законодательства, постановления Пленума Верховного суда РФ, доктринальные источники. При проведении исследования применялись общенаучные и частно-научные методы научного познания, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой, а также диалектический метод.

Описание исследования

Основной тезис, который звучит, в частности, в работах указанных выше исследователей, заключается в том, что уголовное право, будучи отраслью охранительной, должно пользоваться инструментарием гражданского права, ибо именно те общественные отношения, которые урегулированы гражданским правом, охраняются правом уголовным. В этой связи при конструировании уголовно-правовых норм, а также при их применении следует пользоваться категориями и понятиями, которые предусмотрены гражданским правом.

По утверждению И. В. Шишко «Законодательно закреплённая специализация уголовно-правовых и регулятивных норм обуславливает абсолютную монополию последних в регулировании позитивных отношений (в том числе в сфере экономической деятельности).

Описание в нормах гл. 22 УК РФ нарушений запретов либо неисполнения обязанностей, установленных исключительно регулятивными нормами (экономи-

ческим законодательством), означает, что диспозиции «экономических» норм УК РФ детерминированы регулятивными нормами» [12, с. 8].

По результатам своего исследования И. В. Шишко приходит к выводу о желательности дополнить УК РФ определенной нормой, которая бы решала вопрос о соотношении норм гражданского и уголовного законов. «С учетом этого норму об идентичности понятий (ее содержат п. 1 ст. 11 ПК РФ, п. 2 ст. 11 ТК РФ и другие законы) в Уголовном кодексе следует изложить в такой редакции: «Понятия и термины уголовного законодательства Российской Федерации, используемые в нормах настоящего Кодекса, применяются в том значении, в каком они используются в нормативных правовых актах, обуславливающих соответствующие уголовно-правовые нормы (вариант: охраняемых соответствующими уголовно-правовыми нормами), если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» [12, с. 9].

Подобной позиции в принципе придерживается и правоприменитель. Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» Верховный суд РФ специально подчеркнул, что, «при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, судам следует выяснять, соответствуют ли эти действия указанным в пункте 1 статьи 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно на свой риск лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя»¹.

Если следовать буквальному толкованию понятия предпринимательской деятельности, данному в гражданском законодательстве, ответственность по ст. 171 УК РФ может нести только лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя или зарегистрировавшее юридическое лицо. Между тем, одним из конструктивных признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, является осуществление предпринимательской деятельности без регистрации. Деятельность признается незаконной предпринимательской, а при наличии криминализирующих признаков в части причиненного ущерба — уголовно-наказуемой, если субъект занимается деятельностью, которая де-факто является предпринимательской, но де-юре таковой не является. Это означает, что одинаковую по своим фактическим признакам деятельность определенных субъектов специалисты в области гражданского права не признают предпринимательской, поскольку она не зарегистрирована в установленном законом порядке, а специалисты в области уголовного права таковой

признают и будут говорить о незаконной предпринимательской деятельности в плане ст. 171 УК РФ.

Стало быть, уголовное право должно руководствоваться лишь существенными признаками предпринимательской деятельности, но не может полностью использовать соответствующее понятие, данное в гражданском законодательстве.

Аналогичная, но еще более сложная ситуация возникает при определении понятия «банковская деятельность» по УК РФ и по Федеральному закону «О банках и банковской деятельности»².

В ст. 172 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность. При этом диспозиция ч. 1 данной статьи описывает объективную сторону данного преступления как осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без лицензии. Из буквального толкования данной нормы можно сделать вывод, что банковская деятельность сводится к банковским операциям. В ФЗ «О банках и банковской деятельности» понятие банковской деятельности не дается, но из содержания ст. 5 можно сделать вывод, что банковские и небанковские кредитные организации могут совершать не только банковские операции, но и иные банковские сделки. Вопрос о том, входит ли в объективную сторону состава ст. 172 УК РФ совершение иных сделок, предусмотренных ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности», является спорным в теории как банковского, так и уголовного права [1; 2; 4; 6; 8]. Однако судебная практика однозначно толкует диспозицию ч. 1 ст. 172 УК РФ буквально, признавая в качестве преступного деяния только совершение банковских сделок без регистрации или без лицензии. Таким образом, уголовное право не в полной мере использует понятие банковской деятельности, которая дается нормами позитивного гражданского законодательства.

Спорным является также вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Исходя из содержания ст. 172 УК РФ субъект по данной статье общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее 16 летнего возраста. Однако некоторые исследователи полагают, что субъект в данной статье специальный. При этом они при аргументации своей позиции ссылаются на ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности», согласно которой как банковские операции, так и иные сделки могут осуществлять только юридические лица, причем не любые, а имеющие статус кредитных организаций [3, с. 644; 10, с. 170; 1, с. 968].

Допускают ошибки в определении субъекта преступления по данной статье и суды. Так, в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 23.09.2010 № 5-010-235 указано следующее «Судебная коллегия не может согласиться и с доводами кассационного представления о том, что осужденные незаконно осуществляли банковские операции. По смыслу ст. 172 УК РФ

² Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» с изм. и доп. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР от 6.12.1990 г. № 27 ст. 357.

¹ Бюллетень Верховного суда РФ, январь 2017, № 1.

и п. 9 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» субъектами таких правонарушений и преступлений являются учредители кредитных организаций и руководители ее исполнительных органов, в том числе и главный бухгалтер, к которым, как это следует из обстоятельств, установленных приговором, осужденные не относились и не относятся¹.

Точку в этом споре не поставил даже Конституционный суд РФ, который в своем определении не нашел правовой неопределенности в ст. 172 УК РФ в части возможности привлечения к уголовной ответственности общего субъекта — физического лица, не являющегося руководителем и даже работником кредитной организации².

Сказанное позволяет сделать вывод, что и при применении ст. 172 УК РФ уголовный закон и практика его применения не в полной мере применяют положения норм гражданского законодательства, создавая собственные правовые конструкции норм, которые, казалось бы, являются исключительно гражданско-правовыми³.

Как отмечал в свое время Ф. Энгельс, право «должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [5, с. 418]. Между тем современная тенденция развития уголовного законодательства выражается в нарастающей коллизии норм гражданского права и норм уголовного права, нередко парализующей нормальное функционирование правового регулирования. Рамки данной работы позволяют остановиться лишь на одном примере такой коллизии.

Ст. 197 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за фиктивное банкротство. Согласно диспозиции данной статьи, фиктивное банкротство, представляет собой **заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности**, если это деяние причинило крупный ущерб (выделено мной — З. Н.). Данная норма была принята в 1996 году и входила в первоначальную редакцию УК РФ. На момент принятия кодекса и вступления его в юридическую силу с 1 января 1997 г. действовал Закон РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1

«О несостоятельности (банкротстве) предприятий»⁴, который нередко именуется первым банкротным законом. В нем фиктивное банкротство понималось как заведомо ложное объявление предприятием о своей несостоятельности с целью введения в заблуждение кредиторов для получения от них отсрочки и (или) рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов.

Закон предусматривал добровольную ликвидацию предприятия-должника как внесудебную процедуру ликвидации несостоятельного предприятия, осуществляемую по соглашению между его собственником и кредиторами под контролем кредиторов.

Согласно ст. 51 данного закона решение о добровольной ликвидации предприятия-должника и об официальном объявлении им о своей несостоятельности (банкротстве) принималось руководителем предприятия-должника совместно с кредиторами на основе анализа экономического состояния предприятия, в результате которого установлено, что предприятие не может платить по своим обязательствам и нет возможности восстановить его платежеспособность.

Предприятие-должник считалось находящимся в процессе ликвидации с момента утверждения собственником (собственниками) данного предприятия решения о его добровольной ликвидации. Официальное объявление о добровольной ликвидации предприятия-должника публикуется в «Вестнике Высшего арбитражного суда Российской Федерации».

При таких обстоятельствах объективная сторона состава фиктивного банкротства, предусмотренная ст. 198 УК РФ, полностью соответствовала Закону 1992 г. Данный Закон утратил юридическую силу с 1 марта 1998 г. С этой же даты вступил в силу Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵, так называемый второй банкротный закон. Он также содержал статьи о добровольной ликвидации предприятия-должника. И здесь также не было коллизии между нормами банкротного законодательства и уголовным законодательством в части установления уголовной ответственности за фиктивное банкротство.

В 2002 г. был принят так называемый третий банкротный закон⁶. И этот ныне действующий закон уже не предусматривает процедуры добровольной ликвидации предприятия. Согласно ст. 2 указанного ФЗ «несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина

¹ Документ опубликован не был. Доступ авторизованный // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никулиной Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/70743164/> (дата обращения: 13.05.2025).

³ Автор не обсуждает о том, является ли банковское право частью права гражданского.

⁴ Закон РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 7 января 1993 г. № 1 ст. 6.

⁵ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрании законодательства Российской Федерации от 12 января 1998 г., № 2, ст. 222.

⁶ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства 28 октября 2002 г.; 43 ст. 4190.

неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

Таким образом по действующего банкротному закону признать предприятие банкротом может только арбитражный суд. Ст. 7 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» наделяет правом обращения в арбитражный суд кредиторов и некоторых других субъектов. Правда, ст. 8 ФЗ указывает, что должник вправе подать в арбитражный суд заявление должника в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии будет исполнить денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок.

С момента вступления в силу закона о банкротстве 2002 г. перед правоприменителем возникла дилемма. Первый вариант — поскольку закон не предусматривает процедур добровольного признания предприятия банкротом и в этой связи у руководителей предприятия-должника нет возможности публичного объявления о банкротстве, следует признать, что выполнение объективной стороны состава преступления, предусмотренного в ст. 172 УК РФ, стало невозможным. Поэтому ст. 172 УК РФ не может применяться в связи с тем, что норма уголовного кодекса вступила в противоречие с нормой гражданского законодательства. Второй вариант — считать обращение должника с заявлением в арбитражный суд публичным заявлением о банкротстве.

Второй вариант представляется нам не совсем правильным. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется право на судебную защиту его прав и свобод. Вряд ли реализацию своего конституционного права на обращение в суд можно расценивать как способ совершения преступления.

По всей очевидности, так же думают правоприменители. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2022 и 2023 годах по ст. 197 УК не было осуждено ни одного человека, а 2024 году был осужден 1 человек. Представляется, что данная статистика свидетельствует о полном бездействии данной статьи УК РФ. Смеем высказать суждение, что это связано с коллизией данной нормы с нормами законодательства о банкротстве. Кроме того, угрозу ответственности за фиктивное банкротство даже при наличии всех его фактических признаков очень легко устранить путем обращения в арбитражный суд не представителей должника, а какого-нибудь дружественного должнику кредитора.

Заключение и вывод

Вопрос о соотношении норм гражданского и уголовного законодательства остается не решенным, несмотря на значительное количество исследований в данной области и попытки судебных органов, включая Конституционный и Верховный суды РФ, решить данную проблему. С одной стороны, нельзя не отметить, что истоки уголовной ответственности в целом всегда находятся в области позитивного, в том числе гражданского, регулирования. И в этом плане коллизии норм гражданского и уголовного законодательства должны разрешаться в пользу норм позитивного регулирования. В частности, коллизия между нормой о фиктивном банкротстве в ее актуальной редакции, предусмотренной ст. 197 УК РФ, и нормами ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» должна быть исключена на законодательном уровне либо путем исключения данной нормы из УК РФ, либо путем внесения изменений в данную норму путем приведения признаков объективной стороны фиктивного банкротства содержанию действующего банкротного закона.

Поскольку законодатель, как уголовный, так и гражданский, не реагирует на возникшую коллизию более 20 лет (напомним, третий банкротный закон был принят в 2002 г.), то правоприменитель вынужден преодолевать данную коллизию в процессе правоприменительной деятельности. И преодоление происходит в пользу норм гражданского права, о чем свидетельствует судебная статистика по ст. 197 УК РФ.

Автор также приходит к выводу, что уголовное право при уголовно-правовой оценке преступлений против собственности и преступлений в сфере экономической деятельности может и должно опираться на нормы гражданского права, ибо диспозиции практически всех статей в этих двух главах УК имеют бланкетный характер. Однако при этом должны учитываться только существенные понятия и признаки того или иного гражданско-правового института. Уголовное право, будучи отчасти «антиправом», вынуждено для защиты экономических интересов граждан, организаций, общества и государства игнорировать некоторые формальные признаки гражданско-правовых понятий.

Современный период развития экономики порождает еще более сложную проблему соотношения норм гражданского и уголовного законов, когда уголовное право вынуждено решать вопрос о защите объектов и предметов, которые вообще не имеют гражданско-правовой природы и не урегулированы нормами позитивного законодательства. Но это уже предмет отдельного исследования.

Список источников

1. Алексеева Д. Г., Михеева И.Е., Суспицына Т. П. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6.
2. Ароян О. Р. Понятие «банковская операция» и «банковская сделка» с позиции законодательства, науки и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 36–39.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Под об. ред. О. С. Капинус, науч. ред. В. В. Меркурьев. М.: Проспект, 2018. 1376 с.
4. Лепихин А. В. Понятие банковской деятельности через призму субъектов банковской системы и ее значение для установления объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ // Вестник Казанского юридического университета МВД России. 2017. № 1(27). С. 116–120.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37.
6. Осипова М. А. О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия ИГЭА, 2012 № 2. С. 161–165.
7. Пайвин Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 160 с.
8. Слесарева Т. М. Банковские операции и банковские сделки — слагаемые банковской деятельности // Финансы и кредит. 2017. № 23. С. 450–558.
9. Теория государства и права: учебник для вузов. под ред. В. Д. Перевалова. М.: Норма. 2025. 552 с.
10. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Под. Ред А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 552 с.
11. Хабаров А. В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1999. 213 с.
12. Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: дис. ... д-р юрид. наук. Екатеринбург. 2004. 402 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Незнамова Зинаида Александровна**

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: nza001@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5422-9829

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Zinaida A. Neznamova**

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: nza001@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5422-9829

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

СООТНОШЕНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХИЩЕНИЙ)

Вера Владимировна Ровнейко

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация
veravr2012@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0000-2319-2891>

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов соотношения (корреляции) норм уголовного и гражданского права в правоприменительной деятельности по делам о преступлениях против собственности (на примере хищений). В юридической литературе рассматривается такой аспект соотношения, как конкуренция уголовно-правовых и гражданско-правовых норм. Н. С. Таганцев все теории о принципиальном различии уголовной и гражданской неправд разделял на три группы: субъективная, объективная и смешанная. В правовых позициях Конституционного Суда РФ и разъяснениях Верховного Суда РФ по делам о хищениях нашли отражение положения субъективной теории. Принятие же решений по конкретным делам отражает положения объективной теории. Разграничение предметов и методов правового регулирования уголовного и гражданского права определяет их соотношение. Если исходить из того, что уголовное право — отрасль охранительная, а гражданское — регулятивная, то приоритетом должны обладать нормы гражданского права. Гражданское право, регулируя имущественные отношения, содержит нормы, которые регулируют договорные и недоговорные (деликтные) обязательства, а также содержит институт недействительности сделок. Единого принципа взаимодействия между уголовным и гражданским правом для различных правоотношений быть не может. Для договорных обязательств приоритетом применения должны обладать нормы гражданского права. В случае с деликтными обязательствами и недействительными сделками взаимодействие уголовного и гражданского права, а также преодоление конкуренции между нормами различной отраслевой принадлежности должно быть иным.

Ключевые слова: уголовное право, гражданское право, хищение, преступления против собственности, мошенничество, недействительные сделки, межотраслевая конкуренция норм

Для цитирования: Ровнейко В. В. Соотношение норм уголовного и гражданского права в правоприменительной деятельности по делам о преступлениях против собственности (на примере хищений) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 73–78. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-73-78

Research article

THE CORRELATION BETWEEN CRIMINAL AND CIVIL LAW NORMS IN PRACTICAL ACTIVITIES ON AGAINST PROPERTY CRIMES CASES (BY EXAMPLE OF EMBEZZLEMENT)

Vera V. Rovneiko

Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation
veravr2012@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0000-2319-2891>

Abstract. The article examines some aspects of the correlation of criminal and civil law norms in law enforcement activities in cases of crimes against property (using the example of embezzlement). N. S. Tagantsev divided all theories about the fundamental difference between criminal and civil falsehoods into three groups: subjective, objective and mixed. The rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on cases of embezzlement reflect a subjective

theory. Decision-making on specific cases is based on objective information. The delineation of the subjects and methods of legal regulation of criminal and civil law determines their relationship. If we assume that criminal law is a protective branch, and civil law is a regulatory branch, then the norms of civil law should take precedence. Civil law, which regulates property relations, distinguishes between contractual obligations and tort obligations, and also contains the institution of invalid transactions. There can be no single principle of interaction between criminal and civil law for various legal relations. For contractual obligations, the rules of civil law should be applied first. In the case of tort obligations and invalid transactions, the interaction between criminal and civil law, as well as the resolution of competition between rules of different branches, should be different.

Keywords: criminal law, civil law, embezzlement, against property crimes, fraud, invalid transactions, intersectoral competition of norms

For citation: Rovneiko VV. The Correlation Between Criminal and Civil Law Norms in Practical Activities on Against Property Crimes Cases (by Example of Embezzlement). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):73-78. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-73-78

Введение

Отрасли права в системе правового регулирования находятся в определенном соотношении и взаимодействии. Соотношение уголовного и гражданского права основано на разграничении предметов и методов правового регулирования. Взаимодействие может быть определено, исходя из регулятивного и охранительного содержания правовых норм. Вопрос о соотношении и взаимодействии норм уголовного и гражданского права является сложным и с практической, и теоретической сторон в связи с наличием межотраслевых коллизий и межотраслевой конкуренции правовых норм [1]. В процессе осуществления правоприменительной деятельности возникают ситуации, которые делают необходимым выработку научно обоснованных критериев для отграничения преступлений от гражданско-правовых правонарушений, с одной стороны, и для установления их взаимосвязи и взаимозависимости, с другой стороны. Возникающие на практике вопросы, связанные в наибольшей мере с совершением хищений как преступлений против собственности, делают необходимым определение оптимального соотношения норм уголовного и гражданского права, а также тенденции их взаимодействия и характер взаимосвязи при совершении таких посягательств.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения в сфере охраны отношений собственности, определения и постановления Конституционного Суда РФ, постановления судов общей юрисдикции, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, системный анализ нормативных правовых и доктринальных источников, дедукция и индукция, формально-логический метод.

Описание исследования

В судебно-следственной практике нередки случаи, когда в возбуждении уголовного дела отказано с формулировкой «так как отношения носят гражданско-правовой

характер»¹ или «из-за наличия признаков гражданско-правового спора»² или «с указанием на наличие у сторон гражданско-правовых отношений, которые разрешаются в порядке гражданского судопроизводства»³. Эти и другие случаи подтверждают необходимость разграничения сфер правового регулирования уголовного и гражданского права, которые имеют много точек соприкосновения.

В некоторых случаях может иметь место неточность правовой оценки содеянного. Наличие спора о праве позволяет сделать вывод, что хищение отсутствует, т. к. спорное имущество не является предметом хищения. В других случаях, может иметь место возникновение и уголовно-правовых, и гражданско-правовых отношений, например, при наличии деликтных обязательств, поскольку наличие имущественного ущерба в гражданском праве — основание для обращения с иском в суд, в уголовном праве — признак материальных составов преступлений. Охраняя имущественные отношения (отношения собственности), уголовное право вступает на территорию гражданского права, которое регулирует эти отношения. Чужое имущество является предметом хищения, и, одновременно, имущество является предметом отношений собственности (объектом вещных прав). Существует общность предмета преступлений против собственности и гражданских правоотношений.

А. Г. Безверхов отмечал, что можно по-разному оценивать зависимость уголовного права от права гражданского, но ее надо учитывать как необходимую, устойчивую и существенную связь между двумя указанными отраслевыми ветвями [2].

¹ См., например: Решение Нытвенского районного суда (Пермский край) от 15 февраля 2018 г. по делу № 2-1311/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cL2EzgfKEImp/?regular-txt> (дата обращения: 15.04.2025).

² См., например: Решение Реутовского городского суда (Московская область) от 4 сентября 2019 г. по делу № 2-1146/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bPeOb0lfPzWa/?page=2®ular-txt> (дата обращения: 15.04.2025).

³ См., например: Решение Кизнерского районного суда (Удмуртская Республика) от 27 июля 2023 г. по делу № 2-396/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JX1Lr2msjHNY/?page=2®ular-txt> (дата обращения: 15.04.2025).

Н. С. Таганцев писал о сложностях при определении «взаимных отношений и границе неправды гражданской и уголовной», отмечая, что одни и те же действия могут порождать и уголовно-правовые, и гражданско-правовые отношения, а критерии отграничения могут быть очень разнообразны и носить как материальный, так и процессуальный характер [3, с. 62].

Большинство авторов определяет соотношение норм уголовного и гражданского права как конкуренцию и считает, что при таком взаимодействии приоритетом применения должны обладать нормы гражданского права. Это положение поддерживается, например, А. В. Наумовым и А. Г. Кибальником [4, с. 19]. Аналогичной позиции придерживались Н. Ф. Кузнецова [5, с. 239] и А. Э. Жалинский [6]. З. А. Незнамова, определяя соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых норм как коллизию, также предлагает ее разрешать в пользу регулятивных гражданско-правовых норм [7, с. 196].

Понятие «приоритет применения» нормы может быть использован при определении соотношения норм уголовного и гражданского права при возникновении конкуренции между ними. Хотя в международном праве приоритет применения правил международных договоров по отношению к нормам национального права, исходя из содержания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, определен как часть общего принципа взаимодействия международного внутреннего права [8, с. 18–19] и относится больше к ситуации, когда возникает коллизия правовых норм.

Будет неправильным отрицать наличие приоритета применения норм гражданского права в отношении норм права уголовного при определенных обстоятельствах, но говорить о том, что такой приоритет является абсолютным (общим), также не стоит, поскольку гражданское право регулирует отношения имущественного характера, но основания их возникновения и содержание могут быть различными. Применение универсального правила к различным отношениям невозможно.

Преодоление конкуренции между нормами уголовного и гражданского права должно основываться **на приоритетности гражданского законодательства в тех случаях, когда имеют место договорные обязательства**. Определение такого свойства гражданского права основано на содержании предмета правового регулирования, системе и структуре гражданского права, нормы которого регулируют имущественные и личные неимущественные отношения [9, с. 35], большая часть которых относится к сфере обязательственного права, а в нем, в свою очередь, выделяются договорные и внедоговорные обязательства, в зависимости от основания их возникновения [10, с. 35].

Приоритет применения норм гражданского права при наличии конкуренции между нормами уголовного и гражданского права сформулирован Конституционным Судом РФ: «Не предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки

или правомерно использующих способы обеспечения обязательств»¹.

Исключением из этого правила являются недействительные сделки (например, ничтожные), т. е. случаи, когда под видом заключения гражданско-правовой сделки (договора) совершаются хищение имущества, незаконное обналичивание денежных средств, уклонение от уплаты налогов, легализация доходов от преступной деятельности или иные преступления. На это обстоятельство обращено внимание Верховным Судом РФ. Например, если «договор по неосмотрительности Банка оформлен на имя клиента в результате мошеннических действий неустановленного лица», то «сделка может быть признана недействительной как в случае нарушения требований закона (ст. 168 ГК РФ), так и по специальным основаниям в случае порока воли при ее совершении, в частности, при совершении сделки под влиянием существенного заблуждения или обмана (ст. 178, п. 2 ст. 179 ГК РФ)»². В других решениях по аналогичным делам также формальное наличие гражданско-правового договора не признается основанием возникновения гражданско-правовых отношений, т. е. договоры, заключенные в результате мошеннических действий, подлежат признанию недействительными (ничтожными)³. В этом случае нормы гражданского права приоритетом не обладают.

Сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция отражает уголовно-правовой аспект этого подхода: «Привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на него, не исключается»⁴.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 160, частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 статьи 3 и статьей 160 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1528-o/> (дата обращения: 15.04.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2023 № 9-КГ23-10-К1 (УИД 52RS0002-01-2020-006072-38)

³ Решение Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) от 24 октября 2023 г. по делу № 2-5070/2023~М-3327/2023 / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6dKvq7gu0EIV/> (дата обращения: 15.04.2025); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2023 № 46-КГ23-6-К6 (УИД 63RS0022-01-2021-001586-52)

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2625-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шумкова Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 14, пунктом 1

Н. И. Пикуров отмечает, что «лицо может рассчитывать на публично-правовую (в данном случае уголовно-правовую защиту) своих частных интересов лишь в том случае, если оно действует в соответствии с законами государства, устанавливающими порядок и основания возникновения права собственности на определенное имущество. Уголовный закон не охраняет ... имущественные отношения участника противоправной сделки; напротив, закон призван предупредить предполагаемое соглашение. Цель уголовного закона совпадает с задачей гражданского — не допустить сделки, противоречащей интересам государства и общества. ... Уголовное право, предупреждая с помощью угрозы наказания возможность заключения противоправного соглашения. ... Гражданское право (ст. 168, 169 ГК РФ) запрещает сделку в целом, а уголовное право «интересуется» лишь ее частью — намерением обманным путем завладеть имуществом» [11, с. 21].

В случае отсутствия договорных обязательств (недействительная сделка) или возникновения деликтных обязательств (возникающих из причинения вреда и относящихся к группе недоговорных) может возникнуть конкуренция уголовно-правовых и гражданско-правовых норм, которая должна разрешаться в пользу уголовного права. При этом одновременное применение норм права гражданского права в целях восстановления нарушенных имущественных прав не исключается.

Ст. 8 ГК РФ определяет как основание возникновения гражданско-правовых отношений не только договоры, но и факты причинения вреда. Причинение вреда, имеющее гражданско-правовые последствия, одновременно может повлечь и последствия уголовно-правовые, если содержит состав преступления как основание уголовной ответственности. Ст. 44 УПК РФ определяет процессуальный статус гражданского истца и его право на подачу гражданского иска, который может быть рассмотрен в ходе производства по уголовному делу. А. Э. Жалинский отмечал в качестве обстоятельства, которое должно учитываться в структуре взаимодействия между уголовным и гражданским правом то, что юридические факты в уголовном и гражданском праве могут совпадать [6]. Н. Ф. Кузнецова писала, что в таких случаях, несмотря на принцип запрета двойной ответственности, возможна «параллельная» квалификация и по ГК, и по УК [5, с. 239]. Например, при совершении уголовно-наказуемых кражи или уничтожения и повреждения чужого имущества (умышленного или неосторожного) наличие имущественного ущерба в гражданском праве — основание для обращения с иском в суд, в уголовном праве — признак материальных составов преступлений.

Эта ситуация имеет место при отсутствии договорных обязательств (недействительная сделка) и возникновения деликтных обязательств. Существующая в этом случае конкуренция уголовно-правовых примечаний к статье 158, статьями 159 и 238 Уголовного кодекса Российской Федерации».

и гражданско-правовых норм должна разрешаться в пользу уголовного права, хотя при возникновении деликтных обязательств нормы уголовного и гражданского права могут взаимодействовать на паритетных началах.

Решение вопроса о соотношении уголовного и гражданского права в правоприменительной деятельности не может ограничиваться только этим положением, т. к. жизненные ситуации могут быть более разнообразными и требующими различных подходов. Одна из таких ситуаций связана со злоупотреблением применением уголовного права для решения гражданско-правовых споров посредством уголовного преследования, а также ухода виновных лиц от уголовной ответственности под прикрытием гражданско-правовой сделки¹. На недопустимость применения таких практик указывал Конституционный Суд РФ. Суды «должны отграничивать правомерную экономическую деятельность и возможные гражданско-правовые нарушения при ее осуществлении от собственно общественно опасных уголовно-противоправных деяний против собственности»². Способы противодействия злоупотреблению уголовным правом для разрешения гражданско-правовых споров и ухода от ответственности под прикрытием гражданско-правовой сделки, если это не хищение, ограничены.

В тех случаях, когда имеют место договорные обязательства, нормы гражданского права обладают бесспорным приоритетом применения, но при их отсутствии приоритет остается за нормами уголовного права. Сложность реализации этого положения кроется в необходимости установления критериев для разграничения сферы исключительного действия гражданского права и сферы, в которых нормы уголовного права взаимодействуют с гражданским. Н. С. Таганцев писал, что «ответственность уголовная состоит, главным образом, в зависимости от характера и свойств проявленной преступной воли, ответственность гражданская — от размера причиненного вреда и ущерба» [3, с. 63]. Он же отмечал, что «все теории принципиальное различие уголовной и гражданской неправд сводят обычно к трем группам: субъективной, объективной и смешанной» [3, с. 64].

Необходимо отметить, что и правовые позиции Конституционного Суда РФ, и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ ориентированы на положения субъективной теории при преодолении конкуренции между уголовным и гражданским правом — это содер-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 160, частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 статьи 3 и статьей 160 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1528-o/> (дата обращения: 15.04.2025).

жание и момент возникновения умысла. Так, Н. С. Таганцев отмечал, что «субъективная теория ищет различия неправд в отношении субъекта посягательства к праву» [3, с. 64].

При анализе правоприменительной деятельности по делам о преступлениях против собственности складывается впечатление, что получила признание не субъективная, а объективная теория при преодолении конкуренции между уголовным правом и гражданским, когда учитывается только наличие возможности защиты нарушенных имущественных прав в гражданско-правовом порядке. Определяя содержание такого подхода, Н. С. Таганцев писал, что «преступление стремится сделать невозможной юридическую охрану интереса и восстановление права, гражданская неправда не препятствует такому восстановлению» [3, с. 65]. Указание на возможность разрешения правового конфликта в гражданско-правовом порядке как основание для отказа в возбуждении уголовного дела является подтверждением этому. Наличие или отсутствие состава преступления (наличие или отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления) не всегда учитываются.

Н. С. Таганцев отмечал также и наличие «группы смешанных теорий», которая «ищет основания принципиального различия неправд в обстановке самого посягательства, признавая при этом не одно, а несколько подобных оснований» [3, с. 65]. Представляется, что именно смешанная теория, учитывающая несколько вариантов и критериев для определения соотношения, и выбора способа преодоления конкуренции между уголовно-правовыми и гражданско-правовыми нормами, представляет утилитарный интерес.

Таким образом, когда в возбуждении уголовного дела отказывают с формулировкой «так как отношения носят гражданско-правовой характер» или «из-за наличия признаков гражданско-правового спора» или «с указанием на наличие у сторон гражданско-правовых отношений, которые разрешаются в порядке гражданского судопроизводства», такой подход отражает только ситуацию, возникающую при наличии договорных обязательств, в которой нормы гражданского права обладают приоритетом. Но при совершении хищения под видом заключения гражданско-правовой сделки (когда договорные обязательства отсутствуют) этот подход не соответствует разъяснениям Верховного Суда РФ — приоритетом должны обладать нормы уголовного права: «В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные

с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него»¹.

Отсутствие намерения исполнять договорные обязательства должно быть установлено при проверке заявления о преступлении и производстве по уголовному делу и, следовательно, формальное наличие какого-либо договора (сделки) еще не является достаточным основанием для вывода о том, что в данном случае существуют исключительно гражданско-правовые отношения. Единственным основанием для такого вывода может являться отсутствие в действиях лица состава преступления.

Заключение и вывод

Взаимодействие норм уголовного и гражданского права в правоприменительной деятельности по делам о преступлениях против собственности (на примере хищений) должно основываться на соотношении и разграничении сфер правового регулирования уголовного и гражданского права с учетом конкретного содержания правоотношения. При выборе правовой нормы необходимо учитывать основание возникновения правоотношения и несколько вариантов и критериев для определения соотношения, и выбора способа преодоления конкуренции между уголовно-правовыми и гражданско-правовыми нормами. При возникновении договорных обязательств приоритет применения должен признаваться за нормами гражданского права. Наличие гражданско-правового спора о праве может являться подтверждением этого. При возникновении деликтных обязательств нормы уголовного и гражданского права могут взаимодействовать на паритетных началах. Гражданский иск в уголовном процессе может быть предъявлен потерпевшим по уголовному делу. При недействительности сделки и совершении преступления (хищения) под видом гражданско-правовой сделки (договора) приоритет применения должен признаваться за нормами уголовного права.

¹ П. 4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»; п. 9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»

Список источников

1. Кожевников В. В. Правовые коллизии и конкуренция юридических норм: к проблеме разграничения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 225–231.
2. Безверхов А. Г. Имущественные преступления: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. М.: Издательство Юрайт, 2019. 414 с.

4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 448 с.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисловие акад. В. Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
6. Жалинский А. Э. О соотношении уголовного и гражданского права / Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. Избранные труды. Том 4. 2016. 585 с.
7. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве: монография. Екатеринбург: Изд-во «Cricket», 1994. 284 с.
8. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: учебник. М.: Спарк, 1999. 287 с.
9. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В. С. и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
10. Гражданское право: учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 543 с.
11. Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 207 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ровнейко Вера Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Удмуртский государственный университет
Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4
E-mail: veravr2012@mail.ru
ORCID: 0009-0000-2319-2891

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera V. Rovneiko

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Udmurt State University
1, building 4 Universitetskaya str., Izhevsk 426034, Russia
E-mail: veravr2012@mail.ru
ORCID: 0009-0000-2319-2891

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

СИСТЕМНОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Станислав Васильевич Розенко

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
rozenko_sv@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7808-9939>

Аннотация. В статье проводится исследование проблемных вопросов формирования системного развития наказания в российском уголовном праве, которые следует признать новым системным этапом развития, что обусловлено появлением феномена цифровых технологий. Цель исследования заключается в формулировании определения концепции дисциплинарной власти в уголовном наказании с учетом возрастающего влияния информационно-цифровых технологий. В статье рассматриваются признаки системности, свойственные для концепции дисциплинарной власти: социальная природа, лабильность, подвижность, неустойчивость. В работе представлены предложения по применению информационно-цифровых технологий в области уголовного наказания, которые позволяют не просто контролировать поведение отдельного человека, но и создавать виртуальный архив его деятельности за определенный период времени, а также программировать его жизнедеятельность. Предлагается выделить правовой субинститут «цифровое наказание» как перечень определенных видов наказаний, являющийся частью межотраслевой категории наказания в целом, которую предлагается закрепить в уголовном и административном наказании. Методами исследования выступили: общенаучный диалектический подход к познанию наказания и информационно-цифровых технологий, позволивший рассмотреть данные явления и процессы в развитии, а также с учетом совершенствования подхода к дисциплинарной власти и во взаимосвязи с явлениями научно-технического прогресса; методы формальной логики; частнонаучные методы изучения правовой действительности (формально-догматический, метод правового моделирования). Анализируется необходимость формирования нового перечня наказаний, что обусловлено современным развитием научно-технического прогресса. В качестве выводов в статье формулируется предложение о лабильности уголовного наказания, что обусловлено развитием цифровых технологий, позволяющих на новом этапе реализовать концепт дисциплинарной власти с новым содержанием (видами наказаний).

Ключевые слова: системность, уголовное наказание, мера наказания, содержание и пределы наказания, дополнительные виды наказаний, цифровые технологии

Для цитирования: Розенко С. В. Системность развития российского уголовного наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 79–83. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-79-83

Research article

THE SYSTEMATIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL PUNISHMENT

Stanislav V. Rosenko

Ugra state University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation
rozenko_sv@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7808-9939>

Abstract. The article examines the problematic issues of the formation of the systemic development of punishment in Russian criminal law, which should be recognized as a new systemic stage of development, due to the emergence of the phenomenon of digital technologies. The purpose of the study is to formulate a definition of the concept of disciplinary authority in criminal punishment, taking into account the increasing influence of information and digital technologies. The article examines the signs of consistency characteristic of the concept

of disciplinary authority: social nature, lability, mobility, instability. The paper presents proposals for the use of information and digital technologies in the field of criminal punishment, which allow not only to control the behavior of an individual, but also to create a virtual archive of his activities for a certain period of time, as well as program his vital activity. It is proposed to single out the legal substitute “digital punishment” as a list of certain types of punishments, which is part of the intersectoral category of punishment as a whole, which is proposed to be consolidated in criminal and administrative punishment. The research methods were: a general scientific dialectical approach to the knowledge of punishment and information and digital technologies, which allowed us to consider these phenomena and processes in development, as well as taking into account the improvement of the approach of disciplinary authorities, and in relation to the phenomena of scientific and technological progress; methods of formal logic; private scientific methods of studying legal reality (formally dogmatic, the method of legal modeling). The necessity of forming a new list of punishments is analyzed, which is conditioned by the modern development of scientific and technological progress. As a conclusion, the article formulates a proposal on the lability of criminal punishment, which is due to the development of digital technologies that make it possible to implement the concept of disciplinary authority with new content (types of punishments) at a new stage.

Keywords: consistency, criminal punishment, measure of punishment, content and limits of punishment, additional types of punishment, digital technologies

For citation: Rosenko SV. The systematic development of Russian criminal punishment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):79-83. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-79-83

Введение

Актуальность исследования проблемы системности развития российского уголовного наказания обусловлена тем, что внесение изменений и дополнений в российское уголовное право обусловлено кардинальными переменами в экономической и общественно-политической жизни российского государства и общества и проведением специальной военной операции, что обусловило расширение криминализации деяний [1] и, в свою очередь, требует осмысления проблематики изменения системности уголовного наказания. Также это связано с глобальными сдвигами вследствие формирования информационно-цифрового общества, где цифровые технологии стали повседневным атрибутом большинства российского населения, и необходимо установить возможность их применения в наказании.

Описание исследования

Современный уровень развития теории российского уголовного права обусловлен пониманием особой, ранее не наблюдавшейся динамичной изменчивости отраслей права и правовых конструкций, что обусловлено развитием постиндустриального (информационного) общества. «Понимание динамики функционирования теоретического знания способно дать ключ к пониманию динамики науки как таковой, поскольку наука не может успешно развиваться, не обобщая новые эмпирические данные в системе теоретических средств форм и методов познания» [2, с. 21]. В настоящее время наблюдается процесс трансформации института наказания в межотраслевую правовую категорию. Следует отметить, что наказание получило закрепление не только в административном праве, но и в конституционном, праве, где для отдельных лиц закреплено прекращение гражданства. Необходимо отметить, что

в советском уголовном законодательстве лишение гражданства было видом наказания. Данные сложившиеся результаты в области российского уголовного права связаны со многими социальными процессами XX и начала XXI столетий, где сложилась уникальная ситуация стремительного экономического развития; оформления перечня обязательных прав, свобод и законных интересов; развития информационного прогресса; невиданного роста народонаселения и др. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет отмечал при характеристике второй половины XX века, что «Происходит явление, которое, к счастью или к несчастью, определяет современную европейскую жизнь. Этот феномен — полный захват массами общественной власти. Поскольку масса, по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом, речь идет о серьезном кризисе европейских народов и культур, самом серьезном из возможных... Он именуется восстанием масс» [3, с. 43]. В области наказания это проявилось в том, что во многом были устранены условия сословной принадлежности как правового иммунитета, что позволяло избежать наказания либо существенно смягчить его, или не применять отдельные виды уголовных наказаний. «В распоряжении толпы оказалось то, что создано цивилизацией. Толпа — понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу»» [3, с. 45]. С одной стороны, мы можем согласиться с данным выводом, поскольку уменьшение слоя аристократии означает увеличения доступа большего количества населения к управлению и равенства социальных слоев перед законом. Но, с другой стороны, достижение массой жизненного уровня, о котором они ранее и не смели мечтать, означает больший уровень значения их включения в реальное управление. В мировой истории уже

происходили подобные процессы, в частности, в эпоху Просвещения Западной Европы. Во второй половине XX века наблюдается процесс масштабного увеличения прав и свобод человека в мире, поэтому «восстание масс» — это неоднозначный процесс. В свою очередь, это затронуло и системные основы уголовного права, и наказания, в частности. В области уголовного права был преодолен феномен сословного (классового) исключения от уголовной ответственности и применения видов наказаний для отдельных категорий лиц, так как наказание стало всеобщим, т. е. пределы применения его максимально расширились. Одновременно происходил процесс взаимодействия наказания и научно-технического прогресса, когда на смену традиционным видам наказания предлагались новые. В уголовном законодательстве были закреплены новые системы наказаний, что позволяет утверждать, что произошел феномен прогресса в данной области уголовного права.

В теории российского уголовного права значительное количество исследователей изучало различные содержательные аспекты системности уголовного наказания и системы наказаний: В. А. Авдеев [4], Д. С. Дядькин [5], И. Я. Козаченко [6], Е. Е. Мелюханова [7], А. И. Рарог [8], В. М. Степашин [9], А. В. Шеслер [10] и многие др.

Значение системности предопределено тем, что «Общая модель теории должна соединять преимущества строго логического анализа с адекватным представлением описываемой реальности, а также располагать средствами описания изменения и развития структуры самого знания... Наиболее эффективным методологическим средством подобного анализа, как показала история методологических исследований научной теории, оказался системный подход» [2, С. 21–22]. Насколько интенсивнее развивается человеческий социум, настолько и трансформируется правовое регулирование как «живая материя». Поскольку исчезли из уголовного права телесные, церковные и иные виды наказаний [11], то на их место должны зайти «новые», соответствующие современной эпохе развития общества и государства.

В настоящее время благодаря развитию цифровых технологий и их закреплению в обыденной жизни подавляющей части населения России сложилась уникальная ситуация возможности реализовать эволюцию уголовного наказания, характеризующуюся не только усложнением его системности [12], но и вариантом дополнения системы наказаний цифровыми видами наказаний, основанных на дополнении межотраслевой правовой категории наказания субинститутами цифрового уголовного наказания и цифрового административного наказания, являющихся составными частями уголовного и административного наказания соответственно.

Истоки данного процесса, по нашему мнению, следует искать во взаимодействии системности уголовного наказания и его пределов с феноменом современной власти в государстве и праве и ее реализацией государством. В первую очередь, как считает А. В. Шеслер,

основной тенденцией развития российского уголовного законодательства как формы уголовной политики является внесение изменений в перечень и содержание действующих уголовных наказаний [13, с. 48–51].

В уголовном наказании заложен принцип постоянного изменения и совершенствования, динамичности и статичности, так как это свойственно и власти. «Часто замечают, что власть изменяется вместе с типом и мерой дифференциации общественной системы, а также в зависимости от уровня разделения труда в отдельных системах...» [14, с. 95]. Это предопределено тем, что государственное принуждение включает в себя не только насилие, но и возможность его применения, которая основывается на развивающейся системе контроля цифровыми технологиями, что не может быть проигнорировано ни лицами, совершавшими преступление, ни лицами, их не совершавшими. Данное государственное принуждение является универсальным, так как не обусловлено ни специальными целями, ни определенными ситуациями, ни мотивациями субъектов.

Использование цифровых технологий обеспечивает большую надежность в достижении государственных властных целей. Применение уголовного наказания выступает кульминационным моментом, где разрешается конфликт между государством и лицом, совершившим преступление, Мера уголовного наказания как комбинация вариантов и альтернатив видов и пределов наказаний позволяет обеспечивать достижение целей уголовного наказания [15].

Следует признать правоту вывода Н. Лумана, что «Двойственная природа кода власти, образованная дихотомиями сильный-слабый и правовое-неправовое, покоится, следовательно, на удвоении негативных и позитивных комбинаций альтернатив, которые конституируют власть. Отсюда вытекает требование совместимости силы и права и одновременно понимание того, что сила и право не являются идентичными друг другу» [14, с. 103]. Право есть сила, но не есть произвол и своеволие, поскольку право ограничивает власть, но одновременно санкционирует и регламентирует. Правовое воздействие за совершение преступления должно быть многомерным, что позволяет достичь за счет применения правовой категории «цифровое наказание». Насколько возросло содержание власти, настолько её воздействие может видоизменяться и комбинироваться. Данное положение основывается на конструкте «дисциплинарная власть», который можно установить в области наказания, где возникает возможность осуществления постоянного контроля на основе цифровых технологий и искусственного интеллекта за повседневным поведением любого лица, оказавшегося в области уголовно-правового воздействия, а также позволяет существенно ограничивать цифровые права осужденного и(или) запрещать их использование. С течением времени у государства появляется техническая возможность сформировать не только цифровой механизм повседневного наблюдения, но и сбора и анализа данных.

Поскольку в уголовном наказании содержится идея физического насилия, то следует согласиться с выводом Н. Лумана, что «Физическое насилие, намеренно применяемое по отношению к людям, упорядочивается в рамках соотношенного с действием коммуникативного средства власти благодаря тому, что одно действие элиминируется им на основе другого, исключая тем самым коммуникативный перенос редуцированных предпосылок решений. Обладая такими свойствами, физическое насилие как таковое не может быть властью, но оно образует непреодолимый пограничный барьер для констатирующей власти альтернативы избежания» [14, с. 102]. В настоящее время использование цифровых технологий позволяет во многих случаях контролировать поведение человека. Применительно к осужденным такая возможность как инструмент дисциплинарной власти может осуществляться круглосуточно.

Заключение

Перспективным представляется использование ресурсов искусственного интеллекта для обнаружения уязвимостей и зон риска при назначении и исполнении мер уголовного наказания до их непосредственной реализации. В частности, возможно анализировать платформы социальных сетей, мессенджеров и онлайн-форумов с целью выявления любых признаков преступной деятельности отдельных категорий лиц. Предлагается формирование «цифрового портрета» каждого осужден-

ного лица, который является не анкетой, а постоянно пополняемым информационным ресурсом.

В российском праве отсутствует единый нормативный правовой акт, регламентирующий все сферы деятельности в области цифровых технологий, но есть федеральные законы, регулирующие отдельные виды цифровых прав. Поэтому и обновление перечня уголовных наказаний должно учитывать данный подход, когда деятельность профессиональных участников, процесс правового оформления цифровых прав, порядок их государственного учета и обращения регламентируются специальным законодательством, а не положениями Гражданского кодекса РФ.

Поскольку в настоящее время цифровые права — это, как правило, инвестиционный инструмент либо они связаны с денежными требованиями, поэтому обосновано введение запрета или существенное ограничение определенных цифровых прав для определенной категории физических лиц.

Например, в связи с тем, что в дальнейшем предлагается установить для категории цифровых прав, которые сходны с традиционными финансовыми инструментами, эквивалентное регулирование в определенной части, по нашему мнению, следует включить в перечень наказаний, предусмотренный в УК РФ, такой новый, дополнительный вид цифрового наказания как лишение и (или) ограничение права заниматься определенной деятельностью для профессиональных участников цифрового рынка.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая и Особенная части / З. А. Незнамова, Д. В. Савельев, Д. Н. Сергеев [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. 1216 с.
2. Федулов И. Н. Системный подход в философско-методологическом анализе теоретического знания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 3(37). С. 21–24.
3. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп./Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 704 с.
4. Авдеев В. А. Законодательное оформление института условного исполнения наказания // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2(15). С. 76–85.
5. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания. М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2016. 342 с.
6. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск, 1987. 231 с.
7. Мелюханова Е. Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2017. 240 с.
8. Уголовно-правовое воздействие: монография / коллектив авторов; под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2013. 288 с.
9. Степашин, В. М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 328 с.
10. Шеслер А. В. Изменение приоритетов уголовно-правовой охраны как основное направление уголовно-правовой политики в аспекте определения преступности и наказуемости деяния // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1(54). С. 120–127.
11. Розенко С. В. Система наказания в российском уголовном праве (сравнительно-правовое исследование): монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. 272 с.
12. Розенко С. В. Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости // *Oeconomia et Jus*. 2023. № 3. С. 96–103.
13. Шеслер А. В. Уголовно-правовая политика: учебное пособие / д-р юрид. наук, проф. А. В. Шеслер. Изд. 2-е, испр. и доп. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.

14. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практис, 2001. 256 с.
15. Розенко С. В. Системность уголовного наказания в условиях развития цифровых технологий // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2(59). С. 58–64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Розенко Станислав Васильевич

Кандидат юридических наук, доцент, руководитель высшей школы права Югорского государственного университета
Россия, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16
E-mail: rozenko_sv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7808-9939

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav V. Rozenko

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Law Ugra state University
16, Chekhov str., Khanty-Mansiysk 628011, Russia
E-mail: rozenko_sv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7808-9939

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 01.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ

Виталий Александрович Попов¹, Диана Робертовна Попова²

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
popov@avscorpora.ru

² Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
urakbaeva_diana@mail.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы уголовно-правовой оценки действий лица по оборудованию тайников с наркотическим средством в целях его сбыта как единого продолжаемого преступления или как совокупности преступлений. Авторы замечают, что правильная квалификация подобных действий важна и создает предпосылки для назначения справедливого наказания, которое воспринималось бы таковым как самим виновным, так и обществом в целом. При анализе судебной практики привлечения к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств обнаруживается ее расхождение: иногда подобные действия по оборудованию тайников с закладками наркотических средств квалифицируются как единое продолжаемое преступление, а иногда каждый эпизод рассматривается самостоятельно, то есть возникает совокупность преступлений. Далее авторы изучают аргументы, найденные в текстах судебных актов, в пользу квалификации подобных деяний тем или иным образом. В заключение авторами указывается, что если виновный оставляет закладки наркотического средства, полученного из одной партии, имея умысел на сбыт всей партии наркотических средства, то в данном случае подобные обстоятельства свидетельствуют о совершении тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом и в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и предмета, что влечет необходимость квалификации таких действий как единого продолжаемого преступления. При этом отдельно отмечается, что только в таком случае назначенное наказание будет рассматриваться как справедливое и заслуженное.

Ключевые слова: квалификация, справедливость наказания, единое преступление, совокупность преступлений, сбыт, наркотические средства

Для цитирования: Попов В. А., Попова Д. Р. Правильная квалификация преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств как критерий эффективности наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 84–88. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-84-88

Review article

THE CORRECT QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING AS A CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF PUNISHMENT

Vitalii A. Popov¹, Diana R. Popova²

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
popov@avscorpora.ru

² Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
urakbaeva_diana@mail.ru

Abstract. The article raises the issues of criminal law assessment of a person's actions in equipping drug caches for the purpose of its sale as a single ongoing crime or as a set of crimes. The authors note that the correct

qualification of such actions is important and creates the prerequisites for the imposition of a fair punishment, which would be perceived as such by both the perpetrator himself and society as a whole. When analyzing the judicial practice of bringing to criminal responsibility for the illegal sale of narcotic drugs, its discrepancy is revealed: sometimes such actions to equip caches with bookmarks of narcotic drugs are qualified as a single ongoing crime, and sometimes each episode is considered independently, that is, a set of crimes arises. Next, the authors study the arguments found in the texts of judicial acts in favor of qualifying such acts in one way or another. In conclusion, the authors indicate that if the perpetrator leaves bookmarks of narcotic drugs obtained from the same batch, intending to sell the entire batch of narcotic drugs, then in this case such circumstances indicate the commission of identical acts with a slight time gap, in a similar way and in relation to the same object of criminal encroachment and the subject, which entails the need to qualify such actions as a single ongoing crime. At the same time, it is separately noted that only in this case the punishment imposed will be considered as fair and deserved.

Keywords: qualification, justice of punishment, a single crime, a combination of crimes, sale, narcotic drugs

For citation: Popov VA, Popova DR. The Correct Qualification of Crimes in the Field of Illicit Drug Trafficking as a Criterion for the Effectiveness of Punishment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):84-88. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-84-88

Введение

Аксиоматичен для уголовного права тезис о том, что справедливое наказание переопределяется правильной, то есть проведенной в точном соответствии с уголовным законодательством, квалификацией преступления [2, с. 44–47; 5, с. 83–89]. Действительно, в зависимости от той или иной квалификации решаются многие вопросы, лежащие в плоскости наказания, в том числе: по каким правилам назначается наказание (например, за оконченное или неоконченное преступление), назначается ли наказание по совокупности преступлений или за единичное преступление, какие максимальные и минимальные пределы наказания соответствующего вида. Таким образом, правильная квалификация обеспечивает возможность назначения справедливого наказания, которое будет восприниматься таковым как самим виновным, так и потерпевшим от преступления и обществом в целом.

Сказанное распространяется и на преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества¹. При этом одним из дискуссионных как в науке, так и в практике является вопрос о разграничении действий по сбыту наркотических средств как единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений.

Материал и метод

Используя герменевтический метод изучения реальности и действующего законодательства, рассмотрим заявленные во введении вопросы.

Результаты и обсуждение

В практике применения судами норм об уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств выделяется два направления: в рамках первого квалификация подобных действий происходит по правилам о совокупности преступлений, а в рамках второго — по правилам квалификации единого продолжаемого преступления.

Так, кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2024² оставило без изменения приговор суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции по делу № 77–2473/2024, в рамках которого в том числе виновным вменялось совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, несмотря на доводы защиты о том, что все совершенные деяния должны быть квалифицированы как единое продолжаемое преступление, поскольку все они однотипны, совершены в отношении однородного наркотического средства на ограниченной территории в течение ограниченного периода времени и направлены на достижение единой цели — сбыта всей массы наркотического средства.

Иным образом разрешен вопрос в кассационном определении Седьмого кассационного суда от 24.02.2022³, которым изменен приговор Орджоникидзевского

¹ Далее в целях упрощения текста статьи вместо перечисления всего предмета преступления (наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества) будет использоваться только термин «наркотические средства», в который включаются все указанные выше разновидности предмета преступления.

² Седьмой кассационный суд общей юрисдикции: официальный сайт. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32020897&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 12.06.2025)

³ Седьмой кассационный суд общей юрисдикции: официальный сайт. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24173703&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 12.06.2025)

районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 08.10.2020 и апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 08.04.2021 по делу № 77-845/2022. В частности, действия виновного, изначально квалифицированные как четыре преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 30 п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, переключены на одно продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30 п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В качестве аргументов суд кассационной инстанции указал, что по смыслу уголовного закона под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их реализацию приобретателю; при этом сама передача лицом реализуемых наркотических средств приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно путем сообщения о месте их хранения, проведения закладки в обусловленном им месте, введения инъекции. Продолжаемыми являются преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных деяний, совершаемых, как правило, через незначительный промежуток времени, в одной и той же обстановке, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. В продолжаемом посягательстве акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами, местом, временем, способом совершения преступления, а также предметом посягательства. В случаях, когда лицо имеет умысел на сбыт всего имеющегося у него наркотического средства и в целях последующего сбыта совершает такие действия в несколько приемов, содеянное им совокупности преступлений не образует и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ.

Аналогичное правило квалификации закреплено и в Обзоре судебной практики Верховного суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 4 (2021), утвержденном Президиумом Верховного суда Чувашской Республики 09.11.2021¹: в случаях, когда лицо, имея умысел на сбыт всего имеющегося у него наркотического средства, в целях последующего сбыта совершает такие действия в несколько приемов, содеянное им совокупности преступлений не образует. Подобное правило квалификации встречается и на страницах юридической литературы [1, с. 3–10].

Исходя из этого, возникает противоречивая практика, когда одни и те же деяния квалифицируются разными судами, а иногда и одним и тем же судом по-разному: как единое продолжаемое преступление или как совокупность преступлений.

В 2024 году в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Фе-

дерации от 02.04.2024 № 10-УДП24–3-К6² со ссылкой на Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016³, высшая судебная инстанция предприняла попытку решить обозначенный вопрос. Так, Верховный Суд РФ указывает следующее: «...попытка сбыть наркотические средства путем помещения их в определенные места-закладки, то есть ориентируясь в каждом случае с закладкой наркотического средства на потенциального приобретателя, не может свидетельствовать о совершении осужденными единого продолжаемого преступления, поскольку каждое их действие по созданию тайников заключалось в покушении на незаконный сбыт одного свертка с наркотическим веществом. По смыслу закона, сбыт наркотических средств — это незаконная деятельность лица, которая охватывает любые способы их незаконного распространения, общественная опасность которого и состоит в вовлечении широкого круга лиц — потребителей, здоровье которых и определено как один из объектов посягательства, предусмотренный главой 25 УК РФ. Оборудование тайников-закладок с наркотическим средством, как один из способов распространения, количество этих закладок и определяет масштабность преступного вовлечения разных потребителей. Данных о том, что наркотические средства, разложенные в разные закладки, предназначались для одного потребителя, или существовала договоренность с потребителем (или куратором) о реализации разово всего объема наркотических средств, из материалов уголовного дела не следует. Напротив, действия по фасовке на мелкие дозировки наркотического средства с разложением в разных местах были обусловлены «доходностью» этой преступной деятельности, ориентированной на многочисленность потребителей, поскольку установлено, что наркотическое средство сбывалось Ш. за денежное вознаграждение, размер которого как раз и зависел от количества оборудованных тайников-закладок. То есть, умысел Ш. был направлен на множественный сбыт разложенного количества наркотических средств разным потенциальным потребителям, которые имели возможность приобрести наркотические вещества через различные тайники-закладки в разное время и в разных местах».

Таким образом, обоснование необходимости квалификации действий по размещению нескольких закладок из одной партии наркотических средств как совокупности преступлений Верховным Судом РФ связывается с поставлением в опасность здоровья потенциальных приобретателей наркотических средств.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2024 № 10-УДП24–3-К6 // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/408870235/> (дата обращения: 12.06.2025)

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения: 12.06.2025)

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 4 (2021), утвержденный Президиумом Верховного суда Чувашской Республики 09.11.2021 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409601/ (дата обращения: 12.06.2025)

Важно заметить, что часть авторов поддерживают такую правовую позицию Верховного суда РФ [3, с. 23–26].

Вместе с тем, полагаем, что подобное правило квалификации является уязвимым. Во-первых, уголовный закон в рамках статьи 228.1 УК РФ в качестве непосредственного объекта называет здоровье населения [4, с. 74], а не здоровье конкретного лица. Учитывая также, что объект преступления предопределяется признаком общественной опасности, которая свойственна именно деянию, и принимая во внимание, что в статье 228.1 УК РФ, помимо деяния, иных признаков объективной стороны, которые бы создавали общественную опасность, не указано, приходим к выводу, что дополнительного объекта в виде здоровья конкретного человека данная норма не предполагает.

Во-вторых, подобные рассуждения Верховного Суда РФ вступают в некоторое противоречие с разъяснениями, зафиксированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях»¹. Так, в данном источнике указано, что «продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. При этом продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления, так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состава преступления, но в своей совокупности составляют одно преступление. О единстве умысла виновного в указанных случаях могут свидетельствовать, в частности, такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели».

Таким образом, по смыслу вышеуказанных разъяснений высшей судебной инстанции в продолжаемом преступлении акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами, местом, временем, способом совершения преступления, а также предметом посягательства, то есть по делам о незаконном сбыте наркотических средств первостепенное значение имеет не только установление в действиях лица объективных и субъективных признаков состава преступления, но и взаимосвязь этих признаков между собой.

В результате, если виновный оборудует тайники-закладки наркотического средства, полученного из од-

ной партии, имея умысел на сбыт всей полученной партии наркотических средств, то в данном случае подобные обстоятельства и свидетельствуют о совершении тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом и в отношении одного и того же объекта преступного посягательства (здоровья населения) и предмета, что должно рассматриваться как единое продолжаемое преступление.

Более того, также возникает некоторая противоречивость при квалификации подобных действий по правилам о совокупности преступлений. Так, например, если виновный успел оборудовать лишь один тайник для сбыта и его задержали с имеющимся у него при себе наркотическим веществом, то такие действия подлежат квалификации как два преступления, если создал два тайника — три преступления, а если виновный не успел оборудовать тайник, то как одно преступление в отношении всей массы находящихся при нем наркотических средств. Иными словами, квалификация зависит не от умысла виновного на сбыт всей партии наркотического средства, а исходя из случая — успел или не успел оборудовать ряд тайников. Дополнительно хочется также отметить, что указание Верховным Судом РФ на то, что в материалах дела не содержится доказательств оборудования тайников для одного потребителя, думается, не коррелирует с закрепленной в статье 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ презумпцией невиновности, поскольку допускает привлечение к ответственности при недоказанности стороной обвинения умысла на сбыт разным покупателям.

Выводы

Резюмируя, важно заметить, что практика привлечения к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, разнится. Ошибочная, на наш взгляд, квалификация действия виновного по сбыту наркотических средств как совокупности преступлений влечет назначение наказания по специальным правилам, в том числе по правилам назначения наказания по совокупности преступлений, и, как следствие, назначение более строго наказания, что не способствует восприятию данного наказания как заслуженного и, следовательно, справедливого, что в свою очередь сказывается на эффективности назначенного наказания и на достижении его целей. Полагаем, что при наличии умысла виновного на сбыт всей партии имеющегося у него наркотического средства, такие действия по причинам, изложенным в тексте настоящей статье, не следует рассматривать как несколько самостоятельных преступлений, а необходимо квалифицировать как единое продолжаемое преступление.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554/ (дата обращения: 12.06.2025)

Список источников

1. Борков В. Н., Суверов С. Е. Разграничение единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений при квалификации сбыта наркотических средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 3. С. 3–10.
2. Волков К. А. Принципы уголовного права и квалификация преступлений // Российский следователь. 2021. № 10. С. 44–47.
3. Курченко В. Н. Новые реалии поддержания обвинения по делам о незаконном обороте наркотиков: единичное посягательство или совокупность деяний // Законность. 2025. № 5. С. 23–26.
4. Токманцев Д. В. К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных статьей 228 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 73–83.
5. Шарапов С. Н., Харитонов С. С. Квалификация преступлений как определяющее начало законности и обоснованности приговора военного суда // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 2. С. 83–89.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Попов Виталий Александрович**

Адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: popov@avscorporate.ru

Попова Диана Робертовна

Ассистент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
E-mail: urakbaeva_diana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Vitaly A. Popov**

Lawyer, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: popov@avscorporate.ru

Diana R. Popova

Assistant of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia.
E-mail: urakbaeva_diana@mail.ru

ВКЛАД АВТОРОВ

Попов В. И. Научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, разработка научных подходов и их реализация, написание исходного текста, итоговые выводы.

Попова Д. Р. Участие в разработке научных позиций и их реализация, оформление и написание текста, итоговые выводы.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Popov V. A. Scientific guidance, research concept, methodology development, development of scientific approaches and their implementation, writing the source text, final conclusions.

Popova D. R. Participation in the development of scientific positions and their implementation, design and writing of the text, final conclusions.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОРМ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ПАМЯТНИКОВ РОССИИ

Татьяна Юрьевна Строганова

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tsty@yandex.ru*

Аннотация. В работе автором установлена взаимосвязь института досудебного соглашения о сотрудничестве с нормами, содержащимися в правовых памятниках России, которые стимулируют положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, а также выявлены прообразы создания института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском праве. В статье уделяется внимание таким историческим правовым памятникам как Русская Правда, Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., Военский артикул 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1885 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г. В исследовании рассматриваются смягчающие обстоятельства, связанные с положительным постпреступным поведением виновного лица, правила назначения наказания при установлении таких обстоятельств, которые содержались в вышеуказанных правовых документах, а также рассмотрены отдельные особенности института досудебного соглашения о сотрудничестве согласно нормам действующего законодательства.

Ключевые слова: правовой институт, досудебное соглашение о сотрудничестве, правовой памятник России, посткриминальное поведение, смягчающие обстоятельства, наказание

Для цитирования: Строганова Т. Ю. Становление российского правового института досудебного соглашения о сотрудничестве через призму норм исторических правовых памятников России // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 89–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-89-95

Research article

THE FORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL INSTITUTE OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT THROUGH THE PRISM OF THE NORMS OF HISTORICAL LEGAL MONUMENTS OF RUSSIA

Tatiana Yu. Stroganova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
tsty@yandex.ru*

Abstract. In the work, the author establishes the relationship between the institution of a pre-trial cooperation agreement and the norms contained in the legal monuments of Russia, which stimulate positive post-criminal behavior of a person who has committed a crime, and also identifies the prototypes of the creation of the institution of a pre-trial cooperation agreement in Russian law. The article pays attention to such historical legal monuments as Russian Truth, the Judicial Code of 1550, the Cathedral Code of 1649, the Military Article of 1715, the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885, the Statute on Punishments imposed by Magistrates of 1864, the Code of Criminal Procedure RSFSR 1923, Criminal Codes of the RSFSR 1922, 1926, 1960. The study examines the mitigating circumstances associated with the positive post-criminal behavior of the perpetrator, as well as the rules for sentencing when establishing such circumstances, which were contained in the above-mentioned legal documents, and also

examines the individual features of the institution of a pre-trial cooperation agreement in accordance with the norms of current legislation.

Keywords: legal institute, pre-trial cooperation agreement, legal monument of Russia, post-criminal behavior, mitigating circumstances, punishment

For citation: Stroganova TYu. The Formation of the Russian Legal Institute of the Pre-Trial Cooperation Agreement Through the Prism of the Norms of Historical Legal Monuments of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):89-95. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-89-95

Введение

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве имеет многовековую историю. Изначально он возник в Средние века в Британии. «В то время существовало такое понятие, как „апелляция раскаявшегося“: преступник мог избежать смерти, если он рассказывал властям о преступлениях, совершенных другими. В дальнейшем эта практика прекратила свое существование — слишком многие оговаривали своих знакомых и даже родственников, а пока власти разбирались в их показаниях, преступники сбегали из тюрьмы» [7, с. 136].

В XIX в. в США на базе института присяжных заседателей была закреплена подобная форма упрощенного судебного разбирательства и называлась она «сделка о признании» или «сделка с правосудием». «Апелляционный суд Нью-Йорка в одном из своих решений датировал возникновение указанной упрощенной формы отправления правосудия 1804 г. Как альтернатива громоздкому судебному следствию с участием присяжных, «сделки о признании» достаточно быстро получили распространение на территории США и части Англии. К 1900 г. около 90 % всех уголовных дел решалось путем заключения таких сделок. В 1970 г. Верховный суд США признал конституционность практики „сделок о признании“, окончательно ее легализовав» [1, с. 29–31].

Сделка о признании вины являлась мощным средством упрощения уголовного судопроизводства на протяжении всей истории существования. В настоящее время институт «сделка с правосудием» применяется во многих странах мира, в частности в Италии, Испании, ФРГ, США, Канаде, Англии.

В российской истории аналогов досудебного соглашения о сотрудничестве в том виде, который закреплён в настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), не было выявлено. Однако если рассматривать досудебное соглашение о сотрудничестве как один из институтов, предусматривающих упрощенное производство, то очевидно, что правовые памятники России содержали как нормы, стимулировавшие положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, так и правила назначения наказания в случае, если такое поведение учитывалось правоприменителем.

Материал и методы

В статье использованы нормы правовых памятников России, предусматривающие учет положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, и содержащие правила назначения наказания при таком поведении, а также нормы Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, в которых закреплён институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Автором применялись метод формальной логики, системный и историко-правовой методы.

Описание исследования

Первым историческим памятником России, в котором упоминалось о положительном постпреступном поведении виновного лица, заключающемся в добровольном признании вины, полагаем, следует считать Русскую Правду. А. Ю. Кирсанов справедливо утверждает, что Краткая редакция Русской Правды оговаривает сокращенный уголовный процесс при условии признания вины, так как подразумевалось, что дальнейший смысл судебного разбирательства при признании обвиняемого утрачивается. Напротив, при „запирательстве“ обвиняемого требовалось предоставление свидетелей» [5, с. 9].

Е. Л. Федосеева отмечала, что «в X веке законодательство Древней Руси содержало некоторые нормы, закреплённые в Русской Правде, свидетельствующие о возможности освобождения от наказания в связи с раскаянием. Так, виновный в краже, добровольно возвращавший похищенное законному владельцу, освобождался от ответственности, если против этого не возражал потерпевший» [12, с. 98].

В Судебнике 1550 г. такое обстоятельство, как признание вины, было закреплено, но оно для обвиняемого носило отрицательный характер. Согласно ст. 52 данного Судебника «а приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати; и скажет на себя сам, ино его казнити смертною казнию; а не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти...» [2, с. 92–93]. Таким образом, если виновный признавался в преступлении, то его казнили, а если все отрицал или молчал, то оставляли в живых и назначали наказание в виде пожизненного лишения свободы. Согласие с обвинением в данном правовом памятнике России, в отличие от действующего уголовного законодательства РФ, не являлось смягчающим обстоятельством,

наличие данного факта приводило к более строгому наказанию — смертной казни осужденного. Реформы, проводимые в государстве в те времена (правление Ивана Грозного), носили жесткий и устрашающий характер, поэтому о положительном поведении виновного, которое могло повлиять на смягчение наказания, не было и намека в правовых документах того времени.

Соборное Уложение 1649 г., в котором система наказания была еще более сложной и жесткой по сравнению с его правовыми предшественниками, предусматривало пытки обвиняемого во время проведения следствия. Получение информации при применении пыток достаточно сложно назвать добровольным сотрудничеством с органами, которые вели следствие, как это характерно институту досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренному действующим законодательством, поскольку по смысловому содержанию любому сотрудничеству характерны такие признаки как добровольность, совместность, слаженность, общее дело. Под тяжестью применения пыток обвиняемый мог признаться как в преступлении, которое совершил, так и в преступлении, которое не совершал. Однако, полученное подобным образом раскаяние лица, совершившего преступление, не влияло на вид или срок наказания. Очень часто в качестве наказания применялась смертная казнь. Более того, даже если, приговоренный к смерти сообщал какие-либо важные факты о других лицах, то ему ни в чем не верили (гл. XXI ст. 93. «А на которых людей языки учнут говорить с первые и з другие пытки, а с третьи пытки тех языков доведется казнить, и те языки, идучи к казни, учнут с тех людей на кого они говорили, зговаривать, и тому их зговору не верить») [9, с. 284]. Наказание имело главной своей целью устрашение населения и дальнейшее предупреждение совершения преступлений. В нескольких статьях Соборного Уложения прямо предусмотрено: наказывать так, чтобы, на то смотря, иным «неповадно было так делать» (например, ст. 55, 56, 62 гл. XXI, ст. 3 гл. XXIII Уложения).

При карательном и устрашающем уклоне Воинский артикул 1715 г. содержал много прогрессивных положений, направленных на установление более гуманного отношения к виновным при назначении наказания в случае проявления ими позитивного постпреступного поведения, по сравнению с предшествующим периодом, поскольку Петр I при разработке данного правового памятника понимал несовершенство законодательства, действовавшего в России в то время. Так, 96 артикул предусматривал, что «*ежели кто после своего побегу, раскаясь на дороге, сам возвратиться, и добровольно у своего офицера явится, оный по правде живота лишен не имеет быть, однакож ради его имевшего злаго замыслу по состоянию времени и по рассмотрению, шпицрутенами или иным каким наказанием наказывать подобает*» [10, с. 344]. В указанном положении впервые было сформулировано и закреплено такое смягчающее обстоятельство как «явка с повинной», при наличии которого виновного оставляли в живых, назначали более

мягкое наказание, чем было положено за дезертирство и после исполнения наказания данное лицо продолжало нести службу в рядах действующей царской армии.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение), принятое во времена правления Николая I, имело сложную, многоступенчатую систему наказания, однако в отличие от более ранних памятников права России содержало смягчающие обстоятельства, такие как изобличение соучастников преступления, признание и раскаяние в совершенном преступлении, явка с повинной. Статья 140 Раздела V «Об обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание» Уложения предусматривала смягчающие наказание обстоятельства, в частности: «*Когда виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое-либо подозрение, явился въ судъ или же къ местному или другому начальству и вполне чистосердечно съ раскаяниемъ сознался въ учиненномъ преступлении; если онъ, хотя и после уже возбужденія на счетъ его подозренія, но вскоре, безъ упорства, по одному изъ первыхъ на допросе убежденій или увещаній, учинилъ съ раскаяниемъ полное во всемъ признаніе; если онъ безъ замедленія, благовременно и также съ полною откровенностію, указалъ всехъ участниковъ его въ преступленіи*» [3, с. 111–112]. Действия, которые совершал виновный, должны были быть добровольными, чистосердечными, своевременными, а информация достоверной и полной. Такая характеристика признаков объяснялась тем, что в те годы «законодательство и практика предусматривали очень высокие требования к морально-нравственным аспектам „явки с повинной“, признания и раскаяния. Отсюда и высокая значимость последствий для повинившегося» [6, с. 142]. В результате учета данных смягчающих обстоятельств суд мог заменить один вид «уголовного» наказания на другой более мягкий вид «исправительного» наказания или же виновному вообще не назначалось дополнительное наказание. В гл. IV «О смягчении и отмене наказаний» Уложения было закреплено правило, которое позволяло сократить или смягчить наказание в роде или степени, назначаемое за совершенное преступление или проступок, при условии, если виновный признался в совершении преступления добровольно, изобличил всех своих соучастников, а также сообщил сведения о вновь готовящихся к совершению преступлениях [3, с. 116–117].

Кроме того, согласно Уложению изд. 1845 г., суд относил факт сотрудничества обвиняемого со следствием в виде изобличения соучастников и признания вины к смягчающим обстоятельствам. Соотнося с другими обстоятельствами, «сопровождающими вину, он мог более или менее уменьшить меру наказания, но, однако же, в определенной законом степени. Уменьшение наказания не было обязательно для судьи, и притом это постановление не имело значения при тех наказаниях, которые не имели степеней, как смертная казнь, или не могли изменяться в пределах степени, как, например, каторга без срока, ссылка на поселение» [11, с. 1312]. Следует отметить, что законодатель, установив

возможные пределы наказания, которое можно назначить за определенное преступление, в указанном Уложении предпринял попытку ограничить судебское усмотрение при вынесении наказания, которое нередко переходило в произвол во времена действия прошлых правовых памятников России. Так, статья 141 предусматривает «по одному или нескольким из означенных в 140 статье, более или менее уменьшающих вину, обстоятельств суд, по соображении их с другими, сопровождавшими то преступление, может также более или менее уменьшать, но в определенной законами степени, меру следующего за оное наказание»¹. Срок (размер) наказания можно было уменьшать только в степени, определенной законом.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1885 г. остались рассмотренные нами ранее смягчающие обстоятельства, которые были предусмотрены в предыдущем Уложении изд. 1845 г. При этом правила назначения наказания стали еще более гуманными. В частности, в ст. 135 Уложения было предусмотрено, что при существовании «уменьшающих вину обстоятельств» суд мог снизить «меру следующего виновному наказания в пределах назначенной законом степени или понижать оное одною или двумя степенями; при назначении наказания за преступления и проступки печати суду предоставляется право, смотря по обстоятельствам, смягчать наказание одною или несколькими степенями и даже переходить к высшей степени ближайшего низшего рода наказаний [12, с. 92].

Большое значение в Уложении (ст. 153) отводится «явке с повинной», при наличии которой были установлены особые правила назначения наказания, согласно которым «наказание за совершение преступления или проступка может быть смягчено не только в мере и степени, как о том сказано в ст. 135 Уложения, но даже и в размере, выходящем из пределов судебной власти». Данные правила применялись, только при наличии «явки с повинной» и совокупности иных обстоятельств, таких как полное чистосердечное признание, установление всех соучастников, а также «доставление верных и своевременных сведений, которые предупредят исполнение другого злого умысла, грозившего опасностью одному или нескольким частным лицам, или всему обществу, или государству» [12, с. 127].

Кроме того, явка с повинной могла быть признана «особо уменьшающим вину обстоятельством» (п. 23 ст. 135 Уложения) в ст. 1441 и 294 Уложения [12, с. 94].

Следует подчеркнуть, что наказание уменьшить могли не только суды. На основании ст. 775 Устава уголовного судопроизводства суд направлял представление о смягчении наказания осужденного в Правительствующий Сенат, который, если признавал нужным, то мог «ходатайствовать перед Императорским Величеством об уменьшении или перемене постановляемого

законом наказания, определяя и меру предполагаемого смягчения» [12, с. 128].

Представляется, что приведенные положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в достаточной степени схожи с действующими нормами УК РФ и УПК РФ, регулирующими отношения, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Сходство проявляется, прежде всего, в перечне обстоятельств, уменьшающих вину, в появлении «особо уменьшающих вину обстоятельств», которые были напрямую связаны с положительным постпреступным поведением виновного лица. Существенное же отличие между Уложением и действующими нормами права, регламентирующими институт досудебного соглашения о сотрудничестве, заключается в том, что никаких письменных соглашений с виновным о его будущих действиях органы власти не заключали, а также срок (размер) наказания определяется исключительно судом.

Из существующих правовых памятников следует обратить внимание на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (далее — Устав), который также содержал правила назначения наказания при наличии обстоятельств, уменьшающих вину. Так, статья 13 Устава среди обстоятельств, смягчающих вину и наказание, выделяет «признание и чистосердечное раскаяние» [3, с. 257]. При этом в данном нормативном акте отсутствует правило о том, в каком размере может быть уменьшено наказание виновному при наличии смягчающих обстоятельств. Лишь в ст. 12 Устава 1864 г. содержалось правило о возможных пределах назначения отдельных видов наказаний, таких как заключение в тюрьме, арест, наложение денежного взыскания с учетом имеющихся уменьшающих или увеличивающих вину обстоятельств. Так, «заключение в тюрьме назначается в пределах высшей и низшей меры, определяемой подлежащими статьями сего Устава; при назначении ареста, когда высший предел этого наказания положен в размере более трех дней, оно не может быть определено в размере трех или менее дней; назначение денежного взыскания, определенного законом только в одном высшем размере, может быть смягчаемо по усмотрению судьи» [3, с. 257]. В отношении иных видов наказания правила в данном Уставе отсутствовали.

Положения дореволюционного законодательства в дальнейшем частично были заимствованы ранним советским уголовным законодательством. В 1923 г. вступил в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который в ст. 282 закрепил положения об упрощенной форме уголовного судопроизводства, при этом в Кодексе отсутствуют положения о сокращении размера наказания при применении упрощенной формы. Данная норма предоставила суду право на переход к прениям сторон без судебного следствия в случае дачи подсудимым признательных показаний и его согласия с предъявленным обвинением.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. сохранили перечни смягчающих обстоятельств. Однако

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=52&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.06.2025)

в них отсутствовали такие обстоятельства, как явка с повинной, изобличение соучастников преступления, предупреждение совершения запланированного преступления, которые были названы в ст. 153 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1885 г. В Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. упоминалось об исключительных обстоятельствах, но не было их перечней. Законодатель и в том, и в другом Кодексе предусматривал возможность определения меры социальной защиты ниже низшего предела наказания, предусмотренного законом, или перехода к другому, менее тяжкому роду или менее тяжелой мере социальной защиты. В Уголовном кодексе 1926 г. отсутствовало понятие «наказание»; вместо него законодатель использовал понятие «меры социальной защиты». Например, ст. 51 УК РСФСР 1926 г. содержала два варианта назначения меры социальной защиты. Во-первых, при наличии исключительных обстоятельств суд мог выбрать меру социальной защиты, предусмотренную в санкции статьи УК РСФСР, но ниже низшего предела, указанного в данной санкции. Во-вторых, при наличии определенного мотива, который необходимо было указать в приговоре, и исключительных обстоятельств суд имел право определить не предусмотренную в соответствующей статье УК РСФСР менее тяжёлую меру социальной защиты. В то время социалистическое правосознание имело огромное значение в правоприменительной деятельности. «Классовая принадлежность и социальное происхождение лица, совершившего преступление, имели решающее значение при выборе меры социальной защиты и влияли на степень общественной опасности совершенного преступления» [4, с. 10].

До конца 1950-х г. советское уголовное законодательство не включало явку с повинной и активное способствование раскрытию преступления в перечень смягчающих обстоятельств. Впервые данные обстоятельства были законодательно закреплены в качестве смягчающих в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. Кроме того, согласно ст. 43 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. эти обстоятельства приравнивались законодателем к числу исключительных. Суд мог назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, или перейти к другому, более мягкому виду наказания. Иных правил, влияющих на пределы назначаемого наказания при наличии рассматриваемых нами смягчающих обстоятельств, закон не содержал.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. впервые была осуществлена конкретизация правового значения как видов деятельного раскаяния в сфере назначения наказания путем включения правил, предусматривающих сокращение пределов наказания при отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии следующих смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ. К смягчающим обстоятельствам законодатель отнес: явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других со-

участников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления и др.

Следует отметить, что в той или иной части пост-преступное позитивное поведение лица, совершившего преступление, начиная с Русской Правды и заканчивая УК РСФСР 1960 г., учитывалось и, в большинстве случаев, оказывало воздействие на смягчение наказания, при назначении которого применялись специальные правила.

На современном этапе развития нашего общества потребовались более эффективные правовые средства, направленные на раскрытие и расследование преступлений, поэтому 29 июня 2009 г. в УК РФ и УПК РФ законодателем был введен в действие институт досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве правового инструмента, способного ускорить расследование преступлений, в частности, «наиболее опасных, совершенных участниками преступных сообществ, организованных бандформирований путем привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству лиц, состоящих в таких преступных группах».

Однако институт досудебного соглашения о сотрудничестве был неоднозначно воспринят как учеными, так и правоприменителями, поскольку имелось много неточностей и пробелов в его применении. Обозначились проблемы, возникающие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и его реализации как в ходе предварительного расследования, так и при проведении судебного разбирательства. Недостатки рассматриваемого института состояли в отсутствии со стороны обвинения каких-либо гарантий о том, что при заключении такого соглашения и выполнении указанных в нем условий и обязательств подозреваемому реально будет снижен срок или размер наказания. Данное обстоятельство объясняется тем, что только у суда есть полномочия по решению вопроса о признании указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве обязательств выполненными и снижении на этом основании срока или размера наказания. Кроме того, громоздкость и сложность процедуры заключения такого соглашения, отсутствие надежных мер безопасности подозреваемого (обвиняемого) и членов его семьи, отсутствие учета мнения потерпевшего, большая вероятность оговора невиновных «тормозят» реализацию института досудебного соглашения о сотрудничестве в правоприменительной сфере в полном объеме. И. Л. Петрухин считает, что в российском уголовном правосудии «сделка — явление аморальное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления» [8, с. 35]. А. С. Шаталов утверждает, что главный недостаток сделок с правосудием — это возможный оговор со стороны обвиняемого любого лица с целью избежать назначения справедливого наказания [13, с. 136]. Стоит обратить внимание, что некоторые проблемы в применении исследуемого правового института были устранены законодателем, однако часть их так и осталась нетронутой, поэтому нельзя однозначно

утверждать, что в настоящее время данный правовой феномен является достаточно совершенным.

Рассматривая внутреннее содержание данного правового института, следует отметить, что обстоятельством, определяющим весь смысл заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, является совершение позитивного постпреступного поведения виновного, которое в дальнейшем фиксируется правоприменителем и может быть приравнено к активному содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. При этом установление наличия указанных фактов могут повлиять на срок или размер наказания, пределы которого установлены ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ, а на также распространение на виновного мер государственной защиты, предусмотренных действующим законодательством. При применении правил назначения наказания по ч. 2 ст. 62 УК РФ верхний предел наиболее строго вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, значительно ниже (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 62 УК РФ), чем при использовании иных специальных правил назначения наказания (за исключением, ч. 5 ст. 62 в случаях, указанных в ст. 226.9 УПК РФ, а также ч. 2 ст. 66 УК РФ). Кроме того, по усмотрению суда при заключении указанного соглашения могут быть применены правила ст. 64, 73 и 80.1 УК РФ.

Полагаем, что законодатель при создании института досудебного соглашения о сотрудничестве перенял некоторые правила, связанные с учетом положительно посткриминального поведения лица, совершившего преступление, при назначении ему наказания. Таким образом, совершение позитивного постпреступного поведения виновного лица и его учет правоприменителем при определении наказания, а также правила назначения наказания, понижающие верхний предел срока или размера наказания, а также выходящие за пределы санкции, упоминаемые в исторических правовых памятниках России, оказали влияние на становление исследуемого правового института в действующем законодательстве России. Однако также стоит уточнить, что форму в виде отдельного письменного процессуального документа, регулирующего правовые отношения между стороной обвинения и стороной защиты, российский вариант досудебного соглашения о сотрудничестве перенял от зарубежного аналога «сделки с правосудием».

Заключение и вывод

За 16 лет своего существования правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве занял определенную нишу в правоприменительной деятельности и был воспринят практикой достаточно положительно. Согласно информации, предоставленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в 2020 г. судами Российской Федерации по первой инстанции из 530743 уголовных дел, рассмотренных по существу с вынесением приговора, 3 099 уголовных дел рассматривались в порядке гл. 40.1 УПК РФ, в 2021 г. из 566 430 уголовных дел — 3188 уголовных дел, в 2022 г. из 578 433 уголовных дел — 3 272 уголовных дел, в 2023 г. из 555 157 уголовных дел — 2 912 уголовных дел, в 2024 г. из 505148 уголовных дел — 2 707 уголовных дел. По итогам рассмотрения судами Российской Федерации уголовных дел, по которым с виновными были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, за 2020 г. осуждено 2 763 человека, за 2021 г. — 2 896, за 2022 г. — 2 988, за 2023 г. — 2 757, 2024 г. — 2 550¹.

Кроме того, следует отметить, за период, начиная с введения данного института до настоящего времени, законодателем в уголовно-процессуальные нормы, регулирующие данный институт, только дважды вносились изменения, а в уголовно-правовые — единожды.

Подводя итог, отметим, что наше государство достаточно длительное время шло к созданию и нормативному закреплению института досудебного соглашения о сотрудничестве. Данный институт стал своеобразным компромиссным вариантом совершенствования государственных институтов, который содержит в себе новые методы, направленные на раскрытие и расследование преступлений. Введение исследуемого правового института в УПК РФ и УК РФ было не только смелым, но и в полной мере обдуманым, правильным и своевременным шагом со стороны законодателя, направленным на уменьшение материальных и временных затрат при отправлении правосудия. Таким образом, влияние на становление правового института досудебного соглашения о сотрудничестве в России оказали не только зарубежные аналоги «сделки с правосудием», но и нормы правовых памятников России, регулирующие учет позитивного постпреступного поведения лица, совершившего преступление, а также нормы, содержащие правила назначения наказания при установлении смягчающих обстоятельств, связанных с таким поведением.

¹ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020–2024 гг. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.06.2025).

Список источников

1. Дудоров Т. Д. Институт «сделки о признании»: зарубежный опыт и российская модель ускоренного судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Общество и право. 2009. № 2(24). С. 175–179.
2. История отечественного государства и права: хрестоматия отв. ред. Т. М. Баженова, Э. Э. Бодрова Ч. 1. Екатеринбург, 2009.

3. История отечественного государства и права: хрестоматия. отв. ред. Т. М. Баженова, Э. Э. Бодрова Ч. 2. Екатеринбург, 2009.
4. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 26 с.
5. Кирсанов А. Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве: анализ, практика, выводы. М., 2012. 128 с.
6. Коломеец В. А. Положения о явке с повинной в российском законодательстве (1845–2005 г. г.) // Журн. рос. права. 2006. № 1(109). С. 142–148.
7. Курбанмагомедов Т. К. О некоторых проблемах защиты прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Черные дыры в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 136–137.
8. Петрухин И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35–37.
9. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961 г. 431 с.
10. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма/ отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986.
11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая: Лекции. СПб., 1902. Т. 2. 1312 с.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 6-е изд., доп. Санкт-Петербург, 1889. 714 с.
13. Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5(161). С. 35–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Строганова Татьяна Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: tstyu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Yu. Stroganova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: tstyu@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 14.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343.01
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-96-98

С. 96–98

ЭТИКО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Алексей Витальевич Сумачев

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

alekssumachev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые установки российских граждан морально-этического плана на отдельные уголовно-правовые явления, такие как ответственность за недоносительство о преступлении, различные виды лишения жизни с согласия человека. И в заключении констатируется, что выявление нравственных установок в обществе может способствовать повышению эффективности профилактической работы среди населения, а также совершенствованию национального уголовного законодательства

Ключевые слова: доносительство, укрывательство, эвтаназия, самопожертвование, ответственность

Для цитирования: Сумачев А. В. Этико-нравственные особенности российского уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 96–98. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-96-98

Research article

ETHICAL AND MORAL FEATURES OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

Alexey V. Sumachev

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

alekssumachev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

Abstract. The article examines some of the attitudes of Russian citizens of a moral and ethical plan on certain criminal law phenomena, such as responsibility for non-reporting of a crime, various types of deprivation of life with human consent. In conclusion, it is stated that the identification of moral attitudes in society can contribute to improving the effectiveness of preventive work among the population, as well as improving national criminal legislation.

Keywords: whistleblowing, concealment, euthanasia, self-sacrifice, responsibility

For citation: Sumachev AV. Ethical and Moral Features of Russian Criminal Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):96-98. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-96-98

Введение

Нет сомнений в том, что нормы уголовного закона, как наиболее остро по своей репрессивной силе, должны отражать, в числе многих факторов, и некоторые морально-этические установки в социуме. Как замечает И. Я. Козаченко: «Как социальная ценность, уголовное право неразрывно с культурой своего народа, оно несет на себе стыд и позор, доблесть и честь, бессилие и раболепство, силу и мужество, национальное забвение и международное признание своего народа, своей Отчизны, собственной истории» [1, с. 5].

Более того, И. Я. Козаченко совершенно справедливо указывает, что уголовное право, воздействуя на сознание и волю отдельного человека и любой общности людей, проявляет себя, в частности, «как **социальная ценность** (духовная реалья), выступающая своеобразным лакмусом, отражающим, с одной стороны, нравственную прочность общественных устоев против напора зла (преступности), с другой — суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами» [1, с. 6].

И здесь я озвучу мысли, сформированные где-то на основе интуиции, где-то на основе того, что я сам живу и тружусь в обществе, а не в отрыве от него, где-то на основе результатов собственных эмпирических исследований, где-то на основе идей, в разное время высказанных представителями науки.

Описание исследования

Так, российский обыватель убежден, что, например, любое сокрытие фактов о готовящемся или совершенном преступлении (как в форме доносительства, так и в форме заранее не обещанного укрывательства) уголовно наказуемо. Какие выводы можно сделать из этого? Предположение о возможности привлечения к уголовной ответственности за доносительство отрицательно сказывается на самом отношении граждан к уголовному закону, а равно отношению к правоохранительным органам в целом. Основу отрицательного отношения к доносительству, по-видимому, заложили известные события 30-х годов XX-го столетия. И помню, как еще во времена обучения в юридическом вузе преподаватели уголовного права с восторгом говорили нам об изменениях от 29 апреля 1993 года в ст. 18 «Укрывательство» и ст. 19 «Недонесение» УК РСФСР, в соответствии с которыми не подлежали уголовной ответственности: за заранее не обещанное укрывательство — супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление; за недонесение — супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, а также священнослужитель о преступлении, ставшим ему известным из исповеди. И едва ли не единственным аргументом такого решения законодателя, по их словам, было то, что сильное государство, борясь с преступностью, не имеет права заставлять своих граждан доносить на близких им людей. В 1996 году принятый Уголовный кодекс Российской Федерации, продолжая традицию морального осуждения «доносительства», вообще «забыл» о недонесении как преступлении.

Однако заметим, что напряженность в обществе, вызванная чудовищными актами терроризма (Москва, Буденовск, Беслан), существенно скорректировали общественное мнение относительно недонесения о готовящихся актах терроризма. В частности, по данным А. В. Зарубина из более чем 200 опрошенных граждан лишь два человека возражали против установления уголовной ответственности за заранее не обещанное несообщение о готовящемся акте терроризма [2, с. 159]. Как видно, происходит морально-этическая переоценка «доносительства» как безнравственного акта. Происходит, хотя очень медленно и выборочно. В частности, Федеральным законом от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3] УК РФ был дополнен ст. 205.6 «Несообщение о преступлении», в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит

лицо за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. При этом согласно примечанию к данной статье, лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Аналогичного рода примечания содержатся в ст. 308 «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний»¹ и ст. 316 «Укрывательство преступлений»² УК РФ.

Заметим, что в настоящее время ст. 205.6 УК РФ называется не «Недонесение» как в УК РСФСР 1961 г., а «Несообщение о преступлении».

Отдельно можно поставить вопрос о морально-этических установках современной российской молодежи. Весьма показательными, в этой связи, являются результаты проведенного нами анкетирования на предмет отношения россиян к вопросам эвтаназии³. В частности, среди прочих звучал вопрос об уголовно-правовом значении согласия лица на причинение ему смерти другим человеком. При этом 16,4 % опрошенных граждан не проводят границы между убийством с согласия и обычным убийством, 10,9 % — видят разницу лишь в возможности смягчения наказания за первые случаи. Абсолютное же большинство — 72,7 % — выступают либо за ненаказуемость всех видов убийств с согласия (8,9 %), либо за ненаказуемость отдельных его видов (63,8 %). Однако, как видим, действующий уголовный закон наказывает все случаи убийства, хотя порой и учитывает ситуации, при которых оно совершено.

И еще немного весьма интересной информации относительно ненаказуемости специфических видов лишения жизни с согласия. Среди них, в частности, в анкете приводился примерный их перечень:

- лишение врачом жизни неизлечимо больного пациента по его просьбе (эвтаназия);
- лишение жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей;
- лишение жизни тяжело раненого человека во время экстремальной ситуации (военных действиях, стихийных бедствиях и др.);
- лишение жизни человека — объекта научного эксперимента при проведении такого эксперимента;

¹ «Лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников».

² «Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником».

³ Нами было проанкетировано более тысячи граждан в семи субъектах Российской Федерации: г. Москва, Владимирская, Нижегородская, Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Ставропольский край. Стоит отметить, что соотношение респондентов по половому признаку (мужчин и женщин) было в пропорции примерно 1: 1 (соответственно, 50,9 % и 49,1 %).

– иные виды лишения жизни с согласия.

Сразу отметим, что среди иных видов конкретных случаев ненаказуемого лишения жизни предложено не было. Соответственно, анализ отношения респондентов к ненаказуемым видам лишения жизни человека с его согласия мы проводили на основе названных выше примеров. И здесь мы хотим акцентировать внимание на отношении граждан к убийству с согласия в зависимости от возраста анкетированных.

Молодежная категория лиц относится к эвтаназии и лишению жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей более осторожно, нежели старшая группа. Причина, по-видимому, здесь кроется в недостаточно богатом жизненно-бытовом опыте: отсутствие сведений об эвтаназии либо отсутствие собственных детей и т. п. Более того, существенная разница в пропорциях мнений относительно лишения жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей у женщин молодежного и зрелого возрастов (в 5,07 раза), является свидетельством ничем неопороченного инстинкта материнства.

Диаметрально противоположная картина проявляется при анализе соотношения (пропорций) общего числа респондентов к сторонникам легализации лишения жизни тяжело раненого человека во время экстремальной ситуации (военных действиях, стихийных бедствиях и др.) или лишения жизни человека-объекта научного эксперимента при проведении такого эксперимента. И здесь молодежные группы (от 17 до 19 лет) обоих полов преподносят «сюрприз»: в обоих случаях их пропорции (в сравнении с лицами более старшего возраста) достаточно велики (5,82: 1 и 14,88: 1 — у мужчин,

9,16: 1 и 11: 1 — у женщин, в то время как у лиц старше 30 лет склонность к легализации анализируемых видов лишения жизни либо мала, либо вообще отсутствует). Какой здесь напрашивается вывод? Опять же отсутствие жизненного опыта у молодежи. С другой стороны, юношеский задор, вера в себя как в двигатель прогресса или ключевую фигуру в истории, пусть даже «районного» масштаба, — вот те факторы, определяющие качество ответа по анкете.

Можно, однако, констатировать и тот факт, что, несмотря на порой нелестные отзывы о современной российской молодежи, она отличается повышенным чувством самопожертвования. Действительно, отвечая на вопрос о наказуемости/ненаказуемости лишения жизни с согласия в условиях экстремальной ситуации или проведения научного эксперимента, анкетированный поневоле ставит себя на место лица, дающего согласие, а никак не исполняющего такую просьбу. А согласиться (даже абстрактно) на ненаказуемость своего «убийцы» ради спасения других или ради достижения общественно полезной цели вообще — дело весьма непростое. В этой связи представляется нравственно обоснованным наличие в уголовном законе института обоснованного риска как обстоятельства, исключаящего преступность деяния.

Заключение и вывод

Таким образом, выявление нравственных установок в социуме может (и должно) способствовать не только повышению эффективности профилактической работы среди населения, но и совершенствованию национального уголовного законодательства.

Список источников

1. Козаченко И. Я. Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт. М.: Юрлитинформ, 2021. 256 с.
2. Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 212 с.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сумачев Алексей Витальевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6
E-mail: alekssumachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1133-9574

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Sumachev

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Institute of State and Law of Tyumen State University
6 Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia
Email: alekssumachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1133-9574

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Анна Ильинична Терских

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия
tai001@usla.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7030-3355>

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений и тенденций в уголовном законодательстве России, касающихся преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). Отмечается, что с ростом числа таких преступлений возникает необходимость улучшения законодательной базы для адекватного преследования правонарушителей, а также повышения уровня социальной опасности данных деяний.

Автор уделяет внимание различным изменениям в уголовном кодексе, в частности, введению новых статей, которые фиксируют ответственность за незаконные действия с персональными данными. Так, статья 272.1 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное использование и распространение информации с персональными данными.

В процессе анализа осуществляется попытка классификации преступлений с использованием ИКТ, что представляет значимость для понимания всей системы уголовных правонарушений в данной области. Кроме того, рассматривается неоднородность законодательных формулировок, которая приводит к трудностям в правоприменении и квалификации преступлений.

Автор приходит к выводу, что несмотря на трудности, связанные с определениями и классификациями, автор предполагает дальнейшую тенденцию к включению признака использования ИКТ в составы преступлений. Тем не менее, критически оценивая увязывание этого признака с этапами приготовления к преступлению, подчеркивается, что необходимо избегать необоснованного увеличения ответственности за деяния, совершенные без применения ИКТ.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, публичная демонстрация, распространение информации, объективная сторона

Для цитирования: Терских А. И. Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: перспективы законодательных реформ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 99–105. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-99-105

Research article

CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS: PROSPECTS FOR LEGISLATIVE REFORMS

Anna I. Terskikh

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
tai001@usla.ru
 <https://orcid.org/0000-0001-7030-3355>

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes and trends in the criminal legislation of Russia concerning crimes committed using information and telecommunication technologies (ICT). It is noted that with the increasing number of such crimes, there is a need to improve the legislative framework for the adequate prosecution of offenders, as well as to increase the level of social danger of these acts.

The author pays attention to various changes in the criminal Code, in particular, the introduction of new articles that fix responsibility for illegal actions with personal data. Thus, Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes responsibility for the illegal use and dissemination of information with personal data.

In the process of analysis, an attempt is made to classify crimes using ICT, which is important for understanding the entire system of criminal offenses in this area. In addition, the heterogeneity of legislative formulations is considered, which leads to difficulties in law enforcement and qualification of crimes.

The author concludes that despite the difficulties associated with definitions and classifications, the author suggests a further trend towards including the use of ICT in crimes. Nevertheless, critically assessing the linking of this feature with the stages of preparation for a crime, it is emphasized that it is necessary to avoid unjustifiably increasing responsibility for acts committed without the use of ICT.

Keywords: information and telecommunication networks, public demonstration, dissemination of information, objective side

For citation: Terskikh AI. Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks: Prospects for Legislative Reforms. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):99-105. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-99-105

Введение

Преступность в сфере информационных технологий с каждым годом становится только активнее. По состоянию за январь-май 2024 года преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с январем-маем 2023 года зарегистрировано на 16,5 % больше¹, в свою очередь, за январь-май 2025 года по сравнению с январем — маем 2024 года зарегистрировано на 1,3 % больше². Неудивительно, что одним из логичных направлений противодействия преступности в сфере информационных технологий является совершенствование законодательства, и уголовное законодательство в этом смысле не является исключением.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, правоприменительные акты в сфере уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический, герменевтический методы.

Описание исследования

В последние годы основные предложения по изменению уголовного закона, предусматривающего ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, аккумулировались по четырем основным направлениям:

1) наделение признака «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» повышенной степенью общественной опасности и признание его в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака состава преступления;

2) расширение перечня отягчающих наказание обстоятельств и включение в ст. 63 УК РФ такого обстоятельства как использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей;

3) криминализация отдельных видов деяний, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающей на общественную и государственную безопасность, а также деяний, связанных с незаконным использованием личной информации граждан;

4) криминализация самого факта использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступления.

Большинство обозначенных направлений были реализованы законодателем. Стоит отметить, что тенденция закрепления анализируемого признака в качестве квалифицирующего признака состава преступления и отягчающего обстоятельства при назначении наказания находит поддержку в уголовно-правовой доктрине [1, с. 70–74; 4, с. 129].

В числе последних изменений, которыми пополнился перечень составов преступлений с признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», можно отметить Федеральный закон от 12.12.2024 № 514-ФЗ³. Изменения коснулись составов преступлений, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ. В пояс-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2024 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292/> (дата обращения 11.07.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2025 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593/> (дата обращения 11.07.2025).

³ Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280016> (дата обращения 01.07.2025).

нительной записке к законопроекту¹ внесение изменений аргументируется, в частности, двумя важными обстоятельствами: 1) анонимность и возможность охвата обширной аудитории несовершеннолетних за счет отсутствия непосредственного контакта жертвы и преступника; 2) легкий доступ несовершеннолетних к запрещенным веществам: в структуре преступности, связанной с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, лидерство сохраняет вовлечение в сбыт наркотических средств и психотропных веществ (в 2023 году число фактов сбыта наркотических средств с участием подростков увеличилось на 52,3 %).

Тенденцию криминализации незаконного использования личной информации закрепил федеральный закон от 30.11.2024 № 412-ФЗ², который УК РФ дополнен статьей 272.1, предусматривающей ответственность за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту³, черный рынок персональных данных постоянно растет: общий объем официально выявленных утечек персональных данных за 2022 г. (о которых официально сообщалось в СМИ) — более 1130 млн записей, по информации экспертов на площадках в «даркнете» объем записей более 1600 млн. В различных ситуациях в категорию персональные данные попадают — фамилия, имя и отчество, адреса мест жительства и мест пребывания, номера телефонов, электронная почта, реквизиты различных документов, в том числе удостоверяющих личность, и многие другие данные, позволяющие идентифицировать конкретного гражданина. Утечка такой информации создает твердый фундамент для совершения различных преступлений, начиная от преступлений против собственности, заканчивая преступлениями против общественной безопасности и безопасности государства.

Инициаторы подобных законодательных изменений, как правило, сходятся в одном: анализ правоприменительной практики показывает, что наказание, предусмотренное уголовным законодательством за преступления без учета признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», несопоставимо их общественно опасным последствиям.

¹ Проект Федерального закона № 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.07.2024) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 10.07.2025).

² Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411300012> (дата обращения 11.07.2025).

³ Проект Федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.12.2023) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 07.07.2025).

Впервые в уголовное законодательство термин «информационно-телекоммуникационные сети» был введен Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁴ в главу «Преступления в сфере компьютерной информации». Необходимость внесения изменений в главу 28 УК РФ была вызвана объективными существенными изменениями в сфере информационных технологий⁵.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ под информационно-телекоммуникационной сетью следует понимать технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. С учетом того, что в Уголовном кодексе РФ законодатель формулирует признак использования информационно-телекоммуникационных сетей в разных вариациях, Верховный Суд РФ разъяснил, что для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются и сеть «Интернет» является одним из их видов⁷.

Действующий Уголовный кодекс РФ содержит 60 составов преступлений, в качестве признака которых (квалифицирующего или обязательного) предусмотрено совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Следует отметить, что подходы законодателя к формулированию данного признака не отличаются единообразием, что зачастую порождает множество проблем в его применении при установлении признаков преступления и его квалификации.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий в качестве квалифицирующего признака состава преступления в УК РФ можно встретить в шести вариациях:

⁴ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения 12.07.2025).

⁵ Паспорт проекта Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования законодательства Российской Федерации) // Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 12.07.2025).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения 11.07.2025).

1) деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»): п. «о» ч. 2 ст. 105; п. «и» ч. 2 ст. 111; п. «и» ч. 2 ст. 112; п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117; п. «в» ч. 2 ст. 119; п. «и» ч. 2 ст. 126; п. «з» ч. 2 ст. 127; п. «е» ч. 2 ст. 127.2; ч. 2 ст. 128.1; п. «г» ч. 2 ст. 245; п. «б» ч. 2 ст. 258.1; п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ;

2) деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»): п. «д» ч. 2 ст. 110; п. «д» ч. 3 ст. 110.1; ч. 2 ст. 110.2; ч. 3 ст. 137; п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ;

3) деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»: п. «б» ч. 3 ст. 133; п. «б» ч. 3 ст. 242; п. «г» ч. 2 ст. 242.1; ч. 1.1 ст. 258.1; ч. 2 ст. 280; п. «в» ч. 2 ст. 354.1; ч. 4 ст. 354.1 УК РФ;

4) деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): п. б ч. 2 ст. 150; п. б ч. 2 ст. 151 УК РФ;

5) деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»: п. «в» ч. 3 ст. 222; п. «в» ч. 5 ст. 222; п. «в» ч. 3 ст. 222.1; п. «в» ч. 5 ст. 222.1; п. «в» ч. 3 ст. 222.2; п. «в» ч. 5 ст. 222.2; п. «д» ч. 2 ст. 230; ч. 1.1 ст. 238.1; п. «г» ч. 2 ст. 242.2; п. д. ч. 2 ст. 322.1 УК РФ;

6) деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»: ч. 2 ст. 205.2; п. «б» ч. 2 ст. 228.1; ч. 1.1 ст. 258.1; ч. 2 ст. 260.1; ч. 2 ст. 280.1; п. «в» ч. 2 ст. 280.4 УК РФ.

Как обязательный (альтернативный) признак основного состава преступления использование информационно-телекоммуникационных сетей предусмотрено в: ч. 1 ст. 185.3 (через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)); ч. 1 ст. 171.2; ч. 1 ст. 282; ч. 2 ст. 282 УК РФ (с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»); ст. 116 УК РФ (с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)); ч. 1 ст. 159.6 УК РФ (путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей; ч. 3 ст. 137; ст. ст. 207.1; 207.2; 207.3 УК РФ (публичное распространение заведомо ложной информации, незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации);

ч. 2 ст. 260.1 УК РФ (с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»); преступлениях в сфере компьютерной информации Глава 28 УК РФ.

В качестве признака, отягчающего назначение наказания, совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), предусмотрено п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Как правило, под преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, исследователями понимаются преступления, хотя бы часть объективной стороны которых выполняется путем передачи компьютерной информации по таким сетям с использованием протокола TCP/IP [9, с. 32].

По справедливому замечанию М. А. Ефремовой, выстроить пусть даже не совсем целостную систему преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, сегодня едва ли возможно. По мнению автора, употребление в законодательной конструкции при описании анализируемого признака слова «использование» позволяет сделать вывод о том, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», выступают средством совершения преступления [2, с. 16].

М. В. Старичков, в свою очередь, выделяет две группы составов преступлений, в которых: 1) информационно-телекоммуникационные сети являются одним из видов информационного (компьютерного) оборудования (глава 28 УК РФ и некоторые иные составы преступлений, например, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ), 2) использование информационно-телекоммуникационных сетей выступает как один из альтернативных способов совершения преступления либо как дополнительный (квалифицирующий) признак [6, с. 495].

Е. А. Рускевич предлагает классифицировать преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, также на две группы: 1) компьютерные преступления — общественно опасные посягательства на установленный порядок хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо эксплуатации информационно-коммуникационных сетей и окончного оборудования, и 2) компьютеризированные преступления — общественно опасные посягательства на традиционно охраняемые уголовным законом общественные отношения, опосредуемые информационно-коммуникационной инфраструктурой, либо для которых использование информационно-коммуникационных технологий является значимо распространенным (в отдельных случаях квалифицирующим) способом осуществления общественно опасного деяния [5, с. 11–12].

Поскольку использование информационно-телекоммуникационных сетей в процессе совершения преступления существенно видоизменяет его объективную сторону, то вопрос установления данного признака в конструкции признаков объективной стороны является основой для квалификации преступления, в частности, при неоконченном преступлении и соучастии. Представляется, что с учетом употребляемой законодательной техники, признак использования информационно-телекоммуникационных сетей необходимо рассматривать в трех уголовно-правовых значениях:

1) как способ совершения деяния (совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», например, п. «б» ч. 3 ст. 133; п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ);

2) как обстановка совершения преступления (деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), например, п. «о» ч. 2 ст. 105; п. «г» ч. 2 ст. 245; п. «б» ч. 2 ст. 258.1; п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ);

3) как место совершения преступления (совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), например, п. «д» ч. 2 ст. 110; ч. 3 ст. 137; п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ).

При этом стоит иметь в виду, что объективная сторона преступления, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, во всех случаях дополняется признаком средства совершения преступления, установление которого является обязательным. К средствам совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей Верховный Суд РФ относит¹: различные компьютерные устройства, технологически предназначенные для доступа к соответствующим сетям, программы, имеющие разнообразные функции (браузеры; программы, предназначенные для обмена сообщениями (мессенджеры); специальные приложения социальных сетей; онлайн-игры; другие программы и приложения).

Аналогичной позиции придерживаются и суды: «При квалификации действий лиц как совершенных с использованием данных сетей необходимо установить, какие именно компьютерные устройства и программы использовались и какие действия совершены с их помощью. Между тем, из приведенного судом в приговоре описания совершенного ... преступления

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения 11.07.2025).

не следует, какие именно устройства и программы использовались осужденным при отправке фотографии с местом нахождения тайника-закладки, организованного на лестничной площадке 7 этажа в подъезде № 1 по адресу: адрес. Учитывая изложенное, судебная коллегия полагает, что из объема осуждения фио... необходимо исключить квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая «Интернет», и переквалифицировать действия осужденного по эпизоду от 29 сентября 2023 года на ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере»².

Представляется, что перспективы законодательных реформ в сфере уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, должны быть определены исходя из особенностей анализируемого признака в конструкции объективной стороны состава преступления и связанных с ним проблем квалификации преступления.

Тенденция унификации законодательных формулировок в отношении признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» и рассмотрения его во всех случаях в качестве способа совершения преступления, на наш взгляд, представляется абсурдной. К примеру, каким образом использование информационно-телекоммуникационной сети становится способом убийства или причинения вреда здоровью человека? Способ совершения преступления служит для описания процесса совершения самого деяния, его приемов и методов, являясь по сути его составной частью. Прямая трансляция убийства не причиняет смерть человеку, а лишь создает обстановку публичности таких действий. В связи с этим действия лиц, которые обеспечивают обстановку публичности совершения убийства (настраивают камеры, занимаются подключением к сети, осуществляют видеосъемку и т. д.), но непосредственно не участвуют в процессе причинения смерти (не применяют насилие к потерпевшему)³, нельзя признавать соисполнительством

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2024 по делу № 10-20386/2024 (УИД 77RS0002-02-2024-013659-43) // СПС «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.07.2025).

³ П. 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения). Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица).

в убийстве. И напротив, если речь идет об использовании информационно-телекоммуникационных как о способе совершения преступления, например распространение лицами порнографических материалов путем предоставления неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов в сети «Интернет», то такие действия, безусловно, образуют соисполнительство в преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Смешение признаков объективной стороны преступления, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, влечет к отождествлению распространения информации как самостоятельного деяния с публичной демонстрацией деяния [9, с. 33; 10].

Приравнение признака обстановки к способу совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей неизбежно порождает и ряд других правоприменительных проблем, связанных с определением времени, места совершения преступления, момента его окончания.

Обоснованными вопросами задается Р. Д. Шарапов, рассматривая признак публичной демонстрации в информационно-телекоммуникационных сетях на примере преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ: «...может ли быть инкриминирован указанный квалифицирующий признак в случае, когда публичная демонстрация жестокого обращения с животным необязательно сопутствует по времени совершению деяния, например, при прямой трансляции акта преступления в сети «Интернет», но следует за его совершением (например, виновный с заранее возникшим умыслом производит видео- или фотосъемку жестокого обращения с животным и затем размещает видеозапись или фотоснимки в сети «Интернет» для всеобщего обозрения пользователей сети)» [8, с. 37]? Автор приходит к выводу, что таком случае преступление надлежит считать юридически оконченным не с момента гибели или увечья животного, а с момента публичного показа или размещения для публичного обозрения соответствующих видео- или фотоматериалов [8, с. 37].

На наш взгляд, положения пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 к признаку «публичной демонстрации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» не применимы, поскольку в нем речь идет о способе, а не об обстановке совершения преступления. Поэтому установление публичности демонстрации именно в процессе выполнения самого деяния, является обязательным признаком объективной стороны состава преступления.

Как указывается в пояснительной записке¹ к Проекту Федерального закона № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законопроект разработан в реализацию указания Пре-

¹ Проект Федерального закона № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 11.07.2025).

зидента Российской Федерации № Пр-1306 от 29 июня 2023 года и направлен на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов, в ходе которых пользователи организуют общедоступные трансляции в прямом эфире, совершая деяния с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего.

В официальном отзыве от 13.09.2023 № 4-ВС-4557/23 «На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» Верховный Суд РФ указал: «вместе с тем полагаем возможным обратить внимание на то, что в проектной части «т» статьи 63 и в указанных статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно использовать более точную формулировку, согласно которой соответствующим отягчающим наказанием обстоятельством (квалифицирующим признаком) признается совершение преступления, сопряженного с публичной демонстрацией процесса его осуществления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

Нельзя согласиться и с устоявшейся в судебной практике позицией², основанной на разъяснениях Верховного Суда РФ, согласно которой анализируемый квалифицирующий признак вменяется даже если использование соответствующих информационно-телекоммуникационных сетей имело место на стадии приготовления к преступлению.

По справедливому замечанию И. О. Ткачева, тем самым уравнивается уголовно-правовое значение способа совершения общественно опасного деяния, описанного диспозицией статьи Особенной части УК РФ, и способа приготовления к такому деянию. Автор отмечает, что высшая судебная инстанция приравнивала по степени общественной опасности совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей приготовление к преступлению, объективная сторона которого была выполнена без названного квалифицирующего признака, и совершенное ординарным способом приготовление к преступлению, когда умысел виновного был направлен на использование соответствующих сетей при выполнении объективной стороны [7, с. 74–75]. Такой подход влечет за собой неоправданное изменение категории преступления на более тяжкое.

² См., например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 № 77-635/2025 (УИД 50RS0029-01-2023-001799-78); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2024 № 77-2836/2024; Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.11.2024 по делу № 55-641/2024 (УИД 16OS0000-01-2023-000402-85), в которых анализируемый признак вменяется в случаях, когда соучастники в процессе приготовления к преступлению для обеспечения связи между собой использовали информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Заключение и вывод

В связи с рассмотренными обстоятельствами представляется, что распространение признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» как части объективной стороны состава преступления на стадию приготовления к преступлению и дальнейшую постпреступную деятельность (например, размещение видеоматериалов процесса причинения смерти потерпевшему после совершенного убийства) является необоснованным.

Полагаем, что тенденция включения в объективную сторону составов преступлений признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» законодателем будет продолжена. Однако кардинальные позиции ученых и правоприменителей в части криминализации самого факта использования сетей телекоммуникации в преступной деятельности [8, с. 104] в качестве самостоятельного состава преступления автор настоящего исследования не поддерживает.

Список источников

1. Веснина Е. П. Общественная опасность квалифицированных составов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 70–74.
2. Ефремова М. А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 13–20.
3. Неганов Д. А., Петрянин А. В. Современное состояние и потенциал уголовного законодательства в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 2 (52). С. 98–104.
4. Погодин К. С. Проблемы пенализации преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 127–134.
5. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2020. — 52 с.
6. Старичков М. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак преступления // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 5А. С. 493–498. DOI: 10.34670/AR.2023.16.71.066.
7. Ткачев И. О. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак состава преступления // Уголовное право. 2024. № 10. С. 72–83
8. Шаратов Р. Д. Квалификация преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3 (1073). С. 33–38
9. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях. Статья 1 // Законность. 2025. № 1. С. 30–34.
10. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях. Статья 2 // Законность. 2025. № 2. С. 33–36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Терских Анна Ильинична**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: tai001@usla.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7030-3355>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Anna I. Terskikh**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: tai001@usla.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7030-3355>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ЦЕЛИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

Игорь Олегович Ткачев

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия

tkachyov@mail.ru

 <http://orcid.org/0000-0003-4546-7010>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос относительно целей конфискации как иной меры уголовно-правового характера. Автор формулирует критерии, которым должны соответствовать цели того или иного уголовно-правового института, относящегося к мерам уголовно-правового характера. Такими критериями признаются репрезентативность, специфичность и постижимость. Под постижимостью понимается возможность проверки, был ли достигнут соответствующий результат уголовно-правового воздействия. Используя указанные критерии, автор приходит к убеждению, что конфискации как иной мере уголовно-правового характера свойственны иные цели, нежели наказанию. С учетом того, что достижение цели восстановления социальной справедливости по результатам реализации норм о конфискации не может быть достоверно установлено, единственной целью конфискации предлагается считать предупреждение совершения новых преступлений (общую и частную превенцию). При этом общая превенция обеспечивается, в том числе, посредством осознания членами общества возможности кары в виде изъятия и обращения в доход государства имущества, добытого преступным путем или использованного при совершении преступления.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; цели конфискации; восстановление социальной справедливости; предупреждение совершения новых преступлений

Для цитирования: Ткачев И. О. Цели конфискации имущества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 106–110. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-106-110

Research article

PURPOSES OF CONFISCATION OF PROPERTY

Igor O. Tkachev

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

tkachyov@mail.ru

 <http://orcid.org/0000-0003-4546-7010>

Abstract. The article discusses the issue of the purposes of confiscation as another measure of a criminal law nature. The author formulates criteria that should correspond to the objectives of a particular criminal law institution. Such criteria include representativeness, specificity, and comprehensibility. Comprehensibility refers to the possibility of verifying whether an appropriate result of criminal legal action has been achieved. Using these criteria, the author comes to the conclusion that confiscation, as a different measure of criminal law, has different goals than punishment. Given that the achievement of the goal of restoring social justice based on the results of the implementation of confiscation regulations cannot be reliably established, the sole purpose of confiscation is proposed to be the prevention of new crimes (general and private prevention). General prevention is provided, among other things, through awareness by members of society of the possibility of punishment in the form of withdrawal and conversion to income.

Keywords: other criminal law measures; confiscation of property; purposes of confiscation; restoration of social justice; prevention of new crimes

For citation: Tkachev IO. Purposes of Confiscation of Property. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):106–110. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-106-110

Введение

Уральская школа уголовного права традиционно уделяла повышенное внимание изучению вопросов эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступности. Данному направлению научных исследований посвящали свои труды М. И. Ковалев [7], И. Я. Козаченко [8], П. С. Тоболкин [13], Ю. Н. Емельянов [4] и другие авторы. При этом следует отметить, что в советский период в фокусе внимания находилась эффективность преимущественно уголовного наказания. Однако нормативное расширение перечня мер, применяемых в связи с совершением запрещенного уголовным законом деяния, и, как следствие, введение в уголовный закон категории «иные меры уголовно-правового характера», существенно расширило научные горизонты. В настоящее время требуется осмысление того, насколько эффективны как отдельные такие меры (например, конфискация), так и их система в целом как альтернативный наказанию институт уголовного права.

Материал и методы

При написании настоящей статьи использовано действующее уголовное законодательство Российской Федерации, а также специальная литература по заявленной теме. В основу исследования положены общенаучные (анализ, синтез, диалектический метод) и научно-исследовательские (прежде всего, метод формально-юридического анализа нормативных актов и различные приемы толкования правовых норм).

Результаты и обсуждение

Оценка эффективности наиболее тесным образом связана с учением о целях. В уголовном праве под целью понимается осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено соответствующее действие (или, применительно к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера, — воздействие). Как верно отмечается на страницах юридической литературы, нормативное закрепление целей того или иного института «позволяет определить представление законодателя о том конечном результате, который должен быть достигнут посредством реализации данного уголовно-правового института в правоприменительной практике» [14, с. 25]. Таким образом, эффективность может быть оценена только через призму того, насколько соответствующее действие (воздействие) приводит к желаемому результату, то есть достижению поставленной цели (если, конечно, такая цель сформулирована законодателем верно).

При этом, по нашему мнению, цель должна отвечать нескольким критериям.

1. Цель должна быть репрезентативной, то есть достоверно отражать сущность соответствующего уголовно-правового института (наказания, иных мер уголовно-правового характера и т. п.).

2. Цель (или совокупность целей) должна обладать свойством специфичности, то есть позволять определить место соответствующего института в системе мер уголовно-правового противодействия преступности, в том числе его специальное (отличное от иных мер) назначение.

3. Цель должна обладать свойством постижимости, то есть представлять собой такой результат, достижение (или, напротив, недостижение которого) может быть установлено каким-либо достоверным способом. Иначе говоря, должна иметься возможность произвести верификацию достижения поставленного результата в процессе правоприменительной деятельности. В противном случае (если результат не постижим и (или) не верифицируем) невозможно судить об эффективности соответствующего уголовно-правового института.

Последнее свойство имеет важное правоприменительное значение. Так, например, применительно к принудительным мерам медицинского характера отмечается, что если цели их применения не были достигнуты, то прекращение таких мер неправомерно [12, с. 24].

Для отечественного уголовного законодательства характерно наличие пробела, заключающегося в отсутствии нормативно определенных целей иных мер уголовно-правового характера. Так, действующая редакция УК РФ содержит указание только на цели применения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ) как отдельной разновидности иных мер уголовно-правового характера. При этом указанная норма была включена в уголовный закон еще до того, как раздел VI Общей части получил современное наименование и был дополнен новыми главами.

Отмеченный выше пробел порождает научную дискуссию относительно соотношения целей наказания и целей иных мер уголовно-правового характера в целом, а также их отдельных видов. Можно констатировать, что на сегодняшний день в науке уголовного права по данному вопросу сложились два подхода. Представители первого из них считают, что и цели иных мер уголовно-правового характера, и цели наказания производны от задач уголовного законодательства, обозначенных в ст. 2 УК РФ, в связи с чем друг от друга не отличаются [11, с. 81]. Например, принудительным мерам воспитательного воздействия, по мнению С. А. Бурлаки, присущи те же цели, что и наказанию, хотя восстановление социальной справедливости при реализации указанных мер обеспечивается лишь частично [2, с. 25]. Аналогичной позиции применительно к конфискации придерживается Р. Х. Кубов [9, с. 13].

Другие авторы, напротив, полагают, что цели как отдельных иных мер уголовно-правового характера (конфискации, судебного штрафа и т. п.), так и всего указанного института отличаются от целей, сформулированных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Изменение представлений об уголовно-правовой природе конфискации, вызванное исключением данной меры из системы наказаний и последующим восстановлением в отдельной

главе Общей части УК РФ, закономерно влечет трансформацию представлений о целях ее применения.

Так, Т. М. Калинина и В. В. Палий полагают, что конфискация преследует следующие цели: 1) предупреждение совершения новых преступлений; 2) восстановление нарушенных прав законного владельца; 3) исключение возможности использования перечисленных в ст. 104.1 УК РФ предметов при совершении преступлений [6, с. 77]. При этом, по нашему мнению, между первой и третьей из обозначенных выше целей нет принципиального различия. Невозможность использования тех или иных предметов при совершении новых противоправных деяний направлено именно на их предупреждение, так как это затрудняет или делает невозможным противоправную деятельность конкретного лица, подвергнутого данной мере уголовно-правового характера. В связи с этим можно предположить, что, говоря о предупреждении совершения новых преступлений, указанные авторы имеют в виду общую превенцию, а под исключением возможности использования предметов при совершении преступления — превенцию частную.

С точки зрения Р. А. Хачака, конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера присущи две цели — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений [14, с. 27]. При этом указанный автор ограничивает превентивный потенциал рассматриваемой меры. По его мнению, конфискации не свойственна общая превенция, т. к. изъятие имущества у одного лица не может вызывать боязни данной меры у всех остальных членов общества [14, с. 27].

Н. Э. Мартыненко и Э. В. Мартыненко подходят к решению вопроса о целях конфискации дифференцированно. По их мнению, к конфискации как иной мере уголовно-правового характера следует относить только изъятие и обращение в доход государства предметов, перечисленных в п. «а» и «б». ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Такая конфискация направлена на полное и качественное восстановление всех нарушенных общественных отношений, а также предупреждение (профилактику) совершения новых преступных деяний [10, с. 78, 83]. Вместе с тем, с позиции указанных исследователей, виды конфискации, предусмотренные п. «в» и «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не могут быть в полной мере отнесены к иным мерам уголовно-правового характера. При этом конфискация предметов, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, направлена на достижение тех же целей, что и наказание, а специальная конфискация, установленная п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, преследует исключительно цель предупреждения совершения новых преступлений [10, с. 85–86].

В контексте исследуемой темы следует обратить внимание, что в уголовно-правовой доктрине применительно к наказанию сформировалось несколько подходов относительно содержания такой цели как восстановление социальной справедливости.

Так, представители *компенсаторной теории* понимают под восстановлением социальной справед-

ливости восстановление нарушенного состояния охраняемого общественного отношения, в котором оно находилось до совершения виновным лицом преступления. Соответственно, говоря о восстановлении посредством конфискации нарушенных общественных отношений, в том числе восстановлении прав законного владельца, отмеченные выше исследователи, по сути, имеют в виду именно цель восстановления социальной справедливости.

В частности, Р. А. Хачак отмечает, что «восстановление общественного отношения, нарушенного преступлением, должно обеспечиваться прежде всего путем изъятия имущества, полученного преступным путем, и либо его возвращением законному владельцу, либо конфискацией, заглаживанием виновным материального или морального вреда» [14, с. 26]. Из этого указанный исследователь делает вывод, что отобрание у виновного перечисленного в ст. 104.1 УК РФ имущества следует рассматривать именно как восстановление нарушенного права.

Вместе с тем, не отрицая саму по себе возможность восстановления социальной справедливости посредством применения иных мер уголовно-правового характера, отметим, что действующая редакция главы 15.1 УК РФ не позволяет согласиться с изложенным выше тезисом. Как следует из положений ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства определенного имущества, так или иначе связанного с совершенным преступлением. Задачи возвращения имущества законному владельцу либо обеспечения возмещения материального или заглаживания морального вреда посредством такой конфискации не решаются. Для их решения уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены отдельные механизмы (например, наложение ареста на имущество, установленный порядок хранения и разрешения вопроса о вещественных доказательствах и т. п.). Более того, в ч. 1 ст. 104.3 УК РФ законодатель специально отметил, что при разрешении вопроса о конфискации в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением законному владельцу. В связи с этим при недостаточности у виновного имущества, которое может быть конфисковано в соответствии с положениями УК РФ, из стоимости такого имущества прежде всего возмещается причиненный преступлением вред, и лишь оставшаяся часть имущества обращается в доход государства, т. е. конфискуется. Очевидно, что возмещение причиненного законному владельцу вреда за счет стоимости имущества, подлежащего конфискации, самой конфискацией не является ни по смыслу нормативных предписаний, ни с учетом их грамматического толкования.

В контексте анализируемой цели конфискации заслуживает внимания позиция А. Беляева, отмечающего, что изъятие имущества и доходов от него из незаконного владения виновного лица фактически означает приведение этого лица в прежнее имущественное

положение, которое у него было до совершения преступления, что, по мнению указанного исследователя, представляет собой «обратное восстановление» [1, с. 17]. Вместе с тем, нельзя не отметить некоторую ограниченность обозначенного выше подхода к оценке восстановительной функции конфискации. Из действующей редакции ст. 104.1 УК РФ следует, что изъятию и обращению в доход государства подлежит не только то имущество, которое было получено противоправным путем, но и имущество, которое на момент совершения преступления находилось у виновного на законном основании (п. «в» — «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). В таком случае применение норм о конфискации обусловлено исключительно тем фактом, что имущество используется при совершении преступления. При этом с точки зрения гражданского законодательства факт использования имущества при совершении преступления не делает владение таким имуществом незаконным. Получается, что конфискация не всегда сопряжена с изъятием имущества именно из незаконного владения виновного лица. Неслучайно, наверное, о незаконности владения конфискованным имуществом в уголовном законе не сказано ничего. При изъятии и обращении в доход государства того имущества, которое на законных (с точки зрения гражданского законодательства) основаниях находится у лица, конфискация ни в какое прежнее имущественное положение виновного не приводит и «обратным восстановлением» считаться не может.

В рамках *теории сатисфакции* под восстановлением социальной справедливости понимается появление у потерпевшего и иных лиц (в том числе у общества в целом) чувства удовлетворения от назначенного виновному наказания или от применения к нему иных мер уголовно-правового характера. В таком случае наказание и иные меры уголовно-правового характера рассматриваются в качестве реакции государства на совершенное преступление, которая пришла на замену социальному институту кровной мести. Данное восприятие тесно связано с элементом кары. Чувство отмщения появляется именно в связи с осознанием того, что имело место порицание преступника от имени государства, то есть в той или иной форме имело место применение кары за противоправное деяние. Однако, согласно одному из подходов, иным мерам уголовно-правового характера карательная функция не свойственна, что и позволяет говорить о них, как об отдельном уголовно-правовом институте, отличном от института наказания [5, с. 25–26; 10, с. 15]. Аргументируя позицию о том, что конфискация лишена карательного характера, Г. М. Калинина и В. В. Палий обращают внимание, что изъятию в доход государства подлежит не все имущество виновного, а только та его часть, которая была незаконно приобретена или незаконно использована [6, с. 76].

Вместе с тем, по нашему мнению, конфискация имущества, добытого преступным путем (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), может восприниматься членами общества как справедливое воздаяние за совершение общественно опасного деяния, то есть выступать в качестве кары за содеянное. Тот факт, что изъятие носит частичный характер, представления о воздаянии не отменяет. В связи с этим заслуживает внимания позиция Т. Ф. Миняевой, согласно которой кара так или иначе присуща любой принудительной мере воздействия на преступника [11, с. 86–87].

Тем не менее, с учетом третьего обозначенного нами свойства целей мер уголовно-правового характера, определение в качестве цели конфискации восстановления социальной справедливости, базирующегося на теории сатисфакции, затруднительно, поскольку невозможно каким-либо образом «измерить», насколько в обществе было удовлетворено чувство мести за содеянное. Однако при этом, по замечанию В. К. Дуюнова, кара выступает в качестве средства предупредительного воздействия как на самого преступника, так и на других неустойчивых лиц [3, с. 10–11]. Соответственно, возможность изъятия имущества, добытого преступным путем или использованного в процессе совершения противоправных действий, выступая в обыденном сознании в качестве элемента кары за содеянное, способна выполнять предупредительную функцию, о результатах которой можно судить как применительно к частной превенции (уровень криминологического рецидива), так и применительно к общей (уровень преступности в целом или ее отдельных видов).

Заключение и выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что с учетом правовой природы конфискации как иной меры уголовно-правового характера ей не могут быть свойственны те же цели, что и уголовному наказанию (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Конфискация в современном ее качестве может быть направлена на восстановление социальной справедливости, однако законодательному признанию и закреплению данной цели препятствует ее неопределенность с точки зрения конкретных результатов уголовно-правового воздействия.

В связи с этим единственной целью конфискации как иной меры уголовно-правового характера выступает предупреждение совершения новых преступлений (общая и частная превенция), заключающаяся в том числе в осознании членами общества, включая потенциального правонарушителя, возможности кары в виде изъятия и обращения в доход государства имущества, добытого преступным путем или использованного при совершении преступления.

Список источников

1. Беляев А. Новое уголовно-правовое регулирование конфискации имущества // Уголовное право. 2007. № 2. С. 17–21.
2. Бурлака С. А. Цели принудительных мер воспитательного воздействия // Российский следователь. 2013. № 5. С. 25–28.
3. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 49 с.
4. Емельянов Ю. Н. Некоторые аспекты эффективности уголовного наказания // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск, 1974. Вып. 29. С. 72–79.
5. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин. СПб., 2015. 80 с.
6. Калинина Т. М., Палий В. В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2011. 152 с.
7. Ковалев М. Эффективность уголовно-правовых санкций // Социалистическая законность. 1972. № 9. С. 53–56.
8. Козаченко И. Я. О системе и системном подходе в исследовании эффективности уголовно-правовых норм (В порядке постановки вопроса) // Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1979. С. 13–24.
9. Кубов Р. Х. Виды конфискации имущества в российском законодательстве // Российский следователь. 2007. № 24. С. 13–16.
10. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Иные меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. 152 с.
11. Миняева Т. Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 81–87.
12. Спасеников Б. А., Смирнов А. М., Тихомиров А. Н. Цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 3. С. 24–28.
13. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / науч. ред. М. И. Ковалев. Свердловск, 1983. 176 с.
14. Хачак Р. А. Цели конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2009. № 5. С. 25–27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Ткачев Игорь Олегович**

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: tkachyov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4546-7010

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Igor O. Tkachev**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: tkachyov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4546-7010

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 19.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

О ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ НАКАЗАНИЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СУБЪЕКТИВНО ОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ КОНСТРУКТ ЕГО ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Владимир Михайлович Хомич

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь
ul.khomich@tut.by*

Аннотация. В статье предпринимается попытка социально-криминологического осмысления бытия уголовного наказания и его применения в отношении преступников для обеспечения безопасного существования человека и общественных систем его жизнедеятельности в современных политико-организованных обществах. Показано, что реальная уголовно-правовая политика все более опирается на возмездно-карающее содержание в применении наказания в целях обеспечения установленного государством общественного порядка. Обусловлено это дуалистической сущностью наказания, вследствие чего даже на уровне уголовного закона допускается возможность использования наказания в качестве репрессивного акта нейтрализации не столько преступления, сколько классово-враждебных установленному правопорядку преступников. Обосновывается необходимость разработки общечеловеческой *правовой платформы обоснования и применения наказания как ресоциализационного средства искупления вины, на которой должна последовательно выстраиваться уголовно-правовая политика применения наказания.*

Ключевые слова: социальный дуализм в природе наказания, уголовно-пенальная политика, наказание, преступление, злоупотребление правом наказания

Для цитирования: Хомич В. М. О дуалистической природе наказания: закономерность или субъективно определяемый социальный конструкт его целевого назначения и применения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 111–116. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-111-116

Research article

ON THE DUALISTIC NATURE OF PUNISHMENT: REGULARITY OR SUBJECTIVELY DETERMINED STRUCTURE OF ITS TARGET PURPOSE AND APPLICATION

Vladimir M. Khomich

*Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus
ul.khomich@tut.by*

Abstract. The article attempts to provide a socio-criminological understanding of the existence of criminal punishment and its application to criminals to ensure the safe existence of a person and social systems of his/her life in modern politically organized societies. It is shown that the real criminal law policy is increasingly based on the retributive-punitive content in the application of punishment in order to ensure the public order established by the state. This is due to the dualistic nature of punishment, as a result of which even at the level of criminal law, the possibility of using punishment as a repressive act of neutralization of not so much a crime as class-hostile to the established legal order criminals is allowed. The necessity of developing a universal legal platform for justifying and applying punishment as a resocialization means of atoning for guilt, on which a criminal law policy for applying punishment should be consistently built, is substantiated.

Keywords: social dualism in the nature of punishment, criminal-penal policy, punishment, crime, abuse of the right to punish

For citation: Khomich VM. On the Dualistic Nature of Punishment: Regularity or Subjectively Determined Construction of its Target Purpose and Application. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):111-116. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-111-116

Введение

Криминологическая и уголовно-правовая наука пока без особого успеха пребывает в поиске как действительного преступления, так и справедливого и разумного наказания для человека за совершенное преступление для обеспечения его же безопасного существования в политико-организованном обществе. Реальная уголовно-правовая политика все более опирается на возмездно-карающее содержание в применении наказания в целях обеспечения установленного государством общественного порядка. Отчасти это обусловлено угрожающей до возникновения военных конфликтов нынешней ситуацией в межгосударственных отношениях, но все-таки не настолько, чтобы перестраивать уголовно-пенальную политику и систему уголовной юстиции для нужд чрезвычайного обеспечения государственной безопасности. В конечном итоге, это и обнажило изначально дуалистическую природу наказания: с одной стороны, как устрашающе-возмездное карательное средство обеспечения должного для государства общественного порядка и поведения членов общества, а, с другой стороны, как карательно-исправительное средство воздействия на правонарушителя в целях его возможной ресоциализации. Законодательная и судебная политика в области обоснования применения наказания на протяжении всей человеческой истории наглядно демонстрировала эволюцию взаимодействия указанных контентов наказания, равно как поглощение одним другого как в политике применения наказания, так и в истории уголовно-правовой науки о наказании. Вследствие таких исторических колебаний на уровне уголовного закона постепенно формировалась идея возможности использования наказания в качестве репрессивного акта нейтрализации не столько преступления, сколько «определенно идейных преступников». Соразмерность наказания совершенному преступлению в этих случаях игнорировалась, а само наказание сводилось к изоляции правонарушителей от общества на относительно длительный срок. В целом такие колебания в применении наказания негативно отражались на право интегрирующей судебной практики индивидуализации наказания и сдерживали применение альтернативных наказанию мер уголовной ответственности. Снижалась и эффективность применения наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденного от общества, в предупреждении преступности. До настоящего времени не создана система постпенальной социальной адаптации осужденных, которая будет содействовать возвращению правонарушителей в лоно свободного правомерного выбора и поведения с позиции сбалансированного обеспечения как общей (государственной) безопасности, так и с позиции обеспечения безопасности человека и общества. Посему необходим поиск реальной *правовой платформы обоснования применения наказания как ресоциализационного средства искупления вины*, на которой должна **последовательно** выстраиваться уголовно-правовая политика применения наказания.

Материал и методы

В ряду проблем, имеющих сегодня более чем решающее значение для исправительно-наказательной системы в любом обществе, является вопрос: как подготовить преступника, причинившего зло обществу и государству и находящегося в состоянии наказанности, к его возвращению в общество, и способно ли общество в лице государства в созидательном и позитивном контексте добиваться этого. Над этим ломали и продолжают ломать головы мыслители во все времена. Для обеспечения достоверности обозначенных проблемных положений в учении о наказании следует исходить из ведущей роли в этом человеческого фактора (человека) в формировании состояния и идеологии покаяния посредством применения наказания за греховные дела свои и других. Учение о наказании и его рациональное ресоциализирующее применение должно выстраиваться на антропологической концепции права, основываться на познании человека как основного субъекта и творца общественных и правовых ценностей и систем прошлого и нового времени [9, с. 48–83], в том числе как осознаваемо виновного и ответственного за учинение недолжного и поэтому заслуживающего наказания для себя.

Описание исследования

Наказание не должно восприниматься наказанным человеком как нечто внешнее по отношению к нему, оно должно восприниматься как собственное наказание за собственное преступление — то есть преступление, которое признается таковым самим наказанным, а не только уголовным законом. В основу такого диалектического подхода к определению состояния наказанности человеческого общественного бытия положен так называемый конструктивистский метод познания социальной и публично-правовой сущности наказания, исходя из его изначально дуалистической по происхождению и последующему использованию в обществе для обеспечения безопасного поведения человека. «Прежде чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему и для чего существует наказание, оно уже давно существовало и действовало» [4, с. 764], появляющееся из биологического рефлекса, служащего глубоко личностной основой инстинкта самосохранения и осознаваемого ответа (реакции) на раздражение, последовавшее извне [7, с. 13]. В настоящее время вследствие естественной дуалистической природы наказания, оно, вследствие так называемой новой криминализации, породившей деструктивную уголовно-правовую неопределенность в отношении социальных ценностей, защищаемых преступлением и наказанием, все более перестает быть соразмерным воздаянием за нравственную вину человека, породившего соответствующее преступление. Фаза на нравственно-правовое искупление вины посредством наказания за причиненное обществу злодеяние (действительное преступление) уступила место новому совокупному состоянию и целеполаганию в наказании — переходу его из превентивно-караю-

щего в репрессивно-карающее состояние. Не думаю, что такие изменения пенально-правовой и судебно-пенитенциарной политики отвечают современной преступности, ее социально-биологической природе по происхождению и воспроизводству, хотя бы потому, что право наказания ныне безраздельно и исключительно принадлежит государству. В силу этого и в социальных практиках использования наказания в целях противодействия преступности, и в уголовно-правовой науке мы достигли такой социальной разбалансированности в понимании преступления и наказания, в их легитимации, что вот так просто преодолеть в условиях эскалации чрезвычайных ситуаций усиливающиеся репрессивные начала в понимании наказания и их употребление в отношении лиц, совершающих преступления, невозможно.

Такое обращение с уголовным законом, отмечают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, есть особый симптом бессилия власти, имеющий свои причины, проявления и последствия, в том числе в контексте эскалации репрессивных начал в применении наказания. «Проявлением бессильного обращения с уголовным законом ... признаются масштабная криминализация неопасных и малоопасных деяний, практика конструирования многочисленных специальных норм, неспособность власти оценить реальную опасность криминализованных деяний в санкциях, возврат к прошлым и устаревшим правовым конструкциям, подмена целей наказания», провозглашенных в уголовном законе. В ряду последствий обращения к уголовному закону от бессилия решить социальные проблемы иными средствами названы сокращение границ свободы в обществе, возникновение страха перед уголовным законом, рост объемов формально преступного поведения [3, с. 419]. «Уголовный закон и его острое — наказание (репрессия) «на своей сцене» выступают не только как концентрат силы, легитимирующей государственную власть, как наглядная иллюстрация ее возможностей, но и одновременно как инструмент насилия, которое используется властью для поддержания установленного порядка и утверждения необходимых политическим элитам перспектив» [3, с. 420].

Наказание было и «остаётся, по справедливому утверждению И. М. Рагимова, столбовым существом со многими ликами и немногими постоянными именами». Поэтому разрешение сегодня важнейших кризисных проблем бытия наказания (существо и целях наказания для предотвращения подобных негативных для общества явлений) возможно при одновременном изучении причин преступного поведения человека [7, с. 15]. При этом в формировании объективно и субъективно справедливого и ресоциализационного по содержанию и назначению института наказания первостепенное значение имело и имеет положение человека в государстве вообще и в системе социального контроля за системой интеграции права в уголовное право посредством установления наказания за совершение действительных преступлений (деяний,

представляющих серьезную опасность для человека, и сформированного при деятельном участии граждан общественного и публичного правопорядка). Не иначе как такое «действительное преступление, по известному выражению К. Маркса, предполагает определенную меру наказания» [6, с. 124].

Только в процессе такого методологического прочтения и понимания преступления и наказания возможно постижение новых граней современной и пока, смею утверждать, критической онтологии современного уголовного права в его трактовке и преступления, и наказания. Хотя преступность есть продукт общества, выражающий то или иное его идеологическое отношение к социальным девиациям со стороны членов общества, тем не менее, «объяснение преступления исключительно в качестве социального конструкта, как справедливо замечает Х. Д. Аликперов, давно развеяно в криминологии и не воспринимается как «*satis constat*», так как, во-первых, по сей день в теории криминологии нет вразумительных ответов на вопрос о происхождении преступления (преступности)», ... во-вторых, наряду с преступлениями, порождёнными обществом (законодателем), существуют и естественные преступления (к примеру, убийство из корыстных побуждений, кража с целью обогащения, изнасилование и т. д.), которые известны с момента сотворения человека ...» [2, с. 40]. Преступление как индивидуальный общественно опасный поведенческий акт человека оформилось гораздо раньше, чем это было зафиксировано в позитивном праве, порождённом человеком в рамках созданного им государства. Наряду с так называемыми естественными и абсолютными по законодательной оценке преступлениями, существуют преступления, и их большинство в системе современного уголовного закона, сконструированные публичным правом. Это преступления в сфере экономической деятельности, должностные преступления, преступления против интересов службы и т. п. Они сконструированы по воле государства для защиты человека, общества и самого государства. И здесь все зависит, в том числе и пределы преступного деяния, и характер наказуемости (ресоциализационная или репрессивная направленность применения наказания) от гармонии частных интересов большинства членов общества с интересами властвующей и управляющей публично и экономически элиты государства по всем направлениям социального управления обществом. К сожалению, не все здесь в порядке... Отсюда непонятные и необъяснимые зачастую с правовых позиций реформации, которые происходят по всему спектру криминализации /декриминализации и пенализации/депенализации в области совершенствования уголовного закона. Уже более чем очевидно, что необходимо изменение оценочной парадигмы обоснования и признания соответствующих деяний правомерными или правонарушающими (преступными и не преступными) и, прежде всего, в контексте объективного обоснования применения мер наказания по системе ресоциализационного предупреждения

совершения повторных преступлений. Сегодня, к сожалению, вводимые государством нормативы криминализации и пенализации выходят за пределы разумного их понимания как уголовно-правовых. Все чаще даже на обыденном уровне возникает сомнение не только в обоснованности применения наказания за отдельные преступления, но и вообще в наказуемости некоторых из них. Мы все более ощущаем **отсутствие единства** в мировоззренческих и методологических представлениях и подходах относительно оценки содержания защищаемых уголовным правом посредством преступления и наказания базовых ценностей, которые еще в недалеком прошлом фундаментально и более или менее однозначно определяли социальное и правовое предназначение и употребление уголовного права в сфере обеспечения безопасности общества и государства [14, с. 41–47]. Теперь мы наблюдаем множество преподносимых нам, в том числе извне, ценностных установок уголовно-правового свойства, непонятных по идеологическому содержанию и смыслу, между которыми разворачивается разрушающая правовые начала уголовного права конкуренция, в том числе и в правоприменительных структурах уголовной юстиции.

Всем хорошо и давно известно, что наказание — насильственно-карающая мера воздействия на человека и по своей сути оно всегда кара и ничем иным быть не может. Конечно, это не лучшее в социально-исправительном отношении средство (в воспитательном и педагогическом отношении) предупреждения преступника от повторения преступления, тем более его исправления, но необходимое, и последнее не подвергается сомнению. Задача уголовно-правовой науки и состоит в том, чтобы, учитывая все современные знания о человеке, выработать и принять своеобразную дифференцирующую и ориентирующую на современную типологию преступлений и преступников концепцию применения наказания на принципах ресоциализационной кары (своеобразный кодекс императивных принципов применения наказания). Этот вопрос нам представляется ключевым, поскольку все, что сегодня прописано в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах относительно обоснования назначения наказания и целей его применения, общих начал его назначения (индивидуализации), на практике реализуется избирательно и пока воспринимается как декларация о намерениях или пожеланиях. В свое время К. Маркс хорошо сказал, что наказание только тогда становится действительным, когда осознается наказанным как его собственное наказание, а не наказание, придуманное для него государством. Это очень важно, поскольку человек и только человек является *социализированной рожицей* как собственного преступления и наказания, так и объектом защиты от собственного преступления и наказания. И не учитывать этот философский смысл и общечеловеческий контекст в определении того, что должно быть преступным (преступлением) и каким должно быть наказание, уже невозможно и небезопасно. Человечество вступает (уже вступило) в иной мир

цивилизационной оценки и человеческого измерения происходящего с нами и вокруг нас. В дискурсе обозначенных проблем следует обратить внимание на диссертационное исследование Н. А. Крайновой, которой удалось обозначить комплекс проблем, связанных с разработкой и обоснованием концептуальных основ противодействия преступности на основе закономерностей теории противопреступной социализации (ресоциализации) преступников в условиях современного информационного общества [5].

Кстати, эта проблематика касается давно выработанных наукой и практикой положений, имеющих существенное значение в деле эффективного предупреждения старой и новой (современной) преступности. Уместно в связи с этим напомнить о некоторых положениях так называемой правовой платформы «новой социальной защиты», автором которой является Марк Ансель. «Нам действительно казалось возможным и вместе с тем необходимым разработать, пишет он, систему, которая, продолжая сохранять динамизм движения социальной защиты, не делая из него разрушения, — систему, которая в свете достижений современной науки и развития позитивного уголовного законодательства стремится включиться в существующее уголовное право, чтобы преобразовать его, но никак не отказаться от него и даже сохранить его основную ценность — выражение идеи правового государства. Вот что означает наша формула «новая социальная защита» [1, с. 11]. Концепция новой социальной защиты признает важную роль уголовного права и собственно наказания в системе мер воздействия на преступность и отстаивает необходимость сохранения важнейших институтов уголовного права и принципов, заложенных классической школой уголовного права (законность, субъективное вменение, гуманизация наказания). Особенно важно то, что основу данной теории составляет идея ресоциализации лица, совершившего преступление. Система мер уголовно-правового воздействия должна служить не возмездью, не наказанию преступника, а **защите общества**. В качестве средства защиты выступает нейтрализация агрессивного-насильственного преступника посредством их изоляции от общества или применение наказаний исправительно-предупредительного характера. Во всех случаях акцент, все-таки, должен делаться на ресоциализацию преступника. Такой подход выдвигает на первый план **частное предупреждение** преступности и гуманизацию системы видов наказания и их применения. В центре внимания применения наказания должна находиться личность преступника, которая нуждается в социализации, а система индивидуализации наказаний должна основываться на тщательном изучении личности преступника при назначении наказания и в процессе его исполнения. Отсюда допущение широкого судебного усмотрения при определении наказания, отведение значительной роли экспертам по вопросам применения к осужденному тех или иных наказаний и альтернативных лишению свободы мер

уголовной ответственности по системе испытания (пробации). В какой-то мере эта попытка реализации прогрессивных положений новой социальной защиты была осуществлена в национальном уголовном законе (УК Беларуси) [10; 11]. Так, базовые уголовно-правовые законоположения УК Беларуси ориентируют общество на отказ от назначения уголовного закона (уголовного права) как равнозначного с другими отраслями права средства правового разрешения социальных коллизий и конфликтов, на признание охранительной функции уголовного закона в качестве исключительного средства защиты безопасности человека, его прав и свобод, экономических и социальных отношений, национальной государственности на принципах верховенства (приоритета) прав человека и гражданина. Принципиально по-новому УК Беларуси разрешает проблему основания уголовной ответственности, отказываясь от традиционного понимания «состава преступления». В качестве основания уголовной ответственности определяются объективные и субъективные свойства уголовной противоправности деяния, как общественно опасного и поэтому запрещенного уголовным законом. Основание уголовной ответственности в онтологическом и правовом отношении сориентировано на состав признаков общественно опасного деяния (не преступления), идентифицирующих его объективную и субъективную преступность и наказуемость. При этом УК исходит из презумпции, что уголовно-противоправными объявляются в законе только общественно опасные деяния, если не установлено иное. И возможность такового (иного) установления (оспаривания) предусмотрена в системе уголовного преследования и правосудия (в уголовном и уголовно-процессуальном законах). В этих целях УК (ч. 4 ст. 11) определяет понятие малозначительного деяния исключительно с материально правовых позиций как деяния, не являющегося по характеру опасности и (или) опасности причиняемых последствий преступным деянием. Впервые на постсоветском пространстве в УК устанавливается в нормативном виде правовая конструкция уголовной ответственности и система мер (включая наказание), составляющих и адекватно выражающих объективную реальность данной ответственности, в том числе развернутая система мер уголовной ответственности, альтернативных реальному наказанию и, прежде всего, лишению свободы (ч. 1 ст. 46 УК Беларуси). Такой подход основывался на международно-правовых актах, в частности на «Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением» (Токийские правила). Согласно этим Правилам, государствам-членам в рамках их национальных правовых систем было рекомендовано разрабатывать меры, не связанные с изоляцией преступников от общества, чтобы максимально снизить долю тюремного заключения (лишения свободы). Статья 2.7 Токийских правил гласит, что применение не связанных с тюремным заключением мер должно идти по пути (обращаем на это внимание) депенализации и декриминализации.

Рекомендовано учитывать, что выбор не связанной с тюремным заключением мер должен основываться на оценке установленных критериев в отношении как характера и степени тяжести правонарушения, так и личности правонарушителя, целей приговора и прав жертв преступления.

К сожалению, на протяжении вот уже более 25 лет УК Беларуси испытывает разочарование и функциональную нерешительность в применении заложенных в нем указанных правовых стандартов применения наказания и альтернативных ему мер уголовной ответственности, разумеется с учетом изменяющейся современной типологии преступников и преступности [12, с. 265–293]. Проблема состояла и состоит в том, что правоприменительная практика, да и практика последующего законодательства в реализации обозначенных новелл оказалась неготовой к их правосудному употреблению и по-прежнему руководствовалась директивными установками, которые сводились к системно повторяющимся призывам к усилению борьбы с теми или иными видами преступлений, что превращало наказание в орудие устрашения и, как следствие, в систему насильственного принуждения к безвольному соблюдению установленного правопорядка без должного и необходимого контроля и легитимации указанных процессов и самого правопорядка. При таком бесконтрольном со стороны общества формировании уголовной и судебно-уголовной политики применения наказания оно неизбежно утрачивает не только свое социально-целевое предназначение, провозглашенное в уголовном законе, но и содержательную функциональность как объективной и справедливой меры наказания за совершенное преступление.

Разработанная по инициативе Президента и утвержденная Указом Президента от 23 декабря 2010 г. № 672 Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [8], к сожалению, не смогла преодолеть карательного-устрашающего и репрессивный уклон в применении наказания в законодательстве и в процессе осуществления правосудия по уголовным делам, как и последующие многочисленные системные и бессистемные дополнения и изменения уголовного закона.

Заключение и вывод

Выход из сложившейся ситуации мы видим в обновлении и актуализации на законодательном и правоприменительном уровне социального содержания уголовного права, которое должно происходить на стандартах новой социальной рациональности в строго научном и общесоциальном контексте. Инструментально-правовое обновление содержания уголовного права на стандартах новой рациональности предполагает, во-первых, постоянное и социально контролируемое поддержание состояния исключительности применения функций преступления и наказания и, во-вторых, создание на публичном уровне криминологических программ контроля уголовной юстиции и определения

антропологической мерности права в уголовном праве (в преступлении и наказании). Инструментализация уголовного права как процесс социального его совершенствования означает обеспечение средствами системного, в том числе институционального отраслевого и межотраслевого правового регулирования миротворческих изменений в предмете содержания и функциях

современного уголовного закона в его исходном естественном (очеловеченном) понимании и с учетом его социально конструктивного целеполагания, ориентированного на гуманитарно-примиренческую ресоциализацию общественно опасных конфликтов и его участников [13, с. 195–196].

Список источников

1. Ансель Марк. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / Марк Ансель. М.: Прогресс, 1970. 312 с.
2. Аликперов Х. Д. Современная криминология в трактовке профессора Кунца // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 39–41.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 419–430.
4. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства: Часть общая. Киев: Ф. А. Иогансон, 1891. 887 с.
5. Крайнова Н. А. Концептуальные основы противодействия преступности в контексте ресоциализации: уголовно-правовые и пенитенциарно-криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2024. 42 с.
6. Маркс К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т. 11.
7. Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. Санкт-Петербург, ООО «Издательский дом Р. Асланова». «Юридический центр», 2013. 288 с
8. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 1. 1/12207.
9. Павлов В. И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение: монография. Минск: Академия МВД, 2025. 622 с.
10. Уголовное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под общ. ред. В. В. Марчука, В. М. Хомича. Минск: Амалфея, 2019. 444 с.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с.
12. Хомич В. М. Применение наказаний, альтернативных лишению свободы (отчет национального эксперта) // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь / Программа развития ООН в Республике Беларусь. Минск: «Рейплац», 2009. С. 265–293.
13. Хомич В. М. Об усмирении или умиротворении насилия в уголовном праве // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: И. И. Лапцевич (отв. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2022. С. 189–208.
14. Хомич В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (40). С. 41–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомич Владимир Михайлович

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета,
Заслуженный юрист Республики Беларусь,
Республика Беларусь, 220070, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26.
E-mail: ul.khomich@tut.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viadimir M. Khomich

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Belarusian State Economic University,
Honored Lawyer of the Republic of Belarus,
Partizansky Ave., 26, Minsk 220070, Republic of Belarus.
E-mail: ul.khomich@tut.by

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2025.

**МЕСТО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ
В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА**

Алексей Петрович Детков¹, Артур Анатольевич Дорожинский²

¹ Юридический институт ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул, Российская Федерация
detkov-altai@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6887-7958>

² Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю,
г. Барнаул, Российская Федерация
dorozhinskii-1995@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0009-0309-5731>

Аннотация. Отмечено, что система мер предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества состоит из общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения. Автором рассмотрены специально-криминологические меры предупреждения рецидивной преступности, применяемые уголовно-исполнительной инспекцией, а также общесоциальные меры предупреждения, реализуемые государственными органами власти разного уровня и подведомственными им учреждениями социальной направленности, общественными организациями, институтами гражданского общества. Отличительной чертой общесоциальных мер является то, что они направлены на оказание различным категориям населения, находящихся в трудной жизненной ситуации, социальной помощи, а также осуществления таким лицам социального содействия, сопровождения в решении различных вопросов социального характера. Установлено, что меры, реализуемые исполнительной пробацией, равно как и саму пробацию, исходя из ее задач, целей, функций, принципов, правовой регламентации применения, следует отнести в системе мер предупреждения рецидивной преступности к общесоциальным. Однако отнести меры исполнительной пробации к специальным криминологическим, реализуемые уголовно-исполнительной инспекцией, не представляется возможным, так как пробация не входит в предмет уголовно-исполнительных правоотношений, которые возникают по поводу исполнения (отбывания) наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Ключевые слова: исполнительная пробация, общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения, рецидивная преступность, осужденные без изоляции от общества, наказания без изоляции от общества

Для цитирования: Детков А. П., Дорожинский А. А. Место исполнительной пробации в системе мер предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 117–123. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-117-123

THE PLACE OF EXECUTIVE PROBATION IN THE SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT RECIDIVISM OF CONVICTED PERSONS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Alexey P. Detkov¹, Artur A. Dorozhinsky²

¹Altai State University Law Institute, Barnaul, Russian Federation

detkov-altai@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6887-7958>

²The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Altai Territory, Barnaul, Russian Federation

dorozhinskii-1995@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0009-0309-5731>

Abstract. It is noted that the system of measures for the prevention of recidivism of convicts without isolation from society consists of general social and special criminological prevention measures. The author considers special criminological measures for the prevention of recidivism applied by the penitentiary inspectorate, as well as general social prevention measures implemented by state authorities at various levels and their subordinate institutions of social orientation, public organizations, and civil society institutions. A distinctive feature of general social measures is that they are aimed at providing social assistance to various categories of the population in difficult situations, as well as providing such persons with social assistance and support in solving various social issues. It has been established that the measures implemented by the executive probation, as well as the probation itself, are based on its tasks, goals, functions, principles, and legal regulations.

Keywords: executive probation, general social and special criminological prevention measures, recidivism, convicts without isolation from society, punishments without isolation from society

For citation: Detkov AP, Dorozhinsky AA. The Place of Executive Probation in the System of Measures to Prevent Recidivism of Convicts Without Isolation from Society. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice]. 2025;(3):117-123. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-117-123

Введение

Практическое применение норм Закона о пробации ставит перед теоретиками и практиками разного уровня вопрос о соотношении пробации (в частности, исполнительной) и уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации. Данный вопрос имеет важное как теоретическое, так и практическое значение в сферах правового регулирования, особенно когда речь заходит о об исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Отечественное уголовно-исполнительное законодательство, равно как и Закон о пробации, содержат в себе общую цель, которая заключается в предупреждении рецидивных преступлений, совершаемых осужденными без изоляции от общества.

По мнению П. В. Тепляшина, реализация вышеуказанной цели во многом направлена на достижение «однопорядкового результата». При этом «пробация выступает фактически спутником процесса исполнения уголовного наказания, поскольку применительно к исполнительной и пенитенциарной пробации они реализуются параллельно, тогда как относительно поспенитенциарной пробации — сразу после исполнения уголовного наказания» [1].

В связи этим в рамках исследования возникает важный вопрос, связанный с определением места исполнительной пробации в системе мер предупреждения, используемых Уголовно-исполнительной инспекцией (далее — УИИ) в борьбе с рецидивной преступностью осужденных без изоляции от общества, а учитывая, что сохраняются проблемы соотношения норм Закона о пробации и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, то данный вопрос только усиливает свою актуальность.

Описание исследования

Перед началом дискуссии относительно определения места исполнительной пробации в системе мер предупреждения рецидива осужденных без изоляции от общества выясним, что понимается в целом под предупреждением преступности, рассмотрим структуру системы предупреждения, а также определим, какой комплекс мер, используемый уголовно-исправительной инспекцией, входит в данную систему.

Н. В. Ольховик отмечает, что «предупреждение преступлений — это довольно емкое понятие, включающее в себя профилактику, предотвращение и пресечение» [2, с. 472].

По мнению Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера, предупреждение преступности — это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию детерминант преступности [3, с. 177].

По их мнению, предупреждение преступности, в том числе и рецидивной, осуществляется посредством *общих мер*, которые «направлены, прежде всего, на реализацию задач общесоциального характера и являются выражением повседневной деятельности многих социальных институтов, главной функцией которых является решение политических, управленческих и других задач, не связанных с обеспечением и поддержанием правопорядка в обществе» и *специально-криминологических мер* предупреждения, которые осуществляются как государственными, так и негосударственными, специализированными и неспециализированными субъектами.

Соглашаясь с вышеуказанным определением Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера, рекомендуем собственное, более емкое по своему содержанию определение, где под предупреждением рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества предлагаем понимать устойчивую систему с многосоставной конструкцией, включающей в себя две большие группы мер предупреждения: общесоциальные, которые в основном реализуются различными общественно-социальными субъектами (институтами) гражданского общества, не имеющими прямого отношения к деятельности уголовно-исполнительной системы (в частности к УИИ), и специально-криминологические меры, которые как раз и реализуются непосредственно в ходе деятельности УИИ.

Предлагаем по отдельности рассмотреть специально-криминологические и общесоциальные меры предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества.

К одной из самых объемных по своему содержанию специально-криминологических мер предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества следует отнести осуществление УИИ контроля за поведением осужденных по трем основным направлениям:

– контроль за поведением осужденных по месту работы, учебы и жительства, проводимый либо на постоянной основе единолично УИИ, либо же совместно с другими органами, учреждениями (ОВД, ФССП, прокуратурой и других). Суть данной меры заключается в том, что УИИ проверяет поведение осужденных в быту (взаимодействие со своей семьей, близкими, родными, соседями), на учебе (взаимодействие с учителями, преподавателями и учащимся образовательного учреждения в целом), на работе (взаимодействие с трудовым коллективом и работодателем), чтобы проанализировать, оказывает ли осужденный какое-либо негативное влияние на субъекты взаимодействия в указанных сферах или же, наоборот, выяснить, не оказывается ли такое влияние на самого осужденного;

– контроль за осужденными посредством проверки как по имеющимся в УИС учетам (специализированным информационным базам данных), так и по учетам других правоохранительных органов (ОВД), на предмет совершения указанными лицами противоправных деяний (административных правонарушений или преступлений) с целью принятия в отношении таких лиц своевременных мер реагирования;

– контроль за осужденными посредством периодического проведения индивидуально-профилактических бесед, начиная с первоначальной постановки лица на учет и разъяснения ему порядка отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера без изоляции от общества и продолжая в дальнейшем на всем этапе его пребывания на учете УИИ. Одной из целей такого рода бесед является установление доверительных отношений между УИИ и осужденным, что, в свою очередь, позволяет осуществлять не просто контроль за такими лицами, но и оказывать им необходимую помощь, о которой УИИ, как правило, узнает благодаря проведению таких бесед.

К следующей мере предупреждения рецидивной преступности следует отнести принуждение осужденных с последующим их контролем к соблюдению порядка и условий отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера без изоляции от общества путем неукоснительного исполнения указанными лицами установленных судом требований, обязанностей или дополнительных ограничений. В случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества УИИ имеет право применить к нему различные меры воздействия. К таким мерам воздействия можно отнести: продление испытательного срока и возложение дополнительных обязанностей условно осужденным, отмена условного осуждения с исполнением назначенного наказания.

В этом случае следует согласиться с П. Н. Красоткиным в том, что применение мер юридической ответственности к осужденным за нарушение порядка и условий отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера является сдерживающим фактором, направленным на снижение количества правонарушений и поддержание надлежащего правопорядка среди осужденных [4, с. 84].

Также к мере предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества, применяемой УИИ, следует отнести оперативное проведение первоначальных розыскных мероприятий в отношении лиц, умышленно скрывающихся с места жительства, уклоняющихся от исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, с целью дальнейшего направления в суд материалов для принятия к ним соответствующих мер реагирования (воздействия).

Н. В. Ольховик считает, что лица, скрывающиеся от контроля и уклоняющиеся от исполнения наказаний, находятся в группе риска, поскольку вероятность

совершения ими новых преступлений весьма высока. В подобных случаях необходимо своевременно принять меры, способствующие их обнаружению.

Сложно не согласиться с мнением Н. В. Ольховика, ведь розыскным мероприятиям со стороны УИС уделяется большое внимание, особенно первоначальным, направленным на установление скрывающихся осужденных. На наш взгляд, указанные мероприятия имеют большое практическое значение для борьбы с повторной преступностью. Так, согласно ч. 1 ст. 18.1 УИК РФ, первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций, осуществляются УИИ. Однако данные первоначальные розыскные мероприятия УИИ выполняет собственными силами, так как в их штате должность сотрудника, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, не предусмотрена. В этой связи объявление в розыск осужденных перечисленных категорий осуществляется специальными оперативными подразделениями УИС, в том числе во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных (правоохранительных) органов строго в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (ч. 2, 3 ст. 18.1 УИК РФ).

К следующей мере предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества, применяемой УИИ, мы бы отнесли выявление лиц, стоящих на учете УИИ, способных с большей вероятностью совершить повторное преступление, а также выявление причин и условий, способствующих совершению такими лицами рецидива, иными словами, установление среди всей массы подучетных осужденных именно тех, кто формально подпадает в группу риска по рецидиву с целью заблаговременного применения в отношении них мер предупредительного воздействия.

Кроме того, к мерам предупреждения рецидивной преступности можно отнести меры содействия, которые УИИ оказывает осужденным без изоляции от общества. Данное содействие направлено на преодоление личностных и психологических деформаций, на интеллектуальное и духовное развитие осужденных, их стимулирование правопослушному поведению, а также на оказание содействия в социальной помощи осужденным.

На практике содействие (социальная помощь) в основном сводится к тому, что УИИ разъясняет осужденным их права и обязанности, закрепленные в нормативно-правовых актах, регулирующих сферу уголовно-исполнительной системы, доводит информацию о мерах поощрения и последствиях невыполнения

обязанностей, содействует в трудоустройстве, согласует с органами местного самоуправления объекты для отбывания осужденными некоторых наказаний (обязательные работы).

С другой стороны, общесоциальные меры предупреждения рецидивной преступности осужденных являются довольно обширными и многогранными и выходят далеко за рамки организационно-правовой деятельности учреждений УИС, в том числе и деятельности УИИ.

Характеризуя в целом общесоциальные меры предупреждения преступности, необходимо обратить внимание на позицию А. И. Алексева, который считает, что «меры общесоциального предупреждения имеют исключительно широкий диапазон, они воздействуют практически на все виды, группы, разновидности причин, условий и других детерминант преступности. Многоаспектный, комплексный характер предупреждения преступности наиболее ярко проявляется именно на общесоциальном уровне. При этом сильной стороной общесоциального предупреждения является взаимосвязь различных по содержанию мер» [5, с. 117].

В. Э. Эминов полагает, что к общесоциальным мерам предупреждения преступности следует отнести профилактические мероприятия социально-экономического, политического, воспитательного, правового и организационного характера [6, с. 285].

О важности реализации на практике общесоциальных мер в контексте предупреждения рецидивной преступности высказывались и другие авторы.

Так, Т. М. Зайко полагает, что общесоциальные меры предупреждения преступности составляют основу ее специального криминологического предупреждения [7, с. 84].

Соглашаясь с позицией вышеуказанных авторов в части важности и необходимости применения на практике общесоциальных мер предупреждения рецидивной преступности осужденных, рассмотрим основные виды таких мер.

Социально-экономические меры предупреждения:

1. Борьба с безработицей. Государство активно реализует различные социальные и экономические программы, направленные на снижения ее уровня, а также создает необходимые условия труда и его оплаты с ресурсным обеспечением прожиточного минимума граждан населения. Указанная сфера регулируется со стороны государства посредством различных нормативных правовых актов. К одному из таких можно отнести ФЗ от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»², который устанавливает правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам и иным категориям

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 25.06.2025).

² О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 25.06.2025).

граждан, а также определяет порядок учета прав граждан на меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги, предоставляемые в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи населению. Кроме того, государство принимает все необходимые меры экономического характера, направленные на динамичное развитие производства на основе инновационных технологий, предлагает на федеральном уровне структурные и инвестиционные стратегии, проводит мероприятия по укреплению национальной валюты, проводит финансово-экономические программы по снижению существующей инфляции. В этой связи Правительством Российской Федерации утверждены различные государственные программы по инновационному развитию экономики страны¹.

2. Обеспечение государственной политики, направленной на развитие и поддержание институтов семьи, материнства и детства, а также социального обслуживания указанных институтов с целью повышения уровня демографии в стране и развития человеческого капитала. Так, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей Указом Президента РФ от 22.11.2023 № 875 2024 год был объявлен Годом семьи².

3. Повышение грамотности населения посредством проведения образовательных реформ, нацеленных на усиление качества образования на всех уровнях, на воспитание нравственности, моральных принципов, правильной системы ценностей и целей в жизни, а также повышение культурного уровня среди молодежи страны.

Организационно-правовые и политические меры предупреждения:

1. Совершенствование правового регулирования по вопросам реализации общесоциальных мер в вопросах предупреждения преступности, в том числе рецидивной преступности, совершаемой осужденными без изоляции от общества.

2. Всестороннее повышение правовой грамотности среди населения страны разными способами, в том числе посредством оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи. Оказание подобной помощи регулируется ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³, глав-

ной целью которого является формирование и создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Воспитание уважительного отношения к законодательству, регламентирующему разные сферы государственной и общественной жизни страны, а также освещение в средствах массовой информации общедоступных материалов о привлеченных к ответственности за совершенные резонансных преступлений по различным сферам государства и общества с указанием санкций, которые были применены к виновным лицам.

Заключение и выводы

Перед тем как определить место исполнительной пробы в системе мер предупреждения рецидивной преступности, на наш взгляд, необходимо выделить принципиальные отличия между мерами предупреждения, реализуемых Законом о пробы и уголовно-исполнительным законодательством.

Так, нормы уголовно-исполнительного законодательства, на основании которых реализуются многие специально-криминологические меры предупреждения рецидивной преступности, являются в большинстве случаев обязательными для осужденных.

Меры исполнительной пробы применяются к осужденным, которые признаны нуждающимися в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации на основе добровольного волеизъявления, а именно по заявлению осужденного в оказании ему содействия.

Отметим, что в рамках организационно-правовой деятельности УИИ может оказываться содействие, однако такое содействие нельзя признать тождественным тому, которое оказывается при реализации исполнительной пробы, по следующим объективным причинам.

Во-первых, если мы ставим перед УИИ задачи, реализация которых связана с социальной коррекцией поведения, социальной адаптацией, ресоциализацией и социальной реабилитацией осужденных без изоляции от общества, то для этого необходимо включить в предмет уголовно-исполнительного законодательства отношения, определяющие порядок оказания социальной помощи этим категориям осужденных. Однако ранее мы уже установили, что уголовно-исполнительное законодательство, в том числе УИК РФ, не относит к своему предмету общественные отношения, возникающие в сфере оказания социальной помощи осужденным без изоляции от общества.

По мнению В. А. Уткина, с которым мы солидарны, подобные отношения следует все же относить к предмету законодательства о социальном обеспечении, а в более широком смысле — к законодательству о социальной защите [8, с. 46].

Во-вторых, задачи по социальной коррекции поведения, социальной адаптации, ресоциализации

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 30.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 25.06.2025).

² О проведении в Российской Федерации Года семьи. Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 25.06.2025).

³ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 25.06.2025).

и социальной реабилитации осужденных без изоляции от общества могут выполнять довольно широкий круг субъектов. В Законе о пробации такие субъекты закреплены в ст. 6 указанного закона, в УИК РФ или Инструкции такие субъекты не обозначены. УИИ напрямую не реализует меры предупреждения общесоциального характера, она лишь может содействовать выполнению таких мер и то только в период выполнения своих прямых функций, определенных предметом уголовно-исполнительных правоотношений.

Подводя итог по данному вопросу исследования, сделаем следующие выводы. Исходя из целей, задач,

принципов и правовой регламентации исполнительной пробации, а также учитывая тот факт, что она не входит в предмет уголовно-исполнительного права, ее место в системе мер предупреждения можно определить в мерах общесоциального характера. Также отметим, что роль и влияние исполнительной пробации на рецидивную преступность осужденных без изоляции от общества, как института социального сопровождения (социального содействия), регулируемого нормами, отличными от уголовно-исполнительного законодательства, сложно оспаривать.

Список источников

1. Тепляшин П. В. Уголовно-исполнительное законодательство и Федеральный закон от 6 февраля 2023 года «О пробации в Российской Федерации»: вопросы обеспечения состояния защищенности и синхронизации норм // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (1–2 июня 2023 г.). Самара: Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2023. С. 194–195.
2. Ольховик Н. В. Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 470–484.
3. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть: учебник. Томск, 2007. 230 с.
4. Красоткин П. Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 195 с.
5. Алексеев А. И. Криминология (Курс лекций). М.: Щит-М, 1998. 339 с.
6. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 686 с.
7. Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 84 с.
8. Уткин В. А. Правовые основы ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы (к концепции законопроекта) // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний: материалы науч.-практ. семин. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Детков Алексей Петрович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Юридический институт, Алтайский государственный университет
Россия, 656049, г. Барнаул, Проспект Ленина, д. 61
E-mail: detkov-altai@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6887-7958

Дорожинский Артур Анатольевич

Старший инспектор штаба, Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю
Россия, 656049, г. Барнаул, Проспект Ленина, д. 61
E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru
ORCID: 0009-0009-0309-5731

ВКЛАД АВТОРОВ

Детков А. П. Научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, разработка научных подходов и их реализация, написание исходного текста, итоговые выводы.

Дорожинский А. А. Участие в разработке научных позиций и их реализация, оформление и написание текста, итоговые выводы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Detkov

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Altai State University Law Institute
61 Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia
E-mail: detkov-altai@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6887-7958

Artur A. Dorozhinsky

Senior Staff Inspector, The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Altai Territory
74 Lenin Avenue, Barnaul 656015, Russia
E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru
ORCID: 0009-0009-0309-5731

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Detkov A. P. Scientific guidance, research concept, methodology development, development of scientific approaches and their implementation, writing the source text, final conclusions.

Dorozhinsky A. A. Participation in the development of scientific positions and their implementation, design and writing of the text, final conclusions.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 01.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Марина Александровна Ефремова

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева,
г. Казань, Российская Федерация
crimlaw16@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0001-6037-6921>

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения надлежащей защиты цифровых данных физического лица. Взаимодействуя в сети с другими пользователями, каждый так или иначе оставляет некий цифровой след, формируя при этом образ цифровой личности. Для получения доступа ко всевозможным онлайн-сервисам необходимы учетные данные, финансовая информация, биометрические данные. Совокупность таких сведений позволяет идентифицировать человека в цифровой среде и составляет его цифровую идентичность. Подобного рода данные могут стать предметом кражи цифровой личности. Помимо получения данных о физических лицах, кража личных данных включает их использование или продажу, передачу другим лицам и дальнейшее использование в противоправной деятельности. Одним из новых методов, используемых для кражи личных данных и мошенничества, стали технологии искусственного интеллекта. Технология дипфейк может быть использована для кражи личных данных, как и цифровые данные о личности могут быть использованы для создания дипфейка. В статье делается вывод, что в большинстве случаев нормы действующего уголовного законодательства могут быть применены для квалификации описываемых деяний. Подчеркивается необходимость сосредоточения усилий для противодействия кражам личности и использованию дипфейк технологии на совокупности мер.

Ключевые слова: цифровая личность, цифровая идентичность, кража личности, компьютерная информация, неправомерный доступ к компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации, уголовная ответственность

Для цитирования: Ефремова М. А. Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 124–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129

Review article

DIGITAL IDENTITY: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Marina A. Efremova

Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Kazan, Russian Federation
crimlaw16@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0001-6037-6921>

Abstract. The article discusses the problem of ensuring proper protection of an individual's digital data. Interacting online with other users, everyone leaves a digital footprint in one way or another, while forming an image of a digital personality. To gain access to various online services, you need credentials, financial information, and biometric data. The totality of such information makes it possible to identify a person in a digital environment and constitutes his digital identity. This kind of data can be the subject of digital identity theft. In addition to obtaining data about individuals, identity theft includes their use or sale, transfer to others, and further use in illegal activities. Artificial intelligence technologies have become one of the new methods used for identity theft and fraud. Deepfake technology can be used to steal personal data, just as digital identity data can be used to create a deepfake. The article concludes that in most cases the norms of the current criminal legislation can be applied to qualify the described acts. The need to focus efforts to counter identity theft and the use of deepfake technologies on a set of measures is emphasized.

Keywords: digital identity, digital identity, identity theft, computer information, unlawful access to computer information, crimes in the field of computer information, criminal liability

For citation: Efremova MA. Digital Identity: Problems of Criminal Law Protection. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):124-129. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129

Введение

В последние десятилетия интернет и информационно-телекоммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Их влияние охватывает все сферы деятельности — от экономики и образования до государственного управления и социальной коммуникации. Информационные технологии позволяют создавать системы электронного правительства, обеспечивая прозрачность, доступность и оперативность государственных услуг. Это способствует укреплению доверия граждан к институтам власти и повышению качества публичного управления. Расширение сфер применения цифровых технологий приводит к массовому сбору, хранению и обработке конфиденциальной информации.

В 2024 году в России Интернетом пользовались свыше 130 млн человек¹. Современные реалии таковы, что многие люди проводят в социальных сетях и мессенджерах значительное количество времени. Заботясь о количестве лайков и просмотров, некоторые пользователи открыто делятся личной конфиденциальной информацией, не задумываясь о последствиях. Доступность информационно-телекоммуникационных технологий привела к существенному росту объемов конфиденциальной информации, находящейся под угрозой неправомерного доступа.

Материалы и методы

Исследование базируется на следующих материалах: труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам информационной безопасности личности в цифровую эпоху; нормативно-правовых актах, регулирующих сферу обращения личной конфиденциальной информации; опубликованных данных статистики, обзорах практики, отчетах различных ведомств и организаций, отражающих современное состояние правовой защищенности личной конфиденциальной информации.

В основу исследования положены общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе анализ, синтез, индукция, дедукция и др.

Результаты исследования

О каждом Интернет-пользователе сегодня можно говорить как о «цифровой личности». Это широкий и комплексный концепт, включающий не только учетные данные пользователя, но и цифровой след: как лицо

ведет себя в сети, что публикует, как взаимодействует с другими. Это своего рода «образ» личности в Интернете. В социальных сетях цифровая личность — это профиль, фотографии, посты, комментарии, лайки и репутация среди других пользователей.

Близким понятием следует признать «цифровую идентичность» (digital identity) — это совокупность данных и атрибутов, идентифицирующих человека в цифровой среде. Она включает в себя: учетные данные (логины, пароли) для доступа к различным онлайн-сервисам, социальным сетям, электронной почте; персональные данные (ФИО, дата рождения, адрес, телефон, данные документов); финансовую информацию (номера банковских карт, счетов, данные платежных систем); биометрические данные (фотографии, отпечатки пальцев, сканы сетчатки глаза). Иными словами, цифровая идентичность — это цифровой паспорт реальной личности в виртуальном мире.

Приведенные понятия взаимосвязаны, но не тождественны: цифровая идентичность — это часть цифровой личности, но цифровая личность — гораздо шире и включает в себя все, что связано с присутствием человека и поведением в цифровом пространстве.

Профили в социальных сетях часто служат средством конструирования идеализированной виртуальной картинки, представляющей собой, по сути, сублимированную проекцию личности. В рамках данной парадигмы пользователи социальных сетей склонны к репрезентации тех черт и характеристик, которые они субъективно оценивают как эталонные, что, в свою очередь, может приводить к диссонансу между цифровым и реальным личностным профилем. При этом следует подчеркнуть, что действующее законодательство не содержит императивных предписаний, возлагающих на пользователей юридическую обязанность по предоставлению аутентичной информации о себе, а равно не предусматривает мер ответственности за искажение личных цифровых данных самим пользователем. Ученые все больше говорят о цифровой идентичности как о праве. Более того, высказываются предложения о признании права на идентичность на международном [1] и национальном уровнях [3].

Вместе с тем, незаконное присвоение данных о цифровом образе человека, даже если он является идеализированным, может использоваться для проведения противоправных финансовых операций, создания «цифровых двойников» и других незаконных целей. Такие действия получили название «кража цифровой личности» или «кража цифровой идентичности» (digital identity theft). Термин «кража цифровой личности» появился в 1964 году и с тех пор ассоциируется

¹ Путин назвал число пользователей интернета в России // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/12/2024/6759b4709a79472b45d8949e?ysclid=mb5d6k525700552871 (дата обращения 26.05.2025)

с неправомерным использованием личной цифровой информации.

Термин «кража личности» следует использовать с некой долей условности, так как он неточно отражает суть явления. Фактически речь идет не о краже самой личности, включающей характер, эмоции и переживания, а о хищении и использовании удостоверительных признаков, позволяющих преступнику выдавать себя за другое лицо. Таким образом, более точным было бы говорить о краже или присвоении цифровых идентификационных данных лица или личных цифровых данных.

Анализ существующих немногочисленных доктринальных определений кражи цифровых данных показывает, что акцент в них делается на получение материальной выгоды, в то время как неправомерный доступ к цифровому объекту рассматривается как сопутствующий элемент, а не как самостоятельная цель. Другими словами, основным мотивом признается корыстный, а сам факт несанкционированного доступа к цифровой личной информации играет роль средства реализации преступного намерения. Некоторые исследователи и вовсе рассматривают кражу личности как разновидность мошенничества [3]. Однако хотя кража личных цифровых данных в большинстве случаев и совершается с целью получения материальной выгоды, имущественный ущерб личности физической причиняется не всегда, хотя при этом всегда нарушаются его личные права. Как справедливо отмечает А. В. Майоров, личные цифровые данные, полученные незаконным путем, в дальнейшем используются для социальной инженерии, то есть для манипуляции людьми со стороны злоумышленников, получения иной информации для использования в преступных целях [4, с. 82–83].

Представляется, что кражу личных цифровых данных можно рассматривать в двух аспектах: узком и широком. В узком смысле (или кража личных цифровых данных «в чистом виде») — это незаконное получение данных об одном или нескольких физических лицах. В широком смысле, помимо получения данных о физических лицах, кража личных данных включает их использование или продажу, передачу другим лицам и дальнейшее использование в противоправной деятельности.

В специальной литературе отмечается, что ввиду терминологической неопределенности следует рассматривать отдельно каждую разновидность кражи личных данных (например, неправомерное использование существующих банковских счетов, неправомерное использование существующих кредитных карт и открытие новых счетов) вместо анализа кражи личных данных в целом [5, с. 180].

Следует выделить следующие виды кражи личных цифровых данных:

1. Кража личных данных для создания цифрового двойника — использование личной информации другого человека, чтобы представлять или идентифицировать себя как этого человека.

2. Кража личных данных ребенка — кража и использование личных цифровых данных ребенка другим лицом в противоправных целях. Полученные данные могут быть использованы для создания поддельных аккаунтов, а также шантажа и мошенничества. Интерес со стороны преступников к цифровым данным детей обусловлен тем, что дети зачастую не обладают достаточными знаниями для защиты своей цифровой информации, а также не всегда осознают последствия раскрытия своих данных третьим лицам.

3. Кража личных данных пожилых людей — кража, целью которой являются пенсионеры, так как большинство из них не знакомы с технологиями и по этой причине легко уязвимы. Данные похищаются с целью последующего оформления кредитов на имя пенсионера, получения доступа к государственным выплатам и сбережениям.

4. Кража платежных или финансовых данных предполагает последующее получение учетных данных кредитной или дебетовой карты, а также их незаконное использование, например, снятие средств со счета другого лица без согласия этого лица. Одной из наиболее распространенных является кража личных данных, связанная с использованием кредитных карт. Возросшее число мобильных и онлайн-транзакций привело к тому, что в последние годы участились случаи мошенничества и кражи личных данных, когда платежная карта физически не используется. Потерпевший обычно узнает о мошенничестве, когда получает сообщение от банка о том, что была совершена транзакция.

Следует отметить, что приведенная классификация не исчерпывает все возможные виды кражи цифровых личных данных, а отражает наиболее распространенные из них.

Чаще всего лицо, чьи личные цифровые данные попали в руки преступников, не знает о случившемся до тех пор, пока они не будут использованы в противоправной деятельности. Это не удивительно, так как в настоящее время существует множество схем и способов неправомерного завладения цифровыми личными данными, включая покупку их в Darknet, фишинговые атаки, рассылку вредоносного программного обеспечения и плечевой серфинг. Личные данные могут быть получены как физически, так и в электронном формате. Физические кражи часто происходят с компьютеров, устройств хранения данных, мобильных телефонов, а также из рюкзаков, сумок и бумажников.

Рассматривая кражу цифровых личных данных через призму уголовного права, следует отметить, что в большинстве случаев подобным деяниям можно дать надлежащую правовую оценку. Так, если преступник получил доступ к охраняемой законом компьютерной информации, то содеянное может быть квалифицировано по ст. 272 УК РФ. Если виновный для получения личных цифровых данных использовал вредоносное программное обеспечение, то деяние должно квалифицироваться по ст. 273 УК РФ и по совокупности с другими статьями УК РФ [6, с. 84]. В зависимости от ха-

рактера сведений и способа получения доступа к ним, деяние может быть квалифицировано по совокупности со ст. 137, 138, 183 УК РФ. Если с использованием данных об украденной цифровой личности совершаются финансовые операции, то подобного рода действия могут быть квалифицированы по ст. 159.6 УК РФ как хищение путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, или просто как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

Нельзя не отметить что, УК РФ был дополнен новой статьей 272¹, предусматривающей уголовную ответственность за использование и (или) передачу (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование, либо иным незаконным путем, а также за создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконного хранения и (или) распространения персональных данных. Объектом преступного посягательства выступает компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученная путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование, либо иным незаконным путем. С ростом числа пользователей возросло и число утечек информации, которое в последние годы остается стабильно высоким. По данным экспертов, в 2024 году произошло 778 случаев утечки информации ограниченного доступа. Аналитики подчеркивают, что объемы утечек данных оцениваются только в количестве записей и касаются только персональных данных и платежной информации¹. Положения ст. 272.1 УК РФ направлены на противодействие утечек массивов компьютерной информации, содержащей персональные данные, а не единичных случаев краж цифровой личности.

Одним из новых методов, используемых для кражи личных данных и мошенничества, стали технологии искусственного интеллекта. В последнее время возможности искусственного интеллекта все чаще стали использоваться для создания дипфейков. Дипфейки (deepfakes) — это технология, которая позволяет создавать реалистичные, но при этом фальшивые видео- и аудиозаписи. Сам термин deepfake образован сочетанием двух слов: глубокое обучение и подделка, и основан он на глубоких нейронных сетях, которые позволяют создавать правдоподобный контент, который на самом деле является подделкой. Широкое

распространение данной технологии актуализирует фундаментальные вопросы о подлинности цифровой информации и надежности средств массовой информации в эпоху, когда все больше доминируют цифровые коммуникационные платформы. Распространение технологии глубокой подделки обостряет опасения общества по поводу размывания правды и манипулирования реальностью [7, с. 90]. Технология дипфейк может быть использована для кражи личных данных, как и цифровые данные о личности могут быть использованы для создания дипфейка.

Сегодня в открытом доступе есть программы, которые имитируют лицо и мимику по фото и видео из соцсетей. Они способны заставить цифровую копию гражданина отвечать на вопросы. Так же доступен софт, который синтезирует голос, используя за основу аудио, отправленное в виде голосового сообщения в мессенджерах.

Последствия кражи личных данных с помощью дипфейков не ограничиваются мошенничеством и предполагают более широкие социальные риски. Например, они могут использоваться для выдачи себя за политических лидеров или других общественных деятелей, распространения ложной информации или разжигания социальных конфликтов.

Наибольшее распространение технология дипфейк получила при совершении мошенничества. Первый случай использования поддельного голоса, созданного с помощью искусственного интеллекта, при совершении мошенничества произошел в 2019 г., когда генеральный директор британской энергетической компании полагал, что разговаривает по телефону со своим начальником, генеральным директором немецкой компании и выполнил приказ немедленно перевести 220 000 евро². Сегодня звонок «от руководителя» — одна из наиболее распространенных схем использования дипфейк технологий при мошенничестве.

Уязвимости в системе цифровой идентификации, а именно в системе биометрической аутентификации, позволяют злоумышленникам использовать дипфейки для того, чтобы выдавать себя за отдельных лиц и получать несанкционированный доступ к конфиденциальным данным или услугам. Поддельная видео- или аудиозапись голоса человека может быть использована для обхода систем аутентификации на основе голоса, позволяя мошенникам выдавать себя за жертву и осуществлять мошеннические транзакции. Более того, дипфейки могут использоваться для создания поддельных удостоверений личности, паспортов или других документов. В недавних исследованиях, посвященных рассматриваемой проблеме, высказывается гипотеза о том, что подделка именно биометрических данных является наиболее опасной. А для противодействия этому явлению предлагается криминализовать фальсификацию биометрических данных с целью скрыть

¹ Россия: утечки информации ограниченного доступа, 2023–2024 // URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/kolichestvo-slitykh-personalnykh-dannykh-v-dve-tysyachidvadtsat-chetvertom-godu-vyroslo-na-tret> (дата обращения 26.05.2025)

² URL: <https://www.forbes.com/sites/jessedamiani/2019/09/03/a-voice-deepfake-was-used-to-scam-a-ceo-out-of-243000/> (дата обращения 26.05.2025)

другое преступление или облегчить его совершение, то есть речь идет об ответственности за подготовительную преступную деятельность к совершению иных преступлений с использованием поддельного образа другого лица [8]. Другие ученые предлагают дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ новым отягчающим наказанием обстоятельством «совершение преступления с использованием искусственного интеллекта или технологий, созданных на его основе» [9].

Говоря о необходимости и перспективах совершенствования действующего уголовного законодательства, следует отметить, что отдельные государства уже предусмотрели уголовную ответственность за кражу личных данных, хотя большинство стран все еще рассматривают кражу личных данных как способ незаконного доступа к данным, мошенничества, подделки документов, нарушения авторских прав или как действие, предшествующее совершению другого преступления. Так, например, законодательства США, Великобритании, Франции содержат отдельные нормы, предусматривающие ответственность за кражу личных данных. Многие страны ЕС (Австрия, Болгария, Бельгия, Венгрия, Греция, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Польша, Румыния, Испания) пока еще не признают кражу личных данных самостоятельным преступлением [10].

Что же касается противодействию использованию дипфейк технологий при совершении преступлений, то здесь вновь хочется отметить законодательство США. На федеральном уровне борьба с дипфейками велась в рамках механизма, регулируемого Законом о разрешении на национальную оборону (NDAA), в котором вводятся ограничения на его использование. Федеральный законодатель рассматривает дипфейки

как проблему, связанную с национальной безопасностью. В 2019 году в Калифорнии и Техасе были приняты первые два закона, касающиеся борьбы с фейками во время избирательного процесса. Немецким законодателем в 2017 году был принят специальный закон, направленный на борьбу с дезинформацией и введение мер, ограничивающих незаконный контент, путем отчетности и установления ответственности платформ социальных сетей за незаконный контент.

Заключение

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что кража личных цифровых данных преимущественно осуществляется с целью последующего неправомерного использования этих данных для совершения других преступлений. Сама по себе кража личных цифровых данных «в чистом виде», равно как и дальнейшие противоправные действия с этими данными, сегодня вполне могут быть квалифицированы по уже имеющимся статьям Особенной части УК РФ. Противодействие же использованию поддельных биометрических данных человека исключительно посредством установления уголовно-правового запрета видится утопичным. Перспективными направлениями могут стать разработка соответствующих технологических решений, способных распознавать подделку, а также подготовка соответствующих специалистов. Учитывая глобальный характер Интернета и цифровых платформ, кража цифровых данных личности может выйти за рамки национальных границ, поэтому совместные усилия между странами по обмену передовым опытом и участию в совместных исследованиях и разработках могут сыграть важную роль.

Список источников

1. Sullivan C., Digital identity — a legal perspective // SCHIRN Mag. 2015. <https://www.schirn.de/schirnmag/digitale-identitaet-und-die-rechtlichen-aspekte/> (дата обращения 26.05.2025)
2. Напсо М. Д., Напсо М. Б. Тренды цифровой трансформации общества: актуальные проблемы реализации прав индивида в сфере информации // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 85–97.
3. Pontell H. Pleased to Meet You. . . Won't You Guess My Name: Identity Fraud, cyber-crime, and white-collar Delinquency // *Adelaide Law Review*. 2002. Vol. 23, no. 2. P. 305–328.
4. Майоров А. В. Виктимологическое обеспечение информационной безопасности личности // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 3(42). С. 80–88.
5. Xiaochen Hu, Jae-Seung Lee & Nicholas P. Lovrich Do Commonly Recommended Preventive Actions Deter Identity Theft Victimization? Findings from NCVS Identity Theft Surveys // *Journal of Crime and Justice*. 2023. Vol. 46, no. 2. P. 172–193.
6. Русскевич Е. А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // *Уголовное право*. 2025. № 4. С. 76–84.
7. Mansoor S. I. U. Legal Implications of Deepfake Technology: In the Context of Manipulation, Privacy, and Identity Theft // *Central University of Kashmir Law Review*. 2024. No. 4. P. 65–92.
8. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия право*. 2025. № 1. С. 95–110.
9. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Мотузов А. В. К вопросу о правовом обеспечении предупреждения преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта и технологий, созданных на его основе в Российской Федерации // *Правовая парадигма*. 2022. Т. 21, № 2. С. 175–181.
10. Merdović B., Jovanović B. Understanding Identity Theft and Fraud // *Kultura polisa*. 2024. Vol. 21, no. 2. P. 17–43. DOI: 10.51738/Kpolisa2024.21.2r.17mj

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефремова Марина Александровна

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева
Россия, 420088, г. Казань, 2-я Азинская ул., 7А
E-mail: crimlaw16@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6037-6921

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Efremova

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
7A 2nd Azinskaya str., Kazan, 420088, Russia
E-mail: crimlaw16@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6037-6921

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 25.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 14.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343.9.01
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-130-135

С. 130–135

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Михаил Николаевич Зацепин¹, Александр Михайлович Зацепин²

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

² Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tp0507@ya.ru

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции организованной преступности в России, базирующиеся на данных, выявленных в ходе обсуждения. Рассмотрены вопросы глобализации преступных групп, сращивания организованной преступности и коррупции, адаптации к цифровым технологиям и экономической конъюнктуре. Авторами обосновывается вывод о недостаточной эффективности существующих мер уголовно-правового воздействия, связанных с несовершенством законодательной базы, трудностями в правоприменении и высокой латентностью, аргументируется необходимость комплексного подхода. Подчеркивается роль гражданского общества и повышения правовой грамотности населения в противодействии организованной преступности. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно карательных мер к стратегиям, ориентированным на устранение глубинных причин преступности, гуманизацию пенитенциарной системы и поддержку социальной реинтеграции бывших заключенных. Предлагаются пути совершенствования антикоррупционного законодательства и повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: организованная преступность, коррупция, теневая экономика, противодействие преступности, уголовно-правовое регулирование

Для цитирования: Зацепин М. Н., Зацепин А. М. Основные направления и тенденции организованной преступности в России // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 130–135. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-130-135

Research article

THE MAIN DIRECTIONS AND TRENDS OF ORGANIZED CRIME IN RUSSIA

Mikhail N. Zatsepin¹, Aleksandr M. Zatsepin²

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
mnz-1958@mail.ru

² Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
tp0507@ya.ru

Abstract. The article analyzes current trends in organized crime in Russia based on the data revealed during the discussion. The issues of globalization of criminal groups, fusion of organized crime and corruption, adaptation to digital technologies and economic conditions are considered. The authors substantiate the conclusion about the insufficient effectiveness of existing criminal law measures related to the imperfection of the legislative framework, difficulties in law enforcement and high latency, and argue for the need for an integrated approach. The role of civil society and improving the legal literacy of the population in countering organized crime is emphasized. The article substantiates the need to move from predominantly punitive measures to strategies aimed at eliminating the underlying causes of crime, humanizing the penitentiary system and supporting the social reintegration of former prisoners. Ways to improve anti-corruption legislation and increase the effectiveness of law enforcement activities are proposed.

Keywords: organized crime, corruption, shadow economy, crime prevention, criminal law regulation

For citation: Zatsepin MN, Zatsepin AM. The Main Directions and Trends of Organized Crime in Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):130-135. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-130-135

Введение

В России сложилась ситуация, когда масштабы развития такого экономического явления, как теневая экономика, а также объемы продукции и финансовых ресурсов, обращающихся в этом секторе народного хозяйства, не могут не учитываться при принятии управленческих, законодательных и политических решений на всех уровнях властных структур [10].

Ученые-криминологи свидетельствуют, что действующее законодательство не дает содержательный материал для совершенствования уголовного закона регламентации организованной преступности. И это заключается в том, что, с одной стороны, не в полной мере обеспечивает привлечение к уголовной ответственности лиц, активно участвующих, и не предусматривает их дифференцированную ответственность в зависимости от степени их участия, а, с другой, исключить возможность произвола, объективного вменения и иных неправовых методов.

Материалы и методы

В статье использованы такие методы научного познания как анализ и синтез при изучении и обобщении различных точек зрения на проблему организованной преступности и коррупции; сравнительно-правовой анализ в процессе сопоставления российского законодательства с международными стандартами и практикой других стран; статистический анализ при обработке и интерпретации статистических данных о преступности. Имеет место и системный подход в рамках рассмотрения организованной преступности и коррупции как сложных социальных явлений во взаимосвязи с другими факторами. Помимо этого, в основу исследования легли экспертные оценки для формирования выводов и рекомендаций.

Описание исследования

В УК РФ криминологической категории организованной преступности соответствует уголовно-правовое понятие «преступного сообщества» как особой формы соучастия, которое раскрывается в нормах общей и особенной части УК РФ.

В контексте анализа теневой экономики организованная преступность и коррупция представляют собой наиболее деструктивные «функциональные» или «профессиональные» формы противоправного поведения. Указанные явления, приобретая транснациональный характер, вызывают обоснованную обеспокоенность международного сообщества и актуализируют вопросы криминологической и политической безопасности. Трансформация экономических и социально-политических отношений в постсоветский период,

сопровождаясь формированием новых независимых государств, не привела к преодолению кризисных явлений и, как следствие, не оказала сдерживающего воздействия на рост и укрепление теневого сектора экономики. Состоялось лишь изменение структуры форм и методов теневой экономической деятельности. Распространенными в этот период стали неплатежи со стороны зарубежных партнеров за поставленную продукцию. Имеет место существенное занижение (завышение) цен на экспортируемую (импортируемую) продукцию из России или ее объемов.

Совершенствованию организованной преступности благоприятствовали обстоятельства как экономического, так и административно-правового характера, безработица, задержки зарплаты, несовершенство действующего законодательства, благоприятные условия для теневой экономики и втягивание в противоправную деятельность новых лиц [1, с. 58–60].

Реструктуризация и увеличение теневого сектора экономики обусловлены трансформацией мотивационной сферы экономических субъектов в условиях прогрессирующего социально-экономического кризиса, характеризующегося законодательной и административной дезорганизацией. Эти факторы привели к возникновению новых направлений масштабной теневой экономической деятельности. При этом традиционные формы теневой экономической активности, такие как спекуляция и «цеховое производство», утратили свою актуальность, что привело к сокращению удельного веса в общем объеме теневого оборота.

Наряду с сохранением таких форм теневой экономической деятельности, как мелкие хищения в государственном секторе и нарушения в сфере розничной торговли и общественного питания, наблюдается существенный рост (в количественном и качественном выражении) коррупции среди должностных лиц государственного аппарата и криминального промысла безработных [1, с. 57].

Необходимо подчеркнуть, что феномен теневой экономики не является исключительно результатом экономических, социальных и политических преобразований последних десятилетий. Вопреки ожиданиям улучшения ситуации, в период разгосударствления собственности и расширения международных экономических связей (1980–1990-е годы) сложились благоприятные условия для коррупции, что привело к стремительному росту теневой экономики и её сращиванию как с организованной преступностью, так и с партийно-государственным аппаратом [3, с. 319]. По данным ученых экономистов и криминологов, перед распадом бывшего СССР первое место среди всех отраслей народного хозяйства по объему теневой экономики

занимало сельское хозяйство. На втором были торговля и общественное питание, а на третьем и четвертом — строительство и промышленность [4, с. 117].

В последние годы существования СССР особенно высокими темпами «развивался» теневой сектор в строительстве, на транспорте и в связи. В сельском хозяйстве и в промышленности он в этот период вырос в несколько раз [11].

В 80-е — 90-е годы объем производства товаров и оказания услуг населению незарегистрированными «частниками» достигал 20–30 млрд руб. В теневой экономике оказалось занято около 50 млн человек или не менее 30 % работающих, а алкогольный оборот капитала в теневой экономике приближался к 150 млрд руб. Для социалистического периода развития России, других республик СССР в целом, наиболее характерными были такие формы и методы получения теневых доходов: хищения, кражи государственной собственности, подпольная предпринимательская деятельность, спекуляция, взяточничество как уголовный промысел [9, с. 80].

Зарубежные исследователи выделяют три ключевых фактора, влияющих на динамику теневой экономики: налогообложение и социальные отчисления, интенсивность государственного регулирования и качество предоставляемых общественных услуг. Чрезмерная налоговая нагрузка (включая налоги и отчисления в фонды социального обеспечения) рассматривается как один из основных стимулов развития теневой экономической деятельности. Высокий уровень налогообложения признается доминирующей причиной формирования теневой экономики в работах большинства зарубежных ученых [2; 6].

Особенностью теневого капитала является и то, что он используется в основном не в сфере материального производства, а в обращении в посреднической деятельности, что не позволяет государству осуществлять за ним необходимый контроль. С накоплением значительных капиталов в теневой экономике появляется возможность монополизировать отдельные виды деятельности в сфере предпринимательства, влиять на государственные структуры, политические партии, средства массовой информации.

Однако одним из самых опасных последствий развития теневой экономики является широкомасштабное развитие организованной и коррупционной преступности.

Криминологи, оценив эффективность мер противодействия теневой экономике, пришли к выводу о недостаточной результативности классических схем борьбы с преступностью. Увеличение валового национального продукта, вращающегося в теневом секторе, является характерной чертой экономики как переходного, так и современного периода, что обусловлено неразвитостью новой рыночной системы в условиях трансформации системы государственного управления и отсутствием адекватной нормативно-правовой базы, регулирующей переход к рыночным отношениям.

Тенденции и факторы экономической преступности приводят к усилению организованной преступности в России, и главные усилия должны быть направлены на устранение причин и условий ее распространения [8, с. 47–49].

В современных условиях применение насилия организованными преступными группировками в России хоть и снизилось, по сравнению с 1990-ми годами, однако полностью не исчезло.

Одним из основных направлений деятельности организованных преступных формирований, как в период до распада СССР, так и сейчас является стремление к легализации доходов, полученных преступным путем, и интеграции в легальную экономическую систему, в том числе посредством приобретения активов за рубежом и получения образования за границей. При этом для достижения целей финансового обогащения и установления контроля над различными сферами экономической деятельности члены организованной преступности используют насильственные методы, включая заказные убийства, совершаемые с целью устранения конкурентов, политических оппонентов, сотрудников правоохранительных органов, журналистов и свидетелей.

Следственно-оперативная практика свидетельствует о совершении членами организованных преступных группировок насильственных преступлений, таких как убийства, поджоги и взрывы, в отношении предпринимателей и руководителей коммерческих организаций, отказывающихся выполнять требования о выплате денежных средств [7, с. 32].

В течение последних десяти лет в Российской Федерации ежегодно регистрировалось от 10 до 16 заказных убийств, что демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. В среднем на начало каждого года в производстве следственных органов находилось от 30 до 50 уголовных дел, возбужденных по факту заказных убийств, значительная часть которых завершалась направлением дел в суд с обвинительным заключением. Однако, учитывая латентный характер данного вида преступлений, обусловленный сложностью установления признаков заказного убийства, криминологи полагают, что в официальную статистику ежегодно не попадает от 20 до 60 аналогичных преступлений.

Несмотря на усилия государства, криминогенная ситуация в России остается сложной и характеризуется высоким уровнем латентности (скрытности), профессионализмом преступников, организованностью преступных формирований и транснациональным характером преступной деятельности.

В связи с выходом организованной преступности на транснациональный уровень в конце 1980-х — начале 1990-х годов международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, активизировали усилия по противодействию этому явлению. На Международном семинаре по борьбе с организованной преступностью, состоявшемся 21–25 октября 1991 года

в городе Суздале, было предложено следующее определение организованной преступности: «относительно большую группу устойчивых и управляемых преступных образований, занимающихся преступной деятельностью в корыстных интересах и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищение в крупных размерах» [5].

Нельзя не отметить возрастающую роль информационных технологий в совершении преступлений, включая мошенничество, кражи, распространение наркотиков и экстремистских материалов. Киберпреступность становится все более изощренной и трудновывяляемой, она приобрела масштабы угрозы национальной безопасности, став серьёзным препятствием для развития экономики и справедливо может считаться одной из наиболее острых проблем современности.

Параллельно с распространением преступности в различных сферах общества, в процессе распада старой советской военной системы происходит рост преступности в Российской армии. За годы существования независимого государства военные прокуроры выявили устойчивую тенденцию к росту числа нарушений закона, совершаемых военнослужащими. По данным правоохранительных органов, к уголовной ответственности за совершение преступлений было привлечено значительно больше военнослужащих, чем указано в статистике. Организованные группировки, состоящие из военнослужащих, действуют как самостоятельно, так и в связке с «гражданскими» преступниками, стремясь завладеть оружием, боеприпасами и другим снаряжением военных формирований.

В 1990-х годах привлекали к уголовной ответственности за хищение оружия и боеприпасов, а в 2000-х годах зафиксированы отдельные случаи краж и сбыта. Преступники изготавливают взрывные устройства, используя порох, скупаемый на военных складах, военное снаряжение и оружие, приобретаемое в воинских частях.

Распространение коррупции в этой сфере имеет серьезные последствия, одним из наиболее тревожных моментов является пополнение рядов организованной преступности значительным числом талантливых и перспективных офицеров. Специалисты по безопасности, обладающие высоким уровнем подготовки и знающие новейшие системы вооружения и военную тактику, востребованы в частных охранных структурах, а также в легальных компаниях, которые нанимают охранников из числа бывших военнослужащих¹.

Организованная преступность и её неотъемлемая часть — коррупция — это не просто новый вид преступности или её новое качество, а специфическое социально-экономическое явление, породившее определённые экономические преступные структуры. Это система социальных связей и отношений, сложившаяся

в результате получения и распределения незаконных доходов.

После распада СССР организованная преступность в России, воспользовавшись приватизацией и экономическими реформами, получила значительные богатства и возможность влиять на экономические, социальные и политические процессы в государстве, стремясь стать одной из главных движущих сил формирования социального, политического и экономического развития страны.

Правительство России столкнулось с быстрым распространением деятельности преступных организаций и усилением их влияния. Переходный период, в течение которого законодательство и общественные традиции только укореняются после многолетнего социалистического развития, особенно уязвим для посягательств и «паразитирования» со стороны организованной преступности и коррумпированных чиновников. Взятки и вознаграждения, распространённые в исполнительных структурах, судах и правоохранительных органах, подрывают эффективность правительственных мер по борьбе с криминальными структурами. Коррумпированные чиновники предоставляют преступникам экспортные лицензии, таможенные документы, освобождая от уплаты официальных платежей, налоговые льготы, заключают государственные контракты и даже за незначительную плату подписывают любые необходимые документы. Используя свои доходы и сознательно становясь на преступный путь, они направляют средства «на отмыwanie» за рубеж и основывают подставные компании с участием членов семьи и друзей.

Коррумпированность государственного аппарата и ветвей власти крайне негативно влияет практически на все сферы общественной жизни, прежде всего на деятельность политических институтов страны, состояние экономических реформ, правовую и социальную защищённость граждан, а также на доверие населения к власти. Вряд ли в России возможно создание государственного сектора, полностью невосприимчивого к коррупции. Коррумпированные чиновники зачастую сами являются частью российской организованной преступности. Определённая часть государственных служащих использует преимущества своего служебного положения не только ради материальной выгоды, но и для достижения экономического влияния. Имея относительно небольшую заработную плату, они становятся владельцами автомобилей, домов и дач, стоимость которых значительно превышает их официальные доходы, и скрываются под покровительством различных служб безопасности.

Представители государственных органов власти берут под защиту структуры организованной преступности, оказывая покровительство членам преступных организаций, которым платят предприниматели с целью сохранения своего бизнеса. Во многих таких случаях компания вынуждена отдавать почти половину своей прибыли. Эти расходы предприятий становятся одной из причин мелких налоговых преступлений

¹ Россия в погонах: треть бюджета на 2,5 миллиона силовиков // URL: <https://pasmi.ru/archive/259425/> (дата обращения: 30.04.2025)

и порождают новые формы коррупционных деяний, такие как дача взятки, подкуп и конфликт интересов.

Очень опасным остаётся сращивание государственного аппарата и органов местного самоуправления с предпринимательскими и коммерческими структурами, формирование их деловых отношений вне правового поля. Из всех проблем, связанных с борьбой с коррупцией и организованной преступностью в стране, нет более вредоносной, чем коррупция в правоохранительных и контролирующих органах. Ущерб, наносимый ею, невозможно измерить общепринятой статистикой. Наибольший вред заключается в подрыве доверия общества к правоохранительным органам и утрате руководителем правоохранительного органа способности контролировать и направлять деятельность своих подчинённых.

Большинство сотрудников МВД совместно с судьями и прокурорами преданы борьбе с организованной преступностью и коррупцией и идут на значительные жертвы в своих попытках. Однако, к сожалению, в системе МВД, как и в других правоохранительных органах, существует серьёзная проблема коррупции. Независимо от того, какие коррупционные деяния могут быть совершены вне сферы деятельности органов государственной исполнительной власти, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что чистота деятельности организаций и учреждений, обеспечивающих законность и правопорядок, имеет исключительное значение, поскольку именно работникам этих органов поручено защищать безопасность и права всех граждан. Для осуществления такой защиты сотрудникам правоохранительных органов предоставляются специальные полномочия и чрезвычайные права, от получения информации о людях до применения силы (в случае необходимости). Но сегодня реальность такова, что организованная преступность активно выявляет коррумпированных и безответственных должностных лиц, в том числе среди сотрудников правоохранительных, таможенных, налоговых и иных контролирующих органов, которые бы защищали ее интересы в сфере функционирования теневой экономики и отмывания незаконно полученных средств, а также создавали для нее защитный барьер.

Реальная независимость судебной и следственной систем является ключевым условием эффективной борьбы с коррупцией. Необходим комплексный подход, включающий социальные, экономические и организационные меры, а также активное участие общественности и ее объединений, осведомленность которых играет решающую роль. Опыт борьбы с организованной преступностью подтверждает, что общественные организации могут быть наиболее эффективным двигателем антикоррупционных кампаний.

В России создается законодательная база для противодействия коррупции, включая законы «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью», «О государственной службе» и «О борьбе с коррупцией». Принятие этих и других нормативных актов привлекло внимание к проблеме коррупции как со стороны властей, так и общественности, способствуя формированию нетерпимости к этому явлению и активизации работы правоохранительных органов.

Однако, несмотря на усилия, несовершенство законодательства и низкий уровень материальной ответственности за коррупционные преступления снижают эффективность противодействия коррупции. Символические штрафы не являются достаточным сдерживающим фактором для потенциальных коррупционеров. Кроме того, двусмысленность антикоррупционного законодательства, допускающая двойную квалификацию деяний, затрудняет оценку реального состояния дел с коррупционными правонарушениями. В результате значительная часть работы оперативных подразделений сводится на нет на этапе следствия и судебного разбирательства, а правосудие часто оказывается недостаточно строгим¹.

Заключение и вывод

Проведенный анализ свидетельствует о том, что организованная преступность в России представляет собой сложную и многоаспектную проблему, характеризующуюся глобальным характером, тесной связью с коррупцией и адаптацией к меняющимся экономическим и технологическим условиям. Несмотря на предпринимаемые усилия, уголовно-правовые меры борьбы оказываются недостаточно эффективными в связи с недостаточной законодательной базой, несовершенством правоприменительной практики и латентностью преступлений.

Ключевым направлением решения проблемы является комплексный подход, включающий в себя расширение определения коррупции, усиление координации между государственными органами, международное сотрудничество и, самое главное, адресное воздействие на социальные и экономические факторы, способствующие росту преступности, а также повышение уровня правовой культуры и развитие институтов гражданского общества. Необходим переход от исключительно карательных мер к более гуманным и профилактическим стратегиям, направленным на социальную реабилитацию и предотвращение преступлений в самом их зародыше.

¹ Российская газета. 1996. 27 февраля. С. 1–2.

Список источников

1. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. 92 с.
2. Del’Anno R. Estimating the shadow economy in Italy: A structural equation approach, Discussion Paper // Department of Economics and Statistics, University of Salerno. 2003. 38 p.
3. Катасонов В. Ю. К 29 Экономика Сталина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2014. 416 с.
4. Корягина Т. И. Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 110–120.
5. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма. 2005. 912 с.
6. Lippert O., Walker M. The Underground Economy: Global Evidences of its Size and Impact. M.Walker (eds.). Vancouver, B.C.: The Frazer Institute. 1997. 328 p.
7. Никитина И. А. Использование организованными преступными группами банковской системы России // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск. 1993. Ч. 2. С. 29–33
8. Организованная преступность-3: Проблемы. Дискуссион. Предложения / Под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М.: Криминологическая ассоциация. 1996. 352 с.
9. Организованная преступность-4 / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация. 1998. 280 с.
10. Преступность и реформы в России / Под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация. 1998. 408 с.
11. Плишкин С. А. Пять этажей подпольной экономики // ЭКО. 1989. № 11 (185). С. 16–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зацепин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; профессор кафедры предпринимательского права Уральский государственный экономический университет; член Российской криминологической ассоциации; старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: tp0507@ya.ru

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи для публикации.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail N. Zatsepin

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Analyst at the Department of Scientific Research and International Cooperation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Aleksandr M. Zatsepin

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; Professor of the Department of Business Law, Ural State University of Economics; Member of the Russian Criminological Association; Senior Prosecutor of the Department for Supervision of Operational Investigative Activities of the Prosecutor’s Office of the Sverdlovsk Region
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: tp0507@ya.ru

CONTRIBUTION OF AUTHORS

All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the article for publication.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 18.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Максим Николаевич Косарев

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ktn8@mail.ru*

Аннотация. Терроризм, как социальное негативное явление, присущ государствам и обществам, которые активно вовлечены в глубинное изменение современной картины мира в части политических, экономических, социальных, миграционных, информационных, технологических и иных отношений. Ряд государств используют терроризм как негласный инструмент своей внешней политики для достижения поставленных целей. В свою очередь, начавшаяся в феврале 2022 года специальная военная операция (далее — СВО) проявила новую тенденцию открытых действий государств по реализации террористической политики, иногда даже в нарушении собственного внутреннего законодательства и международных обязательств. Это повлияло и на существенный рост регистрируемых преступлений террористического характера в России.

В статье определены некоторые особенности развития современного терроризма на примере практики противодействия ему в Российской Федерации. Автором исследуются правовые аспекты реализации уголовной политики по противодействию терроризму. Перечислены особенности террористического государства и приведены аргументы в пользу такого обоснования. Дается пример квазигосударственного террористического образования с определением его признаков, а также названо отличие такого образования от террористического государства. Предлагается авторская позиция по нынешнему состоянию и перспективам развития антитеррористических уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористического характера, террористический акт, государственная измена, террористическое сообщество, террористическая организация, квазигосударственное террористическое образование, террористическое государство

Для цитирования: Косарев М. Н. О новых тенденциях современного терроризма // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 136–140. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-136-140

Research article

ABOUT NEW TRENDS IN MODERN TERRORISM

Maksim N. Kosarev

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
ktn8@mail.ru*

Abstract. Terrorism, as a social negative phenomenon, is inherent in States and societies that are actively involved in profoundly changing the modern picture of the world in terms of political, economic, social, migration, information, technological and other relations. A number of States use terrorism as an unspoken tool of their foreign policy to achieve their set geopolitical goals. In turn, the special military operation that began in February 2022 has shown a new trend of open actions by states to implement terrorist policies, sometimes even in violation of their own domestic legislation and international obligations. This has also led to a significant increase in reported terrorist crimes in Russia. The article identifies some features of the development of modern terrorism using the example of the practice of countering it in the Russian Federation. The author examines the legal aspects of the implementation of criminal policy to combat terrorism. The features of a terrorist state are listed and arguments in favor of such justification are given. An example of a quasi-state terrorist entity is given with the definition of its features, and the difference between such an entity and a terrorist state is also mentioned. The author's position on the current state and prospects of development of anti-terrorist criminal law norms is proposed.

Keywords: terrorism, crimes of a terrorist nature, terrorist act, high treason, terrorist community, terrorist organization, quasi-State terrorist entity, terrorist State

For citation: Kosarev MN. About New Trends in Modern Terrorism. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):136-140. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-136-140

Введение

Современная человеческая цивилизация в настоящий момент сталкивается с рядом вызовов, которые проявляются в возникающих кризисных ситуациях. Сопутствующим признаком этого процесса выступает возрастающая практика такого социального негативного явления как терроризм. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что одной из задач по достижению целей государственной и общественной безопасности выступает предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма¹. В этой связи следует отметить существенное увеличение террористической угрозы для России. Так, например, в 2024 году было зарегистрировано максимальное количество террористических актов (ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) за весь период с момента криминализации такого деяния в российском уголовном законодательстве в 1994 году. Вышеперечисленное предопределяет научный интерес в описании современных особенностей развития терроризма, которыми он будет обладать в ближайшее время. Такое изучение позволит определить и систематизировать направления противодействия терроризму, а также выработать оптимальный инструментарий, в том числе и в правовой сфере в части криминализации и применения антитеррористических уголовно-правовых норм.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы противодействия терроризму, специальная литература по предмету исследования, правоприменительная практика в изучаемой области. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический, аналитический, логический методы.

Описание исследования

Изучение терроризма для выстраивания эффективной системы противодействия этому явлению включает в себя и описание направлений его развития. Основным документом стратегического планирования Российской Федерации в области противодействия

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389271&dst=0&edition=etD&rnd=JFbb5bU0WZfvkNgv#CDJ8SgUMppcNp1uD> (дата обращения: 25.05.2025)

терроризму в настоящее время выступает Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации², в которой и определены девять основных тенденций современного терроризма. В большинстве своем описанные тенденции не потеряли своей актуальности и по истечении многих лет после утверждения указанного документа. Это и рост количества террористических актов и пострадавших от них лиц, расширение географии терроризма, повышение уровня организованности террористической деятельности, разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности и т. д.

Исследованию тенденций современного терроризма посвящено множество научных публикаций, в которых авторы³ системно анализируют существующие и перспективные направления развития терроризма. При этом одной из определяющих тенденций, связанной в целом с преступностью, называется отставание социально-правового контроля преступности от ее негативных качественно-количественных изменений, которая обеспечивает дальнейшую самодетерминацию преступности [1, с. 36]. С учетом высокой внутренней адаптивности явления терроризма, которое активно учитывает социальные, политические, экономические, технологические, правовые и иные изменения современных общественных отношений, используя и подстраиваясь под них, формируются новые тенденции. Например, после резонансных захватов заложников на рубеже XX–XXI веков в России (например, в 2002 году в г. Москве, в 2004 г. в г. Беслан) подобная террористическая практика была прекращена ввиду ее низкой эффективности и повышенных рисков совершения. Никаких стратегических целей по изменению деятельности органов российской власти по результатам совершенных деяний достигнуто не было, в отношении преступников результат оказался обратным. Большинство исполнителей и организаторов преступлений были уничтожены при пресечении преступлений либо впоследствии, а оставшимся соучастникам были назначено суровое уголовное наказание в виде лишения свободы. А совершенная череда подобных преступлений стала одной из причин, заложивших основу построения ныне

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 05.10.2009 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=92779&cacheid=959660E35805292671BE19E7AA2BC92F&mode=splus&rnd=JFbb5bU0WZfvkNgv#gNVIqoU1v2ftool> (дата обращения: 25.05.2025)

³ См, например: Лунеев В. В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. 2002. № 6; Косарев М. Н. Современные тенденции терроризма // Военно-юридический журнал. 2007. № 11 и др.

Таблица 1 — Количество зарегистрированных преступлений террористического характера по России в период 2021 — 4 мес. 2025 гг.

Период, год	2021	2022	2023	2024	4 мес. 2025
Количество зарегистрированных преступлений	2136	2233	2382	3714	1996

Таблица 2 — Количество зарегистрировано преступлений по ст. 205 УК РФ по России в период 2021 — 4 мес. 2025 гг.

Период, год	2021	2022	2023	2024	4 мес. 2025
Количество зарегистрированных преступлений	41	127	410	1191	874

существующей отечественной системы противодействия терроризму.

Показателем значимых изменений современного терроризма является возрастание зарегистрированных преступлений террористического характера в России¹, начиная с 2021 года (таблица 1).

В основе роста общего количества вышеуказанных преступлений лежит именно резкое увеличение совершаемого базисного террористического деяния, а именно террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ (таблица 2).

В связи с этим заметим, что основным фактором, влияющим на новые количественно-качественные характеристики террористической «волны» в России, выступает начавшаяся СВО, и использование противником в ответ на ее проведение, в том числе, массового террористического инструментария. При этом возникшие новые особенности будут предопределять картину террористической деятельности в ближайшие годы во всем мире.

Еще в начале XXI века многие авторы обращали внимание на тенденцию увеличения общественной опасности терроризма по различным направлениям. Так, В. В. Лунеев выделял следующие направления «а) по темпам роста и прироста; б) по уровню организованности; в) по материально-техническому и финансовому обеспечению; г) по национальным и транснациональным масштабам террористической деятельности; д) по степени тяжести наступивших последствий; е) по числу человеческих жертв; ж) по характеру и объемам целей; з) по расширению его социальной базы» [2, с. 35].

Какие же, в этой связи, особенности развития терроризма, по нашему мнению, в настоящее время несут новизну? Итак, перейдем к их описанию.

В первую очередь, следует отметить качественное изменение организованной составляющей исследуемого явления. Террористическая деятельность в отношении Российской Федерации осуществляется рядом государств, которые применяют террористические акты как нескрываемую часть собственной политики (выделено нами — М.К.), публично заявляя о совершаемых деяниях. Ранее, в современной практике терро-

ристические акты осуществлялись одиночкой — физическим лицом, либо в соучастии, в том числе группой лиц по предварительному сговору, террористическим сообществом либо террористической организацией. Использование террористической практики с привлечением вышеперечисленных негосударственных субъектов или объединений для целей реализации внешней политики недружественных государств было и ранее и признается в современных документах стратегического планирования. Так, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации определяет, что некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн, инициирования «цветных революций», а также для создания обстановки «контролируемого хаоса» в отдельных регионах мира². Факты применения негласной террористической практики недружественными государствами официально озвучиваются и представителями российских спецслужб, так, «Служба внешней разведки России располагает достоверными сведениями о прямой причастности США и Великобритании к теракту, произошедшему на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток — 2»³. Отметим, что такая скрытая деятельность с стороны государств, как правило, осуществляется не публично, законспирировано, лицами, не аффилированными с соответствующими странами, с последующим официальным непризнанием

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495013&dst=1000000001&cacheid=D769AD0F56A11EA40436E080A2B3A9ED&mode=splus&rnd=JFbb5bU0WZfvkNgv#LdSjQoUzHQhctSHI> (дата обращения: 25.05.2025)

³ Нарышкин заявил о причастности США и Британии к подрыву «Северных потоков» // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/naryshkin-zayavil-o-prichastnosti-ssha-i-britanii-k-podryvu-severnykh-potokov.html> (дата обращения: 25.05.2025)

¹ Состояние преступности в России 2021 — 4 мес. 2025 // МВД России. // URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics> (дата обращения: 15.05.2025).

такой деятельности в случае ее раскрытия, так как она прямо противоречит международным соглашениям по противодействию терроризму, которые эти страны ратифицировали. Да и по внутреннему законодательству государства совершаемые в его интересах деяния квалифицируются как террористические.

Из тенденции открытого использования политики терроризма вытекает и такая особенность, как качественно иной уровень причиняемого и потенциально вреда, а следовательно, повышенная общественная опасность деяний за счет максимального привлечения организационных, человеческих, финансовых, информационных, разведывательных, технических, материальных и иных ресурсов, которыми обладает государство. И только некоторые террористические организации по части позиций могут приближаться к таким возможностям. В качестве примера таковой можем привести запрещенную в России высокоорганизованную террористическую организацию «Исламское государство», имевшую в определенный момент признаки квазигосударственного террористического образования и использовавшую террористическую деятельность как элемент собственной открытой политики. Это образование, которое *de jure* не было признанным, но *de facto* выполняло функции государства на захваченных им территориях [3, с. 22]. Отметим, что в настоящий момент такие возможности вышеназванной организации резко снижены.

В связи с открытой террористической политикой со стороны государства отмечается и такая современная особенность, как применение практики терроризма как средства ведения боевых действий [4, с. 121] неконвенциональными методами, позволяя охватывать большую часть территории страны, находящейся вне зоны вооруженного конфликта, воздействуя на гражданское население и инфраструктуру, устрояя население и стремясь дезорганизовать деятельность органов власти, инициируя поливариативные конфликты (по национальным, религиозным, территориальным, социальным и иным основаниям), комплексно ослабляя безопасность государства и общества. Так, террористический акт 22 Марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле», помимо первоначально-публичного вреда, был организован таким образом, что за счет социального статуса и национальности выбранных исполнителей создавал потенциальный триггер к возникновению внутреннего конфликта на национальной почве. При этом следует учитывать, что совершение террористического акта предполагает публичное и максимальное нарушение традиционных ценностей (жизни, прав и свобод человека, справедливости, единства народов России и др.), путем нарочитого вызова представлением о них в обществе, разрушая материю общественного благополучия, спокойствия и защищенности, и тем самым воздействуя на массовое сознание населения, вызывая эмоциональную реакцию.

Подтверждением тезиса о новой тенденции об открытом использовании государством террористических методов является и то, что «Результатом террористиче-

ской атаки на территорию Курской области подразделений вооруженных сил Украины стали жертвы среди мирного населения, разрушение жилых домов и иных гражданских объектов...»¹ и последующая за этим организация проведения контртеррористических операций в Белгородской, Брянской и Курской областях.

Еще одним аргументом, подтверждающим сформировавшуюся особенность современного терроризма, выступает сформировавшаяся системная судебная практика признания террористическими организациями некоторых подразделений государственных военизированных организаций Украины, а также открыто действующих в фарватере политики украинского государства иных организаций, причастных к совершению террористической деятельности².

В сфере применения уголовного права выше раскрытая особенность проявляет себя в квалификации государственно-аффилированных террористических деяний по совокупности преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. ст. 275, 275.1, 276, 276.1, 281 УК РФ и др.) и преступлений против общественной безопасности (ст. 205 УК РФ и др.), подтверждая повышенную общественную опасность содеянного. При этом даже практика назначение строгих наказаний в настоящее время не повлияла на снижение совершаемых террористических деяний.

Фактически, мы можем говорить о реализовавшейся в действительности гипотезе, озвученной нами еще в 2015 году, о возможности возникновения такой организованной формы субъекта террористической деятельности, как «террористическое государство» [3, с. 22], то есть обладающее суверенитетом, имеющее постоянное население, определенную территорию, органы власти, официально признанное и взаимодействующее с иными международными субъектами и *de jure* и *de facto* государство, которое выбирает в качестве собственной публичной политики террористическую практику, при этом открыто заявляя об этом. Следует отметить, что в возникшей ситуации на такой вызов с точки зрения уголовного права еще нет однозначного ответа. Так, например, А. Н. Трайнин говорил о том, что не все основополагающие понятия и институты уголовного права могут быть применимы к государству «... государство не может быть вменяемо или невменяемо; государство не может быть на скамье подсудимых или за решеткой в тюрьме.» [5, с. 721–722].

Считаем, что в настоящее время имеющиеся правовые средства противодействия терроризму позволяют признавать государственные органы террористиче-

¹ На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/kontnterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html> (дата обращения: 25.05.2025)

² См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ России. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 25.05.2025)

скими организациями и осуществлять последующее привлечение к уголовной ответственности их руководителей и сотрудников в рамках внутригосударственной системы уголовного права либо же при формировании соответствующего международного трибунала. Но, по нашему мнению, в отношении самого террористического государства, обладающего суверенитетом, в силу отсутствия соответствующего инструментария принятие уголовно-правовых мер невозможно. В этой ситуации может быть применена иная юрисдикция с иными правовыми последствиями (международные санкции, ликвидация государства путем вооруженного конфликта либо его переустройство в силу внешних и внутренних процессов и т. п.).

Заключение и вывод

В заключение следует отметить, что в настоящее время прослеживается новая особенность развития современного терроризма, которая заключается в том, что государства открыто признают, что проводят террористическую политику. Это предопределило появление новой террористической «волны» в Российской Федерации, начиная с 2022 года в виде совершаемых преступлений террористического характера и террористических актов, в частности. Совершение подобных вредоносных преступлений стало средством ведения боевых действий в отношении России.

Возрастание количества террористической практики возможно объяснить тем, что система противодействия терроризму столкнулась с качественно новой

террористической угрозой. При этом нормы антитеррористического законодательства активно применяются и подверглись минимальной коррекции, что говорит нам о наличии выстроенной системы противодействия терроризму, в том числе и с действенным уголовно-правовым инструментарием.

Фактически, сформировался новый субъект террористической деятельности — террористическое государство, то есть обладающий суверенитетом международно-признанный актор, использующий открытую террористическую политику. Совершение террористических деяний в такой ситуации обладает повышенной общественной опасностью в сравнении с иными формами организованного терроризма за счет максимального использования ресурсов, которыми обладает государство.

В силу деградации системы международной безопасности и отсутствия в настоящее время каких-либо универсальных механизмов противодействия террористическому государству, выявленная тенденция терроризма продолжит представлять как внешнюю, так и внутреннюю угрозу для государств и обществ.

Выявление, описание и понимание природы террористического государства позволят выработать наиболее эффективную систему противодействия ему. Для этого требуется переосмысление применения, в том числе, и правовых средств противодействия терроризму путем модернизации доктринальных основ и законодательных конструкций.

Список источников

1. Лунеев В. В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 26–41.
2. Лунеев В. В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. 2002. № 6. С. 35–39.
3. Косарев М. Н. Тенденции современного терроризма: «Исламское государство» как новая угроза безопасности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 20–22.
4. Косарев М. Н. Уголовно-правовые средства обеспечения военной безопасности: состояние и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 119–123. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-119-123
5. Трайнин А. Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья д. ю. н., профессора Н. Ф. Кузнецовой. СПб.: Издательство Юридический центр Пресс, 2004. 898 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Косарев Максим Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: kmn8@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim N. Kosarev

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: kmn8@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**Андрей Владимирович Майоров***Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,**г. Екатеринбург, Российская Федерация**ab_majorov@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Аннотация. В статье раскрываются доктринальные подходы к определению криминализации в уголовно-правовой науке, а также критерии установления уголовно-правовых запретов с учетом теории причинности преступности. Анализируются позиции ведущих ученых в области уголовного права (И. Я. Козаченко, А. В. Наумова, Ю. И. Бытко, В. И. Плоховой, И. М. Клейменова) относительно природы криминализации уголовного закона. Основной акцент сделан в статье на социальную природу причин усиления уголовной ответственности в формировании уголовной политики государства. Представлен анализ изменения уголовного закона в 2025 году, отражающий социальный фактор криминализации в процессе уголовно-правового нормотворчества. Приведены актуальные данные уровня преступности в Российской Федерации, которые позволяют судить об эффективности и необходимости вводимых изменений уголовного законодательства, в части усиления ответственности.

Ключевые слова: криминализация, нормотворчество, уголовная ответственность, уголовный закон, уголовная политика, уровень преступности

Для цитирования: Майоров А. В. Социальные факторы криминализации уголовного закона // Правопо-рядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 141–146. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-141-146

Research article

SOCIAL FACTORS OF CRIMINALIZATION OF CRIMINAL LAW**Andrey V. Mayorov***Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation**ab_majorov@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Abstract. The article reveals doctrinal approaches to the definition of criminalization in criminal law science, as well as criteria for establishing criminal law prohibitions, taking into account the theory of causality of crime. The positions of leading scientists in the field of criminal law (I. Ya. Kozachenko, A. V. Naumov, Yu. I. Bytko, V. I. Plokhova, I. M. Kleimenov) regarding the nature of criminalization of criminal law are analyzed. The main focus of the article is on the social nature of the causes of increased criminal responsibility in shaping the criminal policy of the state. The article presents an analysis of the changes in the criminal law in 2025, reflecting the social factor of criminalization in the process of criminal law rulemaking. The current data on the crime rate in the Russian Federation are presented, which allow us to judge the effectiveness and necessity of the introduced changes in criminal legislation, in terms of increased responsibility.

Keywords: criminalization, rulemaking, criminal liability, criminal law, criminal policy, crime rate

For citation: Mayorov AV. Social Factors of Criminalization of Criminal Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):141-146. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-141-146

Введение

Обращаясь к историко-философскому осмыслению уголовно-правовой материи, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев в своей книге «Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного», говоря о криминализации, утверждают, что «в самой по себе криминализации нет ничего сложного — это стандартная многократно проверенная законотворческая процедура» [6, с. 25]. Так и в уголовно-правовой теории криминализацию признают «одной из важнейших составляющих процесса уголовно-правового нормотворчества — признанием преступлениями определенные деяния и установлением за их совершение уголовной ответственности» [9, с. 163].

Криминализация является одним из важнейших инструментов государства по обеспечению уголовно-правовой охраны общественных отношений, постоянно меняющихся и трансформирующихся в современных условиях жизни. Но всегда ли оправдан и эффективен процесс уголовно-правового нормотворчества, и насколько он способен предусмотреть потенциальные угрозы и существующие риски гарантированным правам и свободам? Ответ на этот вопрос мы видим в научных исследованиях представителей уголовно-правовой науки, которые усматривают недостатки действующего законодательства, предлагают меры по повышению эффективности уголовно-правового регулирования общественных отношений, оперируя данными уголовной статистики и высказывая свое видение относительно направления вектора уголовной политики государства.

Материалы и методы

В качестве материала для проведения исследования были использованы научные труды ведущих ученых и теоретиков по заявленной теме, отражающие вопросы формирования уголовной политики и криминализации противоправных общественноопасных деяний, а также нормативные правовые акты, регулирующие изменение уголовного законодательства Российской Федерации.

В основу методологии исследования легли общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция и дедукция), а также контент-анализ научных исследований, проводимых отечественными исследователями в различный период времени.

Описание исследования

Обращаясь к терминологии, используемой в доктрине уголовного права, стоит отметить, что «криминализация» как термин используется в большинстве случаев «в узком смысле слова, как объявление деяния преступным» [8, с. 15], на что указывает В. И. Плохова в своем исследовании. Анализ использования данной категории в исследованиях уголовно-правового цикла не является основной целью нашей работы, но все же отметим, что он имеет достаточно устоявшуюся позицию в уголовно-правовой доктрине.

Однако, по нашему мнению, заслуживает особое внимание применительно к предмету нашего исследования авторское определение криминализации И. М. Клейменова, основанное на междисциплинарном подходе в различных отраслях знаний уголовно-правовой науки рассматриваемой терминологии и предлагаемое им для наук криминального цикла. Анализируя подходы правоведов, экономистов и социологов, автор приходит к выводу о необходимости «обеспечить реализацию междисциплинарного подхода в разработке искомого понятия и насыщения его комплексным содержанием» [4, с. 201]. Так, под криминализацией автор предлагает понимать «социально регрессивный эволюционный процесс, организуемый криминальными образованиями нового типа, реализуемый противоправными средствами, создающий множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли» [4, с. 205; 5, с. 20].

Ю. И. Бытко, рассуждая о криминализации как о важнейшей функции уголовной политики, говорит о том, что «в науке произошло смешение двух явлений — общественной опасности как одного из существенных признаков теоретически определенного понятия преступления и эмпирической общественной опасности уже реального, в жизни случившегося явления» [1, с. 128]. Криминологический подход к определению криминализации основан на теории причинности (факторов). Так, В. И. Плохова отмечает, что «теория криминализации, зародившаяся как теория факторов, влияющих на отнесение типичной группы деяний к преступлению, обсуждалась еще в 70–80-е годы в рамках проблем социального контроля, уголовной политики, предупреждения преступлений и механизма уголовно-правового регулирования» [8, с. 16]. Исследуя генезис криминализации, теоретики оперируют такими понятиями как «причины», «факторы», «условия», а также «принципы» и «поводы» [1, с. 129]. При этом, выявляя факторы криминализации, указывают на явления политического, экономического и социального характера.

Обозначив в теме настоящей статьи предметом исследования именно социальные факторы криминализации уголовного закона, полагаем необходимым раскрыть их значение для нормотворческой деятельности в формировании уголовной политики государства, важнейшей составляющей для которой является криминализация.

Раскрывая социальные факторы криминализации, необходимо обратиться к этимологии этого термина. Так, под социальным фактором понимают элемент, обстоятельство или условие социальной среды, которые влияют на мысли, эмоции, поведение людей и развитие общества в целом. Как правило, к ним относят культурные нормы, традиции, социальную организацию, экономический статус, образование, семью, средства массовой информации и взаимодействие с другими людьми.

При этом в криминологической науке к социальным факторам преступности относят широкий спектр

явлений, среди которых «социальное неравенство, бедность, безработица, неблагополучная семейная обстановка, негативное окружение, низкий уровень образования, искаженное влияние средств массовой информации и отсутствие социальных гарантий и поддержки, которые создают условия для криминальной активности» [2, с. 126]. Так, В. Е. Эминов, раскрывая причинные комплексы преступности в криминологии, указывая на многообразные и разноуровневые социальные отношения (неравенство, национализм, клановость, межличностные конфликты и т. п.), писал о том, что «в течение длительного времени в советской криминологии утверждалось, что преступность — явление сугубо социальное» [10, с. 98]. Возможно, именно с этой позиции законодатель и руководствуется в определении вектора уголовной политики, криминализируя уголовное законодательство. В подтверждение данного тезиса необходимо привести позицию И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеева, которые криминализацию деяния определяют как «вид государственной и политической деятельности, с помощью которой власть должна устанавливать разумно допустимый справедливый баланс между возникающей (возникшей) вредностью или опасностью деяния и/или индивида, его совершившего, очаговой социальной напряженностью отношений в социальных группах, общественным беспокойством, дестабилизацией государственных институтов, с одной стороны, и безопасностью индивида, очаговой социальной пластичностью отношений в социальных группах, общественным спокойствием, стабилизацией государственных институтов — с другой» [6, с. 29].

При этом формируемые в общественном сознании представления о том, что преступно, а что не преступно, не всегда точно соответствуют современному уголовному законодательству. В сложившихся условиях современного общества многие противоправные деяния требуют более жестких мер, чем предусмотрены законом. Оценивая общественную опасность деяний, законодатель вносит соответствующие изменения в уголовное законодательство. Справедливо отмечает Ю. И. Бытко, что «... процедура уголовно-правового нормотворчества не может быть не политизированной. Это часть политики государства и именно поэтому, — пишет автор, не случайно в сложной дефиниции «уголовная политика» ключевым словом является «политика»» [1, с. 134].

Отражение эффективности криминализации уголовного закона мы видим в статистических данных регистрируемого уровня преступности в стране. При этом не всегда нормотворческая инициатива законодателя соответствует реальной действительности и сложившейся ситуации. Возьмем, к примеру, уровень преступности в стране за 2024 год. По данным Министерства внутренних дел России, в 2024 году количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений уменьшилось на 1,8 %. Число противоправных деяний против личности сократилось на 7,7 %, в том числе убийств и покушений на убийство — на 9,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здо-

ровью — на 8,1 %. В минувшем году отмечается снижение количества зарегистрированных разбоев на 16,3 %, грабежей — на 20,7 %, краж — на 14,3 %, включая квартирные — на 28,7 %, краж автомобилей — на 19,5 % и их угонов — на 13 %. В общественных местах зарегистрировано на 14 % преступлений меньше, чем годом ранее, в том числе на улицах, площадях, в парках и скверах — на 19,1 %. Число уличных разбоев сократилось на 18,4 %, грабежей — на 26,3 %, краж — на 22,5 %. Количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 3,4 %, совершенных гражданами в состоянии алкогольного опьянения — на 20 %, наркотического — на 7,2 %, ранее судимыми — на 17 %. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства совершено на 0,9 % преступлений меньше, чем в 2023 году. На 17,2 % сократилось количество преступлений в отношении иностранцев.

При этом в ведомстве указывают, что 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов — на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %.

Выявлено и пресечено в 2024 году на 51,4 % больше преступлений, связанных с пересылкой наркотиков, на 37,5 % — связанных с их контрабандой, на 11,1 % — с их производством и на 7 % — со сбытом»¹.

Каковы же новеллы криминализации уголовного закона 2025 года и на сколько в них учтены социальные факторы их обусловленности, мы можем проследить по изменениям уголовного закона в текущем году:

1. *Уголовно-правовая охрана конституционного строя, безопасности государства и общественной безопасности.*

С 21 апреля 2025 г. в качестве усиления уголовной ответственности предусмотрена конфискация имущества за совершение преступлений, предусмотренных статьями: 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственных органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации»; 284.2 УК РФ «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц»; 284.3 УК

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 30.07.2025).

РФ «Оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов»; 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации»¹.

С мая текущего года введена уголовная ответственность за несообщение о преступлениях диверсионной направленности, путем внесения дополнений в ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», диспозиция которой дополнена перечнем преступлений диверсионной направленности (ст.ст. 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ)².

2. Уголовно-правовая охрана нравственности.

С июля 2025 года уголовная ответственность наступает за возбуждение ненависти, вражды и унижение человеческого достоинства не только при административной преюдиции, но и в случаях, если: виновный имеет судимость за публичные призывы к экстремизму или неоднократную демонстрацию запрещенной атрибутики; нарушение сопровождалось оправданием или пропагандой применения насилия (угрозы его применения)³.

С 3 августа 2025 года привлекут к ответственности за осквернение воинских захоронений и памятников (в частности, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России)⁴.

3. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних.

С 8 января 2025 года усилена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий за счет введения новых квалифицирующих признаков: «вовлечение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», вовлечение «двух или более несовер-

шеннолетних», «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста». При этом наказание по квалифицированным составам ужесточены⁵.

С указанной даты введена ответственность за повторную продажу несовершеннолетним табачной и иной продукции (никотинсодержащей продукции и сырья для их производства, табачных изделий, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции)⁶.

4. Уголовно-правовая охрана экономических отношений.

С 5 июля 2025 года усилена ответственность за незаконное разглашение и использование коммерческой, налоговой и банковской тайны. Введена уголовная ответственность дропперов за приобретение или передачу другому лицу из корысти электронного средства платежа (далее — ЭСП) (доступа к нему) для незаконных операций, приобретение ЭСП (доступа к нему) для передачи другому лицу из корысти, проведение незаконных операций с ЭСП⁷. Также введена ответственность за незаконную регистрацию ИП и использование документов для этих целей⁸ (ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ).

5. Уголовно-правовая охрана информационной сферы.

С 1 сентября 2025 года уголовное законодательство предусматривает новые составы преступлений в сфере компьютерной информации (ст.ст. 274.3–274.5 УК РФ), предусматривающие уголовную ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции; организацию деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением обязательных требований или информации для регистрации (авторизации) пользователя для доступа к функционалу информресурса, при этом совершение преступления с использованием VPN-сервисов отнесено к отягчающим обстоятельствам⁹.

Наряду с криминализацией уголовного закона необходимо обратить внимание и на декриминали-

⁵ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494795/ (дата обращения: 15.07.2025).

⁶ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2024 № 515-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494796/ (дата обращения: 15.07.2025).

⁷ См.: О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 25.07.2025).

⁸ См.: О внесении изменений в статьи 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 25.07.2025).

⁹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 01.08.2025).

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21.04.2025 № 90-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503571/ (дата обращения: 15.07.2025).

² См.: О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21.04.2025 № 102-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503606/ (дата обращения: 15.07.2025).

³ См.: О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 173-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503606/ (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ См.: О внесении изменений в статью 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23.07.2025 № 247-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510535/ (дата обращения: 25.07.2025).

зирующие основания уголовной политики. Так, с января текущего года врачи освобождены от наказания за некачественные услуги. Согласно действующему уголовному законодательству, при оказании медпомощи медицинскими работниками не будут привлекать к ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности¹.

Формирование уголовной политики в процессе криминализации и декриминализации требует необходимость анализа и переосмысления всех возможных последствий. В этой связи заслуживает внимание позиция А. М. Джоробековой, А. К. Канатова, которые, указывая на строгий и справедливый подход к правоприменению, пишут о том, что «криминализация некоторых деяний может привести к стигматизации и маргинализации отдельных групп населения, значительным финансовым издержкам как для государства, так и для граждан. Сюда входят расходы на содержание тюрем, судов и медицинских учреждений, а также потенциальные потери от трудоспособности по обвинению» [3, с. 150]. Авторы справедливо указывают на то, что «избыточная криминализация может привести к потере доверия со стороны граждан, которые могут начать воспринимать законы как инструмент репрессий, который может снизить легитимность государства и подорвать демократические институты. ... Увеличение количества криминализованных деяний может перегрузить судебную систему и загрузить другие органы, что, в свою очередь, может привести к снижению качества право-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494795/ (дата обращения: 15.07.2025).

судия и увеличению числа ошибок в правоприменении. ... также может отрицательно повлиять на жертв преступлений, если она приводит к несоразмерным наказаниям или недостаточной защите их прав» [3, с. 152].

А. И. Коробеев, рассматривая социальные основания криминализации, четко определил, что «уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая уголовно-правовой наказуемости» [7].

Заключение

Уголовная политика, формируя приоритетные направления совершенствования законодательства в целях противодействия преступности, как правило, зависит от показателей структуры и уровня преступности в обществе, воздействие на которые происходит за счет нормотворческой деятельности, именуемой криминализацией уголовного закона. Законодатель, стремясь привести в соответствие с новыми вызовами криминальной активности в обществе действующее уголовное законодательство, порой не всегда учитывает доктринальные подходы в уголовно-правовой и криминологической науках, тем самым вызывая оправданную критику новой криминализации закона со стороны теоретиков и привнося определенные трудности в практику применения. Полагаем, что процесс уголовно-правового нормотворчества должен не только включать введение карательных мер за вновь криминализованные деяния, но и иметь прогностический характер, учитывая риск-ориентированный подход с учетом теории прогнозирования преступности.

Список источников

1. Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6(113). С. 127–134.
2. Гаджиев Д. М. Причины воспроизводства преступности и их преломление в Республике Дагестан // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. С. 125–133.
3. Джоробекова, А. М. К вопросу о криминализации деяний / А. М. Джоробекова, А. К. Канатов // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2024. № 3. С. 149–153. DOI: 10.26104/IVK.2024.84.93.032.
4. Клейменов И. М. Криминализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 200–207.
5. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2015. 40 с.
6. Козаченко, И. Я. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и неправомерного / И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеев. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с.
7. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.
8. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 293 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 448 с.
10. Эминов В. Е. Причинные комплексы преступности: криминологический анализ // Философские науки. 2008. № 5. С. 93–107.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Майоров Андрей Владимирович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: ab_majorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8629-9837

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Mayorov

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: ab_majorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8629-9837

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.08.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.08.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.08.2025.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВА ОТ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАТИФИКАЦИИ КОНВЕНЦИИ ООН (2024)

Денис Валентинович Пучков

*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
d.puchkov@loys.law*

 <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу эволюции глобальной уголовно-правовой политики в контексте противодействия киберпреступности. Особое внимание уделяется процессу принятия Конвенции Организации Объединенных Наций по использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (далее — Конвенция ООН против киберпреступности), принятой 24 декабря 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция 79/243), ее имманентной правовой природе и потенциальным импликациям для государств-участников. Проводится анализ возможных обязательств Российской Федерации в случае ратификации данного международного инструмента, охватывающий аспекты адаптации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, интенсификации трансграничного сотрудничества, а также преодоления институциональных вызовов. В заключение постулируется императивная необходимость применения системного подхода к процессу имплементации положений Конвенции в национальную правовую систему.

Ключевые слова: киберпреступность, международное сотрудничество, уголовная политика, Конвенция ООН 2024, Российская Федерация, электронные доказательства

Для цитирования: Пучков Д. В. Глобальная политика в сфере уголовно-правовой защиты общества от киберпреступности: международные обязательства Российской Федерации при ратификации Конвенции ООН (2024) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 147–153. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-147-153

Research article

GLOBAL POLICY IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF SOCIETY FROM CYBERCRIME: INTERNATIONAL OBLIGATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION UPON RATIFICATION OF THE UN CONVENTION (2024)

Denis V. Puchkov

*Ural State Law University name after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
d.puchkov@loys.law*

 <https://orcid.org/0000-0002-5318-0338>

Abstract. This article analyzes the evolution of global criminal law policy in the context of combating cybercrime. Special attention is paid to the process of adopting the United Nations Convention on the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes (hereinafter — Convention against cybercrime), adopted on December 24, 2024, by the UN General Assembly (Resolution 79/243), its inherent legal nature, and potential implications for participating states. A meticulous analysis is conducted regarding the possible obligations of the Russian Federation upon ratification of this international instrument, covering aspects of adapting criminal and criminal procedural legislation, intensifying cross-border cooperation, and overcoming institutional challenges. The conclusion postulates the imperative necessity of applying a systemic approach to the process of implementing the Convention's provisions into the national legal system.

Keywords: cybercrime, international cooperation, criminal policy, UN Convention 2024, Russian Federation, electronic evidence

For citation: Puchkov DV. Global Policy in the Field of Criminal Law Protection of Society from Cybercrime: International Obligations of the Russian Federation upon Ratification of the UN Convention (2024). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):147-153. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-147-153

Введение

Экспоненциальный рост информационных технологий и стремительная цифровизация всех аспектов жизнедеятельности, от макроэкономических систем до механизмов государственного управления, привели к беспрецедентному масштабированию феномена киберпреступности. Данное явление, детерминируемое трансграничной природой и динамичным развитием новых схем преступления, представляет собой серьезную экзистенциальную угрозу для национальной безопасности суверенных государств, стабильности глобальных финансовых систем и фундаментальных прав индивидуумов в мировом масштабе. В ответ на эти появляющиеся вызовы международное сообщество инициировало проактивные шаги по выработке унифицированных подходов к уголовно-правовой экспликации и защите от киберпреступных деяний. Кульминацией этих многосторонних усилий явилось принятие 24 декабря 2024 года Конвенции № 79/243 Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (далее — Конвенция ООН против киберпреступности)¹, призванной сформировать универсальный нормативно-правовой базис для эффективного противодействия данному виду делинквентности.

Настоящее исследование посвящено критическому анализу этой новой международной инициативы и ее потенциальных импликаций для правовой системы Российской Федерации. Актуальность данного изыскания детерминируется императивом комплексной оценки готовности российского законодательства к имплементации положений Конвенции и адаптации к формирующимся международным стандартам в сфере борьбы с киберпреступностью.

Материалы и методы

Методологическая основа данного исследования базируется на компаративном анализе международных

правовых актов, нормативно-правовой базы Российской Федерации, а также доктринальных источников в области международного уголовного права, киберправа и криминологии. В работе использованы как общенаучные методы, включая системный анализ, синтез, индукцию, дедукцию и типологизацию, так и частнонаучные подходы, в частности, сравнительно-правовой и формально-юридический анализ. Особый акцент сделан на компаративном сопоставлении положений Конвенции ООН против киберпреступности с действующим законодательством Российской Федерации и релевантными международными актами, такими как Европейская конвенция Совета Европы по киберпреступлениям (далее — Будапештская конвенция)², с целью идентификации потенциальных коллизий и перспектив гармонизации правовых норм. Эмпирическая база включает официальные документы ООН, законодательные акты и экспертные заключения ведущих научно-исследовательских институтов.

Описание исследования

Принятая 24 декабря 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция против киберпреступности репрезентирует собой эпохальное событие в эволюции международного публичного права. Данный документ конституирует универсальный многосторонний международный договор, разработанный под эгидой Организации Объединенных Наций, что говорит об его глобальном характере и потенциале для широкой ратификации государствами-членами. В отличие от региональных инструментов, таких как Будапештская конвенция Совета Европы, Конвенция ООН стремится к охвату максимально возможного числа государств, предлагая унифицированный стандарт противодействия киберпреступности. Ее правовая природа определяется как обязывающее многостороннее соглашение, влекущее за собой для государств-участников обязательства по криминализации определенных видов деяний, интенсификации международного сотрудничества и имплементации процессуальных механизмов, необходимых для эффективной борьбы с киберпреступностью. Принципиальным аспектом является ее потенциал стать основополагающим элементом для дальнейшего прогрессивного развития международного уголовного права в сфере высоких технологий, обеспечивая универсальный правовой механизм про-

¹ Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно — Коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям № 79/243, Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 года // URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 15.06.2025).

² Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве): заключена в Будапеште 23 ноября 2001 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 15.06.2025).

тивоедействия преступлениям, имманентно лишенным национальных юрисдикционных границ.

Процесс принятия Конвенции ООН по ИКТ завершился консенсусным одобрением ее финальной версии всеми 193 государствами — членами Организации Объединенных Наций. Данное значимое событие было формализовано путем принятия Резолюции 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН без проведения голосования 24 декабря 2024 года, что подчеркивает высокий уровень межгосударственного согласия по ключевым аспектам регулирования киберпреступности. Согласно установленным процедурам международного права, Конвенция будет открыта для подписания на торжественной церемонии в Ханое в октябре 2025 года. После этого возможность подписания сохранится в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке до 31 декабря 2026 года. Вступление Конвенции в силу обусловлено депонированием сорокового документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении, что соответствует стандартной практике универсальных международных договоров и обеспечивает ее широкое правовое действие.

Принятие Конвенции ООН против киберпреступности знаменует собой фундаментальный этап в консолидации глобальных усилий по противодействию транснациональной киберпреступности. Данный международный инструмент направлен на унификацию базовых уголовно-правовых и процессуальных подходов, что является критически важным для обеспечения эффективности борьбы с преступлениями, по своей природе не имеющими национальных границ. Унификация осуществляется по нескольким ключевым направлениям, охватывая материальные составы преступлений, механизмы взаимной правовой помощи, экстрадицию, а также специфические процедуры, касающиеся электронных доказательств.

Конвенция предписывает государствам-участникам криминализовать определенные деяния, связанные с ИКТ, устанавливая минимальные стандарты для элементов их составов. Это позволяет гармонизировать национальные уголовные законодательства и минимизировать риск существования «лакун» или различий, препятствующих международному сотрудничеству.

Однако категориальный аппарат Конвенции ООН против киберпреступности не содержит дефиниции «компьютерная информация», что, на наш взгляд, выглядит абсолютно логично, с учетом того, что международные конвенции стремятся к технологической нейтральности, что означает их независимость от конкретных аппаратных и программных решений или форматов данных. Использование обобщенного термина «информация» позволяет избежать устаревания правовых норм вследствие стремительного научно-технического прогресса и смены доминирующих технологий. Это придает конвенциям долгосрочную релевантность и адаптивность. В рамках международно-правовых парадигм понятие «информация» трактуется максимально широко, охватывая совокупность любых

данных, независимо от их формы представления, способа создания или носителя. Компьютерная информация в данном контексте является лишь одной из модальностей более объемного концепта. Такой подход обеспечивает инклюзивность и применимость нормативных актов ко всем видам данных, циркулирующих в ИКТ-среде.

Определение «компьютерной информации» может существенно различаться в национальных законодательствах и доктринальных подходах различных государств. Универсализация данного термина на международном уровне сопряжена с риском возникновения коллизий и интерпретационных разногласий.

Таким образом, отсутствие прямого упоминания «компьютерной информации» в Конвенции ООН по ИКТ является результатом осознанного выбора в пользу концептуальной широты, технологической нейтральности, минимизации дефиниционных споров и приоритизации вопросов безопасности в международно-правовом регулировании сферы ИКТ.

При этом в конвенции представлено понятие «электронные данные», что на наш взгляд является прогрессивным и более перспективным подходом с учетом развития технологий. Так, согласно п. б) статьи 2 Конвенции ООН против киберпреступности «электронные данные» означают любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в информационно-коммуникационной системе, включая соответствующую программу, в результате действия которой информационно-коммуникационная система выполняет ту или иную функцию.

Нами ранее было представлено схожее по своей сути понятие компьютерной информации, где под компьютерной информацией предлагалось понимать любые сведения (сообщения, базы данных и т. д.), созданные либо преобразованные с помощью кибернетических технологий, находящихся либо имеющих следы в кибернетическом пространстве, либо зафиксированные в информационно-телекоммуникационной сети, системе или на машинном носителе [9, с. 241].

В свою очередь, понятие коммуникационной системы представлено в пункте а) статьи 2 Конвенции ООН против киберпреступности как любое устройство или группа соединенных или взаимосвязанных устройств, одно или несколько из которых по команде программы производит сбор, хранение и автоматическую обработку электронных данных.

Исходя из этого, компьютерная информация либо электронные данные, по своей сути, являются нематериальной сущностью. Они представляют собой совокупность сведений, сообщений или данных, лишенных физической формы. Их существование проявляется через абстрактные модели поведения и структуры, которые могут быть закодированы и интерпретированы. Несмотря на то, что компьютерная информация требует физического субстрата для своей фиксации (например, изменения магнитных полей на жестком диске, зарядов в полупроводниковых ячейках флеш-памяти или электрических сигналов в сети), эти материальные

носители являются лишь средством её репрезентации и хранения, а не самой информацией. Информация как таковая обладает информационным, а не вещественным атрибутом.

В свою очередь, информационно-коммуникационная система (ИКС), в отличие от информации и данных, обладает материальной и логически структурированной природой, включающей в себя: осязаемые устройства, такие как процессоры, память, сетевое оборудование, периферийные устройства, которые формируют материальную основу системы и наборы инструкций (алгоритмов), которые управляют аппаратными средствами, обеспечивают обработку данных, взаимодействие между компонентами и функционирование всей системы в целом. Эти компоненты, хотя и не имеют физической массы, являются неотъемлемой частью ИКС, определяя её поведение и функциональность.

В итоге ИКС выступает как функциональный комплекс, предназначенный для сбора, хранения, обработки и передачи электронных данных (компьютерной информации), обеспечивая её жизненный цикл в цифровой среде, и именно незаконный доступ к такого рода данным говорит о высокой общественной опасности.

Однако существующая уголовно-правовая охрана компьютерной информации в Российской Федерации существенно отличается от предложений в Конвенции по ИКТ.

Так, в части 1 статьи 7 Конвенции ООН по ИКТ предлагается криминализировать «Незаконный доступ к информационно-телекоммуникационной системе (Illegal Access)», а именно умышленный и неправомерный доступ ко всей информационно-коммуникационной системе или любой её части. Ключевым аспектом унификации здесь является требование квалификации данного деяния как формального состава преступления. Это означает, что для наступления уголовной ответственности не требуется обязательного причинения материального ущерба или иных последствий (уничтожения, модификации, блокирования информации), достаточным является сам факт неправомерного проникновения, особенно если оно сопряжено с преодолением мер защиты. Данный подход направлен на защиту конфиденциальности и неприкосновенности информационно-коммуникационных систем как таковых.

Однако согласно части 2 статьи 7 Конвенции ООН по ИКТ: «Государство-участник может установить требование, чтобы правонарушение было совершено путем нарушения мер безопасности с намерением получить электронные данные или с иным бесчестным или преступным умыслом, либо в отношении информационно-коммуникационной системы, соединенной с другой информационно-коммуникационной системой»¹. В дан-

ном случае предметом преступления выступают электронные данные.

Следует отметить, что построение уголовно-правовых норм стало развиваться на границе так называемых информационных преступлений и компьютерных преступлений. По мнению ряда исследователей, понятие «преступления, совершенного в информационном пространстве», должно раскрывать «любые противоправные деяния, осуществляемые благодаря компьютерной системе или сети, в этих системах или против компьютерных систем или сети» [12; 13].

Так, с учетом вышесказанных предложений, предлагается криминализовать незаконный доступ как к информационно — коммуникационной системе, так и к электронным данным (компьютерной информации), при этом состав преступлений в обоих предложениях является формальным по отношению к последствиям, в отличие от статьи 272 УК РФ, где требуется наступление последствий в виде уничтожения, модификации, блокирования либо копирования информации.

Необходимо указать на то, что на сегодняшний день предмет преступлений в сфере компьютерной информации намного шире и представляет собой информационно-телекоммуникационные сети и информацию, содержащуюся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации [9, с. 241].

Раскрытие содержания объективной стороны состава преступления, связанного с неправомерным доступом к компьютерной информации, осуществляется непосредственно в тексте ст. 272 УК РФ: «Неправомерный доступ к охраняемой законом информации», что определяет основные элементы объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

С технической точки зрения неправомерный доступ понимается как «доступ к определенной информации, который был получен благодаря несанкционированному преодолению аппаратных, программных или комплексных мер защиты» [10, с. 32–35]. Иначе говоря, доступ всегда предполагает совершение совокупности тех действий, которые подпадают под определение: «активное поведение человека, заключающееся в воздействии на окружающую среду» [8, с. 56]. При этом некоторые исследователи считают, что в основе содержания неправомерности доступа лежит отсутствие добровольного согласия обладателя той или иной информации относительно возможностей доступа к ней:

– «без согласия собственника этой информации либо иного лица, обладающего ею по закону»²;

– «лицо не имеет права на доступ к компьютерной информации; лицо имеет право на доступ к данной информации, однако осуществляет его помимо установ-

¹ Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно — Коммуникационных систем, и в обмене доказательств в электронной форме, относящимися к серьезным преступле-

ниям № 79/243, Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 года // URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 15.06.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. М.: ЗЕРЦАЛО: ТЕИС, 1997. С. 82.

ленного порядка, с нарушением правил эксплуатации» [5, с. 653];

– «несанкционированное владельцем информации ознакомление с данными, содержащимися на машинных носителях или компьютере, лица, не имеющего соответствующего допуска» [4, с. 664].

При этом следует учитывать и то, что в содержании ст. 272 УК РФ охрана информации не ставится в зависимость от уровня ее технической защищенности. Таким образом, неправомерным может быть признан и доступ к охраняемой законом информации при нахождении определенной информации на компьютере и без средств ее защиты определенными способами.

Среди основных способов осуществления неправомерного доступа выделяются использование чужого логина, изменение сетевого адреса технического устройства, завладение различными способами паролем, определение и использование существующих «пробелов» в программном обеспечении или сетевой защите, любой иной обман системы защиты компьютерной информации [7, с. 11]. При этом ущерб при неправомерном доступе к компьютерной информации может быть причинен в четырех основных формах (детальный юридический анализ которых был успешно выполнен в работе В. Г. Степанова-Егянца) [11] последствий:

- блокирование компьютерной информации, которое состоит в возможности или невозможности использования определенной компьютерной информации;
- копирование компьютерной информации;
- модификация компьютерной информации, т. е. осуществление преобразования, видоизменения компьютерной информации с приобретением ею новых свойств;
- уничтожение компьютерной информации.

По нашему мнению, последствия, указанные в ст. 272 УК РФ, в виде уничтожения, блокирования, модификации могут и должны образовывать составы самостоятельных преступлений, учитывая их посяательства на совершенно иные общественные отношения, нежели неправомерный доступ к компьютерной информации.

На наш взгляд, законодателем абсолютно необоснованно оставляются вне уголовно-правового запрета такие действия, как уничтожение, блокирование, модификация и копирование компьютерной информации. Между тем можно утверждать, что целью являются именно данные действия, а не сам по себе неправомерный доступ к компьютерной информации, который фактически стал вторичным по отношению к последствиям.

«Уголовная политика любого государства должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы», — говорили А. И. Алексеев, В. С. Овчинский и Ф. Э. Побегайло [1, с. 144].

Однако криминализация, на наш взгляд, и прежде всего вновь возникающих общественных отношений

в сфере телекоммуникаций, крайне необходима, но при наличии определенных факторов, а не в угоду сиюминутным потребностям государства.

Так, А. И. Коробеев указывал: «В результате объективного и закономерного процесса постоянного развития, изменения и совершенствования социальных структур, появления новых общественных отношений возникает необходимость в уголовно-правовой защите некоторых из них. Установлением уголовной наказуемости деяний, способных причинить вред вновь возникающим общественным отношениям, и обеспечивается такая защита. Отмеченная тенденция является отражением принципа динамизма в уголовном праве. Он, как известно, требует постоянного учета изменений в системе общественных отношений и своевременного отражения их в законе» [6, с. 247].

Тем не менее опираться на один лишь фактор динамизма недопустимо в силу необходимости наличия нескольких факторов, находящихся в системе и позволяющих ставить вопрос о криминализации того или иного общественно опасного деяния. Однако в вопросе сущности и количества данных факторов также нет единого мнения.

На наш взгляд, при конструировании нормы статьи Седьмой Конвенции ООН по ИКТ полностью выдержано правило построения диспозиций уголовно-правовой нормы, сформулированное М. И. Ковалевым: «чем абстрактнее описаны действия, образующие объективную сторону состава преступления, тем конкретнее должны быть указаны последствия этих действий. И наоборот» [3, с. 73].

Такого рода криминализация позволит выстроить более эффективную уголовно-правовую модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств, затрагивающих совершенно разные объекты уголовно-правовой охраны.

Некоторые страны криминализуют простой доступ, в то время как другие ограничивают криминализацию только преступлениями при действующей системе защиты и принимаемых мерах безопасности, или когда преступник имеет намерения незаконно получить данные, изменить их или нанести ущерб [2, с. 60]. В частности, Конвенция Совета Европы о киберпреступности включает положение о незаконном доступе, защищающем целостность компьютерных систем путем криминализации несанкционированного доступа к ней. Отмечая непоследовательность подходов на национальном уровне, Конвенция о киберпреступности предлагает возможность не применять государствами-участниками некоторые содержащиеся в ней положения при уже имеющихся в национальном законодательстве ограничениях, тем самым сохраняя собственные, в определенном смысле более либеральные законы о незаконном доступе к компьютерным системам. Данное положение направлено на защиту целостности всех компьютерных систем.

В этой связи представляется абсолютно логичным и обоснованным изменение ст. 272 УК РФ как в части

предмета преступления, так и в части наступления последствий, выделив существующие последствия в отдельные составы преступлений, изложив редакцию ст. 272 УК РФ в следующей редакции: «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации или информационно — телекоммуникационной системе либо его части».

Основанием для такой криминализации, помимо вышесказанных и научно обоснованных принципов криминализации, может стать ратификация Конвенции ООН по ИКТ, которая предполагает для Российской Федерации ряд существенных обязательств, требующих методологически выверенного и системного подхода к имплементации ее положений в национальную правовую систему. Данные обязательства охватывают как сферы материального уголовного права, так и регламентацию уголовно-процессуальной деятельности, а также способы международного сотрудничества и обеспечения прав человека.

Одним из ключевых императивов при ратификации Конвенции станет необходимость внесения комплексных корректив в Уголовный кодекс Российской Федерации. Это может быть связано с криминализацией новых видов деяний, ассоциированных с киберпреступностью, или с уточнением существующих составов преступлений с целью обеспечения их соответствия международно-правовым стандартам. Вероятно, потребуются ревизия ряда определений в сфере цифровой преступности для достижения унификации с конвенционными положениями, а также установление адекватных мер уголовной ответственности. Приоритетное внимание должно быть уделено составам, касающимся неправомерного доступа к компьютерной информации, разработки и распространения вредоносных компьютерных программ, мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также преступлений против целостности, конфиденциальности и доступности компьютерных данных и систем.

Однако реализация положений Конвенции, особенно в части экспансии полномочий правоохранительных органов по доступу к данным и осуществлению мониторинга, может генерировать определенные правозащитные вызовы. Императивно необходимо будет обеспечить оптимальный баланс между эффективностью противодействия киберпреступности и неукоснительным соблюдением конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и защиту персональных данных. Это потребует создания строгих механизмов судебного контроля и прокурорского надзора за действиями субъектов правоприменения, а также обеспечения гарантий соразмерности и необходимого применения принудительных мер, как подчеркивается в аналитических отчетах правозащитных организаций.

В этой связи вспоминается бурная дискуссия в рамках Специального комитета ООН относительно принятия положений о соблюдении прав человека в со-

ответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах человека (МПГПП), не ратифицированным рядом государств-участников¹. Результатом данных дискуссий стал итоговый компромисс, указанный в ст. 6 Конвенции против киберпреступности, который не в полной мере удовлетворил пожелания ряда сторон относительно строгих гарантий прав человека в контексте расследования киберпреступлений. Конвенция прежде всего сосредоточена на укреплении международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ, и в обмене доказательствами, а не на детальной регламентации прав человека, что делает ее более слабой в этой части по сравнению с Будапештской Конвенцией (2001).

Кроме того, несмотря на заявленный универсальный характер ряда положений Конвенции ООН против киберпреступности, Конвенция содержит ряд положений, которые потенциально могут быть предметом многосторонних дискуссий и иметь специфические национальные интерпретации. Российская Федерация на этапе формирования Конвенции могла артикулировать определенные оговорки или занимать особую позицию по некоторым принципиальным вопросам, касающимся, например, определения юрисдикции, объема международного сотрудничества или подходов к обеспечению кибербезопасности. Принципиально важно провести детальный анализ этих дискуссионных моментов и эксплицировать, каким образом позиция Российской Федерации по ним будет рефлексировать на процесс ратификации и последующую имплементацию. Это также включает вопросы, сопряженные с концепцией государственного суверенитета в киберпространстве и регуляторной политикой в отношении глобальной сети Интернет.

Заключение

Принятие Конвенции ООН против ИКТ представляет собой значимый этап в процессе формирования и консолидации глобальной уголовно-правовой политики в сфере противодействия киберпреступности. Для Российской Федерации ратификация данного международного договора сопряжена с императивом глубокой и системной реформы ряда сегментов национального законодательства, включая нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Помимо адаптации нормативно-правовой базы, потребуются интенсификация механизмов международного сотрудничества и поиск оптимального баланса между эффективностью правоприменения и обеспечением защиты прав человека. Имплементация Конвенции будет требовать не только юридических, но и существенных институциональных, а также ресурсных импликаций, направленных на создание полноценной и когерентной системы противо-

¹ «Международный пакт о гражданских и политических правах человека» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 15.06.2025).

действия киберпреступности в полном соответствии с международными стандартами, которые мы попытались раскрыть в данной статье на примере изменений ст. 272 УК РФ. Комплексный и научно обоснованный подход к решению этих задач позволит Российской Фе-

дерации эффективно участвовать в глобальной борьбе с киберпреступностью, обеспечивая безопасность своих граждан и критически важных информационных систем.

Список источников

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Ф. Э. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
2. Зинина У. В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2007. 160 с.
3. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. 824 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М.: ИНФРА-М: Норма, 1996. 653 с.
6. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ. 247 с.
7. Ляпунов Ю. И., Максимов В. Ю. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. 1997. № 1. С. 8–15.
8. Парфенов А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2004. 428 с.
9. Пучков Д. В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Пучков Денис Валентинович. Екатеринбург, 2022. 474 с.
10. Сизов А. В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: практика правоприменения // Информационное право. 2009. № 1. С. 32–35.
11. Степанов-Егиянц В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич. Москва, 2016. 389 с.
12. Lounsbury D. J. Information systems law and operator liability revisited // Murdoch university E-Law journal. 1994. Vol. 1. September, 3;
13. McMahon J. Practical decent security // Digital systems journal. 1992. Vol. 14. November.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Денис Валентинович

Доктор юридических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: d.puchkov@loys.law
ORCID: 0000-0002-5318-0338

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Puchkov

Doctor of Legal Sciences, Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: d.puchkov@loys.law
ORCID: 0000-0002-5318-0338

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 25.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 34.343.01
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-154-161

С. 154–161

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ

Елена Владимировна Щелконогова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
shelkonogova-ele@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

Аннотация. *Введение:* Актуальность темы исследования обусловлена проблемными вопросами квалификации деяния при необходимой обороне. В статье исследуется вопрос о важности более детального рассмотрения психического состояния обороняющегося при причинении вреда. *Целью* работы является обоснование необходимости принятия мер, направленных на повышение правильной оценки психического состояния лица правоприменителем. В связи с чем предлагается повышать грамотность следователей, дознавателей в сфере психологии. Научный анализ проблемы оценки психического состояния обороняющегося проводится методом анализа и синтеза, сравнительно-правового метода, междисциплинарного подхода. В *результате* исследования автор приходит к *выводу*, что причинение вреда при необходимой обороне является ситуацией, требующей особого внимания к психическому состоянию лица. Также выделяются некоторые моменты, такие как причинение вреда при мнимой обороне, внезапность нападения, которые являются маркерами правильности оценки психического состояния обороняющегося. Предлагается более важную роль в обучении студентов-юристов отводить дисциплине «Юридическая психология».

Ключевые слова: необходимая оборона, мнимая оборона, состояние аффекта, психиатрическая экспертиза, предварительное расследование, юридическая психология

Для цитирования: Щелконогова Е. В. Психологические аспекты правомерности причинения вреда при необходимой обороне // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 154–161. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-154-161

Research article

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE LEGALITY OF CAUSING HARM IN NECESSARY DEFENSE

Elena V. Schelkonogova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
shelkonogova-ele@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

Abstract. *Introduction:* The relevance of the research topic is due to the problematic issues of qualification of an act in necessary defense. The article examines the importance of a more detailed consideration of the mental state of the defender when causing harm. The purpose of the work is to substantiate the need to take measures aimed at improving the correct assessment of the mental state of a person by a law enforcement officer. In this regard, it is proposed to improve the literacy of investigators and interrogators in the field of psychology. Scientific analysis of the problem of assessing the mental state of the defender is carried out by the method of analysis and synthesis, comparative legal method, interdisciplinary approach. As a result of the study, the author comes to the conclusion that causing harm in necessary defense is a situation that requires special attention to the mental state of a person. Some points are also highlighted, such as causing harm in imaginary defense, the suddenness of the attack, which are markers of the correctness of the assessment of the mental state of the defender. It is proposed to assign a more important role in the training of law students to the discipline — legal psychology.

Keywords: necessary defense, imaginary defense, state of affect, psychiatric examination, preliminary investigation, legal psychology

For citation: Shchelkonogova EV. Psychological Aspects of the Legality of Causing Harm in Necessary Defense. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):154-161. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-154-161

Введение

Право гражданина на причинение вреда нападающему лицу при посягательстве на охраняемые ценности является неотъемлемым естественным правом каждого человека. Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»¹. В судебной практике актуальным и дискуссионным является вопрос о том, был ли вред, охраняемым уголовным законом интересам, причинен в состоянии необходимой обороны. В связи с возникающими сложностями в установлении данных обстоятельств, Пленум Верховного Суда РФ в 2012 году вынес постановление с разъяснением спорных вопросов о применении данной нормы. А в 2022 году постановление было дополнено новыми положениями. Некоторые из них касались вопроса о начале посягательства, возникновении у гражданина права на защиту.

Одним из проблемных вопросов при установлении обстоятельств необходимой обороны является момент определения начала и окончания посягательства. Более того, данный момент должен быть установлен в первую очередь *лицом, защищающимся от нападения*. Именно от данного факта будет зависеть правомерность его действий. Впоследствии правоприменитель, выясняя обстоятельства причинения вреда, также одним из главных моментов будет изучать вопрос о том, как воспринималась сложившаяся ситуация обороняющимся в момент нападения.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы изучения необходимой обороны, обстоятельств, исключающих преступность деяния, понятия преступления, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, метод анализа, сравнительно-правовой метод.

Описание исследования

Оценка психического состояния лица в момент причинения вреда

Проблематика установления правомерности причинения вреда при необходимой обороне не раз поднималась учеными-правоведами в литературе. Так, например, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов говорят о сложностях оценки правоохранительными органами

¹ Конституция РФ от 12.12.1993 г. // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

оборонительных действий от посягательств, связанных с незаконным проникновением в жилище. В связи с чем ученые предлагают дополнить п. 3 постановления Пленума № 19 открытым перечнем признаков, свидетельствующих о наличии реальной угрозы посягательства [4, с. 22, 23].

Также вопросы оценки действий обороняющегося в аспекте правильности восприятия им нападения или его угрозы выразились в том, что в 2003 году статья 37 Уголовного кодекса РФ² была дополнена частью 2.1. Данное положение указывает, что не является превышением пределов необходимой обороны причинение большего вреда нападающему вследствие *неожиданности* посягательства, что влечет невозможность лица объективно оценить степень и характер опасности нападения. Верховный Суд РФ, давая разъяснение указанной норме в п. 4 постановления «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³, указывает на необходимость выяснять как объективные признаки нападения, то есть время (например, ночное), место нападения, обстановка, способ посягательства, предшествующие события, так и субъективные признаки. Субъективные признаки в данном случае подразумевают не субъективную сторону состава преступления нападающего лица, а субъективное отношение к происходящему обороняющегося. В постановлении приводятся такие чувства, как состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения, перечень не является закрытым.

В п. 13 постановления Пленума ВС РФ № 19 приводится перечень обстоятельств, который должен оценить правоприменитель, чтобы ответить на вопрос о превышении пределов необходимой обороны. В данном перечне указываются различные обстоятельства, однако они относятся исключительно к объективной стороне происходящего (объект, способ посягательства, время место и др.). Данный факт подчеркивает, что более важное значение при оценке обстоятельств уделяется именно объективным признакам, хотя субъективные признаки имеют немаловажное значение. Положительным моментом является то, что данный перечень открыт, и указано, что и иные обстоятельства могут быть учтены. В данном случае к иным

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19. // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

обстоятельствам могут относиться именно субъективные признаки причинения вреда, психическое состояние лица. Оценка данных признаков должна производиться с учетом психологических категорий, таких как темперамент, скорость возникновения реакций, уровень интеллекта. А также испуг, страх, замешательство, скорость протекания реакций. Темперамент обусловлен врожденными свойствами нервной системы и задает форму, в которой проявляются такие характеристики личности, как интересы, взгляды, убеждения¹. Скорость возникновения реакций включает такие понятия как темп речи, частоту мыслительных процессов в конкретный отрезок времени. Данная характеристика особенно важна при внезапности нападения, когда лицо может не в полной мере оценить опасность. Возможность такой оценки во многом будет зависеть от скорости мыслительных реакций. Испуг — это рефлекторная реакция на потенциальную угрозу. В состав данной реакции может входить вздрагивание, расширение зрачков, застывание тела, ощущение холода, мочеиспускание. Испуг не является синонимом страха, т. к. страх — это чувство. Испуг, помимо страха, может сопровождаться паникой, собранностью, агрессией. Испуг вызывается сверхсильным раздражителем, угрожающей жизни ситуацией. При этом роль играет не физическая мощь раздражителя, а психологически-личностная значимость психической травмы. Чаще наблюдается у лиц со слабым типом нервной системы и с недостаточной подвижностью психических процессов². Замешательство — это эмоциональное состояние, характеризующееся временной потерей ясности мышления и способности принимать решения. Это естественная реакция мозга на ситуации, когда поступающая информация не соответствует имеющимся схемам восприятия или противоречит предыдущему опыту³. В ситуации нападения одной из реакций лица может стать замешательство, особенно при слабом типе нервной системы. Такая реакция может увеличить возможности нападающего достигнуть своей цели и снизить оборонительные способности лица.

Рассмотрение данных категорий приводит к выводу, что чем более жизнестойкой и стрессоустойчивой является психика лица, на которое нападают, тем с большей вероятностью ему удастся совершить успешные оборонительные действия в отношении нападающего. Проблема состоит в том, что психические характеристики формируются при созревании плода и в детстве, то есть в малой степени зависят от самого человека, а больше от генетики, наследственности, биологических процессах при созревании, рождении и развитии человека. В целях повышения своей жизнестойкости лицо может обращаться за моральной поддержкой и помощью к родственникам, друзьям, колле-

гам. Состоять в сообществах по интересам, иметь хобби, обращаться в группы психологической помощи. Эти меры могут быть приняты в течение жизни человека, а не столько в момент нападения на него. Однако поддержка других людей повышает уровень уверенности человека в своих силах, что может сыграть ключевую роль в экстремальной ситуации нападения.

Думается, что более пристальное внимание к эмоциональному состоянию обороняющегося лица в момент нападения на него позволило бы достовернее установить и разграничить вопросы о правомерных действиях при защите от нападения, превышении пределов необходимой обороны и умышленном причинении вреда.

Рассматриваемая проблема изучается не только учеными-юристами, но и с психологической точки зрения учеными в области психиатрии. В частности, доктором медицинских наук И. А. Кудрявцевым в статье «Комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы состояния необходимой обороны» [2, с. 33] указывалось на крайнюю скудность психологических дефиниций, которые были использованы законодателем при конструировании ст. 37 УК РФ. Также, описывая причинение большего вреда при внезапности нападения, ученый одним из факторов называет импульсивное поведение лица. И. А. Кудрявцев предлагает обращать особое внимание на индивидуально-психологические особенности обвиняемого. Исходя из реалий того, что правоприменитель не получает дополнительного образования психолога, психиатра, важно опираться на те возможности, которые у него имеются. В частности, на наш взгляд, важную роль в повышении психологической грамотности будущего следователя может сыграть дисциплина «Юридическая психология». Данная дисциплина, как справедливо отмечает Л. В. Левицкая, выполняет важную функцию внедрения в систему «человек-право» психологических знаний [3, с. 6]. Автор выделяет такие важные характеристики личности, как темперамент — скорость, изменчивость, интенсивность деятельности человека, характер — типичные способы реагирования личности на жизненные обстоятельства, ценностная система — какие потребности стремится удовлетворять человек и какие способы достижения цели признает, способности — свойства памяти, воображения, мышления.

Л. В. Левицкая говорит о существовании в психологии двух подходов к определению психологической структуры личности: элементаристский и холистский. Первый подход представляет собой совокупность оценок человека по различным параметрам (характеру, возрасту, общественному положению и др.). Холистский подход, который разделяли З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, утверждает, что поведение человека можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Представляется, что в следственной практике подход, который берется за основу при определении психического состояния лица при необходимой обороне, можно описать как элементаристский. Л. В. Левицкая

¹ URL: <https://vc.ru/gdekurs/1336723-chto-takoe-temperament-kakie-vidy-byvayut-i-kak-uznat-svoi> (дата обращения: 10.06.2025).

² Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук. Воронеж: Модэк, 1995. С. 815.

³ URL: <https://психологи.рф> (дата обращения: 10.06.2025).

отмечает, что данный подход более скуден и менее точен для достижения цели: более достоверной оценки состояния лица. Она также приводит высказывание А. Ф. Зелинского о том, что рассмотрение структуры личности преступника как совокупности социально-демографических признаков представляет собой перечень разноплановых свойств людей, и в нем нет ничего структурного [3, с. 43, 44]. Вместе с тем говорится о том, что, хоть холистский подход более глубокий по своему содержанию, на сегодняшний день используется элементаристский подход как более прагматичный, удобный для применения, в том числе по временным и трудовым ресурсам.

В 2019 году Верховным Судом был составлен обзор судебной практики по вопросам применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Верховный суд указал на то, что для установления пределов необходимой обороны, наряду с объективными обстоятельствами, судом принимались во внимание возможность обороняющегося объективно оценить степень и характер угрожающей ему опасности, а также возможность определить момент прекращения посягательства. Как пример приводится приговор Мурманского областного суда от 12.12.2016 г., по которому М. был оправдан по п. а ч. 2 ст. 105 УК РФ в соответствии со ст. 37 УК РФ. Одним из аргументов было признано то, что охотничий инспектор М. опасался за жизнь и здоровье свою и малолетнего сына в ответ на действия Н., А. и Т., которые отказались подчиниться его законным требованиям, а также произвели выстрел в сторону М. Важным моментом является то, что Верховный Суд РФ обращает внимание на форму вины, с которой обороняющееся лицо причиняет вред посягающему¹.

Исходя из этого, оценка психического состояния лица при отражении посягательства имеет важное значение в каждом из возникающих на практике случаев. Степень этой важности можно оценить, рассмотрев те ситуации необходимой обороны, в которых оценка субъективного состояния обороняющегося выступает на первый план. В частности, это:

1) ситуация внезапного нападения, описываемая в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ;

2) состояние мнимой обороны, при которой обороняющийся не осознает отсутствие посягательства. Данный вопрос затронут в п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 19;

3) состояние душевного волнения, вызванного посягательством, вследствие чего обороняющийся не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства. Данное состояние отлично от состояния аффекта, что описывается в пп. 14, 15 постановления Пленума ВС РФ № 19.

¹ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // URL: www.garant.ru/product/ipo/prime/doc/72185504/ (дата обращения: 10.06.2025).

Важно отметить, что помимо правильного определения начала посягательства как самим обороняющимся, так и впоследствии правоохранительными органами, важно установление и момента его окончания. В данном случае опять же ключевую роль играет психическое состояние обороняющегося в сложившейся ситуации. Представляется маловероятным, что человек при нападении на него будет находиться в совершенно спокойном состоянии. В любом случае ситуация вынуждает его действовать и каким-то образом внутренне относиться к нападению, что и проявляется в его действиях. Здесь важна не только сама обстановка нападения (время суток, улица или помещение, освещенность места нападения, присутствие третьих лиц), но и психо-физиологические особенности обороняющегося. В основном в юридической литературе, а также в постановлении Пленума ВС РФ указывается на такие характеристики, как пол, возраст, физическое состояние. Но не менее важным является темперамент лица, его характер, возбудимость, скорость возникновения эмоций, реакций на окружающую действительность. Если обратиться к основным психологическим характеристикам, то холерик и, например, флегматик по-разному будут реагировать на какую-то ситуацию. В связи с чем момент окончания нападения может восприниматься человеком не всегда однозначно. В идеале, конечно, наилучшей является ситуация, когда совпадают момент окончания посягательства и осознания этого обороняющимся, в связи с чем он прекращает оборонительные действия. Однако на практике далеко не всегда складывается такая ситуация, а именно, обороняющийся не осознает, что посягательство закончилось и продолжает оборонительные действия. Данный случай можно назвать 4-м пунктом в списке ситуаций, в которых важную роль играет именно психологический фактор. Важность заключается в том, что от осознания прекращения посягательства зависит квалификация и решение органов по данному делу. Если лицо осознавало, что нападение окончено, то необходимая оборона не может быть признана правомерной, если же он добросовестно заблуждался относительно этого, то причиненный вред может быть признан неправомерным по ст. 37 УК РФ.

В аспекте несовпадения моментов окончания посягательства и защиты также можно указать ситуацию, когда нападающий приостановил свои действия, чтобы усилиться (вооружиться, позвать сообщников и др.), в таком случае право на оборону у лица сохраняется. Главное, чтобы он осознавал, что посягательство продолжится в ближайшее время.

Оценка действий обороняющегося в правоприменительной практике

Если ориентироваться на то, как оценивается субъективная сторона состава преступления правоприменителем, то, с одной стороны, отчасти берется во внимание моральное состояние лица, например, его предшествующие отношения с потерпевшим. Об этом

указывает п. 3 постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹. В то же время в этом же пункте указывается, что отграничение ч. 1 ст. 105 УК РФ от ч. 4 ст. 111 УК РФ следует производить и по объективным обстоятельствам, таким как орудие, способ совершения преступления, ранение жизненно важных органов. На наш взгляд, при квалификации преступления необходимо больше внимания уделять психическому состоянию лица в момент его совершения. В данном случае формулировка «большого внимания», с одной стороны, подразумевает необходимость конкретного учета психических особенностей как самого лица, так и его состояния в конкретной ситуации необходимой обороны. С другой стороны, более точная формулировка, на наш взгляд, уменьшает сферу возможного ее (формулировки) использования в том плане, что в связи с отнесением российской правовой системы к романо-германской правовой семье, а не к прецедентному праву, исключение принципа обобщенности приведет к неоправданному расширению как самого текста уголовного закона, так и нарушению принципов построения законодательства, присущих континентальной системе права. Конечно, сложность установления его состояния зависит в том числе от того, что событие уже произошло, и с момента события до момента разбирательства прошло значительное время. Хотя наличие, например, камер видеонаблюдения облегчает эту проблему. Однако камера видеонаблюдения фиксирует опять же проявление больше объективной стороны, нежели субъективных моментов.

Немаловажную роль в установлении психического состояния лица в момент причинения вреда играет беседа (допрос, опрос) с данным лицом уполномоченными сотрудниками. Но и в этом случае установление достоверности полученных пояснений может вызывать сомнения. Опрашиваемый может сообщать недостоверные данные о своем состоянии в момент причинения вреда, излагая более выгодную для него версию произошедшего. Лицо может воспользоваться правом гражданина согласно ст. 51 Конституции РФ: лицо вправе не свидетельствовать против себя и своих близких². Беседа с лицом правоохранительных органов, который может вынести обвинительное заключение в отношении данного человека, также может не мотивировать его к изложению правды. Возникает вопрос, могут ли быть такие случаи, что лицо все-таки сообщит правдивые сведения следователю. Такие случаи могут быть, в первую группу можно отнести ситуации, закрепленные законодательно, когда лицо при явке с повинной и помощи следствию облегчает свою участь. Такие ситуации закреплены в главе 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности», например, ст. 75 пред-

усматривает, что преступное деяние может перестать быть общественно опасным при соблюдении ряда условий, в том числе явке с повинной, способствовании расследованию преступления и возмещению причиненного вреда.

Также главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ³ предусматривается особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ говорится, что подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия. В ходатайстве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия расследованию преступления. В результате данных действий согласно ч. ч. 1, 2, 4 ст. 62 УК РФ, существенно могут быть уменьшены сроки и размеры наказания.

Таким образом, стремясь облегчить наказание за совершенное деяние, лицо может сообщать правдивые сведения в ходе следствия, что будет способствовать более эффективному расследованию и правильной квалификации деяния. Вопрос о том, насколько данные меры способствуют целям наказания, таким как превентивное воздействие, восстановление социальной справедливости, остается неоднозначным. Также лицо может, искренне раскаявшись в содеянном, сообщить правдивые сведения о случившемся следователю.

Нередко в приговорах об умышленном причинении какого-либо вреда здоровью или жизни человека встречается ситуация, когда сторона защиты ходатайствует о том, что вред был причинен в состоянии необходимой обороны, однако судом данное утверждение отклоняется и указывается на умышленный характер содеянного. Нельзя сказать, чтобы такое решение было полностью ошибочным. Речь идет о повышении правильности оценки причинения вреда при необходимой обороне. Стоит ли говорить об огромной разнице между освобождением лица по ст. 37 УК РФ и привлечением его к ответственности за умышленное причинение вреда? А ведь данное решение суда базируется в первую очередь на оценке психического состояния обвиняемого в момент причинения вреда. Как мы описывали ранее, такая оценка формируется в большей степени из описания фактов и объективных данных (например, количество, локализация наносимых ударов), а не на психической оценке состояния лица, что может не в должной мере отражать истинную картину его состояния.

Обратить внимание следует еще и на то, кем производится такая оценка. Психическое состояние лица оценивается на предварительном следствии следователем, дознавателем, а в судебном разбирательстве — судьей. То есть лицами с юридическим, но не медицинским образованием соответствующего профиля (психиатр,

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999. № 1. // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

² Конституция РФ от 12.12.1993 г. // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

психолог). Обратившись к УК РФ, можно отметить, что оценка психического состояния лица играет ключевую роль при назначении принудительных мер медицинского характера, при оценке «возрастной» невменяемости лица, то есть, когда психический возраст лица отстает от физического и это влияет на возможность привлечения его к уголовной ответственности, назначении принудительных мер воспитательного воздействия. Также причинение вреда в состоянии аффекта (например, ст. 107 УК РФ) является одним из преступлений, требующим более детального доказывания определенного психического состояния лица в момент причинения вреда. В данных случаях оценка психического состояния лица производится с привлечением врача-психиатра. В остальных случаях такая оценка, производится юристами, а не врачами.

В ч. 1 ст. 195 УПК РФ¹ указывается, что следователь может вынести постановление о судебной экспертизе (в том числе и психолого-психиатрической), *признав это необходимым*. При этом в статье отсутствуют какие-либо критерии, указывающие на то, что должно побудить следователя назначить такую экспертизу. В данном случае вся ответственность ложится на него, хотя следователь может не назначить экспертизу там, где это необходимо и наоборот. Обратившись к ст. 38 УПК РФ, мы видим, какими полномочиями обладает следователь, например, возбуждать уголовное дело, направлять ход расследования и прочее, данный перечень открыт. Более детальных разъяснений о том, каким образом действует следователь, в частности, в ситуации оценки психического состояния лица, в данной статье нет. В таком случае можно обратиться к общим принципам следственно-судебной работы, закрепленным в главе 1 «Уголовно-процессуальное законодательство» раздела I «Основные положения». В частности, ст. 14 УПК РФ говорит о презумпции невиновности. Часть 4 данной статьи гласит, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, что, на наш взгляд, еще больше обостряет необходимость правильной оценки психического состояния лица при причинении вреда. Речь идет не столько об умышленных незаконных действиях следователя, которые подпадали бы под нормы главы 31 УК РФ, сколько об уровне его компетентности в сфере психологии и психиатрии. Недостаточный уровень может быть вызван чисто объективными причинами, а именно получением юридического, а не медицинского образования. Такие дисциплины, как юридическая психология, криминалистика, уголовно-процессуальное право в некоторой степени дают компетенции по рассматриваемому вопросу, однако они не могут сравниться с компетенцией профессионального врача.

Изложенная проблема касается не только ситуаций необходимой обороны, но и других преступлений, поскольку согласно ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уго-

ловной ответственности только за те преступления, в отношении которых установлена его вина. Почему указанную проблематику мы решили рассмотреть именно на примере необходимой обороны? Потому что именно при квалификации наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих преступность деяния, как в теории уголовного права, так и на практике возникает много дискуссионных вопросов, более пристальное внимание уделяется именно субъективной стороне, делается упор (и мы видим это в самом тексте ст. 37 УК РФ и в постановлении № 19) на восприятие обоими лицами происходящих событий (действий). Хотя, безусловно, установление признаков субъективной стороны состава преступления должно производиться при совершении любого преступления, а не только при необходимой обороне. На наш взгляд, рассмотрение проблемы оценки психического состояния лица при необходимой обороне актуально, так как связано с вопросами ее юридической природы. Традиционным в литературе высказывалось мнение об отсутствии некоторых признаков преступления, например, общественной опасности. Однако в последнее время юридическая природа необходимой обороны связывается с особенностями именно субъективных признаков, неупречности причинения вреда при данном обстоятельстве [5, с. 63].

Поскольку наша работа направлена на рассмотрение психических особенностей причинения вреда при необходимой обороне, то необходимо обратиться к изучению возможных вариантов реагирования обороняющегося на угрозу причинения вреда или непосредственно нападение. Е. В. Климачева в работе «Модели поведения человека в стрессовой ситуации» отмечает, что все биологические организмы имеют врожденные механизмы поддержания внутреннего равновесия. Возникающий стресс и приспособление к нему проходит несколько стадий. Тревога сопровождается мобилизацией резервов. При продолжительном воздействии стрессора происходит истощение адаптационных резервов организма [1]. В нашем случае нападение на лицо или угроза непосредственного нападения является стрессовым фактором высокой степени интенсивности. В связи с воздействием данного фактора на сознание человека, он в зависимости от своего типа характера, мышления, возбудимости может отреагировать разнообразным образом. А именно: овладеть ситуацией, т. е. дать отпор нападающему, выразить импульсивную реакцию, дающую лишь разрядку негативных эмоций (плач, крик, истерика), уйти от ситуации, например, убежать от нападающего. В данном случае каждая из реакций лица подлежит правовой оценке, а также от данной реакции будет зависеть дальнейшее поведение нападающего и конечная юридическая оценка его действий. Также стоит отметить, что на ситуацию повлияет и психическое состояние нападающего, как он отреагирует на бегство лица или на его ответные активные действия.

Одной из важных категорий, влияющих на итоговую квалификацию содеянного, является законодательно закрепленная категория явного несоответ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

ствия мер защиты и нападения. Между тем понятие явности не раскрывается законодателем в УК РФ. Однако пункт 11 постановления Пленума ВС РФ № 19 связывает данный критерий с умышленным выбором обороняющимся таких средств и способов защиты, которые не были обусловлены характером и опасностью посягательства. В случае умышленного выбора обороняющимся средств, явно более опасных, чем исходящая угроза, его действия могут оцениваться как превышение пределов необходимой обороны или как умышленное причинение вреда. В практической деятельности в приговорах судов можно отметить, что они справляются с ситуацией оценки психического состояния лица следующим образом. Анализ приговоров показывает, что в них не уделяется детального внимания психическому состоянию лиц. Может быть указано состояние опьянения, но нет ссылок на конкретные психические процессы, реакции, их скорость и прочее, о чем мы писали ранее. Правоприменители оперируют больше уголовно-правовыми терминами, указывая на отсутствие состава преступления, на отсутствие умысла обвиняемого. Однако именно оценки психического состояния лица, которое является предпосылкой для такого вывода, не наблюдается. Как предпосылка, такому выводу, как правило, предшествует описание объективных признаков и обстоятельств совершенного. Например, несмотря на обвинительные приговоры судов нижестоящих инстанций, Верховный Суд РФ в 2023 г. вынес оправдательный приговор М., который предотвратил нападение нетрезвого гражданина на двух женщин, нанеся Б. удар ногами в область правого бедра¹. Судьи ВС РФ одним из аргументов указали испуг М. за здоровье и жизнь двух женщин. Также они (судьи) отметили, что когда нападающий упал, М. не применял к нему дальнейших физических действий. То есть при окончании нападения закончились и оборонительные действия, что свидетельствует о том, что оборона была своевременной.

В 2020 году Николаевский-на-Амуре городской суд вынес обвинительный приговор о превышении пределов необходимой обороны, одной из причин указав, что обороняющаяся ФИО1 избрала неоправданно суровые, заведомо для нее излишние средства защиты, осознавая, что может причинить вред здоровью ФИО2, который не был необходим для предотвращения нападения². Таким образом, суд обращает внимание на факт осознания обороняющейся степени опасности и средств нападения. Также указывается на заведомость выбора несоизмеримых средств. Более детальный разбор психических реакций в приговоре не произведен.

Меры повышения квалификации правоприменителя в сфере психологии

Какие меры могли бы быть приняты, чтобы не устранить, но хотя бы уменьшить данную проблему? В первую очередь необходимо повышать уровень знаний правоприменителя в сфере психологии и психиатрии. Поскольку невозможно (трудозатратно, требует много времени, финансов) приглашение эксперта врача-психиатра по каждому случаю. Каким образом может быть повышена грамотность следователей (дознателей) и судей в данном вопросе? Думается, за основу можно взять тот комплекс вопросов, которые задаются лицу при психиатрической экспертизе. Здесь важно уточнить, что вопросы должны формулироваться именно с учетом того, что они будут задаваться фигуранту уголовного дела, а не эксперту. Т.к. содержание данных вопросов разнится. В первом случае следователь должен задавать вопросы, уточняющие объективные обстоятельства произошедшего. А именно: во сколько по времени было совершено нападение, в каком месте, какие физические действия (удары, побои, угрозы оружием и др.) совершило лицо. Были ли свидетели произошедшего. Исходя из опроса, следователь делает вывод о том, кто был нападающим, а кто обороняющимся. Затем важно уточнять психоэмоциональное состояние фигурантов в момент преступления (происшествия). А также предшествующие взаимоотношения (неприязнь и иные). Во втором случае эксперту могут быть заданы вопросы: не страдает ли лицо психическим расстройством и каким, не нуждается ли он в применении принудительных мер медицинского характера. В любом случае оценить психическое состояние лица возможно лишь в ходе беседы с ним, здесь влияют и так называемые невербальные источники коммуникации (жесты, мимика), влияет интонация, скорость, стиль, манера речи.

Заключение и выводы

Исходя из изложенного, важно отметить, что проблема правильной юридической оценки причинения вреда при необходимой обороне остается актуальной, несмотря на обширную судебную-следственную практику, теоретическую разработку и разъяснения Верховного Суда РФ. Одним из направлений решения проблем в этой сфере мог бы стать более детальный анализ психического состояния лица, обороняющегося от нападения. Необходимо чаще назначать психолого-психиатрическую экспертизу для установления мотивов и целей поведения лица при необходимой обороне. Такая экспертиза, проведенная врачами-специалистами, будет способствовать более детальной и правильной оценке состояния лица при причинении вреда при необходимой обороне, что повлечет более справедливую ее юридическую оценку. Особенно необходимость такой оценки возрастает в ситуациях, когда лицо причиняет вред в состоянии мнимой обороны, лицо вследствие неожиданности посягательства причиняет вред больший, чем необходимо, лицо находится в состоянии силь-

¹ URL: <https://advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilas-v-vs-prekrashcheniya-dela-o-prevyshenii-predelov-neobkhodimoy-oborony/> (дата обращения: 10.06.2025).

² URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xFlu9MK9SnY3/> (дата обращения: 10.06.2025).

ного душевного волнения, что искажает его восприятие действий нападающего, лицу не ясен момент окончания посягательства.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена, в том числе тем, что в правоприменительной деятельности возникают сложности, неверное применение рассматриваемых норм, что влечет к несправедливому решению по уголовному делу. Более детальное внимание правоприменителя к субъективной стороне деяния позволило бы в некоторой мере решить данные проблемы.

Поскольку именно правоприменитель дает юридическую оценку действиям лица, постольку именно его грамотность в сфере психологии и необходимо повышать. В связи с отсутствием возможности привлечения по каждому делу врача-психиатра, а также тем, что следователь, дознаватель, судья имеют юридическую, а не медицинскую квалификацию, возникает необходимость обучения студента-юриста психологическим аспектам личности человека. В рамках высшего образования такая роль может быть отведена дисциплине «Юридическая психология».

Список источников

1. Климачева Е. В. Модели поведения человека в стрессовой ситуации // Лесной вестник. 2006. № 7. С. 54–56.
2. Кудрявцев И. А. Комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы состояния необходимой обороны // Российский психиатрический журнал. 2014. № 5. С. 31–37.
3. Левицкая Л. В. Юридическая психология: курс лекций. Владимир, 2014. 136 с.
4. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Вопросы необходимой обороны в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: изменения, обусловленные потребностями правоприменения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 21–26.
5. Щелконогова Е. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щелконогова Елена Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: shelkonogova-ele@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4528-2278

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Schelkonogova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolsk str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: shelkonogova-ele@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4528-2278

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-162-169

С. 162–169

ПРАВОПОЛОЖЕНИЯ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ОРГАНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Александр Максимович Васильев

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
vasilevs96@list.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-3892-3535>

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли правоположений юрисдикционных органов в формировании содержания регуляторной противоправности — конструктивно-обязательного признака составов экономических преступлений. Автор обосновывает тезис о том, что в условиях усложнения экономических отношений, абстрактности и пробельности регуляторного законодательства квалификация таких преступлений невозможна без учета не только нарушенных норм регуляторного права, но и правоположений (поднормативных средств юридического воздействия). На основе анализа доктрины и судебной практики по делам об экономических преступлениях выделяются ключевые признаки правоположений: поднормативность, конкретизирующая/восполняющая функция, продуцирование судами и уполномоченными органами исполнительной власти (в частности, Федеральная антимонопольная служба России, Федеральная налоговая служба России). Доказывается, что правоположения, создаваемые в ходе толкования и применения регуляторных норм (включая устранение пробелов), являются вторым компонентом содержания регуляторной противоправности наряду с самими нормами. На практических примерах (дела о банкротстве, налоговых преступлениях) показано, как правоположения конкретизируют признаки составов, расширяют или сужают сферу уголовной ответственности.

Автор приходит к выводу о двухкомпонентной природе регуляторной противоправности и необходимости учета правоположений для обеспечения обоснованности привлечения к уголовной ответственности, единства правоприменительного процесса и правовой системы в целом.

Ключевые слова: экономическое уголовное право, регуляторная противоправность, регуляторное законодательство, юрисдикционные органы, конкретизация, содержание регуляторной противоправности, экономические преступления

Для цитирования: Васильев А. М. Правоположения юрисдикционных органов в экономическом уголовном праве // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 162–169. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-162-169

Research article

LEGAL PROVISIONS OF JURISDICTIONAL BODIES IN ECONOMIC CRIMINAL LAW

Alexander M. Vasiliev

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
vasilevs96@list.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-3892-3535>

Abstract. The article explores the role of legal positions (sub-regulatory instruments) established by jurisdictional bodies in shaping the content of regulatory wrongfulness — a structurally essential element of economic crimes. The author substantiates the thesis that, given the increasing complexity of economic relations, the abstract nature, and the gaps in regulatory legislation, qualifying such crimes is impossible without conside-

ring not only the violated norms of regulatory law but also these legal positions. Based on an analysis of legal doctrine and judicial practice concerning economic crimes, key characteristics of legal positions are identified: their sub-regulatory nature, their specification/gap-filling function, and their creation by courts and authorized executive bodies (FAS Russia, FTS Russia). It is proven that legal positions, formed through the interpretation and application of regulatory norms (including gap-filling), constitute the second component of regulatory wrongfulness, alongside the norms themselves. Using practical examples (bankruptcy and tax crime cases), the article demonstrates how legal positions specify the elements of crimes and expand or narrow the scope of criminal liability.

The author concludes that regulatory wrongfulness has a two-component nature and emphasizes the necessity of accounting for legal positions to ensure the justification for criminal prosecution, the unity of the law enforcement process, and the coherence of the legal system as a whole.

Keywords: economic criminal law, regulatory illegality, regulatory legislation, jurisdictional bodies, specification, content of regulatory illegality, economic crimes

For citation: Vasiliev AM. Legal Provisions of Jurisdictional Bodies in Economic Criminal Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):162-169. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-162-169

Введение

Уголовно-правовые запреты, предусмотренные нормами экономического уголовного права, основаны на нормах регуляторного законодательства. В связи с этим квалификация экономических преступлений без опоры на нормы регуляторного законодательства просто невысказима. Нарушение норм регуляторного законодательства преступным деянием порождает регуляторную противоправность, которая выступает одним из обязательных условий привлечения лица к уголовной ответственности за экономическое преступление.

Усложнение экономических отношений прямо влияет на усложнение норм, регулирующих такие отношения и, как следствие, порождает трудности в применении связанных с ними норм экономического уголовного права. Данные трудности связаны, с одной стороны, с высокой степенью абстрактности норм регуляторного законодательства, а, с другой, с пробелами в регуляторном законодательстве.

Поскольку законодатель не всегда успевает оперативно и сообразно меняющимся реалиям вносить изменения в уголовное и регуляторное законодательство, то конкретизация действующих норм и устранение пробелов происходит в рамках правоприменительной практики, осуществляемой как судами, так и органами исполнительной власти (регуляторами), уполномоченными на рассмотрение юридических споров.

В связи с этим, актуальным, на наш взгляд, является поиск ответа на вопрос о том, являются ли правовоположения юрисдикционных органов частью содержания регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве? Полагаем, что ответ на данный вопрос расширит наши представления о регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве.

Материалы и методы

В настоящей работе использованы материалы судебной практики по уголовным делам, связанным с совершением экономических преступлений (в частности,

предусмотренных ст. 178, 195, 199 УК РФ), а также академическая литература, посвященная проблематике правовоположений. В основу проведения исследования легли общенаучные и частнонаучные методы познания, метод анализа, а также герменевтический метод.

Описание исследования

Научная обработка явления «правовоположение» была осуществлена в СССР во второй половине XX века.

С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров рассматривают правовоположения в качестве результата судебной деятельности по применению правовых норм путем раскрытия их смысла, содержания, а также конкретизации и детализации [5, с. 16–17]. Анализируя формы судебной практики, ученые-правоведы заключают, что правовоположение — это юридическое понятие, охватывающее такие юридические образования, как руководящие разъяснения (на уровне пленума Верховного Суда СССР) и прецеденты толкования; понятие, приближающееся к правовым нормам, но не совпадающее с ними полностью [5, с. 65]. Авторы также приходят к выводу, что конкретизирующие норму права правовоположения нормой права не являются, поскольку не обладают ее структурными элементами [5, с. 25–26]. Соответственно, правовоположения являются поднормативным явлением, т. е. основаны на нормах права.

А. К. Безина также выделяет значимую роль правовоположений в процессе правоприменения советского трудового права при буквальном толковании норм трудового права, ограничительном и распространительном толковании норм трудового права, аналогии права и закона, и в судебном правотворчестве [2; 3].

В. В. Лазарев, исследуя правовоположения и их место в механизме правового регулирования, отмечает, что под правовоположениями понимается поднормативное средство юридического воздействия на общественные отношения, основными источниками которого являются толкование, конкретизация права, аналогия права и закона [11, с. 7–15]. Ученый-правовед указывает, что

правоположения обладают признаком поднормативности, т. е. привязаны к определенным нормам и находятся в своеобразной подчиненности, не имеют собственных средств обеспечения [11, с. 9–10].

В. И. Леушин, анализируя правовоположения, пишет, что правовоположения — это нормы, имеющие юридическое содержание. При этом, ученый-правовед делает оговорку, что правовоположения с точки зрения формы не являются нормой права в значении, придаваемом теорией права, поскольку продуцируются не законодателем, а правоисполнителем [12, с. 114].

На самостоятельности правовоположений как отдельного и отличного от норм права юридического явления также настаивает С. С. Алексеев [1, с. 351].

Анализ позиций приведенных авторов позволяет выделить существенные признаки правовоположений, а именно:

- субъектом, продуцирующим правовоположение, являются судебные органы;
- поднормативность, т. е. правовоположение является результатом толкования и применения норм права, поэтому оно основано на нормах права;
- самостоятельность, т. е. правовоположения не являются нормами права в силу отсутствия, во-первых, структуры, свойственной норме права (гипотеза, диспозиция и санкция), а, во-вторых, в силу ненадлежащего субъекта их продуцирования — судебного органа, в-третьих, в силу отсутствия закрепления в нормативно-правовых актах;
- обладают свойством нормативности;
- конкретизируют нормы права в процессе правоприменения, расширяют (или сужают) объем их содержания, а также устраняют пробел в законе в результате применения аналогии закона.

Современные ученые-правоведы также признают наличие приведенных выше признаков правовоположений [10, с. 63], при этом рассматривая правовоположения в качестве либо нетипичного [15], специфического [8, с. 77] или вспомогательного [14] источника права, либо средства самоограничения судебной системы от произвольного судебного усмотрения при толковании оценочных понятий [4, с. 85–94].

Исследования, посвященные правовоположениям, проводились также учеными-правоведами наук уголовно-правового цикла. Так, З. А. Незнамова, рассматривая правовоположения в качестве самостоятельного элемента коллизионного уголовно-правового механизма, выделяет три признака правовоположений:

- отсутствие признака нормативности, вследствие чего правовоположения не являются нормами права;
- правовоположения вырабатываются в ходе правоприменительной деятельности и направлены на ее обслуживание;
- правовоположения объективируются в актах правоприменительных органов [13, с. 59–60].

Б. В. Яцеленко, определяя правовоположения в уголовном праве в качестве выработанных наукой уголовного права определенных правил преодоления

конкуренции уголовно-правовых норм, отмечает, что правовоположения объективируются не только в актах правоприменительных органов, а также и в самом уголовном законе, приводя в качестве примера ст. 17 УК РФ. Признак объективации правовоположений в уголовном законе, на наш взгляд, был подвергнут обоснованной критике А. А. Васильченко, который высветил противоречие в позиции Б. В. Яцеленко, согласно которой правовоположения не являются нормами права, источниками которых является уголовный закон [7, с. 23]. Присоединяясь к критике А. А. Васильченко, отметим, что правовоположения после их объективации приобретают признаки общеобязательности и формальной определенности, которые свойственны только нормам права, закрепленным в нормативно-правовых актах, к которым относится УК РФ.

Учитывая приведенные выше позиции ученых-правоведов относительно признаков правовоположений, отметим, что указанное явление обладает спецификой в экономическом уголовном праве при анализе регуляторной противоправности деяния.

Под регуляторной противоправностью нами понимается конструктивно-обязательный признак деяния как элемента объективной стороны любого состава экономического преступления, характеризующийся нарушением субъектом норм регуляторного законодательства, а также правовоположений юрисдикционных органов [6]. Соответственно, содержание регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве составляют как нарушенные субъектом нормы регуляторного законодательства, так и правовоположения юрисдикционных органов.

Установление регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве неизбежно влечет за собой необходимость юридического анализа норм регуляторного законодательства для цели их последующего применения. Указанный анализ может быть затруднен отсутствием однозначных ответов в регуляторном законодательстве относительно противоправности или правомерности человеческого поведения, а также абстрактностью и аморфностью положений регуляторного законодательства [9], что требует обращения к правовоположениям юрисдикционных органов, в частности, судов. Так, А. Н. Тарбагаев и Е. Б. Тарбагаева, рассматривая особенности применения норм гл. 22 УК РФ в контексте межотраслевой преюдиции, полагают допустимым применение основанных на нормах гражданского законодательства и закрепленных в судебных решениях по гражданскому делу правовоположений для раскрытия содержания уголовно-правовой нормы с бланкетной диспозицией в ситуации, когда стороны по гражданскому спору и в уголовном процессе тождественны друг другу [16, с. 75]. Соглашаясь с предложенным авторами подходом, отметим, что, на наш взгляд, допустимо применять не только правовоположения, закрепленные в судебных актах, в условиях межотраслевой преюдиции, но и правовоположения вне условий наличия преюдиции, т. е. не связанные с фак-

турой конкретного уголовного дела. Сказанное находит подтверждение в судебной практике.

Так, А., будучи генеральным директором «ЧЗ «Электроцит», обвинялся в совершении преступления по ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Исполняя функции генерального директора ООО «ЧЗ «Электроцит», в отношении которого арбитражным судом введена процедура наблюдения, в период данной процедуры при наличии требований ФНС России по уплате НДФЛ и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование на сумму 3,69 млн руб., А. удовлетворил требования ООО «ТД «Волгаэлектросбыт» и ООО «Группа компаний «Эврика МК» на общую сумму 9,4 млн руб., причинив ущерб государству в размере 3,69 млн руб.

Сторона обвинения настаивала на том, что действия А. по приоритетному удовлетворению требований ООО «ТД «Волгаэлектросбыт» и ООО «Группа компаний «Эврика МК» противоречат положениям ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которой устанавливается очередность удовлетворения требований кредиторов, соответственно требования ФНС России относятся ко второй очереди кредиторов и должны удовлетворяться в приоритетном порядке относительно требований ООО «ТД «Волгаэлектросбыт» и ООО «Группа компаний «Эврика МК».

Довод стороны защиты о том, что ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» неприменима, поскольку действия, направленные на удовлетворение требований ООО «ТД «Волгаэлектросбыт» и ООО «Группа компаний «Эврика МК» были совершены в период наблюдения, а не в период конкурсного управления, правовой режим которого предполагает применение ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Указанная статья расположена в Главе VII названного закона, положения которой регулируют общественные отношения по проведению процедуры конкурсного производства, а это, по мнению защиты, означает, что ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не распространяется на неурегулированные положениями Главы VII общественные отношения, в том числе связанные с осуществлением процедуры наблюдения, и, соответственно, обвиняемый не обязан был действовать в соответствии с ней.

Приведенный защитой довод был отвергнут судом, который указал следующее: «Доводы защитника о том, что ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» распространяется лишь на конкурсное производство, не основаны на законе. ... При добросовестном поведении руководителя ООО «ЧЗ «Электроцит» дебиторская задолженность ООО «Фирма Старко», возникшая на основании договора поставки от 27 ноября 2015 года № 68, должна была быть включена в конкурсную массу ООО «ЧЗ «Электроцит» и направлена на погашение требований кредиторов ООО «ЧЗ «Электроцит» в соответствии с очередностью, установленной ст. 134 Закона о банкротстве. Отступление от установленного Законом о банкротстве порядка погашения требований

кредиторов допускается исключительно на основании соответствующего судебного акта арбитражного суда по ходатайству конкурсного управляющего (пункт 40.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»»¹.

Таким образом, суд, руководствуясь правоположениями, изложенными в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», пришел к выводу, что ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» подлежит применению в процедуре наблюдения. Т.е. суд конкретизировал норму ч. 2 ст. 195 УК РФ, уточнив признак неправомерности удовлетворения требования отдельных кредиторов в ущерб другим кредиторам.

Применение расширительных правоположений, закрепленных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и основанных на нормах законодательства о несостоятельности, позволило распространить положения ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» на действия А., связанные с удовлетворением требований иных кредиторов и, как следствие, признать в этих действиях наличие регуляторной противоправности.

Отметим также, что суд в данном кейсе упустил одно из важных, на наш взгляд, звеньев аргументации касательно применимости ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Данное звено закреплено в п. 40 уже названного Пленума ВАС РФ и звучит следующим: «При применении названной нормы (п. 2 ст. 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ — А. В.) судам необходимо иметь в виду, что она подлежит применению также и в иных процедурах банкротства при недостаточности имеющихся у должника денежных средств для удовлетворения всех требований по текущим платежам»². В таком случае наличие у А. права удовлетворять требования кредиторов в ином порядке только с разрешения арбитражного суда выглядит обоснованным.

Аналогичный пример. Индивидуальный предприниматель Ч., помимо прочего, обвинялся в совершении

¹ Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики-Чувашии от 12 мая 2020 г. по делу № 1-1/2020 // Архив суда. URL: https://cheboksarsky-chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 01.07.2025)

² Постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90276/ (дата обращения: 01.07.2025)

неправомерных действий при банкротстве, выразившихся в отчуждении имущества при наличии признаков банкротства, причинившем крупный ущерб (ч. 1 ст. 195 УК РФ).

Ч. полагал, что совершал действия, направленные на отчуждение автомобиля третьим лицам, в отсутствие признаков банкротства, ссылаясь на п. 1 ст. 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому гражданин считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества.

Таким образом, Ч. настаивал, что отсутствие признака недостаточности имущества по смыслу приведенной нормы исключает криминообразующий признак по ч. 1 ст. 195 УК РФ — обстановку («...при наличии признаков банкротства»).

Признавая правовую позицию Ч. несостоятельной, суд в качестве контрдоводов привел следующее:

«Из буквального толкования этой нормы следует, что признак недостаточности имущества является обязательным элементом применительно к гражданину независимо от того, имеет ли он статус индивидуального предпринимателя.

Однако в соответствии с п. 3 ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» критерии, предусмотренные в п. 1 ст. 3 этого закона, применяются, если иное не установлено названным законом.

Особенности банкротства индивидуальных предпринимателей регламентированы ст. 214–216 этого же закона. В частности, ст. 214 устанавливает, что основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом является его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Таким образом, из содержания ст. 214 следует, что признак неплатежеспособности является единственным основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом.

Следовательно, суд первой инстанции правильно указал, что при решении вопроса о наличии признаков банкротства индивидуального предпринимателя общее правило, предусмотренное п. 1 ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», применению не подлежит.

Правильность такого толкования закона подтвердил Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ, высказавший свою позицию по данному вопросу в постановлении от 30 июня 2011 г. № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей».

Из изложенного следует, что для установления в действиях индивидуального предпринимателя признаков банкротства не требуется, чтобы сумма его обя-

зательств превышала стоимость принадлежащего ему имущества»¹.

В указанном кейсе суд, применяя ограничительное толкование положений п. 1 ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», дополнительно ссылается на правоположения, закрепленные в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей», которыми легализуется примененный в кейсе судом способ толкования.

Примеры обращения судов, рассматривающих уголовные дела по экономическим преступлениям, к правоположениям, основанным на нормах регуляторного законодательства, встречаются также в области уголовно-наказуемого нарушения положений антимонопольного² и налогового законодательства³.

Помимо конкретизирующих нормы регуляторного законодательства правоположений, суды, рассматривающие уголовные дела по экономическим преступлениям, для установления регуляторной противоправности используют правоположения, устраняющие пробелы в регуляторном законодательстве. Сказанное относится, в частности, к налоговым преступлениям.

Например, по одному из уголовных дел сторона защиты настаивала на том, что эксперт, производивший расчет суммы неуплаченных в бюджет налогов, избрал неправильный метод расчета. По мнению защиты, применению подлежал расчетный метод определения суммы неуплаченных налогов в соответствии с пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ.

Суд отверг данные доводы защиты со ссылкой на правоположения, закрепленные в письме ФНС России от 22 августа 2014 г. № СА-4-7/16692 «О применении отдельных положений Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 года № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса РФ», согласно которым расчетный метод, предусмотренный пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, не подлежит применению в случае установления налоговым органом факта отсутствия реальных хозяйственных операций в рамках исполнения спорных сделок, что как раз и было установлено в рамках уголовного дела⁴.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 января 2012 г. № 15-011-38. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.07.2025)

² См., например: Апелляционное определение Иркутского областного суда от 6 марта 2023 г. № 22-208/2023(22-5515/2022); Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 29 сентября 2020 г.; Апелляционное определение Самарского областного суда от 20 апреля 2022 г. по делу № 22-1629/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.07.2025)

³ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 16 апреля 2018 г. по делу № 22-836/2018; Приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 20 июня 2018 г. по делу № 1-131/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.07.2025)

⁴ Приговор привокзального районного суда г. Тулы от 11 марта 2019 г. по делу № 1-1/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.07.2025)

Ни в ст. 31 НК РФ, ни в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2014 г. № 57 не содержится положений, ограничивающих применение расчетного метода определения суммы неуплаченных налогов в случае отсутствия реальных хозяйственных операций. Таким образом, правоположения, содержащиеся в приведенном письме ФНС России, восполняют пробел в регулировании общественных отношений по поводу выбора метода определения суммы неуплаченных налогов, что, в свою очередь, влияет на определение размерных признаков в составах налоговых преступлений (ст. 198–199.4 УК РФ).

Включение в процесс применения норм экономического уголовного права правоположений, конкретизирующих и (или) дополняющих нормы регуляторного законодательства, связанных с уголовно-правовыми нормами, позволяет либо ограничить, либо расширить карательное воздействие экономического уголовного права с учетом сложившейся практики органов-регуляторов и судебных органов, осуществляющих гражданское, арбитражное и административное судопроизводство.

Еще одна особенность правоположений как части содержания регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве заключается в том, что продуцировать их могут не только судебные органы, но и юрисдикционные органы исполнительной власти, уполномоченные на разрешение споров.

На наш взгляд, субъекты продуцирования правоположений не сводятся исключительно к судебным органам. В настоящее время ряд органов-регуляторов обладают компетенцией на разрешение юридического спора и, как следствие, на формирование своих правоположений. К таким органам относится, в частности, Федеральная антимонопольная служба России (далее — ФАС России), которая уполномочена рассматривать дела о нарушении антимонопольного законодательства¹, издавать разъяснения по вопросам применения антимонопольного законодательства, содержащие правоположения с правовой позицией ФАС России, а также осуществлять управление в сфере антимонопольного регулирования.

Так, Иркутский областной суд, отвергая довод стороны защиты, согласно которому уголовная ответственность по ст. 178 УК РФ наступает лишь при учете размера отдельного дохода каждого из хозяйствующих субъектов, входящих в картель, указал, что согласно разъяснениям ФАС России от 28 июня 2010 года № 09/649 «Об определении ущерба и дохода от нарушений статей 10, 11, 16 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» учету подлежит весь доход, который является криминально-образующим признаком по ст. 178 УК РФ².

¹ Глава 9 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Ст. 52 указанного закона наделяет сторону антимонопольного спора правом обжаловать решение антимонопольного органа в суд. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.07.2025)

² Апелляционное определение Иркутского областного суда

Еще одним примером обращения органов судебной системы к правоположениям органов исполнительной власти с целью установления регуляторной противоправности деяния является приговор Таганрогского городского суда Ростовской области. В приведенном судебном акте была установлена регуляторная противоправность деяния по ст. 199 УК РФ следующим образом: «... исследовав указанные факты в совокупности и взаимосвязи, установлено, что в представленных материалах содержатся обстоятельства, изложенные в ст. 54.1 НК РФ и Письме ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060 «О практике применения статьи 54.1 НК РФ», которые свидетельствуют о получении ООО «СК Стройпартнеры» в результате взаимоотношений с подконтрольным взаимозависимым контрагентом ООО «ТПС» необоснованной налоговой выгоды посредством создания формального документооборота с ООО «ТПС» без фактического осуществления финансово-хозяйственных взаимоотношений».

Таким образом, по результатам камеральной налоговой проверки установлено, что в нарушение требований ст. 169, ст. 171, ст. 172, ст. 173 НК РФ ООО «СК Стройпартнеры» неправомерно предъявлен к вычету НДС по взаимоотношениям с ООО «ТПС», что привело к неуплате (неполной уплате) НДС за 4 квартал 2020 года в общей сумме 4 141 182 руб., по срокам уплаты 25.01.2021, 25.02.2021, 25.03.2021»³.

В данном деле суд для конкретизации положений ст. 54.1 НК РФ использовал правоположения, содержащиеся в письме ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060 «О практике применения статьи 54.1 НК РФ».

Представленные примеры судебной практики свидетельствуют, что субъектами, продуцирующими правоположения, являются не только органы судебной власти, а также органы исполнительной власти, уполномоченные на разрешение споров по вопросам применения регуляторного законодательства, в частности, ФАС и ФНС России.

Заключение

Таким образом, под правоположениями юрисдикционных органов в экономическом уголовном праве нами понимаются издаваемые органами судебной или исполнительной власти на основе норм регуляторного законодательства правовые позиции, конкретизирующие нормы регуляторного законодательства либо устраняющие пробел в правовом регулировании.

Из этого следует, что содержание регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве является двухкомпонентным. В него, с одной стороны, включены нормы регуляторного законодательства, обращение к которым при применении норм экономического уголовного права является обязательным

от 6 марта 2023 г. по делу № 22-208/2023. URL: <https://sudact.ru/дата обращения: 01.07.2025>)

³ Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 16 мая 2024 г. по делу № 1-41/2024. URL: <https://sudact.ru/дата обращения: 01.07.2025>)

в любом случае и независимо от того, является ли норма особенной частью экономического уголовного права бланкетной или не является таковой [6, с. 70]. А с другой стороны, содержание регуляторной противоправности составляют правоположения юрисдикционных органов.

Обращение к правоположениям юрисдикционных органов в процессе правоприменения по уголовным делам об экономических преступлениях позволит, во-первых, либо обоснованно привлечь виновное лицо к уго-

ловной ответственности ввиду наличия регуляторной противоправности, либо обоснованно не привлекать лицо к уголовной ответственности ввиду отсутствия регуляторной противоправности. Во-вторых, учет правоположений юрисдикционных органов позволит избежать принятия противоречащих друг другу решений, когда в рамках уголовного права одно и то же деяние признается противоправным, а с точки зрения иной отрасли права — правомерным, что позволит сохранить единство правовой системы.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
2. Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений: монография. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 182 с.
3. Безина А. К. Судебная практика и развитие советского трудового законодательства. Казань: Издательство Казанского университета, 1971. 130 с.
4. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: монография. М.: Проспект, 2020. 128 с.
5. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юридическая литература, 1975. С. 8–73.
6. Васильев А. М. Понятие регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 67–74.
7. Васильченко А. А. Прецедентный характер правоположений в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2014. № 3. С. 19–25.
8. Жилкин М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 73–78.
9. Иванов Н. Г. Бланкетная составляющая норм уголовного закона об экономических преступлениях // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2018. № 3–4. С. 18–31.
10. Коваль В. П. Правовые позиции высших федеральных судов Российской Федерации в сфере трудового права и их влияние на трудовое законодательство и правоприменительную практику: дис. ... канд. юрид. наук: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. Екатеринбург, 2024. 250 с.
11. Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
12. Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1987. 152 с.
13. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве / монография. Екатеринбург: Изд-во «Cricket», 1984. 284 с.
14. Петровский Н. А. Аналогия и правоположения методологии правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3(12). С. 18–24.
15. Смирнова М. Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 54–70.
16. Тарбагаев А. Н., Тарбагаева Е. Б. Особенность применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ // Уголовное право. 2010. № 2. С. 73–76.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Александр Максимович

Преподаватель кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: vasilivs96@list.ru
ORCID: 0000-0002-3892-3535

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Vasiliev

Lecturer of the Department Criminal Law Department named after M.I. Kovalev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620066, Russia.
E-mail: vasilivs96@list.ru
ORCID: 0000-0002-3892-3535

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 01.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 26.07.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343.3
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-170-175

С. 170–175

АКТУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аркадий Борисович Гриненко

Генеральная прокуратура Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
a.b.grinenko@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5733-9063>

Аннотация. Внешнее деструктивное воздействие на основы конституционного строя и безопасность Российской Федерации, складывающаяся практика реагирования на вмешательство во внутренние дела Российского государства становятся определяющим фактором поиска и актуализации уголовно-правовых средств противодействия соответствующим посягательствам. С 2022 года глава 29 Уголовного кодекса Российской Федерации претерпела значительные изменения: перечень преступного поведения расширен, а ответственность за отдельные преступления существенно усилена. На основе анализа взаимосвязи усиления ответственности за посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства и гибридных форм вмешательства во внутренние дела государства высказывается мнение о возможных дополнительных мерах по совершенствованию уголовно-правовых средств противодействия деяниям, определяемым международным сообществом как способы вмешательства во внутренние дела государства, а также отдельные предложения по обеспечению согласованности соответствующих норм исходя из задач уголовного закона и необходимости обеспечения баланса прав человека и государства.

Ключевые слова: основы конституционного строя, национальная безопасность, угроза безопасности государства, вмешательство во внутренние дела государства, государственный суверенитет

Для цитирования: Гриненко А. Б. Актуализация уголовно-правовых средств охраны основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 170–175. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-170-175

Review article

UPDATING OF CRIMINAL LAW MEANS FOR PROTECTION OF THE FUNDAMENTALS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AND SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Arkadiy B. Grinenko

Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
a.b.grinenko@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5733-9063>

Abstract. External destructive impact on the fundamentals of the constitutional system and security of the Russian Federation, the emerging practice of responding to interference in the internal affairs of the Russian state are becoming a determining factor in the search and updating of criminal law means envisaged for countering the corresponding encroachments. Since 2022, Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation has undergone major changes: the list of criminal behavior has been expanded, and liability for certain offenses has been significantly increased. Based on the analysis of the interrelation between expanded liability for encroachments on the fundamentals of the constitutional system and on state security and hybrid forms of interference in the internal affairs of the state, an opinion is expressed on possible additional measures to improve criminal law means designed for countering acts defined by the international community as methods of interference in the internal affairs of the state, as well as certain proposals are voiced to ensure the consistency of the relevant norms based on the objectives of the criminal law and the need to secure a balance between human and state rights.

Keywords: fundamentals of the constitutional system, national security, threat to state security, interference in the internal affairs of the state, state sovereignty

For citation: Grinenko AB. Updating of Criminal Law Means for Protection of the Fundamentals of the Constitutional System and Security of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):170-175. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-170-175

Введение

Военный способ разрешения межгосударственного столкновения не всегда приводит к удовлетворению национального интереса соответствующего актора и, что важно, не исключает квалификацию военного принуждения в качестве «агрессии». Поэтому государства для достижения своих геополитических (да и не только) целей активно используют скрытое невоенное воздействие, которое в общем виде и весьма условно обозначается гибридной войной. Ее содержательную характеристику, которая наиболее близка нам, дает Коростелев С. В. Исследуя затронутую проблематику, он пишет: «В общем случае концептуально «гибридную войну» можно описать как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов, а данная парадигма описывается аббревиатурой MIDFIELD: военные (military), информационные (information), дипломатические (diplomatic), финансовые (financial), разведывательные (intelligence), экономические (economic), правовые (law), предоставление поддержки (development) [5, с. 35–36].

Коростелевым С. В. также подчеркивается взаимосвязь «гибридности» [6, с. 44] как формы организации деятельности государства во внешней среде с изменением свойств противостоящего государства в ходе реализуемого вмешательства во внутренние дела.

Масштабности и разрушительности подобного вмешательства служат формы (скрытые и явные) и способы, нашедшие отражение, например, в Резолюции ГА ООН № 36/103 от 9 декабря 1981 г. и принятой ею Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. С точки зрения применения в международной практике выраженные способы и в настоящее время не утратили своей актуальности. Исходя из логики и целей ведения гибридных войн, а также степени влияния поименованные в Декларации способы вмешательства во внутренние дела государства либо прямо угрожают существованию любого государства, как-то: дестабилизация или подрыв стабильности институтов государства, свержение политического строя, поддержка мятежной и сепаратистской деятельности либо политических и этнических групп с целью осуществления подрывной деятельности, создание беспорядков или волнений, использование практики терроризма, либо угрожают изменению его свойств в сочетании с техническими, юридическими, экономическими, информационными методами, будучи нацеленными на длительное непре-

рывное применение. Однако существенное изменение геополитического ландшафта становится возможным (и здесь мы солидарны с Коростелевым С. В.) в силу скоординированного характера такого рода гибридного невоенного вмешательства.

В целом, отдавая должное обширной политико-правовой аналитике, обосновывающей высокий уровень опасности ведения гибридной (диффузно-гибридной) войны, полагаем возможным согласиться с важным, на наш взгляд, выводом о том, что «игнорирование уровня их опасности или их недооценка представляется ошибочной стратегией» [6]. От готовности государства противостоять, в том числе правовыми средствами, вмешательству в свои внутренние дела зависит его существование на политической карте мира. Актуальность этого тезиса находит подтверждение в происшедших ранее и происходящих в настоящее время международных событиях, а также в динамике увеличения с 2022 года количества преступлений в исследуемой сфере.

Материал и методы

Для целей рассмотрения обозначенных в заголовке статьи вопросов изучены ранее и ныне действующие правовые источники (включая международные) и тематическая специальная научная литература. В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы познания, такие как анализ, синтез, логический, исторический, диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Описание исследования

Российская Федерация в государственно-общественной сфере определяет следующие стратегические задачи: не допустить вмешательства во внутренние дела, пресечь разведывательную и иную деятельность иностранных спецслужб, организаций и отдельных лиц, наносящую ущерб российским интересам, а также совершение иных преступлений против конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций»¹. С учетом принципа невмешательства во внутренние дела других государств выстроены и российские международные отношения².

¹ Соответствующий перечень приведен на основе Стратегии национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.06.2025).

² Подпункт 18 пункта 18 Концепции внешней политики РФ (Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023) // СПС «Консультант Плюс».

Отражение в действующем базовом документе стратегического планирования среди обозначенных важнейших задач недопустимости вмешательства во внутренние дела, как представляется, стало результатом осмысления остроты этой государственной угрозы. В подобных ранее действовавших документах, касающихся стратегических и концептуальных вопросов безопасности на государственном уровне (введенных в действие указами Главы государства № 683 в 2015 году, № 537 в 2009, № 1300 в 1997 году), таковая прямо названа не была.

В этой связи примечательно следующее: на протяжении последних более ста лет (как нам представляется этот период времени достаточен для вывода о тенденциозности рассматриваемого явления) вмешательство во внутренние дела Российской Федерации как форма внешнеполитического поведения недружественных стран (как их в настоящее время называют) остается главной. Меняется отношение Российской Федерации к своим геополитическим визави, а происходящие процессы называются своими именами либо нет. Так это было в советский период времени [10; 11], так есть и в настоящее время. Важно другое — наличие эффективных правовых инструментов, в том числе уголовно-правовых средств, для противодействия всему спектру гибридных угроз, исходя из необходимости реализации государством своих функций.

К примеру, потребность решительного уголовно-правового реагирования на угрозы внешней безопасности молодой Советской республики нашло реализацию в ст. 57 УК РСФСР 1922 года в понятии контрреволюционных действий, в котором отражены конкретные (сохраняющие и сейчас свою актуальность) формы вмешательства, имея в виду интервенцию, блокаду, шпионаж, финансирование прессы, а также в установлении в соответствии со ст. 65 наказания, например, за контрреволюционную организацию (участие) разрушения, повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных путей или иных путей, средств сообщения, народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений¹.

Очевидно, что внешнее воздействие на Российскую Федерацию с применением невоенных (гибридных) форм и способов вмешательства во внутренние дела, имеющее перманентный характер, но осуществляемое в настоящее время наиболее активно и во всем спектре, обусловило прямую постановку и решение перечисленных выше задач национальной безопасности, в том числе посредством правоприменительной и законодательной переоценки соответствующих норм Уголовного кодекса. Наиболее красноречиво реакция государства в этой весьма чувствительной сфере отражается в сохранении уголовно-правовых новелл.

тант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 20.06.2025).

¹ В этой связи напомним лишь тот факт, что действия, предусмотренные статьей 65 УК 1922 г. и которые с 1960 года именуются диверсией, были декриминализованы с 1 июля 1994 г.

С 2022 года глава 29 УК РФ дополнена ответственностью за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 280.3) и призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284.2), за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1), публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4), неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иной атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4), нарушение требований по защите государственной тайны (ст. 283.2), содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3), совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии признается отягчающим вину обстоятельством (п. «с» ч. 1 ст. 63), оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284.3), оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 276.1)². Немало, если учесть, что по количеству составов преступлений рассматриваемая глава Уголовного кодекса Российской Федерации увеличилась в полтора раза.

Изменения в традиционные для главы 29 составы преступлений также обусловлены необходимостью противодействовать новым формам преступной деятельности и угрозам государственной безопасности (на это указывает, например, пояснительная записка к законопроекту № 130406–8). Так, в ст. 275 УК РФ переход на сторону противника отнесен к форме государственной измены, в ст. 276 УК РФ уточнены цели противоправных действий с государственной тайной и иными сведениями. Нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды законодателем определено в качестве признака ч. 1 ст. 281 УК РФ, формы вооруженного мятежа дифференцированы путем выделения ответственности за организацию, руководство и участие, а также причинение смерти человеку или иные тяжкие последствия в результате таких деяний с индивидуализацией наказания.

² ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ, 14.07.2022 № 260-ФЗ, 29.12.2022 № 586-ФЗ, 28.04.2023 № 157-ФЗ, 28.12.2024 № 510-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).

Не обошел вниманием законодатель и вопросы пенализации преступлений: пожизненное лишение свободы установлено за государственную измену, за вооруженный мятеж, повлекший смерть человека или иные тяжкие последствия, а также совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 281.1–281.3 УК РФ, повышена ответственность и за саму диверсию.

Характер приведенных изменений уголовного закона отражает происходящие в российских военной, информационной, разведывательной, правовой, финансово-экономической сферах жизнедеятельности процессы в связи с вмешательством во внутренние дела Российской Федерации. Наблюдаемая дифференциация оснований ответственности и наказания с учетом многообразия форм посягательств и их общественной опасности для основополагающих элементов конституционного строя и нацбезопасности, а также невозможности минимизировать причиняемый ими вред иным правовым воздействием, выглядит оправданной с точки зрения развития практики правоприменения. При этом естественный для регулирования соответствующих правоотношений, включая установление ответственности, этатический подход [3] рассматривается как оптимальный при решении вопроса о дополнении механизмов уголовно-правового воздействия, а масштабирование ответственности в рамках вынужденной модернизации уголовно-правовой политики [8] недвусмысленно обозначает намерения Российской Федерации решительно пресекать посягательства на свои интересы.

С другой стороны, использование модели «догоняющего» правового регулирования [1, с. 22] отражается на качестве уголовного закона, имея в виду выявляемые неопределенность и несогласованность новелл. Например, относительно пенализации преступного поведения в рамках главы 29 УК РФ отметим сомнительные с точки зрения системного подхода размеры наказаний исполнителю диверсии и лицу, осуществляющему диверсионную деятельность, которая по характеру, и это для нас очевидно, менее общественно опасна. Кроме того, в связи с дополнением состава диверсии признаком «нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды», на наш взгляд, существенно увеличивается риск конкуренции (как впрочем, и свободы усмотрения) с нормой об ответственности за террористический акт (ст. 205).

Здесь хотелось бы лишь подчеркнуть, что критика конструктивных особенностей уголовно-правовых средств (и нередко заслуженная)¹ имеет исключительную цель — выявить потенциал повышения их эффективности. И даже если принять во внимание условия (имея в виду, прежде всего, интенсивность работы законодателя), в которых обеспечивается подготовка законодательных инициатив, обратим вслед за Н. А. Лопашенко [7], В. Б. Позежаловым [9] внимание на важность изменения

¹ К примеру, Пономаренко Е. В. и Копшева К. О. обозначают схожие проблемы санкции статьи 275.1 УК РФ.

норм уголовного закона в системной взаимосвязи и с позиций исключительности этого правового инструмента.

Система определенных вышеуказанной главой преступлений, если принять во внимание тот факт, что границы суверенитета любого государства мало кого на западе интересуют [2, с. 80], а урегулирование противоречий антагонистического характера видится очень сомнительным в ближайшей перспективе, имеет потенциал (и в этом нас убеждает правоприменительная практика) дальнейшего совершенствования.

В этой связи наблюдаемое намеренное обесценивание правового значения базового для каждого государства признака, каким является суверенитет, позволяет более отчетливо проявить степень опасности отдельных способов вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, которым российский уголовный закон пока не дает своей оценки.

Поэтому, опираясь на аксиологический подход в понимании охраняемых главой 29 УК РФ правоотношений, считаем целесообразным предварительное уголовно-правовое (и, без сомнения, криминологическое) исследование признаков осуществляемой недружественными странами против Российской Федерации и законных институтов власти деятельности, связанной с засылкой, оснащением и транзитом наемников, предоставлением территории для подготовки и осуществления вмешательства во внутренние дела государства, осуществлением подрывной деятельности (имея в виду, прежде всего, информационную составляющую гибридной войны)², лишение национальной самобытности и культурного наследия, что позволит сформировать научную основу для дальнейшей практической актуализации соответствующих средств уголовно-правового воздействия.

Заключение и выводы

Изменение и криминализация ряда деяний, направленных против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации, является результатом реализации соответствующей дискреции государства и способом решения вышеуказанных задач национальной безопасности. Очевидно также, что осуществление охранительной функции предполагает поддержание органами власти постоянного баланса прав человека и государства с учетом приоритетов, которые определены ст. 2 Конституции РФ.

В этой связи очень актуальным и сейчас представляется тезис Лунеева В. В. о том, что «мир вновь стоит перед проблемой ювелирного решения важнейшей двуединой задачи — эффективности правоохранительной деятельности и ее гуманности, результативной работы органов правоохраны и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека, нового соотношения

² См.: Российский совет по международным делам (ОСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyu-mir/> (дата обращения: 17.07.2025).

свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового контроля»¹.

Поэтому убеждены, что в силу концепта правового и социального государства наказание за совершение преступлений должно отвечать принципу справедливости, особенно за деяния против основ конституционного строя и безопасности государства, а криминализация соответствующих посягательств — в достаточной мере обоснованной с точки зрения недостаточности (неэффективности) имеющегося правового инструментария и потребности в дополнительных мерах уголовно-правовой охраны.

Так, если следовать общепризнанной аксиоме о том, что большую наказуемость влечет такое деяние, которое связано с реальными насильственными последствиями в виде вреда здоровью людей, их смерти, то установление, например, пожизненного лишения свободы за отдельные формы диверсионной деятельности, сопоставимого с санкциями за совершенную диверсию с последствиями, предусмотренными пунктами «а» и «б» части третьей статьи 281 УК РФ, вызывает сомнение и, на наш взгляд, нуждается в корректировке.

Важным является и следование концепции прав человека, которая, как пишет Генрих Н. В., «предъяв-

¹ См.: Институт государства и права РАН: [сайт]. URL: http://www.xn-80afowig.xn-p1ai/public/publicsite/Luneev_prava_cheloveka.pdf?ysclid=mda5jczcs13990332 (дата обращения: 19.07.2025).

ляет повышенные требования к криминализации: государство должно обосновать тот публичный интерес, который оно защищает, ограничивает автономию личности, и убедительно доказать, что значимость этого публичного интереса существенно перевешивает значимость индивидуальной свободы» [4, с. 274]. Однако законотворческая деятельность при определении преступного поведения для целей главы 29 УК РФ не всегда исходит из обозначенной парадигмы. Для примера, в пояснительной записке к проекту федерального закона № 671359-8 аргументации необходимости выделения ответственности за оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, не содержится, да и сама идея «материализовалась» на стадии подготовки законопроекта ко второму чтению.

И хотя уголовно-правовые средства охраны основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации с учетом обозначенных новаций, как нам представляется, позволяют дать оценку многочисленным способам внешнего гибридного вмешательства во внутренние дела государства, создание эффективного правового каркаса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации вряд ли возможно без системного подхода к решению задач уголовного закона и без последовательной актуализации таких средств противодействия с учетом опасных тенденций в этой сфере, обозначенных международным сообществом.

Список источников

1. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12–24.
2. Бартенев В. И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 4. С. 79–108.
3. Борков В. Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30. DOI: 10.12737/jrp.2023.002
4. Генрих Н. В. Теоретико-методологические и правовые проблемы криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 267–281.
5. Коростелев С. В. К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. № 12. 2021. С. 33–47.
6. Кузина С. И., Хагуш С. Л. Новые виды войн в процессах глобальной конкуренции государств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 160–164.
7. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81.
8. Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 5–22.
9. Поезжалов В. Б. Изменения уголовного законодательства в свете требований системности и целостности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92). С. 79–84.
10. Советское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под редакцией Меньшагина В. Д., Дурманова Н. Д., Кригера Г. А. М. Изд-во Московского университета. 1964.
11. Советское уголовное право: учебник. Часть Особенная / Под редакцией В. А. Владимирова, И. И. Загородникова, Б. В. Здравомыслова. М.: Юрид. лит., 1979.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гриненко Аркадий Борисович

Старший прокурор отдела правового управления, Генеральная прокуратура Российской Федерации
Россия, 125993, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15а
E-mail: a. b.grinenko@mail.ru
ORCID: 0009-0007-5733-9063

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkadiy B. Grinenko

Senior Prosecutor of the Department of Legal Management, Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Bolshaya Dmitrovka str., 15a, Moscow 125993, Russia
E-mail: a. b.grinenko@mail.ru
ORCID: 0009-0007-5733-9063

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.08.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343.343.5
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

С. 176–181

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Ольга Владимировна Ермакова

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация
ermakova_alt@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4664-582X>

Аннотация. В представленной статье автором доказывается влияние процессов криминализации, конструирования и дифференциации уголовной ответственности на такие конституционные ценности, как права и свободы человека и гражданина. Установление подобной зависимости предопределило требование к законодателю по соблюдению определенных правил при осуществлении таких процессов. В частности, автором предлагается основное внимание уделять обоснованности и своевременности процессов криминализации. Дифференциацию уголовной ответственности целесообразно, по мнению автора, осуществлять только при значительном изменении общественной опасности выделяемой формы деяния. В свою очередь, при конструировании состава преступления акцент должен смещаться на обоснованный отбор обязательных признаков, установление которых возможно осуществлять в практической деятельности.

Ключевые слова: преступление, криминализация, дифференциация уголовной ответственности, конструирование состава преступления

Для цитирования: Ермакова О. В. Соблюдение правил при криминализации деяния и дифференциации уголовной ответственности как гарантии обеспечения прав человека и гражданина // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 176–181. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

Review article

COMPLIANCE WITH THE RULES FOR CRIMINALIZING AN ACT AND DIFFERENTIATING CRIMINAL LIABILITY AS A GUARANTEE OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS

Olga V. Ermakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation
ermakova_alt@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4664-582X>

Abstract. In the presented article, the author proves the influence of the processes of criminalization, construction and differentiation of criminal liability on such constitutional values as the rights and freedoms of man and citizen. The establishment of such a dependence predetermined the requirements for the legislator to comply with certain rules when implementing such processes. In particular, the author proposes to pay primary attention to the validity and timeliness of the criminalization processes. Differentiation of criminal liability is advisable, in the author's opinion, to carry out only with a significant change in the social danger of the identified form of the act. In turn, when constructing the corpus delicti, the emphasis should shift to a reasonable selection of mandatory features, the establishment of which can be carried out in practical activities.

Keywords: crime, criminalization, differentiation of criminal liability, construction of the corpus delicti

For citation: Ermakova OV. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):176-181. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

Введение

Важнейшей конституционной ценностью, охраняемой и гарантированной государством, выступают права человека и гражданина. В рамках уголовного права реализация обозначенной ценности имеет двойное значение, поскольку речь идет не только о лице, совершившем преступление, но и о потерпевшем. Учитывая, что в Российской Федерации уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), то именно от качества его предписаний зависит соблюдение прав граждан. Однако действующий уголовный закон не отличается единообразным построением положений, в результате наблюдаются проблемы в правоприменительной деятельности, а также снижается эффективность предписаний. В результате чего при построении законодательного материала только следование определенным правилам, разработанным уголовно-правовой наукой, позволит реализовать принципы, провозглашенные в ст. 3–7 УК РФ.

Материалы и методы

Нормативную правовую основу исследования образует уголовное законодательство, регламентирующее понятие преступления, а также содержащее исчерпывающий перечень деяний, признаваемых преступными. Принимая во внимание теоретическую основу институтов криминализации, дифференциации уголовной ответственности, конструирования состава преступления, особое место при проведении исследования занимают достижения российской уголовно-правовой науки по обозначенным направлениям. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования, а также частонаучные методы познания — логико-формальный и системного анализа.

Описание исследования

Права человека и гражданина выступают важнейшей конституционной ценностью, поскольку это те субъектные блага, которые провозглашены и гарантированы основным законом государства. Несмотря на то, что реализация указанных ценностей обеспечивается различными отраслями российского права, уголовное право занимает в общем перечне особую позицию, что объясняется запретительным характером предписаний уголовного закона и возможностью применения к лицам, их нарушившим, мер государственного принуждения.

Положения Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), определяющие преступность деяния, наказуемость и осуществляемая на этой основе судебная и следственная деятельность, напрямую связаны с обеспечением прав человека и гражданина. Именно поэтому как к качеству процессов криминализации, пенализации, дифференциации ответственности, так и к толкованию правоприменителями норм закона придается особое значение. Причем построение законодательного мате-

риала и его последующее применение находятся в четкой зависимости, следовательно, интерес представляет проведение исследования, направленного на изучение обоснованности введения того или иного уголовно-правового запрета, определение соответствия предложенной законодателем конструкции конкретного состава преступления правилам юридической техники, целесообразности осуществления дифференциации уголовной ответственности.

Для решения поставленной задачи проанализируем современное состояние уголовного закона. Особенная часть УК РФ содержит исчерпывающий перечень деяний, которые, по мнению законодателя, обладают всеми признаками, присущими преступлению, вследствие чего нуждаются в криминализации.

Полагаем, что при анализе процесса криминализации особое внимание необходимо уделять 2 показателям:

1. Обоснованность объявления деяния в качестве преступления — для оценки данного показателя наукой уголовного права разработаны основания и условия криминализации. Однако в этой части следует отметить, что в настоящее время единство взглядов в научной литературе по указанному вопросу отсутствует.

Л. М. Прокументов выделяет единственное основание криминализации — общественную опасность деяния. Условия же криминализации автор предлагает подразделять на экономические, политические, социально-психологические, криминологические; научно-технический прогресс [1, с. 46–82].

А. И. Коробеев указывает на необходимость подразделения оснований криминализации на: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические (среди них упоминает — степень общественной опасности, относительную распространенность деяний и их типичность и т. д.) [2, с. 76–78]. Очевидно, что, несмотря на некую терминологическую разобщенность в наименованиях, в представленных перечнях имеет место и схожесть в выделяемых видах.

Кроме того, процесс криминализации не может существовать изолированно от понятия преступления, поскольку именно в ч. 1 ст. 14 УК РФ содержатся основные требования, предъявляемые к введению деяния в число преступных (это общественная опасность, запрещенность уголовным законом, виновность, наказуемость, выраженность в определенных формах действия или бездействия).

На основании анализа предлагаемых в научной литературе оснований криминализации, а также положений ч. 1 ст. 14 УК РФ можно сделать вывод, что центральное место при введении уголовно-правового запрета должно отводиться установлению общественной опасности деяния.

На протяжении нескольких десятков лет ученые так и не смогли выработать единое понимание общественной опасности, а также четкие критерии для ее определения. Наибольшее распространение получила

точка зрения, в соответствии с которой общественная опасность включает в себя не только причиненный совершением деяния вред определенным общественным отношениям, но и угрозу его наступления [3, с. 25–32]. Однако, принимая во внимание позицию российского законодателя по приданию материальному признаку преступления особого статуса, а также учитывая ключевую роль установления общественной опасности как водораздела между преступным и не преступным (а этот вопрос непосредственно затрагивает права человека и гражданина), целесообразным видится закрепление рассматриваемого понятия в самом уголовном законе (как это производилось в УК РСФСР 1922 и 1926 г.).

Следует отметить, что действующая редакция преступления, предполагающая ограничение выражения деяния во внешнем мире определенными формами, существенно отличается от ранее существовавших воззрений, в соответствии с которыми «суду подлежали все дурные помышления...» [4, с. 43].

Несмотря на обозначенные правила криминализации (как выработанные научной общественностью, так и прямо закрепленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ), в действующем законе содержатся преступления, которые с сомнением можно признать соответствующими данным требованиям.

В частности, наблюдается включение таких форм преступного деяния, которые по своей сути не являются ни действием, ни бездействием. Например, в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. По своей сути, законодатель объявил преступным обнаружение умысла, а не конкретные действия (бездействие).

Аналогично, нельзя признать действием или бездействием деяние, обозначенное в ст. 210¹ УК РФ — занятие высшего положения в преступной иерархии, которое предусматривает наказание за наличие у лица определенного статуса в криминальной среде. Полагая, существование подобных преступлений в уголовном законе противоречит предписаниям ст. 14 УК РФ и требует их декриминализации.

В этой части необходимо отметить, что расширенный подход к пониманию форм преступных деяний уже имел место в советский период времени. Так, в соответствии со ст. 22 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. преступными признавались связи с преступной средой. Однако в последствие такое преступление было декриминализовано.

Учитывая, что именно уголовный закон является единственным источником уголовного права и регулятором уголовно-правовых отношений, то соблюдение его положений самим же законодателем при осуществлении процесса криминализации преступлений — это важнейшая гарантия соблюдения прав человека и гражданина, следовательно, какие-либо отступления от положений ст. 14 УК РФ недопустимы.

2. Своевременность реакции государства на существование того или иного поведения, причиняющего вред общественным отношениям.

В идеале при прогнозировании преступности законодатель должен заблаговременно обладать инструментами для предупреждения общественно опасного поведения. Однако, как показывает практика внесения изменений в положения уголовного закона, на самом деле реакция государства следует уже на сформировавшееся угрожающее общественным отношениям действие (бездействие). Иначе говоря, преступление вводится в статус позже появления потребности в соответствующем регулировании. К примеру, распространение массовых самоубийств, при отсутствии способов, закрепленных в ст. 110 УК РФ, предопределили реакцию государства и введение ст. 110¹–110² УК РФ.

Кроме того, анализ уголовного закона позволяет выявить такие факты, что даже при наличии пробелов в регулировании, не всегда изменения вносятся своевременно. Например, в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности избранное законодателем в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, подразделение действий на половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера не соблюдается в ст. 134 УК РФ. В частности, несмотря на упоминание иных действий в названии статьи, в диспозиции они не нашли свое закрепление.

В научной литературе на указанный пробел неоднократно обращалось внимание. Например, Н. В. Тыдыкова утверждает, что «наименование статьи 134 УК РФ шире ее содержания» [5, с. 55]. Несмотря на критические замечания, с момента принятия УК РФ ситуация не изменилась, и соответствующие изменения не были приняты. Такое положение, безусловно, нарушает права потерпевших лиц и препятствует реализации принципов законности и справедливости.

Отдельно следует указать на тенденцию к увеличению количества законопроектов относительно криминализации того или иного поведения. Однако большинство из них не отличается проработанностью (в том числе и с позиции теории криминализации). Так, в апреле 2025 г. в Государственную Думу РФ было внесено предложение о введении уголовной ответственности дропперов. Думается, принятие данных изменений требует системного соотнесения с уже сложившейся системой Особенной части УК РФ и существующими предписаниями. В частности, в приведенном примере, прежде чем реализовывать подобный законопроект, необходимо проанализировать и решить проблемы толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, поскольку в данной норме уже содержится запрет на незаконный оборот средств платежа. А существующие проблемы реализации данной нормы на практике демонстрируют сложности в понимании предписаний закона.

В процессе криминализации общественно опасных деяний создается законодательная модель — конкрет-

ный состав преступления. При этом включение тех или иных признаков в качестве обязательных напрямую влияет на реализацию положений закона, а следовательно, затрагивает права человека и гражданина. Так, использование в конструкции признаков, вызывающих неоднозначное толкование, всегда будет сопровождаться опасностью необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Именно поэтому законодателю следует учитывать следующие проблемные аспекты, касающиеся конструирования состава преступления:

1. Достаточно сложным для толкования выступает прием законодательной техники в виде использования открытых перечней. Анализ действующего законодательства позволяет выявить, что чаще всего данный инструмент используется при отражении общественно опасного деяния и способа совершения преступления.

Наглядным примером проблем правоприменительной практики выступает открытый перечень действий сексуального характера в ч. 1 ст. 132 УК РФ. Н. В. Тыдыкова полагает, что данное понятие достаточно широкое, а его содержание может включать в себя прикосновения, поцелуи и т. д. [5, с. 54]. Однако отсутствие «ограничителя» приводит к дисбалансу между действиями сексуального характера, четко обозначенными в законе, и предположительно выведенными из всех возможных проявлений воздействия.

2. Включение таких признаков, установление в практической деятельности которых достаточно затруднительно. К примеру, проблематично установление цели в виде боли или страданий животного для квалификации действий по ст. 245 УК РФ. Недоказанность данной цели влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности. Так, в апелляционном постановлении Железнодорожного городского суда Курской области оставлен без изменения оправдательный приговор в отношении Н., который, являясь директором птицефабрики, утилизировал 5810 голов цыплят. В связи с отсутствием цели на причинение страданий животным первоначальная юридическая оценка, представленная органами следствия, определена как неверная¹.

3. Применение при конструировании оценочных признаков, т. е. понятий, толкование которых зависит от усмотрения правоприменителя. В действующем законе чаще всего они используются для обозначения преступных последствий.

Продемонстрируем обозначенную проблему на примере самоуправства (ст. 330 УК РФ). В данном составе преступления закреплено преступное последствие в виде существенного вреда. Данное понятие не имеет четких критериев своего установления, а при отсутствии соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ его толкование вызывает значительные сложности. Ситуация осложняется еще и тем, что данные последствия выступают в роли кримиобразующих, т. е.

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1QfEfVXj0elt/> (дата обращения: 28.05.2025).

их неустановление влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности.

Однозначно, что это может быть не только имущественный, но и физический вред. В научной литературе расширяются видовые разновидности такого вреда путем включения вреда морального, организационного, правам граждан и т. д. [6, с. 240–247]. Полагаем, что включение морального вреда, не имеющего конкретных критериев исчисления, с учетом возможности его истребования в гражданско-правовом порядке, при определении существенного вреда в самоуправстве не обосновано. Кроме того, вызывают вопросы минимальные размеры вреда. К примеру, существенность обязательно ли предполагает причинение вреда здоровью или же возможна его констатация при наличии ссадин, кровоподтеков? Полагаем, что подобный оценочный подход в определении существенного вреда неприемлем, поскольку речь идет о возможности привлечения лица к уголовной ответственности, в связи с чем считаем необходимым конкретизировать преступные последствия в рамках ст. 330 УК РФ.

В результате обозначенных положений можно утверждать, что не только обоснованность криминализации преступления, но и конструирование состава преступления тесно сопрягаются с обеспечением прав граждан. Неоднозначность предложенных законодателем конструкций закономерно приведет к несоблюдению указанных конституционных ценностей.

Наконец, обоснованность дифференциации уголовной ответственности также влияет на права человека, поскольку в этом случае речь идет о понижении или повышении наказания за ту или иную разновидность преступления.

В этой части аналогично криминализации должна соблюдаться обоснованность принимаемого решения. При сомнении в резком изменении общественной опасности в большую или меньшую сторону законодателю следует отказаться от осуществления градации ответственности. В качестве примера недостаточной обоснованности выделения квалифицированного состава выступает включение во многие конструкции признака использования информационно-телекоммуникационных технологий. Не оспаривая всеобъемлющее распространение сети Интернет, повышение вредоносности поведения с использованием указанного способа вызывает вопросы. В частности полагаем, что любое распространение наркотических средств обладает повышенной опасностью, а учитывая современные реалии проведения сбытов в своей основе только в сети Интернет, навряд ли можно утверждать об увеличении опасности данного действия.

При осуществлении дифференциации уголовной ответственности, создаваемый квалифицированный или привилегированный состав должен включать в себя только те обязательные признаки, которые обладают четким содержанием.

Нарушение обозначенного правила можно продемонстрировать на следующем примере — во многих

преступлениях применение насилия (опасного или не опасного) выделено в квалифицированный состав, при этом объем вреда, охватываемого конструкцией, вызывает вопросы как в теории уголовного права, так и в правоприменении [7, с. 134–135].

Например, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указано, что причинение тяжкого вреда здоровью при изнасиловании требует дополнительной квалификации, а иной вред охватывается рамками состава.

Другое правило предлагается в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В частности, если при разбое причинен тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть, то содеянное квалифицируется по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Аналогичные разъяснения применительно к вымогательству представлены в постановлении от 17.12.2015 г. № 56 (п. 9), с той лишь разницей, что Верховным Судом РФ подчеркивается включение в состав еще и истязания.

В п. 1 (1) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» определено, что причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью требует дополнительное вменение соответствующих составов.

Множество преступлений, содержащих насильственный способ, не разъясняются Верховным Судом РФ, либо постановление принято, но данный вопрос не указывается (к примеру, в постановлении от 15.06.2006 г. № 14, посвященном преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств). И в таких случаях возникают существенные

затруднения в правоприменении, что приводит к разнобразию вынесенных решений.

Так, А. был осужден по п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ за склонение к потреблению М. наркотических средств путем истязаний потерпевшей в течение 3-х часов¹ (хотя в постановлении 17.12.2015 г. № 56 применительно к вымогательству предлагаются иные правила квалификации).

Вместе с тем на официальном сайте администрации Суземского района Брянской области прокуратурой разъясняется, что склонение к потреблению наркотических средств с применением насилия требует дополнительной квалификации только с ч. 2–4 ст. 111 УК РФ².

Итак, очевидно, что позиция Верховного Суда РФ относительно толкования даже самого распространённого квалифицирующего признака «применение насилия» достаточно неоднозначна.

Полагаем, подобный подход нарушает принцип законности, приводит к несоблюдению прав лиц, совершивших преступления, поскольку правоприменителями может даваться разная уголовно-правовая оценка, что напрямую влияет на наказание.

Заключение и вывод

Таким образом, следует констатировать, что уголовное законодательство, выступая гарантом обеспечения прав и свобод человека и гражданина, может реализовывать данную задачу только при условии обоснованной криминализации общественно опасных деяний и дифференциации уголовной ответственности, а также при включении в конкретный состав преступления только признаков с четким содержанием, при использовании исчерпывающих перечней и ограничении оценочных понятий.

¹ Приговор № 1-31/2024 1-327/2023 от 18 июня 2024 г. по делу № 1-31/2024. Михайловский районный суд Волгоградской области. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.05.2025).

² URL: <https://adminsuzemka.ru> (дата обращения: 28.05.2025).

Список источников

1. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 142 с.
2. Российское уголовное право. Т. 1: Преступление. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 602 с.
3. Шеслер А. В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2002. Вып. 5. С. 25–32.
4. Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1980. 151 с.
5. Тыдыкова Н. В. Половые преступления: закон, теория, практика. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2023. 320 с.
6. Пинягина Е. С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 240–247.
7. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ольга Владимировна

Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
Россия, 656062, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49
E-mail: ermakova_alt@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4664-582X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Ermakova

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Barnaul Law Institute Military of Interior of Russia
49 Chkalova str., Barnaul 656062, Russia
E-mail: ermakova_alt@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4664-582X

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

Научная статья
УДК 343.2
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-182-187

С. 182–187

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК АДРЕСАТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПООЩРЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА

Екатерина Валерьевна Тарасова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
catarina.sova@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-0114-5742>

Аннотация. В современном российском уголовном праве и законодательстве возмещение вреда, причиненного преступлением, заняло позицию ведущего условия предоставления поощрения виновному лицу. Вместе с тем данный процесс на практике сопровождался формированием противоречий устоявшейся доктрине, что ныне вызывает необходимость анализа понимания адресата возмещения вреда в ситуациях, когда в силу совершенного преступления наступила смерть потерпевшего, а также в отношении деяний, где его признаки вовсе отсутствуют в норме закона. Основываясь на научных исследованиях, примерах из практики, в том числе полученных автором эмпирических данных, отмечается, что освобождение от ответственности следует считать невозможным, если потерпевший вследствие совершенного в отношении него преступления погиб, поскольку возмещение вреда близким лицам потерпевшего не способно в полной мере восстановить нарушенное общественное отношение, охраняющее жизнь человека. Применительно к деяниям, где отсутствует четко идентифицируемый потерпевший и общественно опасное последствие, нашедшее отражение в реальном мире, автор полагает считать допустимым поощрение виновного в виде освобождения от ответственности. При этом адресатом заглаживания вреда в такой ситуации, исходя из материального признака преступления, является все общество, а объем данного возмещения должен быть закреплен законодательно. В качестве вывода автором было выделено четыре группы потерпевших, которым может быть адресовано возмещение вреда, причиненного преступлением, для получения уголовно-правового поощрения. С указанными в работе уточнениями и изъятиями к таковым должны относиться физические и юридические лица, а также государство и общество.

Ключевые слова: возмещение ущерба, заглаживание вреда, уголовно-правовое поощрение, освобождение от ответственности, потерпевший

Для цитирования: Тарасова Е. В. Потерпевший как адресат возмещения вреда и уголовно-правовое поощрение преступника // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 182–187. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-182-187

Research article

THE VICTIM AS THE ADDRESSEE OF COMPENSATION FOR HARM AND CRIMINAL LEGAL ENCOURAGEMENT OF THE OFFENDER

Ekaterina V. Tarasova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
catarina.sova@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-0114-5742>

Abstract. In modern Russian criminal law and legislation, compensation for harm caused by a crime has taken the position of the leading condition for providing incentives to the perpetrator. At the same time, this process in practice was accompanied by the formation of contradictions to the established doctrine, which, in particular, necessitates the analysis of the recipient's understanding of compensation for harm in situations where the victim died due to the crime committed, as well as in relation to acts where its signs are completely absent in the norm of the law. Based on scientific research and practical examples, including empirical data obtained by

the author, it is noted that exemption from liability should be considered impossible if the victim died as a result of a crime committed against him, since compensation for harm to the victim's loved ones is not able to fully restore the violated social attitude that protects human life. With regard to acts where there is no clearly defined victim and a socially dangerous consequence reflected in the real world, the author considers it acceptable to encourage the perpetrator in the form of release from responsibility. At the same time, the recipient of compensation for harm in such a situation, based on the material attribute of the crime, is the whole society, and the amount of this compensation should be fixed by law. As a conclusion, the author identified four groups of victims to whom compensation for damage caused by a crime can be addressed in order to receive criminal legal encouragement. With the clarifications and exceptions specified in the work, these should include individuals and legal entities, as well as the state and society.

Keywords: compensation for damage, reparation for harm, criminal legal encouragement, release from liability, victim

For citation: Tarasova EV. The Victim as the Addressee of Compensation for Harm and Criminal Legal Encouragement of the Offender. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):182-187. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-182-187

Введение

В настоящее время в российском уголовном законодательстве и практике сложилось неоднозначное понимание потерпевшего как адресата возмещения ущерба и заглаживания вреда при решении вопроса о применении в отношении виновного лица поощрительных норм.

Указанная неопределенность осложняет проведение корректной оценки снижения общественной опасности преступника, поскольку в силу различных обстоятельств, связанных с объективными факторами или законодательным описанием, критерии определения потерпевшего не всегда очевидны. Особенно ярко данная проблема выражена в основаниях, где возмещение вреда является базовым условием освобождения (ст. 76 и 76.2 УК РФ), поскольку здесь достижение реального восстановления нарушенных общественных отношений и прав приобретает первостепенное значение.

Материалы и методы

В работе использованы уголовно-правовые нормативные акты, регламентирующие вопросы освобождения от ответственности и определяющие понятие потерпевшего, а также научные труды, содержащие связанные с изучаемым предметом выводы. Основу проводимого исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, анализ теоретических, нормативных правовых и правоприменительных источников.

Описание исследования

В первую очередь необходимо рассмотреть случаи, когда потерпевший в силу совершенного в отношении него преступления погиб. На сегодняшний день на практике в подобного рода делах освобождение от ответственности является допустимым, а возмещение вреда производится в адрес родственников, близких пострадавшему лиц. Таким образом, очевидно, что для применения уголовно-правового поощрения потерпевший понимается в уголовно-процессуальном значении (ст. 5 и 42 УПК РФ).

Рассмотрим примеры из практики. Е. А. С., обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшее по неосторожности смерть человека), был освобожден от ответственности с назначением судебного штрафа в размере 25 000 рублей¹. Главным образом данное решение было мотивировано тем, что виновный возместил материальный и моральный вред путем передачи родственникам пострадавшего денежных средств в общей сумме 490 000 рублей.

В ином деле виновная в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, А. З. М. также была освобождена от ответственности в связи с примирением сторон (статья 76 УК РФ)². Следует отметить, что в данном случае потерпевших было двое: одному был причинен тяжкий вред здоровью, а второму — смерть. Для принятия решения об освобождении от ответственности суду хватило установления факта принесения извинений, компенсации затрат на похороны погибшего и оплату лечения пострадавшего, а также возмещения морального вреда. Кроме того, подсудимая загладила вину и перед обществом путем проведения благотворительной акции по ремонту дороги и пожертвования нуждающимся детям. При этом следует обратить внимание, что суд в своем решении указывает, что А. З. М. «нейтрализовала вредные последствия содеянного», что в случае смерти лица представляется спорным, поскольку общественно вредное последствие уже наступило, поэтому его нейтрализация должна считаться невозможной.

Исходя из этого, необходимо рассмотреть вопрос о правомерности сформировавшегося подхода.

¹ Постановление Ленинского районного суда г. Чебоксары от 8 октября 2020 года № 1-447/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oMT89i7673bH/> (дата обращения: 10.05.2025).

² Постановление Новолакского районного суда Республики Дагестан от 30 января 2024 года № 1-6/2024 // ГАС «Правосудие». URL: https://novolakskiy-dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=194390019&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.05.2025).

По нашему мнению, такое широкое понимание «потерпевшего» и заимствование данного понятия из УПК РФ недопустимо, поскольку возместить или загладить вред, получив при этом самое существенное и весомое уголовно-правовое поощрение, можно только перед непосредственным потерпевшим, то есть лицом, чьи охраняемые законом права и интересы были нарушены. Компенсация морального вреда родственникам погибшего, возмещение затрат на его похороны и иные действия подобного рода ни коим образом не содействуют восстановлению нарушенного права на жизнь.

Отметим, что в научной среде многие авторы придерживаются близкой точки зрения. Например, О. Н. Кузьмина пишет, что «освобождение от уголовной ответственности невозможно, если результатом совершенного деяния явилась смерть человека» [1, с. 15]. Схожие доводы приводились исследователями концепции восстановительного правосудия. Так, А. А. Арутюнян заключала, что реализация восстановительных процедур невозможна в случаях, если последствия преступного деяния носят необратимый характер, в частности, смерть потерпевшего [2, с. 17]. Кроме того, автор указывала на то, что условия, устанавливаемые в данных процедурах, должны быть разумными, то есть выполнимыми, эффективными и в наибольшей степени учитывающими интересы сторон [3, с. 71–72]. А как учесть интересы стороны, которой больше в объективной реальности не существует?

Важно обратить внимание, что в уголовных законах некоторых стран, близких по своим правовым истокам к УК РФ, подобный запрет закреплен прямо. Например, в ч. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан установлено, что освобождение в связи с примирением с потерпевшим возможно только в отношении лиц, совершивших уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти¹.

В последние годы укоренять данный взгляд в своих определениях начал и Верховный Суд РФ. Так, рассматривая представление заместителя Генерального прокурора РФ об оспаривании освобождения Е. И. В. от ответственности с назначением судебного штрафа за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, ВС РФ справедливо отметил, что судом первой инстанции факт смерти потерпевшего был оставлен без внимания, «а потому вывод суда о полном возмещении причиненного ущерба не может быть признан обоснованным»².

Таким образом, по нашему мнению, поощрение виновного в совершении преступления, где потерпевшим

является физическое лицо, определенно следует считать невозможным, если в силу этого наступила его смерть.

Отдельный интерес представляют ситуации, когда фактически из уголовно-правовой нормы не следует наличие потерпевшего, выделить его признаки невозможно. Речь идет о таких деяниях, которые характеризуются отсутствием общественно опасного последствия, например, ряд преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности (ст. 222, 228, 232, 242, 327 УК РФ) и т. п.

В отношении подобных деяний общепринятой практикой является заглаживание вреда перед всем обществом, совершаемое путем направления денежных средств или иной материальной помощи социальным учреждениям (образовательные учреждения, дома престарелых, благотворительные фонды и т. п.).

Например, обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 232 УК РФ (систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств), П. А. В. был освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере 7 000 рублей³. Основанием принятия такого решения выступило признание вины, а также заглаживание вреда путем внесения благотворительной помощи в детский сад в виде 200 воздушных шаров общей стоимостью 2 000 рублей.

Или иной пример: виновный в совершении незаконного приобретения, хранения огнестрельного оружия и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ) А. В. Н. был освобожден от ответственности с назначением судебного штрафа в размере 10 000 рублей⁴. В качестве действий, снижающих его общественную опасность и мотивирующих возможность поощрения, суд признал оказание благотворительной помощи в размере 2 000 рублей в пользу «Красного креста».

Как видно, объем заглаживания вреда часто представляет незначительные размеры. Если сравнивать его с социально значимыми денежными суммами (МРОТ или прожиточный минимум), то можно сделать однозначный вывод о его номинальном характере, не способном выражать подлинное раскаяние и снижение общественной опасности виновного лица.

Для целей настоящего исследования было изучено 121 постановление суда, где виновный освобождался от ответственности по основаниям, связанным с возмещением вреда, что позволило выявить ряд закономерностей и проблем.

Анализ дел показал, что в среднем размер заглаживания при отсутствии потерпевшего составляет сум-

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (по состоянию на 2 января 2025 года) // ИПС «Адилет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.05.2025).

² Определение кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 2 мая 2024 года № 12-УДп24-2К6 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf/2361302 (дата обращения: 09.05.2025).

³ Постановление Туркменского районного суда Ставропольского края от 28 апреля 2021 года № 1-39/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/59219361/extended> (дата обращения: 09.05.2025).

⁴ Постановление Нерчинско-Заводского районного суда Забайкальского края от 16 ноября 2021 года № 1-85/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/64086923/extended> (дата обращения: 09.05.2025).

му в 19 042,5 рубля, в самых же вопиющих, по нашему мнению, случаях таковое ограничивалось только принесением извинений в адрес Российской Федерации. Например, П. С. Н. и П. К. С., виновные в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ (организация занятия проституцией другими лицами), были освобождены от ответственности с назначением судебного штрафа в размере 150 000 рублей. При этом суд посчитал «достаточным для признания заглаженным причиненного вреда общественным отношениям извинений каждого из обвиняемых, раскаяния и обещаний впредь подобного не повторять»¹.

В ином деле обвинявшийся в совершении совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272 и ч. 2 ст. 273 УК РФ, Б. Г. С. был также освобожден от ответственности с назначением судебного штрафа в размере 30 000 рублей, при этом в качестве заглаживания вреда виновный ограничился только принесением извинений².

Выявленный факт ставит вопрос об оценке вреда, нанесенного общественным отношениям, в том числе в денежном выражении. Ведь очевидно, что в случаях, когда потерпевший есть, размер возмещения может определяться им самим или, в сущности, равен фактически причиненному преступлением материальному ущербу, тратам на восстановления физического или психического здоровья, или оценивается в тарифах, установленных государством (например, в экологических преступлениях³).

Однако, когда потерпевший неконкретизируем, оценить размер нанесенного вреда, на первый взгляд, невозможно и некому, поскольку, хотя это мог бы делать государственный обвинитель, по факту его мнение даже относительно возможности освобождения в 55 % исследованных случаев судом во внимание не принималось. Вследствие чего на практике размер и вид такого возмещения определяет сам виновный, что вызывает казусы по типу заглаживания вреда в виде принесения извинений или покупки воздушных шаров для детского дома, что далеко не всегда соотносимо со степенью и характером опасности деяния.

¹ Постановление Центрального районного суда г. Хабаровска Хабаровского края от 30 марта 2018 года № 1-188/2018 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/33470973/extended> (дата обращения: 10.01.2025).

² Постановление Брянского районного суда Брянской области от 23 мая 2022 года № 1-110/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/70085442/extended> (дата обращения: 09.05.2025).

³ См., напр.: Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам: постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 1321 (ред. от 8 сентября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 46. Ст. 7063; Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 г. № 1730 (ред. от 18 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1. Ст. 25.

По нашему мнению, такой подход, где виновному дается право самостоятельно определять объем заглаживания вреда, что в большинстве случаев влечет за собой предоставление уголовно-правового поощрения, является неправомерным. Конечно, отказы в освобождении встречаются [4, с. 132–135], однако чаще всего правоохранительные органы не осмеливаются избирать подобный путь в силу сложности мотивирования.

Исходя из этого, в рамках рассматриваемой проблемы необходимо установить конечного адресата возмещения вреда в подобных делах.

Очевидно, что заглавить вред или возместить ущерб можно только перед конкретной фигурой, которая обозначается в качестве потерпевшего. Как было показано ранее, в отраслях уголовного цикла не сложилось единого понимания данного термина. Единственным актом, прямо закрепляющим таковое понятие, является УПК РФ, где в ст. 42 указывается, что им может быть физическое лицо, если ему причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации. Таким образом, с позиции приведенного определения не представляется возможным обосновать освобождение виновных лиц от ответственности по основаниям, связанным с возмещением вреда, относительно преступлений, где потерпевшего нет.

Отрасль уголовного права, хотя и не содержит законодательного закрепления рассматриваемого понятия, однако всегда соотносила его с лицом, непосредственно пострадавшим от преступления [5, с. 105]. На практике же потерпевший и вовсе понимается широко, охватывая государство и общество, что, во-первых, следует из фактического направления денежных средств и иной помощи в адрес государственных учреждений социальной направленности; во-вторых, закономерно исходит из материального признака преступления.

Отметим, что подобные выводы нередко можно встретить в научной литературе. Например, Р. А. Сабитов справедливо указывает, что «потерпевшими от преступления должны признаваться не только физические и юридические лица, но и общество, органы власти, а также объединения граждан, не обладающие признаками юридического лица» [6, с. 24]. По мнению ученого, обществу и государству могут быть причинены разнообразные виды вреда: экологический, политический, управленческий, вред законным интересам, вред обороноспособности страны, вред в сфере осуществления правосудия, вред материальным и духовным ценностям общества и др. [6, с. 22–23].

Итак, признание государства, общества или его части в качестве потерпевших, а следовательно, и адресатов возмещения вреда не противоречит сложившейся доктрине. Тем не менее в силу эфемерности сущности и оценка такового вызывают затруднения. По своему характеру он явно не соотносим ни с одной из перечисленных в законе категорий вреда, а скорее находит

выражение в презюмируемом нарушении сложившихся в конкретном обществе отношений.

Исходя из этого, не отвергая саму по себе возможность уголовно-правового поощрения лиц, виновных в совершении преступлений без явного потерпевшего, поскольку иное противоречило бы доктрине, следует предложить ряд ограничений, связанных с освобождением от ответственности по основаниям, где одним из условий выступает заглаживание вреда.

Во-первых, освобождение в такого рода деяниях следует считать возможным во всех случаях, когда потерпевшим выступает государство, общество или его часть, если ущерб (вред), причиненный преступлением, выражен в объективной реальности и поддается оценке.

Например, при совершении преступления в сфере налогообложения ущерб причиняется государству как политико-правовой организации общества, имеющей налоговую систему, которая направлена на обеспечение жизнедеятельности данного государства. Сумма данного ущерба всегда выражена в определенном размере средств, не поступивших в бюджет.

Во-вторых, основываясь на выводах о том, что вред, причиняемый общественным отношениям, но не находящий выражение в объективной реальности, не поддается адекватной оценке, законодателю совместно с правоприменителем предлагается выработать критерии, тарифы, таксы, минимальные лимиты заглаживания такого вреда. К слову, правоохранительные органы сами нередко в своих решениях указывают на неурегулированность вопроса о размере заглаживания в подобных делах¹.

¹ Постановление Рубцовского районного суда Алтайского края от 12 октября 2021 года № 1-82/2021 // Судебные решения РФ.

Данное ограничение способно пресечь существующий не первый год правоприменительный произвол и повысить эффективность уголовно-правового воздействия на виновных лиц.

Заключение и вывод

Таким образом, для целей поощрения виновного лица под потерпевшим как адресатом возмещения ущерба или заглаживания вреда в уголовном праве РФ следует понимать:

а) физическое лицо, которому преступлением был причинён физический, имущественный или моральный вред.

Вместе с тем совершенное деяние не повлекло за собой смерть потерпевшего. В ином случае восстановление нарушенного общественного отношения, охраняющего жизнь, следует считать невозможным;

б) юридическое лицо, которому преступлением был причинён имущественный вред, вред деловой репутации;

в) государство, если в результате преступления его организационным структурам был причинён имущественный вред, который, в свою очередь, поддается оценке;

г) все общество либо его часть, конкретизированная по определённому признаку (семья, группа верующих определённой религии, добросовестные предприниматели и т. п.), в случае причинения ему (им) вреда посредством нарушения общественных отношений, однако не нашедшее выражения в объективной реальности.

URL: <https://судебныерешения.рф/63414392/extended> (дата обращения: 09.05.2025).

Список источников

1. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 210 с.
2. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 32 с.
3. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. Москва: Инфотропик Медиа, 2013. 200 с.
4. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Орёл, 2022. 214 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 400 с.
6. Сабитов Р. А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1. С. 17–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Екатерина Валерьевна

Преподаватель кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: catarina.sova@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-0114-5742

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Tarasova

Lecturer at the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalyov, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620066, Russia
E-mail: catarina.sova@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-0114-5742

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.05.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.06.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2025.

Научная статья
УДК 34.037
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-188-193

С. 188–193

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО СУДА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Елена Анатольевна Михайлова

Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Российская Федерация
zunami1976@mail.ru

Аннотация. Изучение проблемы недобросовестного поведения участников дел о несостоятельности (банкротстве) актуально в современных условиях правосудия. Анализируется формирующаяся судебная практика арбитражных судов по вынесению частных определений в делах о несостоятельности (банкротстве), основания их вынесения, вопросы недобросовестного поведения участников дел о несостоятельности (банкротстве) и его пресечения; привлечение арбитражных управляющих к административной ответственности за выявленные нарушения в делах о несостоятельности (банкротстве). Предложены рекомендации для пресечения недобросовестного поведения участников дел о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: частное определение, арбитражный суд, недобросовестное поведение, арбитражный управляющий, кредитор, должник, банкротство

Для цитирования: Михайлова Е. А. Частное определение арбитражного суда как эффективный правовой инструмент пресечения недобросовестного поведения участников арбитражного процесса в делах о несостоятельности (банкротстве) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 188–193. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-188-193

Research article

THE MAIN VIOLATIONS COMMITTED BY PARTICIPANTS IN THE JUDICIAL PROCESS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES. SPECIAL RULING OF THE ARBITRATION COURT AS AN EFFECTIVE LEGAL INSTRUMENT FOR SUPPRESSING MISCONDUCT OF PARTICIPANTS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Elena A. Mikhailova

Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation
zunami1976@mail.ru

Abstract. Research on the unfair behavior problems of participants in insolvency (bankruptcy) cases is relevant in modern conditions of justice; analyzes the emerging judicial practice of the arbitration courts on issuing private rulings in insolvency (bankruptcy) cases, the grounds for their issuance, issues of misconduct of participants in insolvency (bankruptcy) cases and its suppression; bringing arbitration managers to administrative responsibility for identified violations in insolvency (bankruptcy) cases. The author propose recommendations to prevent misconduct of participants in insolvency (bankruptcy) cases.

Keywords: private ruling, arbitration court, misconduct, arbitration manager, creditor, debtor, bankruptcy

For citation: Mikhailova E. A. Private Ruling of the Arbitration Tribunal as an Effective Legal Instrument to Prevent Unfair Behavior of Participants in the Arbitration Process in Insolvency (Bankruptcy) Cases. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):188-193. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-188-193

Введение

Вопросы добросовестного поведения лиц, участвующих в деле, и их представителей в суде стоят крайне остро. В настоящее время лица, участвующие в деле, как будто соревнуются. Кто удачнее введет в заблуждение суд? Кто лучше скроет документы от суда первой инстанции, чтобы затем удачно представить в апелляцию для отмены судебного акта суда первой инстанции? Фальсификация доказательств и необоснованные заявления о фальсификации доказательств становятся нормой в понимании представителей сторон — профессионалов, обладающих высшим юридическим образованием и практическим опытом. Это неприемлемо! Это результаты крайне негативного понимания сторонами своих процессуальных обязанностей и низкого (а вернее, полного отсутствия) правосознания. В каком порядке такое допустимо? Наш правопорядок в лице законодателя, пусть и постепенно, но верными шагами идет по пути недопустимости и пресечения недобросовестного поведения лиц, участвующих в арбитражном процессе. Особенно остро проблема недобросовестного поведения участников процесса наблюдается в делах о несостоятельности (банкротстве). Суд, осуществляющий контроль процедуры банкротства, не имеет права «закрывать глаза» на нарушение закона участниками спора. Суд обязан применять меры для пресечения недобросовестного поведения сторон в судебном заседании. И вопросы применения необходимых для этого процессуальных инструментов с каждым днем (вернее, с каждым судебным заседанием!) приобретают свою актуальность (уже в геометрической прогрессии). Попытка проанализировать практику применения арбитражными судами частного определения как правового инструмента пресечения недобросовестного поведения участников процесса и предпринята автором в настоящей статье.

Материалы и методы

В статье использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы вынесения частных определений за невыполнение требований банкротного законодательства. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ нормативных правовых источников и судебной практики арбитражных судов.

Описание исследования

В чем заключается добросовестность участников дел о несостоятельности (банкротстве)?

По мнению автора, добросовестность участника дела о несостоятельности (банкротстве) — это:

1. Выполнение требований Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1].
2. Выполнение требований иных законодательных актов Российской Федерации.
3. Выполнение требований суда, изложенных в судебных актах (решения, определения арбитражного суда).

И как часто в судебном заседании суду приходится слышать от участников процесса доводы о том, что на них распространяется только Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Требования иных законодательных актов Российской Федерации, включая Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, и выполнение требований суда, оказывается, по их мнению, на участников банкротных дел не распространяется. Данная позиция зачастую и приводит к печальным последствиям в виде недобросовестного процессуального поведения.

Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации в целях воспрепятствования недобросовестному поведению лиц, участвующих в деле, усложняющих и затягивающих судебный процесс, злоупотребляющих своими правами и не выполняющих возложенные законом и судом обязанности, предусмотрены способы процессуального воздействия.

Федеральным законом от 02.03.2016 № 47-ФЗ с 01 июля 2016 г. введена в действие норма, предусматривающая основания для применения арбитражным судом института частных определений.

В соответствии со ст. 188.1 АПК РФ, при выявлении в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение. Частное определение обязательно для исполнения органами публичной власти и должностными (иными) лицами, которые в течение месяца со дня получения частного определения обязаны сообщить о принятых ими мерах.

Довольно продолжительное время юридический мир полагал, что норма ст. 188.1 АПК РФ является «мертвой». Полагаю, что пришла пора опровергнуть этот миф. Институт частных определений, нашедший свою реализацию в ст. 188.1 АПК РФ, на мой взгляд, является одним из самых действенных институтов борьбы с недобросовестным поведением лиц, участвующих в деле, которые злоупотребляют своими процессуальными правами. Следует отметить также и такую функцию частного определения в арбитражных спорах (особенно в делах о несостоятельности (банкротстве)) как предупреждение (превентивность) правонарушений в деятельности лиц, участвующих в деле. Таким образом, частное определение в арбитражных спорах является эффективным правовым инструментом пресечения недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле, и дальнейшего предупреждения правонарушений в действиях лиц, участвующих в деле.

Анализ судебной практики показывает, что частные определения выносятся арбитражными судами с целью пресечения недобросовестного поведения в отношении арбитражных управляющих, кредитора,

должника, иных лиц (например, в отношении государственных органов).

В качестве оснований для вынесения частных определений в делах о несостоятельности (банкротстве) в отношении арбитражных управляющих и привлечения управляющих к административной ответственности арбитражные суды указывают следующие нарушения закона:

1. Неоднократные нарушения временным управляющим норм Закона о банкротстве, связанные с неисполнением обязанности по своевременному созыву и проведению первого собрания кредиторов должника и положений ст. 67 Закона о банкротстве, что повлекло нарушение прав и законных интересов кредиторов в виде несоблюдения установленного процессуального срока для рассмотрения дела о банкротстве должника [2].

2. Неисполнение конкурсным управляющим неоднократных требований арбитражного суда о представлении отчета и доказательств, свидетельствующих о проводимых управляющим мероприятиях конкурсного производства [3].

3. Непредставление отчета о ходе процедуры конкурсного производства, в том числе в срок, установленный определениями суда, и отсутствие сведений относительно проведенных мероприятий в процедуре банкротства должника [4].

4. Неоднократное непредставление отчета о ходе процедуры конкурсного производства, в том числе в срок, установленный определениями суда, отчета об использовании денежных средств должника с приложением подтверждающих документов и отчета о результатах выбора кредиторами способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности [5].

5. Невключение арбитражным управляющим в отчет о результатах процедуры конкурсного производства всех обязательных сведений (информации) [6].

6. Включение арбитражным управляющим в отчет о результатах процедуры конкурсного производства недостоверной информации [7].

7. Нарушение срока и порядка проведения первого собрания кредиторов [8].

8. Нарушение порядка очередности удовлетворения требований кредиторов [9].

9. Не представление арбитражным управляющим в арбитражный суд подлинного протокола собрания кредиторов и иных документов, предусмотренных п. 7 ст. 12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве), существенное нарушение порядка извещения о предстоящем собрании кредиторов, что ограничило возможность участия в собрании одного из кредиторов должника [10].

10. Непроведение и непредставление в арбитражный суд финансовым управляющим должника анализа финансового состояния должника [11].

11. Непроведение и непредставление в арбитражный суд финансовым управляющим должника заклю-

чения о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства должника [12].

12. Непредставление арбитражным управляющим в арбитражный суд отчета о движении денежных средств [13].

13. Непроведение собрания кредиторов должника по требованию уполномоченного органа [14].

14. Бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в непроведении реализации имущества должника на торгах [15].

15. Ненадлежащее исполнение обязанностей финансового управляющего, выразившееся в затягивании процедуры банкротства должника и неприменении мер, направленных на расчет с конкурсными кредиторами должника [16].

16. Использование арбитражным управляющим личного банковского счета (без открытия специального банковского счета) для целей проведения торгов по продаже имущества должника [17].

17. Ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим своих обязанностей, выразившееся в неисполнении норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в части опубликования сведений о признании гражданина несостоятельным (банкротом) и введении процедуры банкротства физического лица — реализации имущества гражданина [18].

18. Недолжное исполнение возложенных на финансового управляющего обязанностей и недобросовестное поведение управляющего, приведшее к тому, что в конкурсную массу не поступили значительные денежные средства, которые подлежали после погашения соответствующих расходов процедуры банкротства перечислению кредитору [19].

19. Вопреки указаниям решения суда и определений суда, в установленные решением и определениями суда сроки и непосредственно в судебные заседания финансовый управляющий не представил отчеты о проделанной работе с документами, подтверждающими в отчетах сведения, то есть свидетельствующими о деятельности финансового управляющего в ходе процедуры банкротства должника; сведений об уважительности причин неявки финансового управляющего в судебные заседания и неисполнения им требований вступивших в законную силу судебных актов, вопреки положениям ч. 1 ст. 16 АПК РФ, суду не представлено [20].

20. Действия арбитражного управляющего, связанные с неисполнением требований судебных актов арбитражного суда, свидетельствуют о проявлении арбитражным управляющим явного неуважения к суду, а также влекут вынужденное очередное отложение рассмотрения дела о банкротстве должника (не исполнены определения суда о представлении всех необходимых доказательств в обоснование ходатайства о завершении процедуры реализации имущества должника-гражданина) [21].

21. Неоднократное непредставление финансовым управляющим, в том числе в установленные решением и определениями суда сроки, отчетов о ходе и результа-

тах реализации имущества гражданина с документами, подтверждающими в отчетах сведения.

По указанному основанию Арбитражным судом Челябинской области вынесено 53 частных определений (1 — в 2018 г., 5 — в 2019 г., 2 — в 2020 г., 14 — в 2021 г., 14 — в 2022 г., 15 — в 2023 г., 1 — в 2024 г., 1 — в 2025 г.) [22].

Также в практике Арбитражного суда Челябинской области в качестве оснований для вынесения частных определений и привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности явились следующие основания:

1. В рамках дела № А76–53910/2019 судом вынесено частное определение от 13.04.2021 *по выявленному факту заинтересованности финансового управляющего по отношению к кредитору* на основании информации, предоставленной Межрегиональным управлением Росфинмониторинга по Уральскому федеральному округу [23].

2. Выявленный *факт заинтересованности арбитражного управляющего по отношению к должнику*. Так, интересы должника в деле о банкротстве представляла бывшая супруга арбитражного управляющего; кроме того, адрес представителя должника и арбитражного управляющего совпали [24].

3. В связи с *установлением факта заинтересованности арбитражного управляющего по отношению к должнику*, поскольку в ходе рассмотрения дела судом установлено, что юристы, представляющие интересы должника, работают в той же юридической компании, что и арбитражный управляющий [25].

Но не только арбитражные управляющие допускают факты недобросовестного поведения в делах о несостоятельности (банкротстве). Факты недобросовестного поведения судом одинаково выявляются и в отношении других участников банкротных дел.

Так, в качестве оснований для вынесения частных определений в делах о несостоятельности (банкротстве) в отношении иных лиц арбитражные суды указывают следующие нарушения закона:

– в качестве основания для вынесения частного определения в деле о несостоятельности (банкротстве) в отношении государственного органа – Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Брянской области, арбитражный суд указал на нарушение государственным органом требований Закона о банкротстве в части, касающейся прав и полномочий арбитражного управляющего, выразившееся в отказе предоставления необходимых доказательств (документов) по делу, что существенно затруднило исполнение арбитражным управляющим своих обязанностей внешнего управляющего и увеличило сроки рассмотрения дела о банкротстве [26];

– в качестве основания для вынесения частного определения в рамках обособленного спора в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица Арбитражным судом Челябинской области вынесено частное определение в отношении эксперта,

проводившего судебную экспертизу по поручению суда, за многократное продление срока проведения судебной экспертизы и непредставление заключения эксперта в материалы дела. Частное определение направлено в саморегулируемую организацию, членом которой являлся эксперт [27].

Автор полагает важным также отметить следующее.

Федеральным законом от 12.1.2019 № 374-ФЗ в ст. 188.1 АПК РФ введена часть 4, которая прямо закрепила полномочия арбитражного суда направлять копию частного определения в органы дознания и следствия при выявлении признаков преступления в действиях лиц, участвующих в деле. Сообщение арбитражным судом в правоохранительные органы о подтвердившихся в порядке арбитражного судопроизводства заявлениях о фальсификации доказательств соответствует предусмотренным в ст. 2 АПК РФ задачам судопроизводства в арбитражных судах.

Так, в 2021 г. Арбитражным судом Челябинской области по заявлению одного из кредиторов вынесено *частное определение в отношении* другого кредитора по признакам нарушения положений ч. 1 ст. 303 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия, поскольку факт представления суду сфальсифицированных документов установлен судом в ходе рассмотрения обособленного спора по результатам назначенной судебной экспертизы по сроку давности изготовления документов [28]. В 2022 г. Арбитражным судом Челябинской области за представление суду сфальсифицированного документа *в отношении должника-гражданина вынесено частное определение* по признакам нарушения положений ч. 1 ст. 303, ст. 327 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия [29].

По всем вынесенным Арбитражным судом Челябинской области частным определениям состоялись меры реагирования в виде привлечения к административной или уголовной ответственности участников банкротства, а заинтересованные арбитражные управляющие покинули процедуры банкротства в добровольном (через освобождение арбитражного управляющего с процедуры банкротства) либо принудительном порядке (через отстранение арбитражного управляющего с процедуры банкротства и (или) его дисквалификацию).

Заключение и вывод

Таким образом, анализ судебной практики убедительно показывает, что арбитражными судами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) в полной мере реализуются положения ст. 188.1 АПК РФ. Российским арбитражным судопроизводством пресекается недобросовестное поведение участников банкротных дел и дисциплинируется их процессуальное поведение, принимаются меры превентивности нарушений. Подводя итог, можно сделать уверенный вывод о том, что частные определения выступают эффективным правовым инструментом в делах о несостоятельности (банкротстве).

Между тем из буквального прочтения нормы ст. 188.1 АПК РФ следует, что вынесение частного определения является правом суда. Полагаю, что **арбитражный суд** во всех арбитражных спорах (а особенно в делах о несостоятельности (банкротстве)) **обязан занимать активную позицию** как орган, осуществляющий контроль за процедурой банкротства должника, а, следовательно, незамедлительно реагировать на любые нарушения закона в ходе процедуры банкротства как стороны арбитражного управляющего, так и стороны иных участников банкротного дела. Активная роль суда в пресечении выявленного недобросовест-

ного поведения участника банкротного спора позволит не допустить злоупотреблений в процедуре банкротства, будет дисциплинировать действия участников процесса и своевременно предотвращать возможные негативные последствия от их недобросовестного поведения, в первую очередь, сокращая сроки рассмотрения самого банкротного дела и обособленных споров в рамках него. Следовательно, норма ст. 188.1 АПК РФ нуждается в изменении: полагаю, что **суд не вправе, а обязан реагировать на выявленное в ходе судебного разбирательства нарушение закона**, тем более, в делах о несостоятельности (банкротстве).

Список источников

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
2. Частное определение Арбитражного суда города Москвы от 11.07.2017 по делу № А40-114028/2016, оставлено без изменений постановлением Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2018.
3. Частное определение Арбитражного суда Камчатского края от 21.06.2016 по делу № А24-999/2009.
4. Частное определение Арбитражного суда Ростовской области от 11.12.2017 по делу № А53-11779/2015, оставлено без изменений постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.11.2018, постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.02.2019, определением ВС РФ от 29.05.2019 № 308-ЭС19-7626.
5. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 06.10.2021 по делу № А76-8841/2019.
6. Решение Арбитражного суда Челябинской области от Челябинской области от 26.09.2022 по делу № А76-22300/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.
7. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 06.09.2018 по делу № А76-10093/2018 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде административного штрафа, оставлено без изменений постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2018 № 18АП-14670/2018.
8. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 01.02.2023 по делу № А76-31556/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде административного штрафа.
9. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 28.05.2018 по делу № А76-880/2018 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде дисквалификации сроком на 6 месяцев, оставлено без изменений постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2018 № 18АП-8715/2018, постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 15.01.2018 № Ф09-8024/2018.
10. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 26.11.2018 по делу № А76-28566/2015; решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.04.2019 по делу № А76-5763/2019 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.
11. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 19.05.2022 по делу № А76-9082/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде дисквалификации, оставлено без изменений постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2022 № 18АП-7813/2022, постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 10.02.2023 № Ф09-8929/22.
12. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 19.05.2022 по делу № А76-9082/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде дисквалификации, оставлено без изменений постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2022 № 18АП-7813/2022, постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 10.02.2023 № Ф09-8929/22.
13. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 13.02.2023 по делу № А76-40573/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде административного штрафа, оставлено без изменений постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2023 № 18АП-3266/2023.
14. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.11.2022 по делу № А76-22298/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.
15. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.11.2022 по делу № А76-22298/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.
16. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 06.07.2020 по делу № А76-12780/2015 об удовлетворении жалобы на действия арбитражного управляющего, оставлено без изменений постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 23.09.2020; решение Арбитражного суда Челябинской области от 13.10.2021 по делу № А76-21115/2021 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде дисквалификации сроком на шесть месяцев.

17. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.02.2023 по делу № А76-384/2023 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде административного штрафа.

18. Частное определение Арбитражного суда города Москвы от 29.01.2018 по делу № А40-231066/2015, оставлено без изменений постановлением Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2018.

19. Частное определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 12.08.2021 по делу № А75-23523/2019, оставлено без изменений постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2021.

20. Частное определение Арбитражного суда города Москвы от 28.08.2018 по делу № А40-119230/17-124-166Б, оставлено без изменений постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2018.

21. Частное определение Арбитражного суда Орловской области от 25.03.2022 по делу № А48-2466/2020, оставлено без изменений постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2022 и постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 17.10.2022; частное определение Арбитражного суда Орловской области от 21.04.2017 по делу № А48-3128/2016, оставлено без изменений постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2017 и постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 23.10.2017.

22. Частные определения Арбитражного суда Челябинской области: от 13.02.2018 по делу № А76-30614/2017, от 23.09.2019 по делу № А76-4722/2019, от 08.10.2019 по делу № А76-4505/2019, от 23.11.2020 по делу № А76-52908/2019, от 11.02.2021 по делу № А76-16101/2020, от 17.05.2021 по делу № А76-44612/2020, от 10.06.2021 по делу № А76-34881/2020, от 10.10.2021 по делу № А76-23763/2020, от 29.11.2021 по делу № А76-11634/2021, от 06.12.2021 по делу № А76-17856/2021, от 10.01.2022 по делу № А76-47080/2020, от 14.02.2022 по делу № А76-12593/2021, от 04.04.2022 по делу № А76-9058/2021, от 21.06.2022 по делу № А76-47682/2020, от 22.08.2022 по делу № А76-17487/2021, от 31.10.2022 по делу № А76-17133/2021, от 22.02.2023 по делу № А76-49730/2020, от 27.02.2023 по делу № А76-7336/2019, от 24.04.2023 по делу № А76-5467/2022, от 15.05.2023 по делу № А76-23295/2022.

23. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 13.04.2021 по делу № А76-53910/2019; решение Арбитражного суда Челябинской области от 25.11.2021 по делу № А76-30385/2021 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде дисквалификации сроком на один год, оставлено в силе постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2022 № 18АП-18302/2021, постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 30.06.2022 № Ф09-3856/2022.

24. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 21.02.2022 по делу № А76-36170/2021; решение Арбитражного суда Челябинской области от 25.08.2022 по делу № А76-22475/2022 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.

25. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 24.10.2022 по делу № А76-6995/2022; решение Арбитражного суда Челябинской области от 16.05.2023 по делу № А76-10379/2023 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в виде предупреждения.

26. Частное определение Арбитражного суда Брянской области от 09.11.2017 по делу № А09-16692/2015, оставлено в силе постановлением Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2018.

27. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 13.07.2021 по делу № А76-1522/2015.

28. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 04.06.2021 по делу № А76-9979/2019.

29. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 12.01.2022 по делу № А76-3855/2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Елена Анатольевна

Судья Арбитражного суда Челябинской области
Россия, 454091, Челябинская обл., Челябинск, ул. Воровского, д. 2.
E-mail: zunami1976@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Mikhailova

Judge of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region,
Vorovskiy str., 2, Chelyabinsk, Chelyabinsk region, 454091, Russia.
E-mail: zunami1976@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.

ESCUELA 2013

www.правопорядок74.pф
www.pravoporyadok74.ru
pravoporyadok74@bk.ru